

АЛЕКСАНДР
БЛОК

Александр Блок

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

Под общей редакцией

В. Н. ОРЛОВА
А. А. СУРКОВА
К. И. ЧУКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1960

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1897—1904

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1960

*Вступительная статья,
подготовка текста
и примечания
В.Л. ОРЛОВА*

*Оформление художника
Н. И. Крылова*

О Т Р Е Д А К Ц И И

Настоящее собрание сочинений Александра Блока в восьми томах является наиболее полным из всех ранее выходивших. Задача его — представить все разделы обширного литературного наследия поэта, — не только его художественные произведения (лирику, поэмы, драматургию), но также литературную критику и публицистику, дневники и записные книжки, письма.

Вместе с тем, рассчитанное на широкий круг читателей, данное издание не является полным собранием сочинений академического типа. Такое собрание — дело недалекого будущего. В нашем издании собраны *все художественные произведения* А. Блока (они составляют томы первый — четвертый). Что же касается остальных разделов литературного наследия поэта, то из них сделаны некоторые, весьма незначительные, изъятия. Так, например, в разделе критической прозы опущены материалы, либо представляющие узкий, специальный интерес (студенческое зачетное сочинение «Болотов и Новиков», некоторые рецензии и отзывы о малозначительных книгах, примечания к произведениям Пушкина, Лермонтова, А. Григорьева), либо посящашие характер черновых набросков и конспективных записей. Перечень произведений А. Блока в прозе, не введенных в данное издание, будет помещен в заключительном, восьмом томе. За пределами издания остались также произведения, написанные А. Блоком в детском и отроческом возрасте (детские стихи в большей своей части опубликованы во втором томе «Полного собрания стихотворений» А. Блока, вышедшего в 1946 г. в большой серии «Библиотеки поэта»), и выполненные А. Блоком переводы иноязычных произведений в прозе: новелла И. П. Якобсена «Пусть розы здесь цветут» и «Де-

генда о святом Юлиане-Странноприимце» Г. Флобера (напечатанные в свое время за подпись А. Блока переводы нескольких рассказов К. Гамсона на самом деле были переведены женой поэта — Л. Д. Блок).

Дневники и записные книжки А. Блока публикуются с возможной в данном случае полнотой, со значительными добавлениями сравнительно с первыми их публикациями. Опущены лишь мелкие и разрозненные заметки в записных книжках, носящие по преимуществу деловой характер и уместные лишь в специальных изданиях.

Из обширного эпистолярного наследия А. Блока (в настоящее время выявлено около 1800 его писем) в наше издание могло войти лишь самое важное, представляющее общий интерес.

Для настоящего издания была предпринята проверка текстов по беловым и черновым рукописям и другим первоисточникам. Текстологические принципы издания изложены и обоснованы во вступительных заметках, предпосланных примечаниям к отдельным разделам литературного наследия А. Блока. Здесь следует лишь отметить, что в стихотворных и драматических произведениях поэта сохранены некоторые специфические особенности его орфографии и пунктуации.

В третьем томе помещен общий «Алфавитный указатель стихотворных произведений Александра Блока», в седьмом томе — «Хронологическая канва жизни и творчества Александра Блока», в восьмом томе — аннотированный «Указатель имен и названий», встречающихся в тексте произведений А. Блока.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Вступительный очерк

1

Александр Блок жил и творил в первое двадцатилетие XX века — века социальных катастроф, классовых битв, великих революционных переворотов. Он был свидетелем «всемирной смены двух всемирно-исторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма».¹

Настоящий, большой поэт всегда служит эхом мира, всегда чуток к подземному гулу истории, к ходу жизни, к тому, чем в данное время живут и во имя чего борются люди. Каждый большой поэт непременно открывает нечто новое в человеческой жизни, находит свое, неповторимо оригинальное выражение тем чувствам и мыслям, которые еще не были выражены в поэзии до него.

То новое и творчески самобытное, что внес в русскую и мировую поэзию Александр Блок, определяется особенностями исторического развития России в эпоху империализма и пролетарских революций.

Александр Блок родился в 1880 году. Детство и отрочество его пришлось на «те годы дальние, глухие», когда

В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл...

Писать начал Блок в конце девяностых годов, в 1903 году вступил в литературу. Полного расцвета и наиболее широкого

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 29, стр. 206.

размаха творчество его достигло в годы 1907—1916. И, наконец, последние крупные произведения поэта — «Двенадцать» и «Скифы» — были созданы уже в наше, советское время, в 1918 году. Умер поэт в 1921 году.

Жизнь России за эти сорок лет ознаменовалась важнейшими социально-политическими событиями и историческими сдвигами. Промышленный подъем, рост рабочего класса, новые формы освободительного движения и создание партии большевиков, поражение царской России в войне с Японией, революция 1905 года, тяжелое время политической и общественной реакции, затем — новый мощный подъем революционной борьбы, антинародная империалистическая война, свержение самодержавия, Великая Октябрьская революция, гражданская война и первые шаги по пути социалистического строительства — таковы эти решающие события и сдвиги.

На творчестве Александра Блока, на его мироощущении и поэтическом языке лежит глубокая печать эпохи. Человек великого исторического рубежа, он отразил в своих произведениях существенные черты этого бурного, переломного и поворотного времени, и отблеск русской революции лежит на его стихах, поэмах и драмах:

Мы все — невольно или вольно —
Свидетели великих лет...¹

Время, когда жил и писал Александр Блок, было особенно трудным, трагическим. «Мы — дети страшных лет России» — так характеризовал поэт себя и своих современников. Центральный лирический цикл зрелого Блока носит знаменательное заглавие: «Страшный мир».

Это было время, когда старая, царская, буржуазно- дворянская Россия дотягивала свои дни, но еще судорожно цеплялась за былое величие и была еще достаточно сильна для того, чтобы отчаянно сопротивляться все более крепнувшему напору освободительной борьбы народа. Россия была беременна революцией, но нужно было обладать орлиным взором Ленина, чтобы видеть неотвратимое и уже близкое торжество свободы. Подавляющее же большинство людей, даже очень чутких к жизни, гораздо остreee чувствовали неблагополучие и катастрофизм старого мира, нежели реально и здраво представляли себе облик мира

¹ «Рожденные в года глухие...» (первая редакция).

грядущего. Именно такое чувство с громадной впечатляющей силой выразил на своем поэтическом языке Александр Блок:

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, откой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, —
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри
И, как пугливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидая
И презирай этот свет,
Пускай грядущего не видя, —
Дням настоящим молвив: *нет!*

Александр Блок — поэт очень тонкий, сложный и противоречивый. Идеалистическое мировоззрение мешало ему проникнуть в природу действительных, объективных связей и закономерностей общественного бытия. Сознавая всю значительность развертывавшихся вокруг событий и полностью отдавая себе отчет в том, что они налагаются на писателя особую ответственность, Блок настойчиво стремился подняться на высоту понимания тех всемирно-исторических задач, которые стояли перед его родиной, перед его народом. «Только о великом стоит думать», — увержал он, — только большие задания должен ставить себе писатель; ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами».¹

Стремления поэта постичь и запечатлеть смысл исторической жизни своего времени не всегда и не во всем увенчивались успехом: кое в чем он ошибался, кое-чего не понимал. Усвоив в молодости некоторые ложные представления о жизни и об искусстве, он так и не сумел полностью освободиться из-под их власти. С необыкновенной остротой чувствуя обреченность старого мира и кризис его культуры, охваченный почти физическим ощущением приближающихся «неслыханных перемен» и «невиданных мятежей», Блок глубоко верил в будущее, в то, что должен наступить какой-то «новый век», который «взойдет средь всех несчастных поколений» и совершенно изменит лицо мира. Но очер-

¹ «Религиозные искания и народ» (1907).

тания будущего, равно как и реальное содержание того идеала, во имя которого нужно изменить и обновить жизнь, оставались для поэта в значительной мере неясными. В этом и заключалось главное противоречие его мировоззрения и творчества.

Сглаживать противоречия, свойственные Блоку, конечно не следует, но нужно помнить, что не они составляют душу его поэзии, а то, что им противостояло и что именно и сделало Блока великим национальным поэтом, — вечное беспокойство сердца, неотступная тревога за судьбы мира и человечества, высокое патриотическое воодушевление, преданная любовь к народу, презрение и ненависть к его врагам. Залог бессмертия поэзии Блока — в ее беспощадной правдивости и искренности. «Волею божией поэт и человек бесстрашной искренности», — так назвал Блока А. М. Горький.¹

Катастрофичность человеческого существования в эпоху империализма, под властью его вольных законов, бесстыдно обнажившиеся в «страшном мире» контрасты и противоречия социального бытия — все это ко многому обязывало художника, если только он намеренно не отворачивался от жизни. Художник должен был выбрать — с кем он, по какую сторону баррикады, будет ли он защищать отживший и обреченный на бесславную гибель старый мир, или же он с теми, кто вышел на борьбу во имя будущего. Блок сделал этот выбор — раз и навсегда, причем сделал его довольно рано, в грозовые дни первой русской революции. Впоследствии он имел право и основание сказать, обращаясь к тем, с которыми когда-то начинал свой литературный путь: «...нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й, когда я еще мало видел и мало сознавал в жизни». ²

Блок начал свою литературную деятельность в качестве участника декадентско-символистского движения, представлявшего в России на рубеже XIX и XX веков искусство буржуазного упадка. Идейно-эстетические принципы этого искусства сводились, в основном и главном, к пропаганде крайнего индивидуализма и полной незаинтересованности в служении «вопросам общественным», к погружению во всякого рода темные субъективно-идеалистические и мистические «учения», к противопоставлению «жалкой», «серой» действительности — и блаженных, иллюзорных «иных миров», во имя которых призван творить

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., 1938, стр. 87.

² Письмо к З. Н. Гиппиус (31 мая 1918 г.).

истинный художник — жрец и пророк, «маг» и «теург». Реальность исторической подоплекой декаданса была охватившая известный круг буржуазно-дворянской художественной интеллигенции боязнь грядущей революции, стремление укрыться от чреватой переменами действительности в якобы автономной области «чистого искусства» и всяческой фантазии.

С первых же шагов Блока в литературе его окружали по преимуществу такие писатели, которые, вопреки суворой правде жизни, пытались творить о ней «сладостные легенды». Равнодушные к народному горю, глухие к подземному гулу истории, они хотели уверить своих читателей, что живется им прекрасно и радостно, что старая, царская Россия — это и есть настоящий земной рай, в котором суждено процветать «новому Адаму».

Известно, с каким нескрываемым отвращением относился Блок к такой украшающей лжи. Чем больше росла писательская слава Блока, тем очевиднее становился разлад его с буржуазной литературной средой. С каждым годом он все больше уходит в себя, решительно и бесповоротно порывает связи со многими прежде близкими ему людьми, стремится как можно больше изолироваться от пестрого и шумного «балагана» всякого рода модернистов, эстетов и снобов, задававших тон в буржуазном искусстве его времени.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет, —

вот творческий лозунг зрелого Блока, который он сделал своим житейским правилом. Ему претили сытое самодовольство, беззаботность и безответственность декадентствующих мещан, предававшихся кощунственному пищу во время чумы. Он не искал ни уюта, ни покоя, а жил «в огне и холоде тревог» — печально, сложно и трудно, безоглядно растрачивая свои душевые силы.

В этом была своя принципиальность. Блок считал, что художнику, волею судьбы обреченному быть пленником «страшного мира», и нельзя быть благополучным, ибо уют и покой сделают его душевно сытым и самодовольным, а душевная сытость (или «желтокровие», как говорил Блок) — верная гибель для художника: он тупеет, теряет крылья, изменяет тому «святому беспокойству», той сжигающей тревоге, без которых нет и не может быть настоящего творчества. «Ведь именно „литератор“ есть человек той породы, которой суждено всегда, от рождения до смерти,

волноваться, ярко отпечатлевать в своей душе и в своих книгах все острые углы и бросаемые ими тени, — писал Блок. — Для писателя — мир должен быть обнажен и бесстыдно ярок. Таков он для Толстого и для Достоевского. Оттого — нет ни минуты покоя... Ничего „утомительнее“ писательской жизни и быть не может». ¹

Именно острые углы и тени реальной жизни разбудили в Блоке писательскую совесть. Подъем освободительного движения в начале века не прошел бесследно и для юного символиста, певца неземной «Прекрасной Дамы». Революция 1905 года сыграла громадную роль в прояснении художнического зрения Блока. Она, говоря его же словами, показала ему «лицо проснувшейся жизни», пробудила в нем самом наряду со «второстепенным» — «главное» и в копечном счете определила все дальнейшее направление его творческого пути.

Не нужно представлять себе этот путь излишне прямым и гладким. Однажды Блок очень верно заметил, что путь большого писателя кажется прямым лишь в перспективе, а если следовать за писателем шаг за шагом, на его пути открываются неоднократные «остановки» и «искривления», которые, однако, не меняют перспективной прямизны и неуклонности пути и потому не имеют решающего значения.²

Сам Блок знаменательно осмыслил свой путь как «путь среди революций». Пересмотрев как-то свои книги, он записал: «...в них — одно лучше, другое хуже, а третье и вовсе без значения, без окружающего. Но какое освобождение и какая полнота жизни (насколько доступной была она): вот — я — до 1917 года, путь среди революций; верный путь».³

Итак, поэт видел в своих книгах «полноту жизни» (в той мере, в какой она была ему «доступна»). Да, при всех идейных блужданиях и заблуждениях Блока в конечном счете он всегда возвращался на свой верный путь — потому что у него был верный компас: удивительная чуткость к жизни и беспредельно честное отношение к ней, замечательно глубокое чувство истории и действительности. Поэт, воспитанный угасавшей культурой старого мира, конечно не мог не испытывать ее многообразных воздействий — даже и при том условии, если он всерьез усо-

¹ Письмо к В. В. Розанову (20 февраля 1909 г.).

² «Душа писателя» (1909).

³ Дневник (7 января 1919 г.).

мнился в ее ценностях. Блок хорошо понимал, что поэзия его заражена «ядами» декаданса. Но это понимание было для него источником постоянного беспокойства и строгого самоосуждения. «Боюсь я всяких тонких, сладких, *своих*, любимых, медленно действующих ядов. Боюсь и, употребляя усилие, возвращаюсь постоянно к более простой, демократической пище».¹

Блок писал это одному из своих читателей-поклонников, предостергая, чтобы тот не упивался «сладкой тоской» его стихов, не искал в них душевного морфия, средства забыться, уйти от бурь и бед жизни в благоуханные «елисейские поля» красивой, но бесплодной мечты. Нет, поэт жадно хотел, чтобы читатель черпал в его стихах «силы для жизни» — потому что «мы пришли не тосковать и не отдыхать», потому что «человек есть будущее»: «Если вы любите мои стихи, преодолейте их яд, прочтите в них о будущем».

Пройдя через многие тщетные идейные и художественные искания, испытав сладкие обольщения и горькие разочарования, Блок в конце концов пришел к твердому и окончательному убеждению, что живая жизнь со всеми ее тревогами, мукаами и радостями неизмеримо богаче, прекраснее и дороже, нежели любые мистические или эстетические представления о ней, и что художник обязан творить «в сознании долга, великой ответственности и связи с народом и обществом».² В прологе поэмы «Возмездие» (в первый раз напечатанном под знаменательным заглавием: «Народ и поэт»), который служит своего рода художественной декларацией Блока, он сказал, что хочет «неспешно и неспешно» поведать людям

О том, что мы в себе тайм,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа...

Зрелый Блок говорил о «нераздельности и неслияности искусства, жизни и политики». Он не только не ставил искусство над жизнью или вне жизни, но видел его истинную ценность лишь в его жизненной достоверности, в отзывчивости его на все важное, что происходит в жизни в данное время: «Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных мозгу

¹ Письмо к А. И. Арсенишвили (8 марта 1912 г.).

² «Три вопроса» (1908).

зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор».¹ Блок утверждал далее, что «личная страсть» поэта, если он настоящий поэт, всегда «насыщена духом эпохи» и что поэтому «в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой».² Лучшим примером этому может служить поэзия самого Блока. Дыханием исторических, социальных, житейских бурь и тревог овеяны его стихи, даже самые, казалось бы, лирически-интимные из них.

Великий поэт потому и велик прежде всего, что обладает гениальной способностью все частное, личное и интимное делать общим, общественным и историческим. Так и Блок как бы преолмлял сквозь призму своей личной, человеческой трагедии грандиозную тему трагедии исторической, развернувшейся в старом мире накануне его крушения. В этом было нечто от Герцена, который охарактеризовал художественную картину своей жизни («Былое и думы») как «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге».³

Блоку было в величайшей степени знакомо романтическое по своему происхождению чувство нерасторжимого единства личного и общего, «своего» и «мирового». Он доказывал, что «в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он „свое“ и „не свое“».⁴ Все, что окружает поэта в жизни, воспринимается им только в индивидуальном переживании, но каждая личная тема, расширяясь до величинах обобщений, приобретает смысл и значение лишь в меру своей объективной общезначимости.

Это — замечательная черта лирического стиля Блока. Ощущение катастрофизма эпохи распространяется в его лирике и на сферу частного бытия человека. «Буря жизни», бушующая вокруг поэта, завихрила, запутала также и все человеческие отношения, все человеческие судьбы. Опа, эта грозная буря, властно вторгается и в интимный душевный мир человека, который таким образом оказывается втянутым в водоворот общей «мировой жизни». Такова, в сущности, центральная лирическая тема зрелого Блока.

¹ Предисловие к поэме «Возмездие» (1919).

² «Катилина» (1918).

³ А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. X. М., 1956, стр. 9.

⁴ «Катилина» (1918).

Всякая грань между «своим» и «не своим» исчезает. Самые, казалось бы, интимные события внутренней жизни поэта оказываются связанными, какими-то очень тонкими, подчас трудно уловимыми ассоциациями, с самыми общими, самыми широкими темами его творчества. Так, разительным примером органического слияния личного и общего в лирике Блока может служить стихотворение «Ты отошла — и я в пустыне...», которым поэт неизменно открывал в своих книгах важнейший раздел «Родина»

Образная ткань этого стихотворения закономерно воспринимается в общем идеально-художественном контексте гражданско-патриотической лирики Блока. Но из переписки поэта мы узнаем, что стихи эти были непосредственно вызваны его глубоко интимными переживаниями, в основе которых лежали осложнившиеся отношения с женой, и обращены были поначалу не к кому иному, как к ней. Однако из этого вовсе не следует, что Блок в дальнейшем попросту «переосмыслил» данное стихотворение, введя его в раздел «Родина». Нет, в том-то и суть дела, что в собственно поэтическом смысле это стихотворение двупланно, оставаясь при этом целостной словесно-образной структурой. Понятия «жены» и «родины» вмещены здесь в один емкий образ, играющий разными гранями смысла, и поэтому интимно-лирическая тема, расширяясь в своем значении, наполняется историческим содержанием, и стихи воспринимаются уже не как обращение к любимой женщине, которая «отошла», но как нечто сказанное о судьбах родины — «родной Галилеи». И именно такое расширительное восприятие входило в творческую задачу поэта.

Или возьмем другой пример — стихотворение «Под шум и звон однообразный...», бесспорно одно из наиболее характерных лирических созданий Блока. Оно в основе своей представляет собой лирическую исповедь, тоже обращенную к любимой женщине:

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Но обобщающая сила высокого искусства безгранично расширяет смысл и содержание этого стихотворения, превращая его в патетическую исповедь «сына века», обращенную уже не к частному (к любимой женщине), но к целому (к некоему духовному идеалу, которому «изменил» лирический герой).

И такая трансформация смысла закономерно вызывает представление о родище, о гражданском призвании поэта:

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

Здесь знаменательна и полна глубокого смысла вся образно-семантическая ткань стихотворной речи. Метели, бред, мрак, ночная распутица — это образы того темного и «ядовитого», что посягало на душу и мысль поэта; но за мраком и бредом есть в жизни иное — светлое, благородное, что будит в душе поэта «колокола», исторгающие высокие и чистые звуки.

Единый, целостный взгляд на мир, который Блок считал верном поэтического чувства, составлял, в его понимании, «сущность всякой подлинной романтики».¹

В зрелом творчестве Блока весьма заметны и весомы реалистические тенденции (особенно в ряде стихотворений сатирического склада и в поэме «Возмездие»), но не ими определяются существо и общая тональность его поэзии. Это поэзия романтическая, хотя она и не имеет ничего общего, скажем, с индивидуалистическим и субъективистским течением в романтическом искусстве начала XIX века или с мистико-романтическими концепциями в творчестве русских символистов и в юношеской лирике самого Блока. В этой связи возникает вопрос о типе романтического искусства.

Стиль рождается из мировоззрения художника, из его отношения к действительности. Вечных и незыблемых категорий художественного стиля история искусства не знает. В частности, нет непреходимой черты и между романтическим и реалистическим стилями, если, конечно, не рассматривать стиль как только сумму приемов. Наоборот, из истории хорошо известно, что романтизм многократно служил художественной формой большого, жизненно правдивого и революционно направленного искусства (таков был, например, романтизм Байрона или молодого Пушкина и поэтов-декабристов).

Сам Блок не противопоставлял романтического искусства реалистическому; он даже утверждал, что «истинный реализм, реализм великий, реализм большого стиля составляет самое сердце романтизма», а «подлинный романтизм», в свою очередь,

¹ «О романтизме» (1919). Оттуда же и дальнейшие цитаты.

не только не есть «отречение от жизни», а, напротив, «жаждое стремление жить удесятеренной жизнью, стремление создать такую жизнь».

Нетрудно увидеть, что под романтизмом Блок понимает не только художественное, но общее, философское мировоззрение. Для него это — дух «вечного стремления», дух смелого, революционного вмешательства в жизнь, дух мятежного протesta против всего мертвого и догматического, против всего, что «утратило жизнь и превратилось в мертвую инерцию». Наиболее знаменательно, что Блок связывает свое понимание романтизма с широкими пародными движениями: дух «романтизма» воодушевлял и раннее христианство, опрокинувшее прогнивший Рим, и великих художников Возрождения, сокрушивших догматику и скользицу средневековья, и деятелей буржуазной революции XVIII века, когда «стихия впервые в новой истории проявилась в духе народного мятежа». И Блок дает такие четкие формулировки своего понимания романтизма: «Романтизм есть дух, который струится под всякой застывающей формой и в конце концов взрывает ее»; романтизм есть чувство души, «которая помолодела, взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром, чувством неизведанной дали, захлестнулась восторгом от близости к Душе Мира».

Таким образом, существо блоковского понимания романтизма как начала взрывчатого, мятежного, революционного — не подлежит сомнению. Именно таковым был и романтизм зрелого Блока. Он был активным, жизненно правдивым и революционно направленным, обращенным не к отвлеченно-иллюзорному (как в годы ранней юности поэта), а к жизненно-конкретному, проникнутым жаждой жить «удесятеренной жизнью»:

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Блок не стал поэтом-реалистом по своему художественному методу. Но главной темой и основным содержанием его поэзии стала общественно-историческая реальность — русская жизнь в предреволюционную эпоху и реальный, исторический человек этой эпохи.

Александр Блок прошел большой путь — от уединенной кельи мистика до трибуны на народной площади, от молитвы

перед алтарем до революционного лозунга, брошенного в толпу.
Начал он с того, что прошептал:

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу... —

а кончил — частушкой, которую подхватила улица:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Вот какую метаморфозу претерпела поэзия Блока за какие-нибудь пятьнадцать лет.

Какие это были годы! Если бы это было время мирное, тихое, застойное, кто знает — может быть, и поэзия Блока приняла бы спокойное, тихое течение. Но время было бурное, исполненное тревог жизни и грома битв, и именно оно, это великое и трудное время, сформировало тревожную, страстную, трагическую поэзию Александра Блока. В ней — исказенный мукой, но сквозящий нетленной красотой лик родины, в ней — воля к справедливой и мужественной жизни, в ней — голос долга, призыв к «дальней цели». Перед нами — редкий по силе выразительности пример того, как жизнь творит великое искусство.

2

Александр Блок разделил свою лирику на три книги, причем это было отнюдь не внешним, механическим разделением «собрания стихов» на три части, но каждая книга, как настойчиво указывал поэт, знаменовала определенный этап пройденного им жизненного и творческого пути, а все три книги вместе составляют целостную «трилогию», «посвященную одному кругу чувств и мыслей», которому он, поэт, был предан.¹ Говоря в общей форме, если первый том воплотил иллюзию мистического идеала, то второй — отразил трагическое крушение этой наивной и утешительной мечты, душевную раздвоенность и мучительные поиски выхода, а третий — ознаменовал поэтическое утверждение единства мира и человека в живом потоке исторической действительности.

¹ Предисловие к «Собранию стихотворений» (1911).

Блок начал с лирики, индивидуалистическая и субъективистская сущность которой носила обнаженно демонстративный характер. Он начал с погружения в «сны и туманы», с мистической веры в потусторонние «миры иные», с презрительного равнодушия к миру здешнему. Юношеская лирика Блока на крайне невнятном языке, полном таинственных намеков и иносказаний, говорила о глубоко интимных переживаниях «уединенной души», безучастной к тому, что окружает ее в действительности:

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам
И зрит далекие миры...

Юный Блок признавался с завидной откровенностью, что «страдает крайним индивидуализмом» и «не чувствует участия народа и общества» в том, что составляет предмет его духовных исканий.¹

Такому демонстративному отчуждению от мира в сильнейшей степени способствовали условия, в которых сформировалась личность поэта. По происхождению, воспитанию и семейным связям Блок принадлежал к верхушке дворянской научно-художественной интеллигенции, гордившейся своими наследственными культурными традициями. Среди предков и родственников Блока насчитывается несколько известных ученых и профессиональных литераторов. Отец поэта (он его почти не знал) был профессором-юристом и философом; дед, А. Н. Бекетов (в семье которого он воспитывался), — видным ученым-ботаником и общественным деятелем, ректором Петербургского университета; мать, бабушка и тетки — писательницами и переводчицами. Женился Блок на дочери великого русского учепого — Д. И. Менделесева.

С самых ранних детских лет Блок жил в кругу литературных интересов. При этом важно отметить, что в семье Бекетовых господствовали «старинные понятия о литературных ценностях и идеалах».² Поэтому Блок был воспитан на глубоком уважении к традициям и заветам классической русской литературы и долго не знал «ни строки так называемой новой поэзии».³ Это обстоя-

¹ Письмо к А. Белому (1 августа 1903 г.).

² Автобиография (1915).

³ Там же.

тельство со всей наглядностью сказалось в самых ранних стихах Блока, которые в основном дублируют темы, мотивы, образы и язык любимых его поэтов — Жуковского, Фета, Полоцкого. С детства усвоенные традиции никогда не теряли для Блока своей власти и притягательности, но это не помешало ему вовлечься в декадентско-символистские соблазны, как только он узнал их.

При всей высокой культурности и наследственном либерализме Бекетовых был этой семьи был крайне замкнут и медлителен. Блока ревниво оберегали от малейших соприкосновений с внешним миром, с «грубой жизнью». Он рос сосредоточенным, углубленным в себя, равнодушным ко всему, что лежало за пределами узкого семейного круга. Он лениво учился в гимназии, с наслаждением проводил время в подмосковной усадьбе, тугу сближался со сверстниками, тайком писал что-то свое, еще детское (показывал только матери, которая на всю жизнь осталась для него самым близким человеком). В нем даже замечалась не совсем обычая заторможенность интеллектуального роста, какая-то затянувшаяся детскость.

Так продолжалось до 1897 года, когда равновесие этой замедленной и довольно сонной жизни семейного баловня было вдруг резко и уже навсегда нарушено. Возникли первые «жизненные опыты», первая страстная и бурная влюбленность, первые приступы «отчаянья и иронии».¹ Внешним образом Блок оставался респектабельным молодым человеком, державшимся очень строго и не без щегольства. Окончив гимназию, поступил («довольно бессознательно») на юридический факультет университета (потом перешел на историко-филологический), интересовался древней философией и филологией, писал стихи, увлекся театром и мечтал о поступлении на сцену.

Но все это было только внешностью, под которой клокотала лава. Блок жил необыкновенно интенсивной душевной жизнью. Только отчасти проступает она в юношеском дневнике Блока и в некоторых его интимных письмах (особенно в интереснейшей переписке с невестой, доныне еще не изданной). Примерно с 1899—1900 годов всем существом Блока овладели острые романтические и мистические переживания. Любовь к невесте сливалась воедино с безотчетным ощущением каких-то чудесных, тревожных и пеизъянных на обычном языке «знамений» и

¹ Автобиография (1915).

«предвестий», которыми, по убеждению Блока, «был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века».¹

Летом 1901 года все это было «подкреплено» стихами Вл. Соловьева — религиозно-мистического философа, реакционного публициста и лирического поэта, пользовавшегося в свое время немалым влиянием в кругах идеалистически настроенной буржуазно-дворянской интеллигенции. Собственно философские и богословские идеи Вл. Соловьева очень мало задели Блока, по стихи произвели громадное, оглушительное впечатление и на всегда остались для него «откровением». В этих стихах Блок нашел ответ на свои хаотические и смутные тревоги и прозрения:

Но за тумапами сладко
Чуется близкий рассвет.
Мне мировая разгадка
Этот безбрежный поэт.

Тогда же Блок познакомился с новейшей русской декадентско-символистской поэзией, и она (особенно — стихи В. Брюсова) окрасилась для него «в тот же цвет»² — цвет соловьевской мистики.

В основе философии и поэзии Вл. Соловьева лежала древняя платоновская идея «двоемирия»: земная жизнь — это всего лишь отображение, бледное и искаженное подобие «потустороннего», «незримого очами» и постигаемого только верой сверхчувственного мира «высшей» и «подлинной» реальности. Вместе с тем в мистике Соловьева очень значительную роль играли характерные вообще для религиозного сознания надежды на духовное возрождение человечества к новой, лучшей жизни. Соловьев провозгласил, что старый мир, изменивший божественной правде и погрязший в грехах, уже заканчивает круг своего существования и что приближается «предсказанная» в Апокалипсисе «эра Третьего завета», когда на земле воцарится мир, справедливость и истинно христианская любовь. Центральный образ мистической философии и поэзии Соловьева — Мировая душа (исковое одухотворенное начало Вселенной, «единая внутренняя природа мира») — призвана спасти земной мир и духовно обновить человечество.

Именно эта сторона соловьевской проповеди особенно увлекла Блока и окрасила его юношескую лирику. Он воспринял

¹ Автобиография (1915).

² Дневник (30 августа 1918 г.).

и оценил Вл. Соловьева прежде всего как «провозвестника будущего», одержимого «страшной тревогой, беспокойством», как «духовного носителя и провозвестника тех событий, которым надлежало развернуться в мире».¹ Иными словами, Блок искал у Соловьева ответ на свои тревожные раздумья и как бы вкладывал в его проповедь свое собственное содержание.

Бессспорно, Блок уже тогда, на заре жизни, был охвачен смутным ощущением неблагополучия и катастрофизма старого мира, но еще не мог дать себе в этом никакого отчета. Ясное и трезвое понимание того решающего обстоятельства, что человечество находится на грани величайшего перелома, что действительно кончается определенный этап всемирно-исторического процесса, подменялось для него темной, бредовой идеей «конца мира».

Блок продолжает с презрением отворачиваться от жалкой «повседневности», тем более — от всякой «общественности». «И я стремлюсь душой тревожной от бури жизни отдохнуть» — вот настроение, которое пронизывает его стихи. Вращаясь в студенческой среде, которая кипела политическими страстиами, он проявлял поистине удивительное равнодушие к тому, что происходило в русской жизни, в лучшем случае — занимал позицию стороннего наблюдателя. Редкие и скучные суждения его по самым волнующим вопросам современности поражают своей наивностью, крайне примитивным пониманием общественной и политической обстановки.

Бессспорно, такая самоизоляция от того, что служит главным источником всякого настоящего и жизнеспособного искусства, на известное время затормозила нормальный ход идейно-художественного развития Блока. И все же никак нельзя сказать, что действительность просто «не интересовала» поэта. Нет, напротив, он склонен был постоянно соотносить происходящее в его душевном мире с тем, что происходит в природе и в жизни. Только интерес к жизни был у него в ту пору совершенно особый: в реальном, эмпирическом он ищет некие «знаки» таинственного, «потустороннего».

Наиболее существенно, что уже тогда, в ранней молодости, Блок задается вопросом о соотношении частного и общего, личного и «мирового», — вопросом, который навсегда остался для него самым важным и волнующим. Уже тогда им овладело роман-

¹ «Владимир Соловьев и наши дни» (1920).

тическое чувство причастности человека «всемирной жизни», ощущение слитности и нераздельности своей индивидуальной души со всеобщей и единой «Мировой душой». Он утверждал, что слышит, как рядом с ним «отбивается тakt мировой жизни».¹ Но само соотношение личного и мирового в тогдашней его трактовке носило глубоко мистифицированный и тем самым искаженный характер.

Блок в ту пору еще начисто исключал из понятия общего и целого такую категорию, как народ, человеческое общество. Целое и общее для него — абстрактно понимаемый, не наполненный никаким социально-историческим содержанием «мир», «вселенная», даже шире того — «космос». «Я и мир», «Вселенная — моя отчизна» — таковы поэтические формулировки, в которые Блок пытался облечь владевшее им чувство единства человека с миром. Только для реальной человеческой жизни с ее повседневными горестями и радостями в этой широкой, всеобъемлющей картине не находилось места.

Утверждая свой иллюзорный идеал «всеединства», гармонического согласия поэта с миром, в котором нет живых людей, Блок был тем не менее полон утешительных надежд на чудесное преображение жизни в будущем. «Вселенский голос плачет о прошлом покое и о грядущем перевороте».² В «Стихах о Прекрасной Даме» выражено в личном переживании ощущение вечного всемирного бытия, которое якобы способно открыть перед человеком путь из окружающего его мрака «глухой ночи» — к «вселенскому свету» грядущего «ослепительного дня»:

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Так в сознании поэта, сильно затуманенном мистикой, происходила подмена трезвого понимания реальных закономерностей общественно-исторического развития — утопическими надеждами на некое вселенское чудо, воплощающееся в образе далеких и манящих «зорь». Такие звонкие, ликующие ноты громко звучат в «Стихах о Прекрасной Даме» и подчас совершенно заглушают горькие жалобы на «жалкую юдоль».

¹ Письмо к З. Н. Гиппиус (14 сентября 1902 г.).

² Письмо к А. В. Гиппиусу (23 июля 1902 г.).

В этом сказалась глубоко затаенная, но несомненная жизненная сила Блока, которая не позволила ему остаться всего лишь перелагателем в стихи тоящих мистических отвлеченностей. Да и то сказать — если бы не было в нем этой силы, разве мог бы он стать таким поэтом, какого мы знаем, — трагическим поэтом страсти и отчаянья, но вместе с тем и поэтом «свободной мечты», столь чутким к ходу истории и к противоречиям действительности. По глубокому определению самого Блока, «Стихи о Прекрасной Даме» — это «сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь».¹

В 1903 году Блок развивает целую концепцию художественного творчества как выражения жизненной силы. Он соглашается, что «силы к жизни» у него, может быть, и не так много («это уж лежит в натуре»), но все же она есть и проявляется как раз в стихах. Художественное творчество может пытаться и жить только этой силой. Оно не терпит безжизненных «умствований», сухих абстракций. «Поэт... как бы он ни глубоко погрузился в отвлеченность, остается в самой глубине поэта, значит — любовником и безумцем. Когда дело дойдет до самого важного, он откроет сердце, а не ум, и возьмет в руки меч, а не перо, и будет рваться к окну, разбросав все свитки стихов и дум, положит жизнь на любовь, а не на идею. Корень творчества лежит в Той, которая вдохновляет, и она вдохновляет уже на все, даже на теорию, но, если она потребует и захочет, теории отпадут, а останется один этот живой и гибкий корень».²

Здесь предугадана вся творческая судьба Блока. Вот где таилась та сила, которая в дальнейшем позволила поэту выйти из потемок метафизики к свету жизни. Живой и гибкий корень творчества пророс сквозь мистическую схоластику, сквозь всякого рода ложные теории, которые отпали ветхой чешуй, открыв миру подлинное — прекрасное и трагическое — лицо музы Блока.

Корень этот пробивается уже и в ранних стихах. При всей сгущенности их мистической окраски, в них бьется живая, человеческая страсть. Она — и в стихах, обращенных к любимой «розовой девушке» (образ ее «идеализирован» в соловьевском смысле, но в этом образе явно сквозят «земные черты»), и в тощком чувстве родной природы, в зримых приметах русского пейзажа,

¹ Предисловие к сборнику «Земля в снегу» (1908). — Подчеркнуто мною. — В. О.

² Письмо к Л. Д. Менделеевой (22 февраля 1903 г.).

в национальной характерности образов и мотивов, ведущих происхождение от русского сказочного и песенного фольклора. Все это позволило Блоку уже тогда создать превосходные стихи, которые обогатили русскую классическую лирику любви и природы, которые живут и всегда будут жить как истинная поэзия, вне каких бы то ни было мистических осмыслений и толкований.

Самый образ лирического героя в ранних стихах Блока двоится. Это не только «бездадный и темный инок», покорный раб «Вечной Девы», но и просто «красивый и высокий» юноша, соучастник звенящей и буйствующей природы, который сам говорит о себе: «Я и молод, и свеж, и влюблен», который начинает прислушиваться к «битве жизни» и готов в «мятежный час» сбросить с души своей иго завораживающих мистических слов.

Все это присутствует еще в потенции — больше как предвестие и предчувствие, но нота тревоги звучит все громче год от года и вскоре становится господствующей. Меняется сама природа этой неясной душевной тревоги. Жизнь уединенной души, устремленной в «иное», оказывается, как-то и в чем-то пересекается не только с иллюзорной «всемирной жизнью», но и с реальной жизнью века. «Мое тамошнее треплется в странностях века», — признается Блок в 1902 году.¹ В дальнейшем тема власти «века» над индивидуальной душой приобретает для поэта все большее значение. Он начинает искать в условиях времени, в неблагополучии эпохи разгадку человеческой трагедии, той проклятой раздвоенности, которая истерзала человека нового времени. Много лет спустя Блок имел основание сказать: «...что везде неблагополучно, что катастрофа близка, что ужас при дворах, — это я знал очень давно, знал еще перед первой революцией».²

В 1903 году Блок уже накануне поворота. Он начинает проявлять определенный скепсис в отношении соловьевской схоластики, говорит, что «душа уж как-то не требует прежних громоздких и отвлеченных обобщений».³ Как «реакция» на «богословие» и «вздыхающую усталость», ему «кажется возможным такое возрождение стиха, что все старые жанры от народного до придворного, от фабричной песни до серенады — воскреснут».⁴

¹ Письмо к Л. Д. Менделеевой (20 ноября 1902 г.).

² «Памяти Леонида Андреева» (1919).

³ Письмо к А. В. Гиппиусу (25 июня 1903 г.).

⁴ Письмо к С. М. Соловьеву (20 декабря 1903 г.).

Поворот осуществился в стихах, составивших цикл под знаменательным заглавием: «Распутья». Здесь звучат совсем иные, новые и неожиданные для певца «Вечной женственности», ноты — «жестокой арлекинады», чертовщины, своеобразной демонологии, возникают темы «дисгармонии», утраты прежней веры, в изобилии появляются какие-то «косматые, кривые и рогатые чудища». Все это тоже шло главным образом от декадентства, но представляло собою самый разительный контраст с молитвенным тоном и розово-лазурным колоритом «Стихов о Прекрасной Даме».

И, наконец, в творчестве Блока возникает и вскоре выдвигается на первый план тема капиталистического города с его социальными и бытовыми контрастами. Пусть в своих ранних «городских» стихах Блок еще далек от точного изображения действительности, пусть город еще предстает в них по большей части как некая фантасмагория, как призрачный мир, населенный таинственными «черными человечками» и «красными карликами», но в обращении поэта к теме города была и другая, гораздо более существенная, сторона — гневное разоблачение и моральное осуждение социального неравенства. Сильное стихотворение «Фабрика», написанное в конце 1903 года, — важный момент идеино-творческой эволюции Блока. Здесь в образе кого-то «недвижного» и «черного» он впервые попытался художественно выразить свое еще смутное представление о бесчеловечной власти капиталистического Молоха. Вскоре он скажет многозначительные слова: «Я пробовал искать в душах людей, живущих на другом берегу, — и много находил... Сети мои наполняются уж другими рыбами».¹

К тому времени Блок превратился в профессионального литератора. В марте 1903 года состоялся его литературный дебют. Тогда же он устанавливает личные связи в декадентско-символистском литературном лагере — в Петербурге (с Д. Мережковским и З. Гиппиус) и в Москве (с В. Брюсовым и особенно — с кружком молодых поэтов-соловьевцев во главе с Андреем Белым). В конце 1904 года вышел в свет первый сборник лирики Блока — «Стихи о Прекрасной Даме». Книга получила некоторый, впрочем очень незначительный, резонанс. У Блока появились пылкие поклонники среди литературной молодежи (тот же А. Белый и его друзья). Журнально-газетная критика

¹ Письмо к А. Белому (29 сентября 1904 г.).

отнеслась к книге как к типическому явлению «новомодной» декадентской поэзии. Между тем сам поэт уже уходил из круга тех интересов, настроений и тем, которые были отражены в его первой книге.

3

Революцию 1905 года Блок отнес к числу «событий, явлений и веяний», особенно сильно на него повлиявших.¹ В грозе и буре революционных битв прежнее равнодушие поэта к «вопросам общественным» сменилось жаждым интересом ко всему происходившему. Он внимательно следил за ходом революции, за настроениями рабочих (он жил в фабричном районе Петербурга), хотя, как замечает близко наблюдавший его человек, «политика и партии по-прежнему были ему чужды».² Достаточно сказать, что, еще так недавно иронизировавший над студенческими сходками, в октябрьские дни 1905 года Блок нес красное знамя во главе одной из революционных демонстраций, чем поверг своих литературных соратников в полное недоумение.

Летом 1905 года Блок писал из деревни: «Хочу действенности, чувствую, что близится опять огонь, что жизнь не ждет... Старое рушится... Если б ты узнал лицо русской деревни — оно переворачивает; мне кто-то начинает дарить оружие... Какое важное время! Великое время! Радостно».³ Вместе с тем он с особенной остротой ощутил ненужность своих прежних «странных, казавшихся нужными связей с не совсем реальным».⁴ Ощущение это распространяется и на область художественных воззрений: «Черпать содержание творчества из отвлеченно-бесплотного — значит расстаться с творчеством. Черпать его из самого живого и конкретного — значит углублять и утверждать творчество».⁵

Революционные события непосредственно отразились в немногих произведениях Блока, но все, что он писал в это время, овеяно дыханием пронесшейся над Россией социальной бури:

¹ Автобиография (1915):

² М. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Изд. 2-е, Л., 1930, стр. 94.

³ Письмо к Е. П. Иванову (25 июня 1905 г.).

⁴ Письмо к А. Белому (23 декабря 1904 г.).

⁵ Рецензия на книгу Мирэ «Жизнь» (1905).

Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!..
Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!

Конечно, не следует преувеличивать ни меры революционных увлечений Блока, ни глубины понимания им реальных движущих сил революции. В его сочувствии революции больше всего было от анархического своечествия «свободной личности» и от эстетического неприятия мещанской пошлости буржуазного быта. Представления его о будущем посили расплывчатый характер, и сама идея революционного переустройства жизни на новых началах воплощалась им в романтическом образе «больших кораблей», несущих несчастным и обездоленным людям какую-то «нечаянную радость».

Но революция развеяла мистические чары Блока, вывела его из уединенной кельи на шумную улицу. И как только он стал пристальнееглядываться в жизнь, так сразу же увидел ее кричащие противоречия — сытость сытых и голод голодающих, «изумленные спины» трудового народа и «жемчуга несметной цены» на тех, кто обманывал и грабил народ. Он разглядел и «новых людей» — тех, кто «поднимался из тьмы погребов» навстречу грядущему дню, и, несмотря на всю свою неискушенность в «реальной политике», все же понял, что правда на их стороне и будущее за ними:

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!

В стихах Блока возникает символический образ народа — «кого-то сильного в сером армяке», кто уверенно и смело ведет вперед «барку жизни». Поэт, правда, сомневается, найдется ли на этой барке место для него самого, но симпатии его — всецело на стороне плывущих вдаль, а не тех, кто остается на старом берегу. В обстановке революционного подъема растут и укрепляются антибуржуазные настроения поэта. Для характеристики потревоженного мира «сытых» он нашел такие на редкость прямые и точные слова, как «прогнивший хлев». При этом замечательно, что антибуржуазный пафос Блока распространялся и на либеральных краснобаев — этих «буржуазных звонарей свободы», как называл их Ленин. Купив конституцию 17 октября 1905 года,

вызвавшую бурю восторга в буржуазно-либеральном кругу, Блок по всей справедливости оценил как своекорыстный маневр царизма (см. стихотворения «Вися над городом всемирным...» и «Еще прекрасно серое небо...»).

После революции Блок вступает в «переходной» период, ознаменовавшийся в его творчестве противоборством двух различных и внутренне глубоко враждебных тенденций. С одной стороны, именно в это время он в наибольшей мере вовлекается в сферу декадентских художественных воздействий. С другой стороны, с этими воздействиями все время борются и в конце концов одерживают решительную победу тенденции совершеннего иного порядка — тяготение к правде и простоте, к гражданственно-патриотической теме, к широкому охвату явлений современной социально-исторической действительности. Основное направление творческого развития Блока очень верно охарактеризовал его старший современник В. Брюсов: «В своих стихах он ищет новых сил в отказе от своих юношеских всеобъемлющих концепций, в обращении к темам более узким, но более конкретным, к заботам, радостям и печалям родной и горестной земли».¹

Потеряв вкус к религиозной мистике, питающей его раннюю лирику, Блок открывает для себя «новую и богатую» тему — «мистицизма в повседневности».² Разрабатывая эту тему, он начинает эстетизировать серую, будничную обстановку городского быта, открывать в ней, «в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни».³ Последовательно применяя прием пересечения двух планов — реального и иллюзорного, он определял свой художественный метод, сказавшийся в стихах такого рода, как «фантастический реализм» в духе тех картин, которые рисовал Достоевский в «Подростке» и других своих романах.

Характернейшим примером подобного «фантастического реализма» может служить знаменитая баллада «Незнакомка», снискавшая громкую славу сразу же после своего появления. Здесь в гениальных стихах рассказано о том, как «таинственной» становится сама поспость заурядного, низменного и будничного обихода с пьяными завсегдатаями «запыленных вокзалов», скучой загородных дач и т. п.

¹ «Русская мысль», 1912, № 1.

² Записная книжка (18 января 1906 г.).

³ Предисловие к сборнику «Несчастная Радость» (1906).

Эстетизация и мистификация «повседневности» сопровождалась в поэзии Блока победой музыкально-стихийного, экстатического, зыбкого и темного лирического начала. Вопрос о лирике в это время особенно тревожит и интересует Блока. При этом под лирикой он понимал не просто поэтический жанр, но некое художественное мировоззрение, определенное отношение художника к миру, к жизни. Утверждая полную свободу лирического поэта, его независимость от узаконенных в буржуазном мире моральных, этических норм и традиций, Блок в то же самое время начинает понимать, что узкий лиризм противоречит существу и задачам большого искусства. «Лирическая стихия» была для него не только «родной», но и «ненавистной», и он утверждал, что «ненависть к лирике» служила «источником добродой половины его тем».¹ Он приходит к мысли, что «в лирике есть опасность *тления*», что «лирические яды» грозят ему «разложением», и он все более настойчиво ищет пути выхода «из болота — в жизнь, из лирики — к трагедии».²

На этих путях Блок обращается к драматургии. К 1906 году относятся три его маленькие «лирические драмы» — «Балаганчик», «Король на площади» и «Незнакомка». В предисловии к ним он писал: «Лирика не принадлежит к тем областям художественного творчества, которые учат *жизни*... Самое большее, что может сделать лирика, — это обогатить душу и усложнить переживания; она даже далеко не всегда обостряет их, иногда, наоборот, притупляет, загромождая душу невообразимым хаосом и сложностью».

Отсюда не следует, что в своих драмах Блок хотел «учить жизни». Но он определил их основную идею как *поиски «жизни прекрасной, свободной и светлой*», которая одна только «может свалить с плеч непосильное бремя *лирических сомнений и противоречий*».³ Он хотел показать в своих драмах разные стороны души современного человека, расслабленного сомнениями, забывшего «вольные смертные муки и вольные живые радости». Однако попытка его не увенчалась полным успехом, да и не могла увенчаться, поскольку в своих драмах он оставался в основном и главном на почве декадентско-символистского искусства.⁴

¹ «Три вопроса» (1908).

² Письмо к А. Белому (1 октября 1907 г.).

³ Предисловие к сборнику «Лирические драмы» (1907).

⁴ Подробно о драматургии Блока — в статье П. Громова «Театр Александра Блока» (т. IV наст. издания).

Особенно явно сказалось это в «Короле на площади». Здесь Блок хотел дать символическое истолкование социально-политической темы, возникшей у него под влиянием революционных событий 1905 года. Он хотел вложить в драму вполне реальный, более того — влободневный смысл (в черновике имеется помета: «Нечто из теперешних газет. Застой, ужас белого дня, реакция, муть»). Но идея разрушения старого мира во имя «юности» и «счастья» выражена здесь в такой слабой и мистифицированной форме, что драма наглядно демонстрирует резкое несоответствие между замыслом и его воплощением.

При всем том драматическая трилогия 1906 года явилась очень важным моментом идейно-творческого развития Блока, свидетельствуя об окончательном разочаровании его в юношеской вере. Особенно важен с этой точки зрения «Балаганчик», в котором Блок предал жестокому осмеянию то, что еще так недавно составляло предмет его духовных исканий — соловьевскую утешительную мистику. Здесь она осмеяна и унижена в резких, гротескных тонах, как особая форма «черной тяжелой истерии», характерная для «маньяков», отворотившихся от живой жизни. Самые «глубокие» мистические темы и образы переосмыслены здесь в духе пародии и каламбура.

Не найдя выхода за пределы декадентского искусства в драматургии, Блок нашел его как раз в лирике, сильно расширив границы своего творческого мира и утверждая новую природу самой «лирической стихии».

Как уже было сказано, с эстетизацией действительности, со стремлением превратить ее в «страшное и прекрасное видение», в поэзии Блока боролось иное начало, которое в общей форме можно определить как национальное и демократическое. В июле 1905 года была написана «Осеннняя воля», открывающая серию блоковских стихов о России. Здесь уже со всей силой звучит та нежная, преданная и полная щемящей тоски любовь к родине, которую так проникновенно выразил Блок в своей патриотической лирике:

Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

В поэзии Блока возникают мотивы бродяжничества, цыганской свободы, влекущей поэта из его лирического уединения на широкий простор «вольной Руси». В обращении к России, в по-

гружении в национальную стихию поэт видит залог спасения от докадансской опустошенноти, залог душевного здоровья:

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах ты,
И вот — она не запятала
Первоначальной чистоты...

Наряду с национальной темой Блока начинает увлекать поэзия обыденной жизни, для которой он стремится выработать и подходящий поэтический язык — простой и точный. Одновременно со стихами, эстетизирующими городскую повседневность, он пишет стихи совершенно другой тональности, в которых обращается к конкретному и неприкрашенному изображению жизни («Холодный день», «В октябре», «Окна во двор», «Хожу, брожу понурый...», «На чердаке» и др.).

В поэзии Блока все громче звучат гуманистические и демократические ноты. Все чаще встречаются в его стихах картины человеческого горя и страдания, «томления рабых трудов». Голос поэта крепнет и проникается интонациями гражданского гнева и воли к борьбе. Выразительный пример — стихотворение «Ангел-хранитель», патетическая исповедь человека, с бесстрашной искренностью бичующего самого себя за душевную слабость, унаследованную от поколений духовных «рабов».

Большой лирический цикл «Заклятие огнем и мраком» — важная веха на пути художественных исканий Блока. Первое стихотворение цикла — открытая декларация нового отношения поэта к миру, стремления его найти путь «из болота в жизнь, из лирики — к трагедии»:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизни! Принимаю!
И приветствую звоном щита!..

Призываю пустынные весы
И колодцы земных городов!
Освещенный простор поднебесий
И томления рабых трудов!..

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

Этот цикл замечателен также и тем, что в нем (как, впрочем, и во многих других стихотворениях того времени) отчетливо пропадают черты нового для Блока лирического стиля — более строгого, монументального и драматического. При этом Блок находит опору в традициях русской поэтической классики XIX века — в высокой лирической патетике Лермонтова, в пародийно-песенных формах стиха, внесенных в русскую поэзию Некрасовым.

В живой ткани блковской лирики оба противоборствовавших в ней начала, конечно, не существуют раздельно, а по большей части переплетаются и сливаются, обнаруживаются как некое единство противоречий (не изжитое до конца обаяние слепой «лирической стихии» сказалось, в частности, и в «Заклятии»). Поэт искал разные пути, нащупывал разные возможности. Характерно в этом смысле, что менее полугода отделяет «Снежную маску», в которой «лирическая стихия» господствует безраздельно, от монументальных лирико-эпических «Вольных мыслей» — произведения во всех отношениях узлового и поворотного, которым не случайно завершается второй том стихотворений Блока.

Именно в «Вольных мыслях» (а не в драматургии) Блоку удалось сделать наиболее решительный шаг в сторону преодоления узкого, субъективистского лиризма как способа художественного отношения к действительности. В «Вольных мыслях» поэт ведет *прямой* разговор о мире, о реальной жизни, о живых людях. Здесь уже нет решительно ничего от эстетизации или мистификации действительности, от претворения ее в сказку, в «страшное» или «прекрасное» видение. Здесь с удивительной точностью воссозданы *сцены жизни* — смерть жокея, другая смерть — человека, пенароком упавшего в воду, встреча девушки с пошляком офицером, в сатирических тонах написанная картина курортного пляжа со скучающей толпой праздных буржуа и т. д. Если в «Незнакомке» и других стихах такого же плана сама пошлость трактовалась как «таинственная», то здесь, в «Вольных мыслях», пошлость буржуазного быта и мещанских отношений разоблачается без какой бы то ни было мистификации, и плод наивной фантазии поэта — прекрасная Текла — оказывается попросту Феклой, одной из тех мещанок, которые населяют дачный мир с самоварами и «плоским смехом». Никакой «очарованной дали» здесь уже не раскрывается, а господствует одна самая обыденная, самая заурядная мещанская скука жизни.

Но, конечно, и в «Вольных мыслях» (как и везде) Блок остается романтиком. Рисуя точные, зримые картины уродства, скуки и пошлости жизни, исковерканной и испакощенной в условиях буржуазного строя, поэт противопоставляет ей свою «любовь и ненависть», свою «влюблённость в мир», свое родство с вечной и прекрасной природой, всю силу своего живого и свободного человеческого чувства:

Хочу,
Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать,
И песни петь! И слушать в мире ветер!

Начиная с «Вольных мыслей» становится совершенно очевидным настойчивое тяготение Блока к ясной и точной поэтической речи, стремление его освободиться от влияния декадентско-символистской поэтики с ее мнимой «многозначностью» понятий, с ее гипертрофированной метафоричностью, с ее (говоря словами Блока) «условным и непитательным, как сахарин, языком».¹

Никогда еще до сих пор не было в стихах Блока такого изобилия образов точных, конкретных, вещественных, внимательно подмеченных деталей и подробностей пейзажа, быта, обстановки: глухой забор ипподрома, плоская крыша трибуны, нога в обтянутой рейтюзе, медленно вертящиеся спицы экипажного колеса, белая пена на синей реке, отстегнутые вороты рубах, светлые глаза на загорелых лицах, грязные пятки ребятишек, разорванные портки утопленника, трехглазая змея поезда, белеющая в сумерках дорожка, синий дым сигар, узкий китель и трубочки штанов офицера, пузатая моторная лодка, метелки фарватера, небритые и зеленоглазые финны, волосы — смолистые, как сосны, и т. п.

В белых пятистопных ямбах «Вольных мыслей» с их прозрачной, чисто пушкинской ясностью, точностью и уравновешенностью мысли и слова, с их подлинно эпическим размахом и высоким драматическим напряжением уже торжествуют принципы того строгого и мощного стиля, воплощением которого служит поэзия зрелого Блока.

Тогда же, летом 1907 года, были написаны первые стихи из тех, которые впоследствии составили цикл гражданской лирики

¹ «Отзыв о пяти пьесах» (1920).

«Ямбы». Это — «Я ухо приложил к земле...» и «Тропами тайными, ночныхми...» Важно учесть, когда, в какой момент, в какой общественно-политической обстановке были написаны эти стихи. Они датированы 3 июня 1907 года — то есть тем самым днем, когда царизм, распустив Государственную думу, перешел к открытой политике жесточайшего контрреволюционного террора.

Небезразлично, что первое из этих стихотворений в рукописи было озаглавлено: «Рабочему», а во втором первоначальный вариант 18-го стиха был такой: «Рабочий сбросит с вольных плеч». Таким образом, в 1907 году Блок уже догадывался, к кому именно нужно обратиться с пламенным призывом:

Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!

Поэт тяжело переживал поражение первой русской революции. Но временное торжество реакции он правильно оценил как «случайную победу» палачей народа, за которой для них «роится сумрак гробовой». Не теряя спасительной веры в будущее, он предрекал наступление еще более грозных и величественных событий.

Первые стихи из цикла «Ямбы» наилучшим образом раскрывают общественную позицию Александра Блока в тяжелые годы реакции. «Ночь после битвы» — так метко назвал критик-большевик В. В. Воровский это время, когда вчерашние шаткие попутчики революции стремительно меняли вехи, когда реакция со всей силой сказалась в буржуазной литературе, когда подавляющее большинство ее признанных мастеров изменило великим традициям русской передовой мысли и культуры. Блок, не в пример остальным символистам, занял в этой обстановке особую, в высшей степени достойную и благородную позицию.

Политическое ренегатство и идейное разоружение либеральной интеллигенции вызывали в Блоке чувства гнева и отвращения. Ставшие модными фальшивые «религиозно-общественные искания», мирно уживавшиеся с проповедью цинизма, с увлечением утонченной порнографией, с холодным, антинародным эстетизмом, он характеризовал как «словесный кафе-шантан», как пустую «болтовню» — тем более постыдную, что в стране существует реакция, что в России «жить трудно, холодно, мерзко».¹

¹ «„Религиозные искания“ и народ» (1907).

Сам он полон тревожных и горьких раздумий о судьбах России, русского народа и русской культуры. В нем просыпается публицист с незаурядным общественным темпераментом. В ряде статей и устных публичных выступлений он поднимает большие, важные вопросы, в том числе — особенно волновавший его вопрос о неправильно сложившихся отношениях между интеллигenciей и народом. Он не переставая твердит, что отрыв интеллигенции от народа грозит ей верной и бесславной гибелю, ибо в народе — источник всякой «жизненной силы», в частности и творческой силы художника.¹

Блок ушел из кельи мистики не для того, чтобы стареть в салопе эстетов. Когда правда жизни стала колоть ему глаза, он прежде всего задумался о своем деле художника. Его еще могли увлечь разного рода соблазны, вроде «мистицизма повседневности», но он уже задается главным вопросом: почему, собственно, «мистики и символисты» не любят ни мира, ни человека, почему они так легко «плюют на „проклятые вопросы“», почему «им ни почем, что столько нищих, что земля кругла». И отвечает: потому, что «они под крыльшком собственного „я“».²

В 1907—1908 годах Блок решительно пересматривает свои общественные и художественные взгляды. «Единственно возможным преодолением одиночества» представляется ему «приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью».³ Художник может жить только «ритмами действительной жизни — страстью и трудом».⁴ В своих суждениях об искусстве Блок исходит из требований «правды», «простоты», «искренности» и «народности». Самый критерий художественности переносится им в сферу социальную: «Гений прежде всего — народен».⁵ Разоблачая «кощунственную бесплотность формулы: искусство для искусства», которая «пуста, как свищ», он зовет к правдивому и содержательному искусству «с большими страстями, с чрезвычайным действием, с глубоким потоком идей», к искусству, утверждающему ценность жизни и «красоту долга».⁶ Он мечтает о возникновении журнала с традициями «Современника»

¹ Подробнее — в статье Д. Максимова «Проза Александра Блока» (т. VI наст. издания).

² Записная книжка (20 апреля 1907 г.).

³ Записная книжка (12 сентября 1908 г.).

⁴ Письмо к М. И. Пантихову (22 мая 1908 г.).

⁵ Рецензия на «Монастырь» Э. Верхарна (1908).

⁶ «О театре» (1908).

эпохи Некрасова и Добролюбова. Он решительно меняет свое прежнее отношение к современной реалистической литературе, поставленной декадентами вне грации «подлинного» искусства. Знаменательно сближаясь в некоторых своих оценках и выводах с М. Горьким, он (единственный в ту пору из символистов) характеризует его как национального и народного писателя, как лучшего выразителя того «великого, необозримого, просторного, тоскливого и обетованного, что мы привыкли объединять под именем Руси».¹

Страстные призывы Блока не были услышаны его литературными собратьями — символистами. Публицистические и критические выступления поэта были встречены ими в штыки. Разлад Блока со средой, подготовлявшийся исподволь, в 1907 году перерастает в открытый и очень острый конфликт. Достаточно сказать, что трепия со вчерашним ближайшим другом и соратником Андреем Белым дошли до взаимных вызовов на дуэль. Сам Блок приветствовал этот разрыв как долгожданную личную и творческую свободу: «Хвала создателю! С лучшими друзьями и «покровителями» (А. Белый во главе) я внутреню разделался навек. Наконец-то!»²

Реакция не обезоружила Блока. Наоборот, глубокое, трагическое переживание этих лет, которые «легли на плечи, как долгая, бессонная, наполненная призраками ночь»,³ вдохнуло в поэта могучие творческие силы, привело к созданию таких шедевров русской и мировой поэзии, как третий том лирики, «Роза и крест», «Соловьиный сад», «Возмездие».

4

По глубине раздумий, по масштабу тем, по широте охвата действительности творчество зрелого Блока — явление единственное и неповторимое в поэзии начала XX века. Раздумья его всегда о великом: жизнь, история и человек, стихия и культура, Россия и революция. Творческий мир поэта не только просторен, но и многозвучен. В нем с равной силой звучат и пей-

¹ «О реалистах» (1907). Позже Блок назовет М. Горького «величайшим художником наших дней» («Юбилейное приветствие М. Горькому», 1919 г.).

² Записная книжка (26 июня 1908 г.).

³ «Интеллигенция и Революция» (1918).

нейшая лирика, и гневная сатира, и мужественная гражданственность. Мы найдем в его стихах и мгновенное переживание и неторопливое размышление, живописные картины природы и величественные образы прошлого, песню или романс, покоряющие тончайшей музыкальностью, и исполненные громадного драматического напряжения «рассказы в стихах», повествующие о человеческих судьбах — по большей части печальных («За гробом», «На железной дороге», «Унижение», «Авиатор», «Седое утро», «Женщина», «Перед судом»).

Третий том стихов Блока — вершина его лирического творчества — весь, от начала до конца, от первой строки до последней, овеян дыханием жизни, бушевавшей вокруг поэта. Но чувство исторической современности выражено в стихах Блока не прямолинейно, не в форме лозунгов, деклараций или сентенций, но в самой художественной, образно-словесной ткани его поэзии, во всей совокупности лирических тем и сюжетов, слагающихся в некую целостную структуру — в «дневник» или «исповедь» лирического героя, пленника и жертвы «страшного мира». Цикличность лирики Блока сильно способствует такому целостному восприятию ее: разрозненные мотивы, сосредоточиваясь вокруг того или иного тематического стержня, выявляют различные психологические состояния героя, разные грани его человеческого образа. В целом этот дневник обогащается все новым и новым содержанием — по мере духовного роста героя, по мере вживления его в реальную историческую действительность.

Лирика Блока воспринимается как дневник *одной* жизни, как исповедь *одного* человека, с предельной искренностью рассказывающего о своих надеждах и своем отчаянии, о своих блужданиях, валетах и падениях. Но на любой странице этого интимного дневника просвечивает богатый исторический подтекст, потому что герой не изолирован от мира, но всегда и во всем ощущает свои связи с ним — связи сложные и противоречивые («И отвращение от жизни, и к ней безумная любовь»), но очень тесные и неразрывные. Не случайно Блок говорил о своей лирике: «Это все о России».

Из всего многообразия творческих тем зрелого Блока можно выделить несколько основных, главенствующих в его поэзии и спаянных образом лирического героя. Такова прежде всего тема «страшного мира», тема душевных страданий и глухого отчаяния человека, обреченного варварскими законами этого мира на

«невольную тоску» и «невольные муки». С болью и горечью говорил поэт о растерянности, безволии и духовном упадке этой жертвы капиталистического «правоцорядка»:

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

Критика и разоблачение «страшного мира», фальши и убожества его морали, власти чистогана, проникшей во все поры буржуазного общества, мещанского самодовольства и «сытости», — самая сильная в идейном отношении сторона поэзии Блока. Резкими, глубокими чертами запечатлен в ней облик этого мира, где под знаком лживых лозунгов буржуазной демократии «зреют темные дела», где «богатый зол и рад, и унижен бедный», где царят «обман, лесть и злато», где «лжи и коварству меры нет», где несчастный, запуганный человек, оглушенный «ревом стали», невольно забывает обо всем великом и прекрасном — «о доблестях, о подвигах, о славе», где даже такое светлое и освободительное начало, как любовь, по большей части оборачивается душевной мукой, «унижением», отравой «черной крови», где нет и быть не может настоящего, легкого, простого человеческого счастья.

Быть может, с наибольшей глубиной эта тема разработана в цикле «Пляски смерти». Здесь отчетливо проступает идеальная трактовка темы. «Страшный мир» предстает здесь как царство духовных мертвцов, которые только притворяются, что еще живы. В общем контексте поэзии Блока «Пляски смерти» говорят об исторической обреченности старого мира с его банками, судилищами, светскими раутами. Над всем этим уже стоит знак исторической смерти.

Но не одной критикой и разоблачением жила и живет поэзия Блока. Он не ограничивался тем лишь, что с душевной болью и состраданием рассказывал о «невольных муках» затертого жизнью, выбитого из колеи человека. Беспокойная совесть, гуманистическое и демократическое чувство, вера в «новый век» — все это вдохнуло в поэта желание средствами своего искусства бороться за человека, за его судьбу, за его лучшее будущее. Блок писал (между прочим, откликаясь на мысли М. Горького), что «обыкновенный человек» — «прекрасней и выше самого призрачного, самого бесплотного видения»: «Он поступает страшно про-

сто, и в этой простоте только сказывается драгоценная жемчужина его духа».¹

Тема человека — вторая значительнейшая из творческих тем зрелого Блока. Он вдохновению мечтал о рождении «нового человека» с мужественным, волевым, героическим характером, человека, способного выдержать любые испытания и преодолеть любые трудности. Идеалом поэта был «духовно мощный», целостный «человек-артист», знающий цену и радость творческого труда (труда свободного, а не рабского), умеющий «жадно жить и действовать». И вот что важно: Блок понимал, что такой человек может родиться только в процессе революционного переустройства общества. Только революция, призванная изменить весь облик жизни, способна переродить вялого и отчаявшегося человека в героя, раскрыть «драгоценную жемчужину его духа».

Это была одна из заветных мыслей Блока. Эпохальное, всемирно-историческое значение Октябрьской революции заключалось для него, в частности, в том, что он увидел тогда, на заре новой жизни, что «человек-артист» уже рождается, уже готов войти в открывшуюся перед человечеством «эпоху вихрей и бурь».²

Тема «нового человека» не получила в творчестве Блока достаточного развития, но без учета ее представление наше о поэте будет неполным. Программное значение имеет в этом смысле поэма «Соловьевский сад» — одно из лучших, самых глубоких и художественно совершенных, созданий Блока. В основе поэмы лежит мысль о том, что единственное настоящее призвание человека — труд и борьба, и что человек никогда, ни при каких условиях не должен изменять жизни, сколь бы тяжела и сурова она ни была, ради своего уединенного, личного, маленьского счастья. Всем своим содержанием — сюжетом, логикой образов — поэма говорит о том, что бегство от жизни, от людей, от труда — не более как иллюзия, что это всегда мнимое освобождение, ибо жизнь жестоко мстит за измену ей — мстит отчаяньем, душевной опустошенностью, трагедией одиночества, непоправимой утратой своего места в мире:

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

¹ «Горький о Мессине» (1909).

² «Гейне в России» (1919), «Крушение гуманизма» (1919).

Идея поэмы сводится к тому, что если человек обладает сильной волей и верен своему долгу, никакие сладостные «соловьевые песни» не способны заглушить в его душе и сознании грозный и всегда призывный рокот воли житейского моря.

«Соловьевый сад» — это громкий гимн во имя активной, действенной, творческой жизни и разоблачение красивой, упоительной, но призрачной и бесплодной мечты, уводящей человека от суровой действительности. Об этом говорят и многие другие стихи Блока. Ключом к ним могут служить следующие слова поэта: «Я ведь никогда не любил „мечты“, а в лучшие свои времена, когда мне удается более или менее сказать свое, настоящее, — я даже неshawижу „мечту“, предпочитаю ей самую серую действительность».¹ Об этом же — в стихах:

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

И это говорил поэт, который так долго казался именно мечтателем, визионером, погруженным в какие-то сказочные сны — то о Прекрасной Даме, то о Снежной маске, то о Фаине... Но он недаром ставит слово «мечта» в кавычки. На протяжении трех томов лирики Блока ясно видно, как изменилось для него самое содержание этого понятия, как из призрачной мечты визионера оно превращается в «свободную мечту», которая уже не влечет человека прочь из жизни, а, напротив, зовет его в самую гущу жизни:

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже, —
Оттуда зрячий мир иной...

Этот «иной мир» поэта уже не имеет ничего общего с его юношескими «иными мирами», созданиями мистического воображения. Это — романтический образ будущего, лучшего мира, мира человеческого, который может и должен быть создан волей и творчеством освобожденного человека. В первоначаль-

¹ Письмо к А. Н. Чеботаревской (27 декабря 1915 г.).

ной редакции только что цитированного стихотворения было сказано:

Поэта вольная мечта
Всё льнет туда, где горе, жалость,
Где грязь, и мрак, и нищета,
И я люблю сей мир ужасный,
За них сквозит мне мир иной,
Неописуемо прекрасный
И человечески-простой...

И как закономерно после этого и в связи с этим говорит Блок о «великой грозе» народной революции, которая должна испепелить старый мир и создать новый — прекрасный и человеческий.

Нет, не одним только отрицанием «ложной жизни» дышит поэзия Блока! В ней есть и утверждение прелести, ценности и радости жизни, но не «ложной», а подлинной, такой, какой она должна быть.

Сотри случайные черты —
И ты увидаишь: мир прекрасен, —

писал Блок, и это убеждение лежало в основе его отношения к жизни, как бы порой она ни отвращала его своим уродством, своей ложью, всеми своими «случайными чертами». Поэтому-то в стихах поэта так глубоко и отразилось все, что он, по собственному признанию, «страстно любил», — и «весь трепет этой жизни бедной», и гражданские бури и тревоги, и «тайный жар» больших человеческих чувств, и неутолимая жажда творчества —увековечивания «всего сущего», и животворная вера в будущее.

Источником этой веры была для поэта его родина, Россия, — причем темы родины, революции и человека для него едины и нераздельны. Главный сюжет поэзии Блока — внутренний драматизм человеческой личности, картина борения души, раздираемой сомнениями и противоречиями. Но сама личность объясняется исторически: это — дитя «страшных лет России». Поэтому тема родины в лирике Блока неотделима от темы страдающего ищащего человека. Опи даны в единстве: человек *надеется* на Россию, для него родина — единственный свет в обступившем его кромешном мраке «страшного мира».

Начиная с 1907—1908 годов тема родины, ее исторического пути, ее настоящего и будущего выдвигается на первый план в творчестве Блока — и в лирике, и в драматургии («Песня

Судьбы»), и в публицистической прозе. «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь», — заявил поэт.¹

Образ России в поэзии Блока не есть нечто неподвижное, данное раз и навсегда. Он складывался и обогащался постепенно. Сперва Россия Блока — это даже не Россия, а вневременная сказочная *Русь* — то умирающе-нестеровская, в «простом окладе синего неба», со скромными березками и елками, сбегающими в овраг, то таинственно-врубелевская, дремучая и колдовская, с заветными «преданьями старины», с ведунами и ворожеями, с заревами пожаров и буйными выюгами. Поэт любуется ее вековой «дремотой» и плачет над ее «нищетой». Если за вековой дремотой, в какую погружена Русь, и зреют какие-то тайные, не выявленные еще силы, то это силы тоже темные, тоже колдовские, связанные в представлении поэта с глухим брожением народной «стихии», с затаенным огнем ушедшей в подполье народной веры.

Другой аспект образа — Россия-цыганка, живое воплощение свободной и могучей «стихии», окрыляющей душу восторгом отчаянья и гибели. Здесь сказалось влияние малопопулярного поэта сороковых годов Аполлона Григорьева (известного главным образом как критик), которого Блок с юных лет любил и ценил за умение с громадной эмоциональной непосредственностью выразить на языке поэзии буйную страсть и «цыганский» надрыв души. Черты женского образа — страстного, неукротимого, стихийно свободного — Блок переносит на Россию. Особенно показательна в этом смысле «драматическая поэма» Блока «Песня Судьбы», где он хотел наиболее внятно сказать на языке художественных образов о своем разочаровании в тщетных интеллигентских исканиях и о своих надеждах на «стихию» — на Россию, на народ.

Тема «цыганской свободы», влекущей лирического героя Блока из тихого «белого дома» на «бескрайнюю равнину» родины, оборачивалась и другой стороной — мотивами бездомности, безнадежных скитаний по кабакам, безоглядной растраты душевных сил то за «кабацкой стойкой», то в «буре цыганских страстей», упоения этой «погибелью души» и горького в ней раскаянья. Но даже и за всем этим сквозит у Блока образ России — «единой звезды». Недаром облик героини «Песни Судьбы» — дивной Фаины — двоится: это и певица-цыганка, звезда

¹ Письмо к К. С. Станиславскому (9 декабря 1908 г.).

эстрады, распевающая «общедоступные куплеты», это и сама Россия с ее прекрасными и трагическими чертами, с ее роковой судьбой, с ее беспокойным ожиданием вселенской бури. Или возьмем, для примера, стихотворение «Я пригвожден к трактирной стойке...» Оказывается, даже эти стихи, говорящие о душевном упадке человека, изверившегося в счастье, были задуманы как нечто о России. Из уцелевшего «плана» стихотворения видно, что тройка, уносящая счастье героя (не куда-нибудь, а в «даль веков»), — это сама Россия, летящая «неведомо куда» (образ, непосредственно восходящий к Гоголю), — и в этой связи развертывалась целая цепь метафор-символов: тройка, «мертвая и пустынная равнина», «звездные очи» красавицы России, «демонский ямщик». Историческая и более того — политическая подоплека этой символики очевидна.

В дальнейшем Блок приходит к попиманию России как исторической реальности данного времени. Точка поворота в истолковании темы — знаменитый цикл «На поле Куликовом». Главное здесь — чувство родины как будущего. Отталкиваясь от той же гоголевской необгонимой тройки, Блок создает динамический образ родины, устремленной вперед, в «даль веков»:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...
И нет конца!..

Идейно-политическим подтекстом к стихам Блока о России могут служить замечательные его слова, сказанные в самую мрачную годину реакции: «Нам завещана... огромная (только не скваченная еще железным кольцом мысли) концепция живой, могучей и юной России... Если есть чем жить, то только этим. И если где такая Россия „мужает“, то уж, конечно, — только в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу, науку и философию, молодого мужика, одержимо раздумывающего думу „все об одном,“ и юного революционера с сияющим правдой лицом, и все вообще непокладливое, одержимое, грозовое, пресыщенное электричеством. С этой грозой никакой громоотвод не сладит».¹

¹ Письмо к В. В. Розанову (20 февраля 1909 г.).

Тема России раскрывается в поэзии Блока в символических образах, но сама символика эта — исторически конкретна. Таковы, например, образы России — спящей красавицы и пленившего ее злого колдуна-чародея (здесь тоже связь с Гоголем — со «Страшной местью»). Колдун — это образ старого, ветхого мира, говоря точнее — образ русского самодержавия, которое старалось задержать ход исторического процесса, усыпить, одурманиить Россию, неудержимо рвущуюся к новой жизни (здесь безусловно — отклик на влиятельные в свое время идеи реакционных публицистов, вроде К. Леонтьева, который советовал немного «подморозить» Россию). Но, несмотря на все посулы и обманы чародея, красавица бессмертна и вечно юна:

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Пройдет несколько лет, и Блок снова вернется к тому же кругу образов — в поэме «Возмездие». На этот раз он уже окончательно расшифрует вложенный в эти образы конкретно исторический смысл: колдун, насылающий марево на красавицу, оказывается Победоносцевым, в личности и деятельности которого для Блока, как и для всех русских передовых людей его времени, воплощалась холодная и черная сила реакции. И в данном случае столь же резко подчеркнута тема русского будущего:

Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил...

Россия Блока — утешение и надежда, залог и вера. С нею «и невозможное возможно, дорога долгая легка». Это страна громадной, еще не выявленной вполне мощи и энергии. Не случайно, конечно, мотив «долгого пути», лежащего перед родиной, проходит через всю патриотическую лирику Блока.

В годы нового подъема освободительного движения, накануне мировой войны, Россия окончательно обернулась к поэту своим «новым лицом» — уже «не старческим и не постным», а юным и полным жизни. В «Новой Америке» запечатлен реальный облик современной поэту капиталистической России с «многоярусными корпусами заводов», «городами из рабочих лачуг», с перазведенными подземными богатствами и с народом, который только

и ждет, чтобы приложить руки к большому делу. «Будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств», — говорил Блок. И он представлял себе это будущее как «великое возрождение под знаком мужественности и воли», как «сдвиг всех сил», как торжество «Великой Демократии», в условиях которой человеку будет обеспечено свободное, всестороннее и гармоническое развитие всех физических и духовных сил.¹

«Россия — буря», — сказал Блок, и это ощущение родины как могучей и свободной стихии, призванной преобразить мир, он гениально передал в своей поэзии, в самой ее словесно-образной ткани и музыке. Через все блоковские стихи о России проходит один ряд образов и метафор, воплощающих идею безудержного, бурного, вихревого движения: ветер, выюга, снежная метель, бегущие по небу тучи и т. д.

Стихи Блока о России с наибольшей отчетливостью выявляют его путь к революции. Господствующая нота этих стихов, начиная с «Осенней воли» (1905) и кончая «Коршуном» (1916), — все та же тревожная, набатная нота предчувствия «неслыханных перемен»:

Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Пророческий пафос поэта, его страсть и тревога, магия его текучего, многосмысленного языка с необычайной силой действовали на чутких современников. Вот свидетельство одного из тех, для кого Блок был любимым поэтом (речь идет о сборнике Блока «Стихи о России», появившемся на второй год мировой войны): «Чего только не было в этой тоненькой книжечке! Она предсказывала России „праздник радостный, праздник великий“... Она гневно и беспощадно обличала и отрицала... По-новому перечитал я после этой маленькой книжечки прозу Чехова и Горького».²

При всем том самому Блоку было тесно в пределах одних лирических жанров. Его давнее и настойчивое стремление сойти с «шаткой лирической почвы» нашло исход в работе над двумя крупными произведениями — драмой «Роза и крест» и поэмой «Возмездие».

«Роза и крест», написанная на историческом материале (французское средневековье), — лучшее, самое зрелое и мастер-

¹ Записная книжка (5 ноября 1915 г.).

² Ю. Либединский. Современники, М., 1958, стр. 5.

ское произведение Блока в драматической форме. Здесь он решительно перешел от декадентско-символистского театра «маски» к театру человеческого образа и характера. Здесь его интересовали уже не разные стороны души одного человека, а характеры разных людей во всей их психологической разно-природности. В душевной драме рыцаря Бертрана — центрального героя пьесы — раскрывается постоянная творческая тема Блока: трагедия современного человека. Блок настойчиво указывал, что психология действующих лиц «Розы и креста» — «вечная», и раскрыта на историческом материале потому только, что он «еще не созрел для изображения современной жизни» и не владеет «современным языком», а что, по существу, герои его драмы — «современные» люди, «их трагедия — и наша трагедия».¹

В этой связи интересно, что Блока долго увлекал замысел большой драмы на современном материале («Нелепый человек»). К этому замыслу он возвращался несколько раз на протяжении 1913—1916 годов. В основе его лежала картина разорения «мечтательной» помещичьей семьи в условиях новых общественно-экономических отношений и «фабрично-промышленного возрождения» России (знаменательная перекличка с «Вишневым садом» Чехова).

В 1910 году Блок приступил к поэме «Возмездие». Он за-дался целью создать обширное эпическое полотно, в котором были бы прослежены судьбы двух поколений русских индивидуалистов на материале семейной хроники (поэма носит в известной мере характер автобиографический) и на широком фоне общественно-исторической жизни России, начиная с конца семидесятых годов прошлого века и вплоть до революционных баррикад 1905 года, на которых, по замыслу поэта,² должен был погибнуть главный герой поэмы («сын»). «Семейная» тема решена в «Возмездии» в разрезе больших философско-исторических обобщений, с многочисленными отступлениями, представляющими собой характеристики целых исторических эпох либо декларации общественных и художественных взглядов поэта.

Блок возлагал на «Возмездие» большие надежды. «Поэма обозначает переход от личного к общему. Вот главная ее

¹ Записная книжка (10 марта 1916 г.).

² В наиболее обширном плане (1913), предусматривавшем не три, а четыре главы поэмы.

мысль», — так формулировал он существоство своего замысла.¹ Поэма осталась незавершеннай, но и то, что было написано, делает ее наиболее выдающимся памятником русской эпической поэзии предреволюционного времели (до появления эпоса Маяковского).

В разгар работы над «Возмездием» Блок записал: «На днях я подумал о том, что стихи писать мне не нужно, потому что я слишком умею это делать. Надо еще измениться (или — чтобы вокруг изменилось), чтобы вновь получить возможность преодолевать материаль». ² Через год вокруг поэта все изменилось — рухнула старая Россия, и в грохоте ее крушения он пережил такой высокий творческий взлет, какого еще не знал никогда.

5

Свержение самодержавия застало Блока в действующей армии (он был мобилизован в 1916 году). Хотя поэт поначалу и возлагал на мировую войну какие-то неясные надежды — в том смысле, что она «очистит воздух» и, может быть, приведет к существенным сдвигам в русской жизни, он сумел не поддаться шовинистическому дурману, который охватил в годы войны множество русских писателей. Наиболее же существенно, что Блок довольно быстро разобрался в природе империалистической войны и оценил ее как антинародную, классово корыстную войню.

Крушение старой, царской России, конечно, обрадовало Блока, но установившийся в стране буржуазно-республиканский режим почти сразу же разочаровал его — прежде всего потому, что не принес народу избавления от кровавого кошмара преступно развязанной войны. Лозунг буржуазных партий «Война до победного конца» вызывает страстный протест Блока. Сама буржуазная революция уже представляется ему лишь прелюдий еще не развернувшихся более грозных событий. Он ждет дальнейшего неизбежного подъема революционной волны. Уже в мае 1917 года он задается вопросом: а может быть, «то, что было, не было революцией?»³

Именно на почве отрицания империалистической войны Блок еще до Октября начинает «склоняться» к «интернациональ-

¹ Записная книжка (3 июня 1916 г.).

² Записная книжка (25 марта 1916 г.).

³ Дневник (26 мая 1917 г.).

ной точке зрения»¹ и внимательно присматриваться к большевикам. Нет нужды ни преувеличивать, ни преуменьшать политическую зоркость Блока. Конечно, далекий от жизни, борьбы и интересов рабочего класса и более того — не считавший его главной движущей и направляющей силой общественного развития, он слабо разбирался в конкретной социально-политической обстановке, в противоречиях классовой борьбы, в программах и установках политических партий. Он больше доверялся голосу своего сердца, но нужно признать, что этот голос, в основном и главном, его не обманывал.

Пусть в мае 1917 года поэт, «много думав», еще проголосовал на выборах за блок эсеров и меньшевиков, полагая, что именно они в наибольшей мере выражают общенародные интересы, но уже тогда он ясно видит, что с кадетами, например, ему не по пути. Признаваясь, что «любит кадет по крови», он тут же говорит, что ему «стыдно было бы быть с ними».²

Активизация контрреволюционных сил накануне и после июльских событий приковывает внимание Блока к лозунгам большевиков. Они привлекают его своей ясной и четкой программой: конец войне, всеобщий мир, земля — народу. Исходя из своих анархо-максималистских настроений и издавна испытанных народнических воздействий, веря и ожидая, что старый мир должен весь, до конца, перегореть в огне революции, Блок возлагал свои надежды главным образом на крестьянскую Россию, видя в ней исконно-национальную стихийно-бульгарскую силу, рождающую Разиных и Пугачевых. Проблема народной революции по-прежнему осмыслилась им в свете бакунинской идеи всеобщего «мужицкого бунта». Заблуждаясь насчет большевиков, он и их воспринимал в том же свете: «русский большевизм гуляет», это — «буйная воля», это — «огонь», и задача русской культуры — направить его «на то, что нужно сжечь», «бульство Стеньки и Емельки превратить в волевую музыкальную волну», «организовать буйную волю».³ Здесь — первый у Блока проблеск мысли о новом соотношении стихии и культуры, о возможном союзе мастеров культуры с носителями «буиной народной стихии» — большевиками.

О настроении Блока, с которым он жил в это промежуточное

¹ Письмо к матери (7 июня 1917 г.).

² Дневник (16 июля 1917 г.).

³ Дневник (7 августа 1917 г.).

время между двумя революциями, о его душевном подъеме и отрешенности от всего личного лучше всего говорит одно из писем его к жене: «Нового личного ничего нет, а если б оно и было, его невозможно было бы почувствовать, потому что содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия... Я был на Съезде Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, и вообще вижу много будущего». Вместе с тем в Блоке просыпается страшная «ненависть к интеллигенции»: «Если „мозг страны“ будет продолжать питаться все теми же ирониями, рабскими страхами, рабским опытом усталых наций, то он и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут — скоро, жестоко и величаво, как делается все, что действительно делается теперь. Какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа? А могли бы своим опытом, купленным кровью детей, поделиться с этими детьми».¹ Здесь, в сущности, уже присутствует, в концентрированном выражении, вся проблематика послевоктябрьской публицистики Блока.

Накануне Октября Блок записывает в дневнике, что «один только Ленин» (Блок подчеркивает эти слова жирной чертой) верит в будущее — «с предвидением доброго», верит, что «захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».² Под демократией Блок имеет в виду большевиков (он записал это в связи с проникшими в печать слухами о том, что большевики готовят вооруженное восстание). Запись эта поистине замечательна. При всей своей неискушенности в «реальной политике» Блок сумел различить в окружавшем его шуме политической жизни только один уверенный и твердый голос — голос Ленина.

Октябрьскую революцию Блок принял сразу и безоговорочно. В числе очень немногих представителей художественной интеллигенции он заявил о своей готовности сотрудничать с большевиками, с молодой советской властью: «Может ли интеллигенция работать с большевиками? Может и обязана».³ Когда, буквально через несколько дней после переворота, ВЦИК, только что созданный на Втором Съезде Советов, пригласил в Смольный петроградских писателей, художников, артистов, на призыв откликнулось всего семь-восемь человек, но среди них было два великих

¹ Письмо к Л. Д. Блок (21 июня 1917 г.).

² Дневник (19 октября 1917 г.).

³ Ответ на анкету (14 января 1918 г.).

поэта — Александр Блок и Владимир Маяковский. Факт, характеризующий судьбу русской поэзии в новом мире. Один из правительственные комиссаров того времени передает свою беседу с Блоком: «Вперив взор прямо в мои глаза, он порывисто произнес: „Вас интересует политика, интересы партий; я, мы, поэты, ищем душу революции. Она прекрасна. И тут мы все с вами“».¹

Смысль происшедшего заключался для Блока в том, что «Великий Октябрь» (слова Блока) разом «разрубил все узлы». Обращаясь к озлобленной контрреволюционерке З. Гиппиус, он спрашивал ее: разве вы не знаете, разве вы не видите, что «мир уже перестроился», что возврата к прошлому нет и быть не может, что как не будет никогда старой России, так же не будет старых Англии, Германии, Франции, что весь старый мир «уже расплавился».² О таком всеобщем, всемирном катаклизме Блок мечтал всю жизнь, и сейчас ему показалось, что мечта его реально воплощается в неудержимый «мировой пожар», который вспыхнул в России и будет еще долго разгораться все больше и больше, перенося свои очаги и на Запад и на Восток — до тех пор, «пока не запылает и не сгорит весь старый мир дотла».³ В этих словах достаточно полно и ясно раскрывается смысл блоковского понимания революции как стихийного процесса — понимания, обусловившего и сильные и слабые стороны того, что Блок написал о нашей революции.

Вечным памятником признания первым поэтом тогдашней России всемирно-исторического значения пролетарской революции, ее высшей правды и справедливости явилась гениальная поэма «Двенадцать» вместе с сопутствовавшими ей стихотворением «Скифы» и пламенной статьей «Интеллигенция и Революция», которая тоже звучит как вдохновенные стихи. Все это было написано залпом, в удивительном порыве вдохновения, в метельном январе 1918 года, когда юная Советская Россия,

¹ П. Лебедев-Полянский. Из встреч с А. Блоком.— «Жизнь», 1922, № 1, стр. 196.

² Письмо к З. Н. Гиппиус (31 мая 1918 г.).

³ «Катилина» (1918). Интересно, что слова Блока об испепеляющем «мировом пожаре» перекликаются с тем, что говорилось в партийной печати. Так, например, «Правда» писала 18 ноября 1917 г. в передовице «Революция угнетенных классов и угнетенных наций»: «Пламя Октябрьской петроградской революции неизбежно разрастется в огненную бурю, которая повергнет о землю меч разбойной войны и испепелит господство капитала».

со всех сторон окруженнная врагами, только начинала свой славный исторический путь.

Резонанс этих произведений Блока был очень велик. Они громом откликнулись и в лагере пролетарской революции и в стане ее врагов. Заявив о своей солидарности с большевиками, отпев старую Россию и прославив новую, рожденную в Октябре, Блок тем самым вступил в открытый и острый конфликт со всей буржуазной литературой и общественностью, в ту пору еще сохранившими некоторые свои позиции, в частности — свои органы печати. Утонченные и обозленные интеллигенты, которых Блок с беспощадной трезвостью охарактеризовал как «прихлебателей буржуазной сволочи»,¹ встретили выступление поэта воем, свистом и улюлюканьем. Нужно было иметь много душевных сил, нужно было до конца верить в дело народа и в свою правоту, чтобы так стойко, так беспрепятственно, с таким великолепным презрением отнестись к злобной и грязной травле, как сделал это Блок. Его поведение в 1918 году (и позже) может служить примером мужества и бесстрашия подлинного художника во имя своего святого дела.

Первым откликом Блока на Октябрьскую революцию явилась статья «Интеллигенция и Революция», где он писал: «Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано... Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». В поэме «Двенадцать» Блок и хотел показать в художественных образах, «что задумано».

В поэме запечатлена грандиозная картина великого исторического перелома. Она не вмещается в сюжет. Как всякое большое произведение искусства, «Двенадцать» ведет мысль и воображение читателя вширь и вглубь. За сюжетом вырастает зарево всеобщего «мирового пожара», за сценами петроградской улицы — вся Россия, сорвавшаяся с якорей, за двенадцатью красногвардейцами — весь народ, двинувшийся к новой жизни.

Резкими сатирическими чертами обрисован в поэме прогнивший старый мир с его персонажами — буржуями, барынями, попами, «витиями» и проститутками. Поистине великолепен найденный поэтом сильный и смелый обобщенный образ этого бесславно погибшего мира:

¹ Дневник (14 января 1918 г.).

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Удивительной поэтической энергией проникнуты отточенные, лапидарные строки «Двенадцати», прозвучавшие как боевые лозунги и сразу же попавшие на плакаты:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

В литературе о Блоке шли и до сих пор идут споры, как понимать героев его поэмы — двенадцать красногвардейцев, вышедших на штурм старого мира. Многих смущает то обстоятельство, что они охарактеризованы в поэме как бесшабашная «голытьба» с анархическими замашками, готовая на всякого рода эксцессы и в самом деле мимоходом совершающая преступление (убийство Катьки). Безусловно, в этой характеристике сказалось искаженное представление Блока о большевизме как о слабо организованной «буйной воле». Поэт плохо представлял себе организующее и созидательное начало социалистической революции, воплощенное в ленинской партии — авангарде рабочего класса, который только и обеспечил победу революции. Такая «вольница», какую изобразил Блок, как известно, тоже действовала в октябрьские дни, но ее (говоря словами Маяковского) «прибирала партия к рукам, направляла, строила в ряды». Блок в «Двенадцати» не показал железной воли пролетарской революции, составлявшей ее решающую силу, и это, конечно, является серьезным идейным пороком поэмы.¹

Но столь же бесспорно, что социальная, классовая природа героев «Двенадцати» определена в поэме совершенно точно и не должна вызывать никаких кривотолков. О них сказано прямо: «рабочий народ». Это люди столичных «пизов», вступившие в Красную гвардию с готовностью сложить свои «буйные головы» за общее народное дело, за «мировой пожар» свободы. На этих

¹ Правда, в те самые дни, когда создавалась поэма, Блок записал в дневнике (18 января 1918 г.): «Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма, которая за летучей, за крылатой». Но творчески реализовать это свое понимание он не сумел.

людях еще лежат густые тени старого мира, над ними еще тяготеет его проклятие. Души их покалечены наследием жестокого и рабского прошлого, пережитками его психологии и быта. Но, *вопреки* всему этому, они — *герои* революции. Революция подняла их на высоту нравственного подвига. Они сознают величие времени и того исторического дела, в котором участвуют («Не такое нынче время, чтобы нянчиться с тобой!»), они сознательно творят свое справедливое возмездие над старым миром во имя светлого будущего («Ко всему готовы, ничего не жаль...»). И «сладкое житье», и «скуча скучная», и анархическая гульба, и темная ревность, и душегубство — все это преграды и западни, которые прошлое ставит на пути двенадцати, а в основе своей, в направлении своем — это путь революционного действия:

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Пусть Блок еще не сумел с полной отчетливостью увидеть, понять и изобразить характер нового героя истории, но он запечатлел главные его черты — беззаветную преданность делу революции, беспощадность к ее врагам, силу и твердость, которые вдохнула в него революция. Незадолго до того, как была написана поэма, Блок говорил: «Новое будет совершенно иным. Ни Романов, ни Пестель, ни Пугачев — сам державный народ, державным шагом идущий вперед к цели».¹

Бот эта мысль и составляет идеиный центр «Двенадцати». Герои поэмы «вдали идут державным шагом», — именно *вдали* — то есть в далекое будущее, и именно *державным* шагом — то есть как новые, полновластные хозяева жизни. Перед этим главным и основным в «Двенадцати» отступают на задний план любые частности.

Много недоумений и споров вызвал также символический образ Христа, возглавляющего с «кровавым флагом» победное шествие красногвардейцев (хотя они его и не видят). Известно, что образ этот не удовлетворял и самого Блока, что он хотел, чтобы финал поэмы был другим. Он говорил: «к сожалению, Христос», но вместе с тем не думал отказываться от «своего Христа»: «Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, „достойны

¹ М. Бабенчиков. Ал. Блок и Россия. М., 1923, стр. 67.

ли они его“, а страшно то, что опять Он с ними и другого пока нет; а надо Другого — ?»¹

Суть дела заключается в том, что Христос у Блока — особый. С образом Христа у него были связаны свои представления, и вне их невозможно понять символику «Двенадцати». Прежде всего Блок вовсе не собирался ни прославить Христа, ни религиозно «оправдать» или «освятить» его именем революцию. Ортодоксальный, церковный Христос был с юности чужд Блоку («Я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак»²). Но, считая Иисуса Христа личностью исторической, Блок издавна понимал его как «вестника нового мира», как личность, воплотившую бунтарский дух раннего христианства — великой нравственной силы, которая сокрушила изживший себя языческий мир. Христос, доказывал Блок, произнес «беспощадный приговор» расщленной государственности, цивилизации и морали миродержавного и преступного Рима; ветер христианства «разбросся в бурю, истребившую языческий старый мир».

Блок находил в этом поучительную аналогию с концом старой помещичье-буржуазной России. В очерке «Катилина», написанном вслед за «Двенадцатью» и важном для понимания поэмы (бунтовщик Катилина демонстративно назван «римским большевиком»), Блок сближал свое время с эпохой крушения Римской империи и формирования раннего христианства. Вообще тема Христа и распада языческого мира, поставленная в связь с русской революцией, красной нитью проходит через писания Блока того времени. Образ Христа как олицетворения новой религии, новой морали становится для поэта символом обновления жизни и в таком значении появляется в финале «Двенадцати».

Тем самым в замысле Блока образ Христа нисколько не противоречил революционному звучанию поэмы. Герои «Двенадцати» — безбожники и богохульники; они и не ведают, что впереди их идет Христос — «вестник нового мира». Блоку нужен был некий емкий символ исторического дела «двенадцати». Он хотел бы, чтобы вместо Христа их вел кто-то «Другой», потому что, разумеется, понимал, насколько «женственный призрак» спасителя и искупителя, окруженный религиозными представлениями, ставший орудием поповщины («Религия — грязь (попы

¹ Записная книжка (18 февраля 1918 г.).

² Дневник (10 марта 1918 г.)

и пр.)» — пишет Блок в феврале 1918 г.), покажется неожиданным в поэме о русской революции. Но он не сумел найти никакого другого образа такого же масштаба, чтобы символически выразить идею рождения нового мира.

Таким образом, «Двенадцать» — произведение, не свободное от серьезных противоречий. Но главное в поэме — не заблуждение идеалистического сознания Блока, а его ясная вера в правоту народного дела; не ограниченное понимание реальных движущих сил и конкретных социалистических задач русской пролетарской революции, а тот высокий революционно-романтический пафос, то живое ощущение величия и мирового размаха Октября, его грозовой атмосферы, которыми всецело проникнута поэма. Именно это увидела в «Двенадцати» партийная печать, подчеркивая, что Блок сумел «в художественных образах выявить душу народа, или, что то же, душу революции».¹

Чуткость поэта к ходу исторической жизни была такова, что в те дни, когда он писал «Двенадцать», он, по собственному признанию, «ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (героятко, шум от крушения старого мира)».² Этот грохот крушения старого мира отзывался в поэме Блока — в самих ее ритмах и интонациях, в напряженности и динамичности ее стихового темпа. Вдохновенный порыв Блока, созвучие его души, ума и сердца с «мировым оркестром» жизни на этот раз были таковы, что, обычно беспощадно строгий к себе, он записал в день, когда кончил «Двенадцать»: «Сегодня — я гений».³

Октябрьская поэма Александра Блока, стоящая у преддверия советской литературы, бессмертна, как гениальный памятник революционного искусства. Время не остудило ее революционного накала: не далее как в позапрошлом году редактор и сотрудники греческого журнала «Художественное обозрение» были преданы королевскому суду за напечатание в переводе отрывков из «Двенадцати».⁴

«Скифы» дополняют «Двенадцать»: там — картина крушения старого мира, здесь — прогноз на будущее.

¹ «Правда», 1919, 18 января.

² Записка о «Двенадцати» (1 апреля 1920 г.).

³ Записная книжка (29 января 1918 г.).

⁴ См. «Вечерняя Москва», 1958, от 11 октября, — «Александр Блок... перед судом».

В «Скифах» Блок вернулся к издавна волновавшему его вопросу об исторических судьбах и задачах России. Теперь он решал этот вопрос применительно уже к новой России, понимая ее как оплот мира и братства народов, как средоточие всего лучшего и ценнего, что было создано человечеством («Мы помним все...», «Мы любим все...»). Идея интернационализма, сильно увлекавшая Блока, была связана в его представлении с существом и задачами русской революции. «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чуять силы национальной», — утверждал он.¹

В «Скифах» тоже оказались противоречия, свойственные мировоззрению Блока (боязнь «памонголизма» — неизбежного, якобы, и трагического столкновения Запада с Востоком). Но они не могут заглушить мощного революционно-патриотического звучания этой гражданственной оды. Она была написана в тот исторический момент, когда старый мир, все еще воинствующий и кующий оружие войны, собирая крестовый поход против Советской России. В это неслыханъ трудное время, когда решался вопрос — быть или не быть революции, Блок, откликаясь на самую важную и политически острую тему дня, как поэт-трибун обратился к пародам, сзывающим их на «братский пир труда и мира», а к врагам русской революции — с грозным словом предупреждения.

После «Двенадцати» и «Скифов» Блок перестал писать стихи, если не считать нескольких вещей, сочиненных «на случай», переработки юношеской лирики и не слишком плодотворных попыток завершить поэму «Возмездие». После необычайного взлета в январе 1918 года такой спад творческой воли и энергии казался неожиданным. Сам Блок тяжело переживал свое затянувшееся молчание и искал объяснения ему. Известную, и немалую, роль играло в данном случае глубокое убеждение поэта в исчерпанности старых, привычных ему художественных форм и старого стихотворного языка. Он понимал, что новое содержание властно требует новой формы, — в «Двенадцати» он нашел ее, но в дальнейшем эта народная, песенно-частушечная в основе своей, форма не получила развития в его творчестве; немногочисленные стихи, написанные после «Двенадцати», выполнены в обычной для Блока лирической манере.

Но главное заключалось, конечно, не в этом, а в том, что поэт роковым образом утратил то согласие с «мировым оркест-

¹ Дневник (5 января 1918 г.).

ром» жизни, в котором были созданы «Двенадцать» и «Скифы». Нет нужды скрывать, что в послеоктябрьские годы Блок не всегда чувствовал тот «революционный пафос» (говоря его же словами), который окрылял и животворил его. «Главное — не терять крыльев», — твердил Блок.¹ Но в суровой, полной испытаний обстановке трудных лет гражданской войны и первоначального формирования советского общества поэту-романтику порой казалось, что сама революция теряет крылья. Он ждал чуда — мгновенного и полного преображения жизни, а в действительности новое еще было переплетено со старым, ненавистным поэту, да и само по себе новое иногда оказывалось для него чуждым и малопонятным.

Всей душой Блок хотел быть заодно с народом, участвовать в общем деле: «Революция это я — не один, а мы. Реакция — одиночество, бездарность, мять глину».² Он был полон желания работать. У него было множество планов. Он хотел делиться с народом всем, что знал и умел. Он и работал — много и аккуратно — в Государственной комиссии по изданию классиков, в Театральном отделе Наркомпроса, в Союзе деятелей художественной литературы, в горьковском издательстве «Всемирная литература», в Союзе поэтов, в Большом драматическом театре. Работа эта отражена в десятках докладов, статей, заметок, рецензий и отзывов по общим вопросам философии, культуры и истории и по специальным вопросам литературы и театра. Но чем дальше, тем больше тяготили Блока его разнообразные и обременительные обязанности. Романтический полет в зареве «мирового пожара» оборачивался заседательской скучкой, а подчас и мелкими дрязгами, потому что люди окружали Блока разные и не всегда самые лучшие.

В том, что Блок испытывал резкий упадок настроения, безусловно сказалась специфическая обстановка, которая сложилась в Петрограде в первые послеоктябрьские годы. Ленин в июле 1919 года уговаривал Горького (который, как известно, тоже переживал в это время идейные штания) уехать из Петрограда, переменить обстановку, освободиться от «большого брюзжания большой интеллигенции», особенно назойливого в «бывшей столице». Ленин утверждал, что в Петрограде строительство новой жизни «идет по-особому и меньше всего», что вообще

¹ Дневник (1 марта 1918 г.).

² Там же.

«жить надо либо активным политиком, а если не лежит к политике душа, то как художнику наблюдать, как строят жизнь по новому там, где нет центра бешеной атаки на столицу, бешеной борьбы с заговорами, бешеной злобы столичной интеллигенции, в деревне или на провинциальной фабрике (или на фронте). Там легко простым наблюдением отделить разложение старого от ростков нового».¹

У Блока душа к политике не лежала. Он, конечно, видел «ростки нового», но их было еще так мало и они зачастую так заслонялись «разложением старого», что тонкой, впечатлительной душе поэта было нелегко выдержать это испытание. Если такого рода опасность существовала для Горького, человека неизмеримо более защищенного, то для Блока она была особенно болезненной. Непосредственно вокруг себя поэт наблюдал по большей части мышиную возню тех самых испуганных и обозленных интеллигентов, которых он так настойчиво и так тщетно призывал «слушать Революцию» и которые так злобно травили его за «Двенадцать». Кто знает, если бы Блок ближе почувствовал дружескую руку тех, кто в бурях гражданской войны творил новую жизнь, — может быть, он и обрел бы в себе и большую волю к жизни и новые творческие силы.

Но при всем том общественная позиция Блока оставалась неизменной. Он никогда не делал своей душевной усталости общим достоянием. Когда какой-то буржуазный «вития», прослушав речь Блока «О назначении поэта» (в которой прозвучала нота протesta против посягательств «государства» на творческую волю «художника»), «посочувствовал» ему: «Какой вы шаг сделали после „Двенадцати“, Александр Александрович!», Блок ответил ему «ровно и строго»: «Никакого. Я сейчас думаю так же, как думал, когда писал „Двенадцать“».² Он ни на что не жаловался и стойко переносил довольно тяжкие житейские невзгоды, коснувшиеся его лично. Ни на минуту не думал он отворачиваться от революции, никогда не помышлял покинуть Советскую

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 349—350.

² Конст. Федин. Писатель, искусство, время. М., 1957, стр. 40. Вот еще ценное свидетельство одной собеседницы Блока. В мае 1921 года он говорил, что снова «слышит революцию как могучую симфонию в мажорном ключе», что «мажорное состояние он ощущает и внутри себя» и что «это безусловно найдет выражение в его новой поэзии» (Э. Шуб. Крупным планом. М., 1959, стр. 57).

Россию. С ней, и только с ней, он навсегда связал свою жизнь и судьбу.

В мемуарах одного из последнейшой буржуазной литературы — сбежавшего за рубеж поэта Г. Иванова — есть такая красочная страница. Идет весна 1921 года — последняя весна Блока. В Кронштадте поднят контрреволюционный мятеж. Петроградское подполье жадно прислушивается к грохоту кронштадтских пушек, ждет неминуемого (наконец-то!) свержения советской власти. Г. Иванов ждет того же. На пустом мосту через Неву он видит Блока. Тот стоит под красным закатным небом и внимательно вслушивается в канонаду. «Стреляют... — говорит он Иванову. — Вы верите? (в победу мятежников). Я не верю. Помните у Тютчева:

В крови до пят, мы бьемся с мертвцами,
Воскресшими для новых похорон...»

Мертвцы оставались для Блока мертвцами. И смотрел он не назад, а вперед — в открытую даль времен, и видел там

...море, море,
Исполинский очерк новых стран...

6

Когда Блок умер, современники остро почувствовали, что с его смертью закончилась целая полоса русской поэзии, больше того — полоса русской жизни. Очень хорошо передал это чувство Константин Федин: «...ощутилось, что с Блоком отошла прежняя, старая эпоха, та, которая, дожив до революции, сделала шаг в ее владения, как бы показав, куда надо идти, и упала, обессиленная тяжестью своего дальнего пути. Стало очевидно, что уже никто *оттуда* не сделает такого шага, а если повторит его, в том не будет подобного мужества и подобной тоски о правде будущего, какие проявил Александр Блок... Но каждый равно чувствовал, что Блок не уносит с собой в могилу трагедию прошлого, но оставляет нам ее в живое поучение, как наследие истории, и это означает, что он бессмертен».¹

Трагедия прошлого и правда будущего — вот всеобъемлющее

¹ Конст. Федин. Писатель, искусство, время, стр. 41.

содержание поэзии Блока. Проникнув в природу исторической действительности своего времени, увидев ее реальные противоречия, Блок закономерно стал трагическим поэтом. Источником трагического искусства всегда служит борьба между новым и старым, и никогда трагическая нота не звучит в искусстве с таким напряжением, как в переломные эпохи крушения одного миропорядка и рождения другого.

Не нужно только смешивать трагедийное переживание жизни с пессимизмом. Трагическое мировоззрение потому и не имеет ничего общего с пессимизмом, что проникнуто чувством истории, живым ощущением «связи времен» и ее распада. Спору нет, от многих стихов Блока веет страшной душевной усталостью, мрачным отчаяньем, но он не был ни мизантропом, ни пессимистом, как казалось многим (даже Горькому). Сам поэт возражал против этого со всей решительностью.¹

Трагическое искусство не «отрицает жизни» вообще, оно отрицает только определенные формы жизни. Оно всегда ставит вопрос о смысле и цели жизни и всегда обращено к будущему, всегда дышит пафосом *утверждения* жизни в ее идеальной форме. Трагедийное — всегда героическое и мужественное. Трагический герой не склоняется покорно перед «роковой судьбой», но вступает с «роком» в отважную борьбу. Как правило, он погибает в этой неравной борьбе, но смысл трагедии в том, что жизнь торжествует в ней вопреки гибели героя, потому что сама эта гибель героична, потому что она всегда — подвиг во имя настоящей жизни.

Именно так — как борьбу, волю и мужество — понимал Блок трагедию. Недаром в качестве своего жизненного лозунга он выбрал знаменитые стихи Тютчева:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен — борьба безнадежна!..
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец:
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

И он так трактовал эти стихи: «Смысл трагедии — *безнадежность* борьбы; но тут нет отчаянья, вялости, опускания рук».²

¹ См., например, письмо к Г. П. Блоку (10 декабря 1920 г.).

² Дневник (14 ноября 1911 г.). Курсив в тютчевских стихах — Блока.

И в поэзии Блока звучали подчас звонкие, ликующие ноты — сродни пушкинскому «Да здравствует солнце!..» Разве не такой же ликующей силой приятия и благословения жизни исполнен блоковский «Гимн»:

Солнцу, деракому солнцу, пробившему путь,
Наши гимны, и песни, и сны без числа!
Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!

Но, конечно, не эта нота была в поэзии Блока господствующей, а нота безумной тревоги перед лицом развернувшейся в мире грандиозной исторической трагедии. Пушкин творил на подъеме национальной жизни и культуры. Однако, умев смотреть вперед, он уже кое о чем догадывался, уже предчувствовал бездушие и бесчеловечность наступавшей буржуазной эпохи. Он уже не только ликовал, но и грустил. Но он еще писал: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» Прошло без малого сто лет — и поэт новой, неизмеримо более сложной и трудной, трагической эпохи, обнажившей все те противоречия, которые при Пушкине только намечались, скажет иначе. Он согласится с Пушкиным, что счастья действительно нет («Все на свете, все на свете знают: счастья нет...»), но он скажет и больше — что нет уже и покоя: «И вечный бой! Покой нам только снится...» В этом признании — отпечаток времени, след того общественно-исторического процесса, который прошел в русской жизни и в русской культуре за столетие.

Одно из последних стихотворений Блока, как бы вобравшее в себя основные темы и мотивы третьего тома его лирики, — «Ты твердишь, что я холoden, замкнут и сух...» (июнь 1916 года). Здесь с особенно впечатляющей силой проступают и трагический дух поэзии Блока и образ его лирического героя, бросящий свет и на человеческий облик самого поэта. Стихи написаны от лица человека мрачного, одинокого, гордого, смелого борца с судьбой. Он знает то, о чем забыли или не догадываются легкомысленные дети его века: что у человечества есть богатое прошлое и необозримое будущее, что «грядущего ночь не пуста». Одичавший старый мир покалечил и героя — развеял его радужные надежды, ожесточил и испепелил его чистую, открытую душу. Но финал стихотворения говорит о том, что борьба не кончена, что герой остается на страже высокого и прекрасного — во имя человека и его лучшего будущего:

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

«Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, — писал Блок, — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как и весь народ, вынужденный их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянnyи, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно *все будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна*». ¹

В числе этих великих художников русского слова, веривших в свет, в жизнь, в будущее, мы называем теперь и Александра Блока.

Сейчас для поэта наступила история. Пришло время точно определить объективный смысл его искусства и то место, которое занимает он в русской и мировой художественной культуре.

Александр Блок — классик русской поэзии, завершивший в своем творчестве поэтические искания всего XIX века. Если обратиться к истории нашей поэзии и назвать самые значительные явления русской поэтической культуры в их исторической последовательности, имя Блока должно быть названо непосредственно после имен Пушкина, Лермонтова, Некрасова и перед именем Маяковского. Все это — поэты, озабоченные своим творчеством целые эпохи развития нашей поэзии.

Русская поэзия начала XX века призвана была отразить наступившее время всемирно-исторических катастроф, «неслыханных перемен». Александр Блок из всех поэтов своего времени с наибольшей художественной силой и правдой отразил трагические противоречия эпохи. Всем сердцем, всем сознанием он ощущал мощное движение истории и чутко откликался на него. Это позволило ему запечатлеть в своей поэзии целостный образ старого мира, устремившегося к своей неотвратимой и бесславной гибели. Это же глубокое и верное чувство истории позволило поэту восторженно приветствовать и воспеть рождение мира нового.

¹ «Интеллигенция и Революция» (1918).

Творчеством Александра Блока величественно завершился путь русской поэзии дооктябрьской эры. Великое в искусстве переживает явления общественной жизни, его породившие; мелкое и случайное — умирает вместе с ними. То преходящее, что в творчестве поэта было связано с влиянием среды и художественной моды, отжило свой век и отошло в безвозвратное прошлое. Но все, что в наследии Александра Блока есть истинно великого и что делает его поэтом национальным, — обращено к нам и к будущим поколениям.

Вл. Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ
КНИГА ПЕРВАЯ
(1898—1904)

ANTE LUCEM*

(1898—1900)

С.-Петербург—с. Шахматово

* * *

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастя.
Ночь распостерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрассветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастя.

Январь 1898. С.-Петербург.

* До света (лат.). — Ред.

Ч

Пусть святого ильицъ, — когдъ глима
Пусть жицкъ приноситъ подъмъ счастье. —
Въ моей души любви весна
Не смынется бурного ненастя.
Когдъ распостерлась надъ мной
И овѣгаешь первыи вѣтъ дождя
На южной земле душа болѣй,
Обиженой остряи, следами же дождя.
И гибко, сѣрасти заізъ,
Въ холмокъ ильи передразвѣтной,
Среди юлки блуждая
Съ одной шинь думою затѣтной
Пусть святого ильицъ, — когдъ глима.
Пусть жицкъ приноситъ подъмъ счастье, —
Въ моей души любви весна
Не смынется бурного ненастя.

А. Бенк.

1898, январь

* * *

Н. Гуну

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя — вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я — к тебе, мой друг желанный!

Весна 1898

* * *

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898. С. Шахматово

МОЕЙ МАТЕРИ

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...

Июль 1898

* * *

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

* * *

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...

Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898

* * *

Усталый от дневных блужданий
Уйду порой от суеты
Воспомнить язвы тех страданий,
Встревожить прежние мечты...

Когда б я мог дохнуть ей в душу
Весенним счастьем в зимний день!
О, нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брежжит нам порою,
Но предназначено — не нам.

30 октября 1898

* * *

Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг — ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? —
Там, там, глубоко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!

3 ноября 1898

* * *

Мне снилось, что ты умерла.

Гейне

Мне снилась смерть любимого созданья:
Высоко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял,
Толпа теснилась вокруг, и речи состраданья
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел кругом без думы, без участья,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя — безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твое мученье!
Блажен утративший создание любви!»

10 ноября 1898

* * *

K. M. C.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, — а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
*Мы вспомним грустное прости... **

14 декабря 1898

* Стихи Полонского.

* * *

Мне снилась снова ты, в цветах,
на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта,
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоем благоуханье,
С цветами на груди, на голове, в руках...

23 декабря 1898

* * *

Окрай небес — звезда омега,
Весь в искрах, Сириус цветной.
Над головой — немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как ты холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!

27 января 1899

* * *

Милый друг! Ты юною душою
 Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
 Красота!
Ты проснешься, будет ночь и выюга
 Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
 Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер вост, —
 Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
 Всей душой!

8 февраля 1899

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Разлучаясь с девой милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899

* * *

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.

Пермонитов

Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил...
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

23 февраля 1899

ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ

(Картина В. Васнецова)

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

* * *

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звука рассветом.
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

18 мая 1899

* * *

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверья Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899

* * *

Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон, проклятый и упорный,
Мне душит грудь.
Так мало лет, так много дум ужасных!
Тяжел недуг...
Спаси меня от призраков неясных,
Безвестный друг!
Мне друг один — в сыром ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья — как в темном океане —
Одна печаль.
Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон — проклятый и упорный —
Мне душит грудь.

6 июня 1899

* * *

Не проливай горючих слез
Над кратковременной могилой.
Пройдут часы видений, грез,
Вернусь опять в объятья милой.
Не сожалей! Твоим страстям
Готов любовью я ответить,
Но я нашел чистейший храм,
Какого в жизни мне не встретить.
Не призывай! Мирская власть
Не в силах дух сковать поэта.
Во мне — неведомая страсть
Живым огнем небес согрета.
Тебя покину. Скоро вновь
Вернусь к тебе еще блаженней
И обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней.

8 июня 1899

* * *

Зачем, зачем во мрак исбытия
Меня влекут судьбы удары?
Ужели всё, и даже жизнь моя —
Одни мгновенья долгой кары?
Я жить хочу, хоть здесь и счастья ист,
И нечем сердцу веселиться,
Но всё вперед влечет какой-то свет,
И будто им могу светиться!
Пусть призрак он, желанный свет вдали!
Пускай надежды все напрасны!
Но там, — далёко суетной земли, —
Его лучи горят прекрасно!

29 июня 1899

* * *

Дышит утро в оконшко твое,
Вдохновенное сердце мое,
Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся бог...
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись,
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

5 августа 1899

* * *

K. M. C.

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли...
Шли мы — луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгla...
Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли...

23 августа 1899

* * *

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари...
Там далёко, за Невою,
Вижу отблески зари.
В этом дальнем отражены,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня...

23 августа 1899

НЕВЕДОМОМУ БОГУ

Не ты ли душу оживиши?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылиши,
Что так безумны, так случайны?..

О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда бессчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

22 сентября 1899

* * *

Не легли еще тени вечерниес,
А луна уж блестит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце — везде...
Суеверье рождает желания,
И в туманном и чистом *везде*
Чует сердце блаженство свидания,
Бледный месяц блестит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любуется,
Я дыханье мое затаил, —
В этом блеске великое чуется,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерниес
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...

5 октября 1899

SERVUS — REGINAE *

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом slab.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб,

14 октября 1899

* Слуга — царице (лат.). — Ред.

МОЕЙ МАТЕРИ

Спустилась мгла, туманами чревата.
Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда.
Объемлет сирый дух бессилие труда,
Тоскующий покой, какая-то утрата.

Как уследишь ты, чем душа больна,
И, милый друг, чем уврачуешь раны?
Ни ты, ни я сквозь зимние туманы
Не можем зреть, зачем тоска сильна.

И нашим ли умам поверить, что когда-то
За чей-то грех на нас наложен гнет?
И сам покой тосклив, и нас к земле гнетет
Бессильный труд, безвестная утрата?

22 ноября 1899

* * *

Пока спокойною стопою
Иду, и мыслю, и пою,
Смеюсь над жалкою толпою
И вздохов ей не отдаю.

Пока душа еще согрета,
И рок велит в себе беречь
И дар незыблемый поэта,
И сцены выспренниою речь...

28 ноября 1899

DOLOR ANTE LUCEM *

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землею опять,
Чтобы зло проклинать, о добрे тосковать!..

Боже, боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грез,
О тебе тоскованье без отдыха нес?..

3 декабря 1899

* Предрассветная тоска (лат.). — Ред.

* * *

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

5 января 1900

* * *

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...

Кто поймет, измерит оком,
Чтб за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...

17 февраля 1900

* * *

Восходишь ты, что строгий день
Перед задумчивой природой.
В твоих чертах ложится тень
Лесной неволи и свободы.

Твой день и ясен и велик,
И озарен каким-то светом,
Но в этом свете каждый миг
Идут виденья — без ответа.

Никто не тронет твой покой
И не нарушит строгой тени.
И ты сольешься со звездой
В пути к обители видений.

25 февраля 1900

* * *

Лениво и тяжко плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижном томлении лес.

Мой конь утомился, хранил подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, хранил, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!

Лениво и тяжко плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня — мой спутник и друг.

27 февраля 1900

* * *

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слезы мешает с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоем?
Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской
В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!

28 февраля 1900

* * *

Разверзлось утреннее око,
Сиянье льется без конца.
Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам творца.
Когда я день молитвой встречу
На светлой утренней черте, —
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
И после странствия земного
В лучах вечернего огня
Душа легко вернется снова
К молитве завтрашнего дня.

14 марта 1900

* * *

Я шел во тьме дождливой ночи
И в старом доме, у окна,
Узнал задумчивые очи
Моей тоски. — В слезах, одна
Она смотрела в даль сырую...
Я любовался без конца,
Как будто молодость былую
Узнал в чертах ее лица.
Она взглянула. Сердце сжалось,
Огонь погас — и рассвело.
Сырое утро застучалось
В ее зыбкое стекло.

15 марта 1900

* * *

Сегодня в ночь одной тропою
Тенями грустными прошли
Определенные судьбою
Для разных полюсов земли.

И разошлись в часы рассвета,
И каждый молча сохранял
Другому чуждого завета
Отвека розный идеал...

В тенях сплетенные случайно
С листами чуждые листы —
Всё за лучом стремятся тайно
Принять привычные черты.

19 марта 1900

* * *

Поэт в изгнанье и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнанье
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

31 марта 1900

* * *

Хоть всё по-прежнему *певец*
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных, --
Но к цели близится *поэт*,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

5 апреля 1900

* * *

Торяет берег очертанья.
Плыви, челнок!
Плыви вперед без содроганья —
Мой сон глубок.
Его покоя не нарушит
Громада волн,
Когда со стоном вниз обрушит
На утлый челн.
В тумане чистом и глубоком,
Челнок, плыви.
Всё о бессмертны в сне далеком
Мечты мои.

1 мая 1900

* * *

Звезда полночная скатилась
И не оставила следа...
Окно бесшумно растворилось...
Прости, крылатая мечта!
Ты здесь еще, но ты растаешь.
К моим сомненьям на пути,
Пока ты ночь в себя вдыхаешь,
Я буду всё твердить: прости...
Я буду верить: не растает
До утра нежный облик твой:
То некий ангел расстилает
Ночные перлы предо мной.

16 мая 1900

* * *

Прошедших дней немеркнущим сияньем
Душа, как прежде, вся озарена.
Но осень ранняя, задумчиво грустна,
Овеяла меня тоскующим дыханьем.
Близка разлука. Ночь темна.
А всё звучит вдали, как в те младые дни:
Мои грехи в твоих святых молитвах,
Офелия, о нимфа, помяни.
И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаньем дальним и прекрасным.

28 мая 1900

* * *

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья.
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звездах — немая тишина —
Обитель страха и молчанья.

Я знаю твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен твой язык,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Не жди былого обаянья,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

1 июня 1900

* * *

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвеннюю мне.

Ум полон томного бессиялья,
Душа летит, летит...
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

3 июня 1900

* * *

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вокруг меня лесных дерев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрождению
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

10 июня 1900

* * *

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:
Они сломают твой чертог,
Погасят жертвенник заветный.

Все, духом сильные, — одни
Толпы нестройной убегают,
Одни на холмах жгут огни,
Завесы мрака разрывают.

25 июня 1900

* * *

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

Пусть одинок, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный.
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной.

26 июня 1900

* * *

Погибло все. Палящее светило
По-прежнему вершит годов круговорот.
Под холмами тоскливая могила
О прежнем бытии прекрасном волнаст.
И черной ночью белый призрак ждет
Других теней безмолвно и уныло.

Ты обретешь, белеющая тень,
Толпы других, утративших былое.
Минует ночь, проснется долгий день —
Опять взойдет в своем палящем зное
Светило дня, светило огневое,
И будет жечь тоскующую сень.

2 июля 1900

* * *

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая,
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.

То сон предутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы забытых откровений.

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.

29 июля 1900

* * *

Последний пурпур догорал,
Последний ветр вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалёка.

Все упованья юных лет
Восстали ярче и чудесней,
Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900

* * *

Не утоленная кровавыми струями,
Безмолвствует земля.
Иду вперед поспешными шагами,
Ищу от жертв свободные поля.

Но, как в темнице узник заключенный,
Ищу напрасно: кровь и мрак!
Лишь там, в черте зари окровавленной —
Таинственный, еще невнятный знак.

14 августа 1900

"АГРАФА ДОГМАТА*

Я видел мрак дневной и свет ночной.
Я видел ужас вечного сомненья.
И гospода с растерзанной душой
В дыму безверья и смятенья.

То был рассвет великого рожденья,
Когда миров нечисленный хаос
Исчезнул в бесконечности мученья. —
И всё таинственно роптало и неслось.

Тяжелый огнь окутал мирозданье,
И гром остановил стремящие созданья.
Немая грань внедрилась до конца.

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горной высоте — без страха и усилия —
Мерцающих идей ему взыграли крылья.

22 августа 1900

* Неписанные догматы (греч.). — Ред.

* * *

Твой образ чудится невольно
Среди знакомых пошлых лиц.
Порой легко, порою больно
Перед Тобой не падать ниц.

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,
Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Ты не жила в моем волненьи,
Но в том родном для нас краю —
И в одиноком поклоненьи
Познал я истинность Твою.

22 сентября 1900

* * *

Ночь грозой бушевала, и молний огни
Озаряли гряду отдаленных холмов;
Только утром я поднял безжизненный труп
И зарыл под холмами, у края земли.

День прошел молчалив и таинственно свеж.
Ввечеру подошла непроглядная тьма,
И у края земли, над холмами вдали
Я услышал безжизненный голос тоски.

Я пытался разбить заколдованный круг,
Перейти за черту оглушающей тьмы,
Но наутро я сам задохнулся вдали,
Беспрокойно простертый у края земли.

24 сентября 1900

* * *

Курятся алтари, дымят паникацила
Детей земли.
Богиня жизни, тайное светило —
Вдали.
Поют торжественно; победно славословят
Немую твердь.
И дланями пустынний воздух ловят,
Приемля смерть.
Неуловимая, она не между нами
И вне земли.
А мы, зовущие победными словами, —
В пыли.

29 сентября 1900

* * *

Ты была у окна,
И чиста и нежна,
Ты царила над шумной толпой.
Я стоял позабыт
И толпою сокрыт
В поклоненьи любви пред тобой.

Мне казалось тогда,
Что теперь и всегда
Ты без мысли смотрела вперед.
А внизу, у окна,
Как морская волна,
Пред тобой колыхался народ.

Поклоненiem горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слыхал,
Как твой голос звучал, —
Ты в молчанье владела толпой.

Я стоял позабыт
И толпою сокрыт.
Ты без мысли смотрела вперед,
И чиста, и нежна;
А внизу, у окна,
Вокруг меня волновался народ.

12 октября 1900

* * *

Поклонник эллинов — я лиру забывал,
Когда мой путь ты словом преграждала.
Я пред тобой о счастьи взыхал,
И ты презрительно молчала.

И я горел душой, а ты была темна.
И я, в страданья безответном,
Я мнил: когда-нибудь единая струна
На зов откликнется приветно.

Но ты в молчании прошла передо мной
И, как тогда, одним напоминаньем
Ты рвешь теперь и мучаешь порой
Мои эллинские признанья.

12 октября 1900

* * *

Я знаю, смерть близка. И ты
Уже меня не прёзришь ныне.
Ты снизойдешь из чистоты
К моей тоскующей кончине.

Но мне любовь твоя темна,
Твои признанья необычны.
Найдешь ли в сердце имена
Словам и ласкам непривычным?

Чтб, если ты найдешь слова,
И буду в позднем умилены
Я, умирающий едва,
Взвывать о новом воскресеньи?

15 октября 1900

* * *

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти счастливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И рампы светлые огни!

22 октября 1900

* * *

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиночим и верным огнем.

1 ноября 1900

* * *

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в господний дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть иниц перед Единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверья идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,
Но чую — силы страстных дней
Дохнули раненому в битве,
Вновь разлились в душе моей.
Мне исполнитно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир...
Назад! Язычница младая
Зовет на дружественный пир!

3 ноября 1900

* * *

В те целомудренные годы
Я понял тайный жизни смысл,
Поклонник твой, дитя свободы,
Как ты, далекий строгих числ.

Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю в грядущие печали
И числю, числю без тебя?

Что ж! Пусть прошедшему забвенье —
Не в настоящем жизни смысл!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятых числ!

15 ноября 1900

* * *

Мой монастырь, где я томлюсь безбожно, —
Под зноем разума расплавленный гранит.
Мне душно, Мне темно под этим зноем ложным.
Я ухожу в другой палящий скит...

Там будет зной, но зной земли всегдашний.
Кровавый шар расплавит мозг дотла,
И я сойду с ума спокойней и бесстрашней,
Чем здесь, где плоть и кровь изнемогла.

Где новый скит? Где монастырь мой новый?
Не в небесах, где гробовая тьма,
А на земле — и пошлый и здоровый,
Где всё найду, когда сойду с ума!..

17 ноября 1900

* * *

O. M. Соловьеской

Ищу спасенья.

Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех — во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?

Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколенья.
Я для Тебя в горах зажег костер,
 Но Ты — виденье.
 Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
 В Тебе — спасенье!

25 ноября 1900

* * *

Медленно, тяжко и верно
В черную ночь уходя,
Полный надежды безмерной,
Слово молитвы твердя,
Знаю — молитва поможет
Ясной надежде всегда,
Тяжкая верность заложит
Медленный камень труда.
Медленно, тяжко и верно
Мерю ночные пути:
Полному веры безмерной
К утру возможно дойти.

5 декабря 1900

* * *

Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила
 Встанет в сердце моем
 Необъятная сила.
Дух всколеблет эфир
И вселенной немое забвенье,
 Придвигается мир
 Моего обновленья.
Воскурю я кадило,
 Опояшусь мечом
Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила.

6 декабря 1900

* * *

В полночь глухую рожденная
Спутником бледным земли,
В ткани земли облеченнaya,
Ты серебрилась вдали.

Шел я на север безлиственный,
Шел я в морозной пыли,
Слышал твой голос таинственный,
Ты серебрилась вдали.

В полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

Эллины, боги бессонные,
Встаньте в морозной пыли!
Солнцем своим опьяненные,
Солнце разлейте вдали!

Эллины, эллины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комом холодной земли!

24 декабря 1900

* * *

K. M. C.

Ты не обманешь, призрак бледный
Давно испытанных страстей.
Твой вид нестройный, образ бедный
Не поразит души моей.
Я знаю дальнее былое,
Но в близком будущем не жду
Волнений страсти. Молодое —
Оно прошло, — я не найду
В твоем усталом, но зовущем,
Ненужном призраке — огня.
Ты только замыслом гнетущим
Еще измучаешь меня.

25 декабря 1900

31 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне — одно:
Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем — кругом молчанье,
Мой кубок пуст,
И смерти раннее призванье
Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде — в ночь.

31 декабря 1900

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(1901—1902)

ВСТУПЛЕНИЕ

*Отдых напрасен. Дорога крутая.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.*

*Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.*

*Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.*

*Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?*

*Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.*

*Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.*

*Все колокольные звонь гудят.
Залил весной беззакатный наряд.*

*Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?*

28 декабря 1903

I

С.-Петербург. Весна 1901 года

* * *

Я вышел. Медленно сходил
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

25 января 1901. С.-Петербург

* * *

Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 марта 1901

* * *

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в сугробной пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве былое — не прах?
Нет, из господнего дома
Полный бессмертия дух
Вышел родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...
Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

* * *

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам,
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умашенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Так — белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

* * *

Ныне, полный блаженства,
Перед божьим чертогом
Жду прекрасного ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжалься, о боже,
Над блаженным рабом!
Вышли ангела, боже,
С нежно-белым крылом!

Боже! Боже!
О, поверь моей молитве,
В ней душа моя горит!
Извлеки из жалкой битвы
Истомленного раба!

15 февраля 1901

* * *

Я понял смысл твоих стремлений —
Тебе я заслоняю путь.
Огонь нездешних вожделений
Вздымает девственную грудь.
Моей ли жалкой, слабой речи
Бороться с пламенем твоим
На рубеже безвестной встречи
С началом близким и чужим!
Я понял всё, и отхожу я.
Благословен грядущий день.
Ты, в алом сумраке ликуя,
Ночную миновала тень.
Но риза девственная зrima,
Мой день с тобою проведен...
Пускай душа неисцелима —
Благословен пропшедший сон.

26 февраля 1901

* * *

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я послышал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

Близко ты, или далече
Затерялась в вышине?
Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

* * *

Сбылось пророчество мое:
Перед грядущею могилой
Еще однажды тайной силой
Зажглось святилище Твое.

И весь исполнен торжества,
Я упоен великой тайной
И твердо знаю — не случайно
Сбывались вещие слова.

7 марта 1901

МОЕЙ МАТЕРИ

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это бог лазурный, нежный
Шлет свои дары.

8 марта 1901

* * *

Я недаром боялся открыть
В непогодную полночь окно.
Как и встарь, привелось отравить,
Что надеждою было полно.

Буду прежнею думой болеть
В непогодной полуночной мгле,
Но молитвенным миром гореть
И таиться на этой земле.

В непрестанной молитве моей,
Под враждующей силой твоей,
Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей.

1 апреля 1901

* * *

O. M. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледноликий
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, заслышав бога,
Дочь блаженной стороны
Из родимого чертога
Гонит призрачные сны,
И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

23 апреля 1901

* * *

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидать.

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, былые стоны
Не услышишь — я потух.

Самый огнь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

*27 апреля 1901
Поле за Старой Деревней*

* * *

Так — разошлись в часы рассвета.

A. B.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны.
Страны холодные, немые,
И без любви, и без весны.

Там — далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там — мать сына не узнаст,
Потухнут страстные сердца...
Там безнадежно угасает
Мое скитанье — без конца...

И вдруг, в преддверья заточенья,
Послышиу дальние шаги...
Ты — одиноко — в отдаленьи,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

* * *

Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, —
Мне всё равно — вселенная во мне.
Я чувствую, и верю, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь.
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее — во мне.
Всё бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный прозренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

* * *

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнется —
Снова смех из милых стран!

Снова шопот — и в шептаньи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханье,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901

* * *

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполненье тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?..

22 мая 1901

II

С. Шахматово. Лето и осень 1901 года

* * *

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица — спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901. С. Шахматово

* * *

Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют,
Они блаженны навсегда.
Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык?
Пусть всем чужда моя свобода,
Пусть всем я чужд в саду моем —
Звенит и буйствует природа,
Я — соучастник ей во всем!

30 мая 1901

* * *

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. — Меня не зови. —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожбой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожбой полоненные дни
Я лелею года, — не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

1 июня 1901. С. Шахматово

* * *

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельный мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово

* * *

И поздно, и темно. Покину без желаний
Бунтующий весельем божий дом.
Окончу светлый путь, не буду ждать свиданий,
Как шел туда, — и выйду, незнаком.

Последний вздох, и тайный, и бездонный,
Слова последние, последний ясный взгляд —
И кружный мрак, мечтою озаренный,
А светлых лет — не возвратить назад.

Еще в иную тьму, уже без старой силы
Безгласно отхожу, покинув ясный берег,
И не видать его — быть может, до могилы,
А может быть, не встретиться вовек.

6 июня 1901

* * *

И я, неверный, тосковал,
И в поэтическом стремлении
И я без нужды покидал
Свои родимые селенья.

Но внятен сердцу был язык,
Неслышний уху — в отдаленыи,
И в запоздалом умиленни
Я возвратился — и постиг.

9 июня 1901

* * *

...и поздно желать,
Всё минуло: и счастье, и горе.

Вл. Соловьев

Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.

Мыслю сонной цветя, ты блаженствуешь много,
Ты лазурью сильна.
Мне — другая и жизнь, и другая дорога,
И душе — не до сна.

Верь — несчастней моих молодых поклонений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

* * *

Молитву тайную твори —
Уже приблизились лучи
Последней для тебя зари, —
Готовься, мысли и молчи.
Готовый, мыслящий, немой,
Взгляни наверх в последний раз,
Не хочет бог, чтоб ты угас,
Не встретив здесь Любви былой.
Как в первый, так в последний раз
Проникнешь ты в Ее чертог,
Постиgnешь ты — так хочет бог —
Ее необычайный глаз.

10 июня 1901

* * *

За туманом, за лесами
Загорится — пропадет,
Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.

Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.

Но и ночью нет ответа,
Ты уйдешь в речной камыш,
Унося источник света,
Снова издали манишь.

14 июня 1901

* * *

В бездействии младом, в передрассветной лени
Душа парила ввысь, и там Звезду нашла.
Туманен вечер был, ложились мягко тени.
Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темные ступени
Вступила Ты, и, Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой в передрассветной лени
На звездные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений.
И юность робкая с мечтами без числа.
И близится рассвет. И убегают тени.
И, Ясная, Ты с солнцем потекла.

19 июня 1901

* * *

Какому богу служишь ты?
Родны ль тебе в твоем паренъи
Передрассветное волненье,
Передзакатные мечты?
Иль ты, сливаясь со звездой,
Сама богиня — и с богами
Гордишься равной красотой, —
И равнодушными очами
Глядишь с нездешней высоты
На пламенеющие тени
Земных молитв и поклонений
Тебе — царица чистоты?

20 июня 1901

* * *

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

22 июня 1901

* * *

C. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный дол — ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел — она одна росла.
И только лик бессмертного светила —
Что день — смотрел на девственный расцвет,
И, влажный злак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайный след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах...
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеяна снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течет в ряду иных светил.

26 июня 1901

* * *

Я помню час глухой, бессонной почи,
Прошли года, а память всё сильна.
Царила тьма, но не смежились очи,
И мыслил ум, и сердцу — не до сна.

Вдруг издали донесся в заточенье
Из тишины грядущих полуснов
Неясный звук невнятного моленья,
Неведомый, бескрылый, страшный зов.

То был ли стон души безбожно-дикой,
И уж тогда не встретились сердца?
Ты мне знаком, наперсник мой двуликий,
Мой милый друг, враждебный до конца.

27 июня 1901. С. Боблово

* * *

Тебя в страны чужие звали,
Ты собиралась в дальний путь.
Мы безнадежно провожали,
И многим привелось вздохнуть.

Зима подкралась незаметно,
И с первым снегом со двора
Ты унесла весь пыл заветный,
Которым жили мы вчера.

Прощай, мы смотрим на дорогу,
А выюга заметает след.
Мы возвратимся понемногу
К безбожной лени прежних лет,

И над мистической загадкой
Уже не будем колдовать,
И поздней ночью, встав украдкой,
При бледном месяце мечтать.

28 июня 1901

* * *

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны — волны попутной
К лучезарной глубине.

Чуть слежу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Уплывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов миров иных.

3 июля 1901

* * *

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, — Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженыи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отключишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901

* * *

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчанье,
За желтой нивой — далёко где-то —
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё меняется тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый,
Всё ярче небо, молчанье глушше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье...

7 июля 1901

* * *

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?
Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песнью без конца растаяла в снегах
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла звездою мне, но шла в дневных лучах
И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез — в далекие туманы.
Я направляю взор в таинственные страны, —

Тебя не вижу я, и долго бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый,
Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый.

8 июля 1901

* * *

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди — морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака — и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скучные сердца! Как безнадежны лица!
Не знаявшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари — неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

* * *

C. Соловьеву

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий — здешний свет.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

14 июля 1901

* * *

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туман.
Вечереющий сумрак над нами
Обратился в желанный обман.
Над твоей голубою дорогой
Протянулась зловещая мгла.
Но с глубокою верою в бога
Мне и темная церковь светла.

16 июля 1901

* * *

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, растет...

Всё ближе — чаянье сильнее,
Но, ах! — волненья не снести...
И вещий падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом — семья в чаду молений,
И над кладбищем — мерный звон...
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он!

19 июля 1901

* * *

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь.
Моря души — просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветешь.
А песни звук — докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной — туманы позади.
Объемли сны, какими я овеян,
Пойми сама, чтó будет впереди.

25 июля 1901

* * *

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и беспокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день великий скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг, — грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути, и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто здесь вздыхает обо мне,

27 июля 1901

* * *

Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и камней груда,
В них горишь алмазом ты.

А сама — за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек!

29 июля 1901. Фабрика

* * *

Ты далека, как прежде, так и ныне,
Мне не найти родные берега.
Моя печаль чужда твоей святыне,
И радостью душа не дорога.

Суровый хлад — твоя святая сила:
Безбожный жар неайдет святым местам.
Пускай любви — забвенье и могила,
Ты над могилой — лучезарный храм.

11 августа 1901. С. Дедово

* * *

Стою на царственном пути.
Глухая ночь, кругом огни, —
Неясно теплятся они,
А к утру надо всё найти.

Ступлю вперед — навстречу мрак,
Ступлю назад — слепая мгла.
А там — одна черта светла,
И на черте — условный знак.

Но труден путь — шумит вода,
Чернеет лес, молчат поля...
Обетованная земля —
Недостижимая звезда...

Звезда — условный знак в пути,
Но смутно теплятся огни,
А за чертой — иные дни,
И к утру, к утру — всё найти!

15 августа 1901

* * *

Дождешься ль вечерной порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?

Февраль

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

* * *

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоены мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму, —
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

* * *

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеске,
Кто поет — не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осёке —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Всё равно — мне певца не понять...
От себя ли скрывать
Роковую потерю?

24 августа 1901

* * *

Кругом далекая равнина,
Да толпы обгорелых пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелются над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет угрюмая тоска.

Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет — до поры.

И всё, что будет, всё, что было, —
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.

25 августа 1901. Д. Ислево

* * *

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожбой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохранию святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклятье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

* * *

Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным былинкам.

Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...
По верхушкам елок низких
Перелетные слова...

Не замечу ль по былинкам
Потаенного следа...
Бот она — зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.

2 сентября 1901. Церковный лес

III

С.-Петербург. Осень и зима 1901 года

* * *

Смотри — я отступаю в тень,
А ты по-прежнему в сомненьи
И всё боишься встретить день,
Не чая ночи приближенья.

Не жди ты вдохновенных слов —
Я, запоздалый на границе,
Спокойно жду последних снов,
Забытых здесь, в земной темнице.

Могу ли я хранить мечты
И верить в здешние виденья,
Когда единственная ты
Не веришь смертным песнопеньям?

Но предо мной кружится мгла,
Не чая мимолетней боли,
И ты безоблачно светла,
Но лишь в бессмертьи, — не в юдоли.

20 сентября 1901

* * *

Пройдет зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмый.

21 сентября 1901

* * *

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Входит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

* * *

Ранний час. В пути незрима
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый, белый ангел бога
Сеет розы на пути.

Жду в пленительном волненьи —
Тайна плачущей жены
Разомкнет златые звенья,
Вскроет крылий белизны.

4 октября 1901

* * *

Ты уходишь от земной юдоли,
Сердца лучшего любовь тебе несут.
Страшных снов не жди от новой воли, —
Хоры ангелов, не смертных, припадут.

Припадут и снимут власяницы —
Символ здешних непомерных бед.
Я, в тоске, покину на границе
Твой нездешний, твой небесный след.

Покидай бессилье мирозданья,
Твой покой теперь ненарушим.
Предо мною — грань богопознанья,
Неизбежный сумрак, черный дым.

6 октября 1901

* * *

Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
В сколыхнулись — плывут — подошли.

Что же ты на великую встречу
Не вскрываешь свои глубины?
Или чуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завижу,
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты ж и в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

* * *

Я бремя похитил, как тать,
Несчастье разбил я на части,
Но, боже! как тяжко внимать
Чужой нарастающей страсти!

Волна, забегая вперед,
У ног разобьется нещадно
И жадно меня обдает,
Бессильного, пеной хладной.

Не знаю — за дальней чертой
Живет ли лазурное счастье...
Теперь я внимаю чужой
И всё нарастающей страсти.

14 октября 1901

* * *

Хранила я среди младых созвучий
Задумчивый и нежный образ дня.
Вот дунул вихрь, поднялся прах летучий,
И солница нет, и сумрак вокруг меня.

Но в келье — май, и я живу, незрима,
Одна, в цветах, и жду другой весны.
Идите прочь — я чую серафима,
Мне чужды здесь земные ваши сны.

Идите прочь, скитальцы, дети, боги!
Я расцвету еще в последний день,
Мои мечты — священные чертоги,
Моя любовь — немеющая тень.

17 октября 1901

* * *

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.

17 октября 1901

* * *

Ловлю я тонкий прах надежды,
Ты замедляешь быстрый шаг,
Но через сомкнутые вежды
Горят слова: «Не друг, а враг».

Лишь отпылать — и правда ближе.
Или — забвенные мечты
Проходят медленно, — и ниже
Пылая я, и выше — ты.

Тогда, в спасительном забвеньи,
Улыбка бродит по лицу.
На завтра — в новом угнетеньи
Тоска по брачному венцу.

2 ноября 1901

* * *

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесья, идут облака
Через туман озаренные.

С ними — знакомое, слышу, восслед...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни ответ,
Вместе ли оба почудятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901

* * *

Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалске,
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твою натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вот они — тихие, светлые, скорые —
Мчатся ко мне издали.

6 ноября 1901

* * *

Восходя на первые ступени,
Я смотрел на линии земли.
Меркли дни — порывы исступлений
Гасли, гасли в розовой дали.
Но томим еще желаньем горя,
Плакал дух, — а в звездной глубине
Расступалось огненное море,
Чей-то сон шептался обо мне...

8 ноября 1901

* * *

Один порыв — безвластный и плакучий,
Одна мечта — чрезмерностью слаба, —
И снова он — до боли жгучий,
Бессильный сон раба.

Но ты вкуси волшебство бед вседневных
И сон другой — проклятый сон веков,
В горниле старостей душевных
Цветет восторг богов.

17 ноября 1901

* * *

Я ли пишу, или ты из могилы
Выслала юность свою, —
Прежними розами призрак мне милый
Я, как тогда, обовью.

Если умру — перелетные птицы
Призрак развеют, шутя.
Скажешь и ты, разбирая страницы:
«Божье то было дитя».

21 ноября 1901

* * *

Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звения:
Ты говорила: «Приду, —

Жди на распутьи — вдали
Людных и ярких дорог,
Чтобы с величьем земли
Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру,
Как твое сердце, звения,
Двери тебе отопру
В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

* * *

Ты страстно ждешь. Тебя зовут, —
Но голоса мне не знакомы,
Очаг остыл, — тебе приют —
Родная степь. Лишь в ней ты — дома.

Там — вечереющая даль,
Туманы, призраки, виденья,
Мне — беспокойство и печаль,
Тебе — покой и примиренье.

О, жалок я перед тобой!
Всё обнимаю, всем владею,
Хочу владеть тобой одной,
Но не могу и не умею!

22 ноября 1901

* * *

Будет день — и свершится великос,
Чую в будущем подвиг души.

Ты — другая, немая, безликая,
Притаилась, колдуешь в тиши.

Но, во что обратишься — не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,

А уж *Там* веселятся победою
Над единой и страшной душой.

23 ноября 1901

* * *

Я долго ждал — ты вышла поздно,
Но в ожиданье ожила дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор, и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень,
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, — и сердце занялось.

Ты в белой выюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

* * *

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло берег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

* * *

Тёмно в комнатах и душно —
Выйди ночью — ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно,
Как сердца горят над бездной.

Их костры далеко зrimы,
Озаряя мрак окрестный.
Их мечты неутолимы,
Непомерны, неизвестны...

О, зачем в ночном сияньи
Не взлетят они над бездной,
Никогда своих желаний
Не сольют в стране надзвездной?

11 декабря 1901

* * *

Все двери заперты, и отданы ключи
Тюремщиком твоей безжалостной царице.

Петрарка

Мне битва сердце веселит,
Я чую свежесть ратной неги,
Но жаром вражеских ланит
Повержен в запоздалом беге.

А всё милее новый плен.
Смотрю я в сумрак непробудный,
Но в долгий холод здешних стен
Порою страж нисходит чудный.

Он окрылит и унесет,
И озарит, и отуманит,
И сладко речь его течет,
Но каждым звуком — сердце ранит.

В нем — тайна юности лежит,
И медленным и сладким ядом
Он тихо узника поит,
Заворожив бездонным взглядом.

15 декабря 1901

* * *

Неотвязный стоит на дороге,
Белый — смотрит в морозную ночь.
Я — навстречу в глубокой тревоге,
Он, шатаясь, сторонится прочь.

Не осилить морозного чуда...
Рядом с ним вырастает вдали,
Там, где камней вздымается груда,
Голубая царица земли.

И царица — в мольбе и тревоге,
Обрученная с холодом зим...
Он — без жизни стоит на дороге,
Я — навстречу, бессмертьем томим.

Но напрасны бессмертные силы —
И царице свободы не жаль...
Торжествуя победу могилы,
Белый — смотрит в морозную даль.

16 декабря 1901

* * *

Молчи, как встарь, скрывая свет, —
Я ранних тайн не жду.
На мой вопрос — один ответ:
Ищи свою звезду.

Не жду я ранних тайн, поверь,
Они не мне взойдут.
Передо мной закрыта дверь
В таинственный приют.

Передо мной — суровый жар
Душевных слез и бед,
И на душе моей пожар —
Один, один ответ.

Молчи, как встарь, — я услежу
Восход моей звезды,
Но сердцу, сердцу укажу
Я поздних тайн следы.

Но первых тайн твоей весны
Другим приснится свет.
Сольются наши две волны
В горниле поздних бед.

18 декабря 1901

* * *

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду — внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла,
За ладьей — огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.
В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню — отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

* * *

Сумрак дня несет печаль.
Тусклых улиц очерк сонный,
Город, смутно озаренный,
Смотрит в розовую даль.

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют ангелы вдали.

Близок пламенный рассвет,
Мертвому заглянет в очи
Утро после долгой ночи...
Но бежит мелькнувший свет,

И испуганные лики
Скрыли ангелы в крылах:
Видят — мертвый и безликий
Вырастает в их лучах.

24 декабря 1901

* * *

Старый год уносит сны
Безмятежного расцвета.
На заре другой весны
Нет желанного ответа.

Новый год пришел в ночи
И раскинул покрывало.
Чьи-то крадутся лучи,
Что-то в сердце зазвучало.

Старый год уходит прочь.
Я невнятною мольбою,
Злая дева, за тобою
Вышлю северную ночь.

Отуманю страстью сны
Безмятежного расцвета,
Первый день твоей весны
Будет пламенное лето...

25 декабря 1901

ДВОЙНИКУ

Ты совершил над нею подвиг трудный,
Но, бедный друг! о, различил ли ты
Ее наряд, и праздничный и чудный,
И странные весенние цветы?..

Я ждал тебя. А тень твоя мелькала
Вдали, в полях, где проходил и я,
Где и она когда-то отдыхала,
Где ты вздыхал о тайнах бытия...

И знал ли ты, что я восторжествую?
Исчезнешь ты, свершив, но не любя?
Что я мечту безумно-молодую
Найду в цветах кровавых без тебя?

Мне ни тебя, ни дел твоих не надо,
Ты мне смешон, ты жалок мне, старик!
Твой подвиг — мой, — и мне твоя награда:
Безумный смех и сумасшедший крик!

27 декабря 1901

* * *

Мы, два старца, бредем одинокие,
Сырая простерлась мгла.
Перед нами — окна далекие,
Голубая даль светла.

Но откуда в сумрак таинственный
Смотрит, смотрит свет голубой?
Мы дрожим мечтою единственной,
О, невнятное! пред тобой.

О, откуда, откуда мглистые
Заалели тучи, горя,
И нити бегут золотистые,
И сумрак румянит заря?..

Мы, два старца, в сумрак таинственный
Бредем, — а в окнах свет.
И дрожим мечтою единственной,
Искушенные мудростью бед.

29 декабря 1901

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОД

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.

Скрипнет снег — сердца зайдутся—
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше — улица темна.
Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные — помеха,
Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полуночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...
Скрипнет снег — в морозной дали
Тихий краудущийся свет.
Чьи-то санки пробежали...
«Ваше имя?» Смех в ответ...
Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо...
И смеющийся и нежный
Закрывает мне лицо...

Лежат холодные туманы,
Бледнея, крается луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена...

31 декабря 1901

IV

С.-Петербург. Зима и весна 1902 года

* * *

Я шел — и вслед за мною шли
Какие-то неистовые люди.
Их волосы вставали под луной,
И в ужасе, с растерзанной душой
Зубами скрежетали, били в груди,
И разносился скрежет их вдали.

Я шел — и вслед за мной влеклись
Усталые, задумчивые люди.
Они забыли ужас роковой.
Вдыхали тихо аромат ночной
Их впалые измученные груди,
И руки их безжизненно сплелись.

Передо мною шел огнистый столп.
И я считал шаги несметных толп.
И скрежет их, и шорох их ленивый
Я созерцал, безбрежный и счастливый.

1 января 1902

* * *

C. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

4 января 1902

* * *

Сгущался мрак церковного порога
В дни свадеб, в дни рождений, похорон;
А там — вилась широкая дорога,
И путник шел, закатом озарен.

Там не было конца свободной дали,
Но здесь, в тени, не виделось ни зги;
И каждый раз прохожего встречали
Из сумрака ответные шаги.

Церковный свод давал размерным звоном
Всем путникам напутственный ответ,
И в глубине, над сумрачным амвоном,
Остерегающий струился свет.

И, проходя в смеющиеся дали,
Здесь путник ждал, задумчив и смущен,
Чтоб меркнул свет, чтоб звуки замирали...
И дале шел, закатом озарен.

4 января 1902

* * *

Высоко с темнотой сливаются стена,
Там — светлое окно и светлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лестница темна,
И бродит по углам знакомое дрожанье.

В дверях дрожащий свет и сумерки вокруг.
И суeta и шум на улице безмерней.
Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг,
Последняя мечта моей души вечерней.

11 января 1902

* * *

Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.

В речах о мудрости небесной
Земные чуются струи.
Там, в сводах — сумрак неизвестный,
Здесь — холод каменной скамьи.

Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чуется познанье
И дрожь голубки и змеи.

14 января 1902

* * *

Мы преклонились у завета,
Молчаньем храма смущены.
В лучах божественного света
Улыбка вспомнилась Жены.

Единодушны и безмолвны,
В одних лучах, в одних стенах,
Постигли солнечные волны
Вверху — на темных куполах.

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины
На праздник мой спустился Кто-то
С улыбкой ласковой Жены.

*18 января 1902
Исаакиевский собор*

* * *

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет — исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Гы услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели, —
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приделе,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет — в холодные мятели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе.
Но растут всемощные крыла.

29 января 1902

* * *

И нам недолго любоваться
На эти, здешние, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальние миры.

Январь 1902

* * *

Уходит день. В пыли дорожной
Горят последние лучи.
Их красный отблеск непреложно
Слился с огнем моей свечи.

И ночь моя другой навстречу
Плывет, медлительно ясна.
Пусть красный отблеск не замечу, —
Придет наверное она.

И всё, что было невозможно
В тревоге дня, иль поутру,
Свершится здесь, в пыли дорожной,
В лучах закатных, ввечеру.

1 февраля 1902

* * *

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.

Все лучи моей свободы
Заалели *tam*.
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши...
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме,
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?

3 февраля 1902

* * *

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без юморка смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
И заплачим, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем...

3 февраля 1902

* * *

Ты была светла до странности
И улыбкой — не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа.
Проглянул сквозь тучи прежние
Яркий отблеск неземной.
Нас колышет безмятежнее
Изумрудною волной.
Я твоей любовной ласкою
Озарен — и вижу сны.
Но, поверь, считаю сказкою
Небывалый знак весны.

8 февраля 1902

* * *

Не поймут бесскорбные люди
Этих масок, смехов в окне!
Ищу на распутьи безлюдий,
Веселый — не надо мне!

О, странно сладки напевы...
Они кажутся так ясны!
А здесь уже бледные девы
Уготобали путь весны.

Они знают, что мне неведомо,
Но поет теперь лишь одна...
Я за нею — горящим следом —
Всю ночь, всю ночь — у окна!

10 февраля 1902

* * *

Для солнца возврата пьет.
«Снегурочка» Островского

Сны безотчетны, ярки краски,
Я не жалею бледных звезд.
Смотри, как солнечные ласки
В лазури нежат строгий крест.

Так — этим ласкам близ заката
Он отдается, как и мы,
Затем, что *Солнцу нет возврата*
Из надвигающейся тьмы.

Оно зайдет, и, замирая,
Утихнем мы, погаснет крест, —
И вновь очнемся, отступая
В спокойный холод бледных звезд.

12 февраля 1902

* * *

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

18 февраля 1902

* * *

И Дух и Невеста говорят: прииди.

Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

* * *

Кто-то с богом шепчется
У святой иконы.
Тайна жизни теплится,
Благовестны звоны.
Непорочность просится
В двери духа божья.
Сердце переносится
В дали бездорожья.
Здесь — смиренномудрия
Я кладу обеты.
В ризах целомудрия,
О, святая! где ты?
Испытаний силою
Истомленный — жду я
Ласковую, милую,
Вечно молодую.

27 февраля 1902

* * *

Мы всё простим — и не нарушим
Покоя девственниц весны,
Огонь божественный потушим,
Прогоним ласковые сны.

Нет меры нашему познанию,
Вещественный не вечен храм.
Когда мы воздвигали зданье,
Его паденье снилось нам.

И каждый раз, входя под своды,
Молясь и плача, знали мы:
Здесь пронесутся непогоды,
Снега улягутся зимы.

Февраль 1902

* * *

Ты — божий день. Мои мечты —
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи — нет конца
Хвалам, и клёкоту, и крикам!

21 февраля 1902

* * *

Целый день передо мною,
Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Так, сливаясь с милой, дальней,
Проводил я день весенний
И вечерней светлой тени
Шел навстречу, беспечальный.

Дней блаженных сновиденье —
Шла Ты чистою стезею.
О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Февраль 1902

* * *

Там сумерки невнятно трепетали,
Таинственно сменяя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижали
Заполонил упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинул взоры
На этот смутно отходящий день?
Там, в глубинах, — мечты и мысли скоры,
Здесь, на земле, — как сон, и свет и тень.

Но я пойму и всё мечтой объемлю,
Отброшу сны, увижу наяву,
Кто тронул здесь одну со мною землю,
За ним в вечерний сумрак уплыву.

Февраль 1902

* * *

Мы странствовали с Ним по городам.
Из окон люди сонные смотрели.
Я шел вперед; а позади — Он Сам,
Всёпроникающий и близкий к цели.

Боялся я моих невольных сил,
Он направлял мой шаг завороженный.
Порой прохожий близко проходил
И тайно вздрагивал, смущенный...

Нас видели по черным городам,
И, сонные, доверчиво смотрели:
Я шел вперед; но позади — Он Сам,
Подобный мне. Но — близкий к цели.

Февраль 1902

* * *

Гадай и жди. Среди полночи
В твоем окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.

И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.

15 марта 1902

* * *

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.

Остановясь на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжки были небеса.

И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали — зубчатые вершины
День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

16 марта 1902

* * *

Мой вечер близок и безволен.
Чуть вечереют небеса, —
Несутся звуки с колоколен,
Крылатых слышу голоса.

Ты — ласковым и тонким жалом
Мои пытаешь глубины,
Слежу прозрением усталым
За вестью чуждой мне весны.

Меж нас — случайное волненье.
Случайно сладостный обман —
Меня обрек на поклоненье,
Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдалены
Замрут печально голоса,
Когда окутанные тенью
Мои погаснут небеса.

27 марта 1902

* * *

На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.
Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...

Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...
Слова о какой-то любви...
И, боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Всё призрак — всё горе — всё ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902

* * *

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма,
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902

* * *

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснину
И вижу голубую даль.

Чтò сожалеть в дыму пожара,
Чтò сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара,
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

Март 1902

* * *

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Входите все — в открытые врата.
Там — в глубине — Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена.
Твой милый пал, но весть в кровавом поле,
Весть о Любви — по-прежнему ясна.

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь всё — любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Март 1902

* * *

Утомленный, я терял надежды,
Подходила темная тоска.
Забелели чистые одежды,
Задрожала тихая рука.

«Ты ли здесь? Долина потонула
В безысходном, в непробудном сне...
Ты сошла, коснулась и вздохнула, —
День свободы завтра мне?» —

«Я сошла, с тобой до утра буду,
На рассвете твой покину сон,
Без следа исчезну, всё забуду, —
Ты проснешься, вновь освобожден».

1 апреля 1902

* * *

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шопотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блекнут ланиты у дев златокудрых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

4 апреля 1902

* * *

Днем вершу я дела суэты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд,
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатых красок и слов.
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по сердцу белая ложь...
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь.

5 апреля 1902

* * *

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ишу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным лицом,
В мерцанье мертвенному свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

* * *

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой довременный скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он — распутье сторожит.

Его докучливые крики —
То близко, то издалека —
И страх, и стыд, и ужас дикий,
И обнаженная тоска.

И на распутни — пленник жалкий —
Я спотыкаюсь, я кричу...
Он манит белою русалкой,
Он теплит издали свечу...

И, весь измучен, в исступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На безысходное мученье,
На безысходную любовь.

13 апреля 1902

* * *

Мы отошли и стали у кормила,
Где мимо шли сребристые струи.
И наблюдали вздутое ветрило,
И вечер дня, и линии твои.

Теряясь в мгле, ты ветром управляла,
Бесстрашная, на водной быстрине.
Ты, как заря, невнятно догорала
В его душе — и пела обо мне.

И каждый звук — короткий и протяжный—
Я измерял, блаженный, у руля.
А он смотрел, задумчивый и важный,
Как вдалеке туманилась земля...

13 апреля 1902

* * *

Я — тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснеют сны.
Перед Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какие цели
Таишь в глубинах Роз Твоих,
Какие ангелы слетели,
Кто у преддверия затих...
В Тебе таятся в ожиданье
Великий свет и злая тьма —
Разгадка всякого познанья
И бред великого ума.

26 апреля 1902

* * *

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез...
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес...
Ты забудешь меня, как простила.

Апрель 1902

* * *

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, — и снова тьма бродила.

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикреплен болтом.
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице — при свете лампы жолтом.

Там наверху окно смотрело вниз,
Завешанное неподвижной шторой,
И, словно лоб наморщенный, карниз
Гrimасу придавал стене — и взоры...

Там, в сумерках, дрожал в окошках свет,
И было пенье, музыка и танцы.
А с улицы — ни слов, ни звуков нет, —
И только стекол выступали глянцы.

По лестнице над сумрачным двором
Мелькала тень, и лампа чуть светила.
Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

1 мая 1902

* * *

Я и мир — снега, ручьи,
Солнце, песни, звезды, птицы,
Смутных мыслей вереницы —
Все подвластны, все — Твои!

Нам не страшен вечный плен,
Незаметна узость стен,
И от грани и до грани
Нам довольно содроганий,
Нам довольно перемен!

Возлюбить, возненавидеть
Мирозданья скрытый смысл,
Чёт и нечет мертвых числ, —
И вверху — Тебя увидеть!

10 мая 1902

* * *

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тиши...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

13 мая 1902

* * *

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тиши!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

* * *

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишина,
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь, тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, —
Иду, — и песни не те...

Вот скоро вечер придвигнется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Май 1902

* * *

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе
Могла исчёрпать и избыть
Всё мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

28 мая 1902

V

C. Шахматово. Лето 1902 года

* * *

Брожу в стенах монастыря,
Бездостный и темный инок.
Чуть брежжит бледная заря, —
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег — белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плen
И братий мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

11 июня 1902. С. Шахматово

* * *

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожбе,
Твои черты, философ и ваятель,
Изобразжу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображенье,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!»

Июнь 1902

* * *

Золотокудрый ангел дня
В ночную фею обратится,
Но и она уйдет, звения,
Как мимолетный сон приснится.

Предел наш — синяя лазурь
И лоно матери земное.
В них тишина — предвестье бурь,
И бури — вестницы покоя.

Пока ты жив, — один закон
Младенцу, мудрецу и деве.
Зачем же, смертный, ты смущен
Преступным сном о божьем гневе?

Лето 1902

* * *

Пробивалась певучим потоком,
Уходила в немую лазурь,
Исчезала в просторе глубоком
Отдаленным мечтанием бурь.
Мы, забыты в стране одичалой,
Жили бедные, чуждые слез,
Трепетали, молились на скалы,
Не видали сгорающих роз.
Вдруг примчалась на север угрюмый,
В небывалой предстала красе,
Назвала себя смертною думой,
Солнце, месяц и звезды в косе.
Отошли облака и тревоги,
Всё житейское — в сладостной мгле,
Побежали святые дороги,
Словно небо вернулось к земле.
И на нашей земле одичалой
Мы постигли сгорания роз.
Злые думы и гордые скалы —
Всё растаяло в пламени слез.

1 июля 1902

НА СМЕРТЬ ДЕДА

(1 июля 1902 г.)

Мы вместе ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдруг ветерком пахнуло от окна,
Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шел — уже, как лунь, седой —
Походкой бодрою, с веселыми глазами,
Смеялся нам, и все манил рукой,
И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был, — и стар и млад —
Узнали в нем того, кто перед нами,
И, обернувшись с трепетом назад,
Застали прах с закрытыми глазами...

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидать веселье.
Пришел наш час — запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

C. Шахматово

* * *

Не бойся умереть в пути.
Не бойся ни вражды, ни дружбы.
Внимай словам церковной службы,
Чтоб грани страха перейти.

Она сама к тебе сойдет.
Уже не будешь в рабстве тленном
Манить смеющийся восход
В обличья бедном и смиренном.

Она и ты — один закон,
Одно веленье Высшей Воли.
Ты не навеки обречен
Отчаянной и смертной боли.

5 июля 1902

* * *

Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха.

От Иоанна III, 29

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.

7 июля 1902

* * *

Говорили короткие речи,
К ночи ждали странных вестей.
Никто не вышел навстречу.
Я стоял один у дверей.

Подходили многие к дому,
Крича и плача навзрыд.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнал
Сумасшедший бред о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить.

Так стоял один — без тревоги.
Смотрел на горы вдали.
А там — на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

15 июля 1902

* * *

Сбежал с горы и замер в чаще.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и чаще!..
Меня прощут до зари.

Огонь болотный им неведом.
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бегут за мною следом
Среди запутанной травы.

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.

21 июля 1902

* * *

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленою, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листам —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленоей тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленоющий клен.

31 июля 1902

* * *

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Июль 1902

* * *

За темной далью городской
Терялся белый лед.
Я подружился с темнотой,
Замедлил быстрый ход.

Ревело с черной высоты
И приносило снег.
Навстречу мне из темноты
Поднялся человек.

Лицо скрывая от меня,
Он быстро шел вперед
Туда, где не было огня
И где кончался лед.

Он обернулся — встретил я
Один горящий глаз.
Потом сомкнулась полынья —
Его огонь погас.

Слилось морозное кольцо
В спокойный струйный бег.
Зарделось нежное лицо,
Вздохнул холодный снег.

И я не знал, когда и где
Явился и исчез —
Как опрокинулся в воде
Лазурный сон небес.

4 августа 1902

* * *

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною —
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

Он — мечом деревянным
Начертал письмена.
Восхищенная странным,
Потуплялась *Она*.

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

6 августа 1902

* * *

Пытался сердцем отдохнуть я —
Ужель не сбросить этих снов?
Но кто-то ждал на перепуты
Моих последних, страшных слов...

Он ждет еще. Редеют тени,
Яснее, ближе сон конца.
Он спрятал голову в колени
И не покажет мне лица.

Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен.

И в этот час в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье пришлеща.

27 августа 1902

* * *

Золотистою долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий наук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Бдохновенного тепла.

29 августа 1902

* * *

Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты воспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.

Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...

Август 1902

* * *

Тебя я встречу где-то в мире,
За далью каменных дорог.
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу бог.

Август 1902

VI

С.-Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года

* * *

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, полнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услыхал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далёко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Но здесь, и дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

6 сентября 1902. С.-Петербург

* * *

Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
В моей душе открылись письмена.
Я их таю — в селеньях, на распутьях...
И крадусь я, как тень, у лунных стен.
Меняются, темнеют, глохнут стены.
Мне сладостно от всяких перемен,
Мне каждый день рождает перемены.
О, как я жив, как бьет ключами кровь!
Я здесь родной с подземными ключами!
Мгновенья тайн! Ты, вечная любовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!
Растет, растет великая стена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях...
Я вас открыл, святые письмена.
Я вас храню с улыбкой на распутьях.

6 сентября 1902

* * *

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.
Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,
Билось по-прежнему сердце,
Не изменялась душа.

Всё отшло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

15 сентября 1902

* * *

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз,
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну — и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей
И дрожну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1902

ЭККЛЕСИАСТ

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хабс безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдневным солнцем залитая;
Идешь — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот — кузнецик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Всё диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

* * *

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Следил за ней, на всё готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она — и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали жолтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее сребристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

27 сентября 1902

* * *

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искриота
Улыбку видели гонцы.

19 апреля — 28 сентября 1902

СТАРИК

A. C. Ф.

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то — там — нас было двое,
Но то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было, или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

* * *

При жолтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.

Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...

Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...

Сентябрь 1902

* * *

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думах случайных
Начертался и вихри пронес.

Мы терзались, стирались веками,
Закаляли железом сердца,
Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И пред ним распостертые долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной железом мечте.

Сентябрь 1902

* * *

Он входил простой и скучный,
Не дыша, молчал и гас.
Неотступный, изумрудный
На него смеялся глаз.

Или тайно изумленный
На него смотрел в тиши.
Он молчал, завороженный
Сладкой близостью души.

Но всегда, считая миги,
Знал — изменится она.
На страницах тайной книги
Видел те же письмена.

Странен был, простой и скучный
Молчаливый нелюдим.
И внимательный, и чудный
Тайный глаз следил за ним.

Сентябрь 1902

* * *

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре — в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал и поднял взор совиний,
И смотрит — пристальный — один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там — в углу — под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

* * *

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За жолто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у прибережий.

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос...

10 октября 1902

* * *

Ушел он, скрылся в ночи,
Никто не знает, куда.
На столе остались ключи,
В столе — указанье следа.

И кто же думал тогда,
Что он не придет домой?
Стихала ночная езда —
Он был обручен с Женой.

На белом холодном снегу
Он сердце свое убил.
А думал, что с Ней в лугу
Средь белых лилий ходил.

Вот брежжит утренний свет,
Но дома его всё нет.
Невеста напрасно ждет,
Он был, но он не придет.

12 октября 1902

*RELIGIO **

1

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, Хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

18 октября 1902

2

Безмолвный призрак в терему,
Я — черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полуслыши
В Ее нетронутом алькове.

* Благочестие (лат.). — Ред.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед,
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет служенья Непостижной.

18 октября 1902

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцанья красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Беличавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

* * *

Ты свята, но я Тебе не верю,
И давно всё знаю наперед:
Будет день, и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: «Осанна!»
Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний крик.

29 октября 1902

* * *

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть зайдутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда — величавей и краше,
Без сомнений и дум приму
И до дна исчёрпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

* * *

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

* * *

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.

Укрываюсь вочные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре — голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар — впереди.

Октябрь 1902

* * *

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму — живут, или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты — там.

5 ноября 1902

* * *

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись...»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплынет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

РАСПУТЬЯ

(1902—1904)

С.-Петербург — Bad Nauheim — с. Шахматово

* * *

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, — хранил огонь лампад.

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил.

И в Оный День — один участник Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902

* * *

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

* * *

Несбыточное грезится опять.

Февраль

Еще бледные зори на небе,
Далеко запевает петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.
И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902

* * *

Я надел разноцветные перья,
Закалил мои крылья — и жду.
Надо мной, подо мной — недоверье,
Расплывается сумрак — я жду.

Вот сидят, погружаясь в дремоту,
Птицы, спутники прежних годов.
Всё забыли, не верят полету
И не видят, на что я готов.

Эти бедные, сонные птицы —
Не взлетят они стаей с утра,
Не заметят мерцанья денницы,
Не поймут восклицанья: «Пора!»

Но сверкнут мои белые крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученные снами бессилья,
Засыпая на долгие дни.

21 ноября 1902

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное...
Он ушел печальной дорогой,
А я забыла вчерашнее —
забыла вчерашнее.

Вчера это было — давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
Я не искала плакучей ивы —
плакучей ивы.

Ах, давно ли! Со мною, со мною
Говорили — и меня целовали...
И не помню, не помню — скрою,
О чём берега шептали —
берега шептали.

Я видела в каждой былинке
Дорогое лицо его страшное...
Он ушел по той же тропинке,
Куда уходило вчерашнее —
уходило вчерашнее...

Я одна приютилась в поле,
И не стало больше печали.
Вчера это было — давно ли?
Со мной говорили, и меня целовали —
меня целовали.

23 ноября 1902

* * *

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне. —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.

Зима пройдет — в певучей выюге
Уже звенит издалека.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

30 ноября 1902

ГОЛОС

Жарки зимние туманы —
Свод небесный весь в крови.
Я иду в иные страны
Тайнодейственной любви.

Ты — во сне. Моих объятий
Не дарю тебе в ночи.
Я — царица звездных ратей,
Не тебе — мои лучи.

Ты обманут неизвестным:
За священные мечты
Невозможно бестелесным
Открывать свои черты.

Углубись еще бесстрастней
В сумрак духа своего:
Ты поймешь, что я прекрасней
Привиденья твоего.

3 декабря 1902

* * *

Я буду факел мой блести
У входа в душный сад.
Ты будешь цвет и лист плести
Высоко вдоль оград.

Цветок — звезда в слезах росы
Сбежит ко мне с высот.
Я буду страж его красы —
Безмолвный звездочет.

Но в страстный час стена низка,
Запретный цвет любим.
По следу первого цветка
Откроешь путь другим.

Ручей цветистый потечет —
И нет числа звездам.
И я забуду строгий счет
Влекущимся цветам.

4 декабря 1902

* * *

Мы всюду. Мы нигде. Идем,
И зимний ветер нам навстречу.
В церквях и в сумерки и днем
Поет и задувает свечи.

И часто кажется — вдали,
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит Кто-то.

На ветер зимний я гляжу:
Боюсь понять и углубиться.
Бледнею. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю всё. Но мы — вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что Кто-то задувает свечи.

5 декабря 1902

* * *

Андрею Белому

Я смотрел на слепое людское строение,
Под крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услыхал приближение
И думал о том, что было давно.

Занавески шевелились и падали.
Поднимались от невидимой руки.
На лестнице тени прядали.
И осторожные начинались звонки.

Еще никто не вошел на лестницу,
А уж заслышали счет ступень.
И везде проснулись, кричали, поджиная
вестницу,
И седые головы наклонялись в тень.

Думали: за утром наступит день.

Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.

И понял, что будет темно.

5 декабря 1902

* * *

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась богородице кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.
А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпала Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему — под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко —
Царевна-Невеста, что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые да красные заставки.

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

14 декабря 1902

* * *

Вот она — в налетевшей волне
Распылалась последнею местью,
В камышах пробежала на дне
Догорающей красною вестью.

Но напрасен манящий наряд;
Полюбуйся на светлые латы:
На корме неподвижно стоят
Обращенные грудью к закату.

Ты не видишь спокойных твердынь,
Нам не страшны твои непогоды.
Догорающий факел закинь
В безмятежные, синие воды.

24 декабря 1902

* * *

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слыхал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усилии,
Как будто поняв зловещий намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу
И звонко сказал, пронизывая мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И те, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902

* * *

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».
У входа в сумрак молений
Я открыл мое сердце. — Жду.

Что скажу я тебе — не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Над храмом, над нами —
Беззакатная глубь и высъ.

25 декабря 1902

* * *

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал перед Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Декабрь 1902

* * *

Мы отошли — и тяжко поднимали
Веселый флаг в ночные небеса,
Пока внизу боролись и кричали
Нестройные людские голоса.

И вот — заря последнего сознанья, —
Они кричат в неслыханной борьбе,
Шатается испытанное зданье,
Но обо мне — воздушный сон в Тебе.

Декабрь 1902

* * *

Она ждала и билась в смертной муке.
Уже маня, как зов издалека,
Туманные протягивались руки,
И к ним влеклась неверная рука.

И вдруг дохнул весенний ветер сонный,
Задул свечу, настала тишина,
И голос важный, голос благосклонный
Запел вверху, как тонкая струна.

Декабрь 1902

* * *

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Раздышились цветы — и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, сграяя, взошла на крыльце.

Сентябрь—декабрь 1902

* * *

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

6 января 1903

* * *

Здесь ночь мертвa. Слова мои дыки.
Мигает красный призрак — заря.
Наутро ввысь пущу мои крики,
Как белых птиц на встречу Царя.

Во сне и в яви — неразличимы
Заря и зарево — тишь и страх...
Мои безумья — мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкий —
чёрный монах...

Рука или ветер шевелит лоскутья?
Костлявые пальцы — обрывки трав...
Зеленые очи горят на распутьи —
Там ветер треплет пустой рукав...

Закрыт один, или многие лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста!..
До утра — без солнца — пущу мои крики.
Как чёрных птиц, на встречу Христа!

9 января 1903

* * *

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

* * *

В посланьях к земным владыкам
Говорил я о Вечной Надежде.
Они не поверили крикам,
И я не такой, как прежде.

Никому не открою ныне
Того, что рождается в мысли.
Пусть думают — я в пустыне
Блуждаю, томлюсь и числю.

Но, боже! какие посланья
Отныне шлю я Пречистой!
Мое роковое познанье
Углубилось в сумрак лучистый...

И только одна из мира
Отражается в каждом слоге...
Но она — участница пира
В твоем, о, боже! — чертоге.

27 января 1903

* * *

Здесь память волны святой
Осталась пенистым следом.
Бесспечальный иду за Тобой —
Мне путь неизвестный ведом.

Когда и куда поведешь,
Не знаю, но нет сомнений,
Что погибла прежняя ложь,
И близится вихрь видений.

Когда настанет мой час,
И смолкнут любимые песни,
Здесь печально скажут: «Угас»,
Но *Там* прозвучит: «Воскресни!»

31 января 1903

* * *

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решотка окна.
У дверей шептались вассалы:
«Королева, королева больна».

И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там — в конце галлереи дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в плаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый —
Незнакомец с бледным лицом.

4 февраля 1903

* * *

Старуха гадала у входа
О том, что было давно.
И вдруг над толпой народа
Со звоном открылось окно.
Шуршала за картой карта.
Чернела темная дверь.
И люди, полны азарта,
Хотели знать — что́ теперь?
И никто не услышал звона —
Говорил какой-то болтун.
А там, в решотке балкона,
Шатался и пел чугун.
Там треснули темные балки,
В окне разлетелось стекло.
И вдруг на лице гадалки
Заструилось — стало светло.
Но поздно узнавшие чары,
Увидавшие страшный лик,
Задыхались в дыму пожара,
Испуская пронзительный крик.
На обломках рухнувших зданий
Извивался красный червяк.
На брошенном месте гаданий
Кто-то встал — и развеял флаг.

13 февраля 1903

* * *

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

* * *

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастию,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Всё равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоем туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

33 *** H. P. № 208
Занін вітер играє терновником.
Гайдеєтъ въ віні світу.
Ніч уміє ка свіданіє съ любовником.
Я віна. Я прошу. Я можу.

Ніч не знаєвъ, коли ти можешъ.
Онъ играє въ шумі съ тобою.
О терновнику ходить укошевъ,
Возбраний нічною долиною.

~~Ніч~~ Долина покинута мною
~~ніч~~ вітер віддає мій
~~ніч~~ вітер віддає мій
~~ніч~~ вітер віддає мій
Все після твоїхъ
Змії розійшлися.

Ніч, що въ серці ~~після~~ тиха і після, —
~~Сонцемъ якъ въ місці~~ ^{Після}
І, коли ви съ тобою розстанете,
Ніч прикашевъ ~~зі~~ твоїхъ біжущихъ
тобою місці.

—

20 липня

* * *

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой, —
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится
счастье.
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

* * *

— Всё ли спокойно в народе?

— Нет. Император убит.

Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?

— Нет. Каменеют и ждут.

Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?

— Власти не хочет народ.

Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?

— Темен, и зол, и свиреп:

Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...

Посохом гонит железным...

— Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

* * *

Дела свершились.
Дни сочтены.
Мы здесь молились
У сонной реки.

Там льды носились
В дни весны.
И дни забылись!
Как далеки!

Мой день свершенный
Кончил себя.
Мой дух обнаженный
Для всех поет.

Утомленный, влюбленный,
Я жду тебя,
Угрюмый, бессонный,
Холодный, как лед.

4 марта 1903

* * *

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывающемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

* * *

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

* * *

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шопот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день ради бога,
Вечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903

* * *

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повсяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

А. М. ДОБРОЛЮБОВ

А. М. Д. своею кровью
Начертал он на щите.

Пушкин

Из городского тумана,
Посохом землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя.
Будто играющий в жмурки
С Вечностью — мальчик больной,
Странствуя, чертит фигуры
И призывает на бой.
Голос и дерзок и тонок,
Замысел — детски-высок.
Слабый и хилый ребенок
В ручке несет стебелек.
Стебель вселенского дела
Гладит и кличет: «Молись!»
Вокруг исхудалого тела
Стебли цветов завились...
Бот поднимаются выше —
Скоро уйдут в небосвод...
Голос всё тише, всё тише...
Скоро заплачет — поймет.

10 апреля 1903

* * *

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Все они — помощью Вышнего Веления —
В крове бога Небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадильницы, а с зеленои земли.

24 апреля 1903

* * *

Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Разворачивал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

* * *

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

* * *

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

* * *

На Вас было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глаз.
Только на груди, может быть, над распятьем,
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть,
Влюбленный
В Свое Создание, замкнул Вам уста.

Кто был Он — не знаю — никогда не узнаю,
Но к Нему моя ревность, и страх мой к Нему.
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю — я не знаю, Кому.

15 мая 1903. Петербург

* * *

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далече —
Они плелись с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усилием поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

4 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

Июнь 1903. Bad Nauheim

* * *

Ей было пятнадцать лет. Но по стику
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что́ будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених.

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме — в глубокой тишине:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, — свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

16 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

День был нежно-серый, серый, как тоска.
Вечер стал матовый, как женская рука.

В комнатах вечерних прятали сердца,
Усталые от нежной тоски без конца.

Пожимали руки, избегали встреч,
Укрывали смехи белизною плеч.

Длинный вырез платья, платье, как змея,
В сумерках белее платья чешуя.

Над скатертью в столовой наклонились ниц,
Касаясь прическами пылающих лиц.

Стуки сердца чаще, напряженней взгляд,
В мыслях — он, глубокий, нежный, душный сад.

И молча, как по знаку, двинулись вниз.
На ступеньках порох белых женских риз.

Молча потонули в саду без следа.
Небо тихо вспыхнуло заревом стыда.

Может быть, скатилась красная звезда.

Июнь 1903. Bad Nauheim

* * *

Пристань безмолвна. Земля близка.
Земли не видно. Ночь глубока.

Стою на серых мокрых досках.
Буря хохочет в седых кудрях.

И слышу, слышу, будто кричу:
«Поставьте в море на камне свечу!

Когда пристанет челнок жены,
Мы будем вместе с ней спасены!»

И страшно, и тяжко в мокрый песок
Бьют волны, шлют волны седой намек...

Она далёко. Ответа нет.
Проклятое море, дай мне ответ!

Далёко, там, камень! Там ставьте свечу!
И сам не знаю, я ли кричу.

Июль 1903. С. Шахматово

* * *

Я — меч, заостренный с обеих сторон.
Я правлю, архангел, Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, — господней рукой.

Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.

Поставлю на страже звенящий стих.
Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
И камень будет Ей друг и жених,
И Ей не солжет, как я не лгу.

Июль 1903

ДВОЙНИК

Вот моя песня — тебе, Коломбина.
Это — угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйтесь на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя не похожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой».

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним — вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро».
Я повторяю: «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно,
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душило!»
Он повторяет: «Иди. Не пущу».

Там, где на улицу, в звонкую давку,
Взглянет и спрячется розовый лик, —
Там мы войдем в многолюдную лавку, —
Я — Арлекин, и за мною — старик.

О, если только замстят, замстят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!

Там — голубое окно Коломбины,
Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном весельи — мы два Арлекина —
Юный и старый — сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый — он тупо глумится над вами,
Юный — он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне, — розовей навечерий,
Та, что вверху, — ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте, как дети. Поймите меня.

30 июля 1903. С. Шахматово

* * *

Над этой осенью — во всем
Ты прошумела и устала.
Но я вблизи — стою с мечом,
Спустив до времени забрало.

Души кипящий гнев смири,
Как я проклятую отвагу.
Остался красный зов зари
И верность голубому стягу.

На верном мы стоим пути,
Избегли плена не впервые.
Веди меня. Чтоб всё пройти,
Нам нужны силы неземные.

11 августа 1903. С. Шахматово

ВЕРБНАЯ СУББОТА

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуволенный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... — «Проснитесь,
мы тут...»
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен.

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903. С.-Петербург

* * *

Мой месяц в царственном зените.
Ночной свободой захлебнусь
И там — в серебряные нити
В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволью
И только будущей Заре —
Киваю синему раздолью,
Ныряю в темном серебре!..

На площадях столицы душной
Слепые люди говорят:
«Что над землею? Шар воздушный.
Что под луной? Аэростат».

А я — серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду.
И в складки ризы темносиней
Укрыл Любимую Звезду.

1 октября 1903

* * *

Возвратилась в полночь. До утра
Подходила к синим окнам зала.
Где была? — Ушла и не сказала.
Неужели мне пора?

Беспокойно я брожу по зале...
В этих окнах есть намек.
Эти двери мне всю ночь бросали
Скрипы, тени, может быть, упрек?..

Завтра я уйду к себе в ту пору,
Как она придет ко мне рыдать.
Опущу белеющую штору,
Занавешу пологом кровать.

Лягу, робкий, улыбаясь мигу,
И один, вкусив последний хлеб,
Загляжу в таинственную книгу
Совершившихся судеб.

9 октября 1903

* * *

Андрею Белому

Я бежал и спотыкался,
Обливался кровью, бился
Об утесы, поднимался,
На бегу опять молился.
И внезапно повеяло холодом.
Впереди покраснела заря.
Кто-то звонким, взывающим молотом
Воздвигал столпы алтаря.
На черте горизонта пугающей,
Где скончалась внезапно земля,
Мне почудился ты — умирающий,
Истекающий кровью, как я.
Неужели и ты отступаешь?
Неужели я стал одинок?
Или ты, испытуя, мигаешь,
Будто в поле кровавый платок?
О, я увидел его, несчастный,
Увидел красный платок полей...
Заря ли кинула клич свой красный?
Во мне ли грянула мысль о Ней?
То — заря бесконечного холода,
Что послала мне сладкий намек...
Что рассыпала красное золото,
Разостлала кровавый платок.
Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована —
Угадать Ее Имена.

18 октября 1903

* * *

Иммануил Кант

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое темное окошко...
Тепло и тёмно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной — колечки.

18 октября 1903

* * *

...И снова подхожу к окну,
Влюблён в мерцающую сагу.
Недолго слушать тишину:
Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушёл от дня,
И сон гоню, чтоб длить молчанье...
Днём никому не жаль меня, —
Мне ночью жаль мое страданье...

Оно в бессонной тишине
Мне льет торжественные муки.
И кто-то милый, близкий мне
Сжимает жалобные руки...

26 октября 1903

* * *

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бела,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день, —
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой, —
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

* * *

Лидрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле.
В бездне — мрак, а в небе — гул.
Милый друг! Звезда иная
Нам открылась на земле.

Неразлучно — будем оба
Клятву Вечности нести.
Поздно встретимся у гроба
На серебряном пути.

Там — сжимающему руки
Руку нежную сожму.
Молчаливому от муки
Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Оный День — знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Святый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

* * *

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовей,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеной темно...
Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

* * *

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружящийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903

* * *

Облака небывалой услады —
Без конца их лазурная лень.
Уходи в снеговые громады
Розоватый приветствовать день.
Тишины снегового намека,
Успокоенных дум не буди...
Нежно-синие горы глубоко
Притаились в небесной груди.
Там до спора — сквозящая ласка,
До войны — только нежность твоя,
Без конца — безначальная сказка,
Рождество голубого ручья...
Невозможную сладость приемли,
О, изменник! Люблю и зову
Голубые приветствовать земли,
Жемчуговые сны наяву.

21 ноября 1903

* * *

M. A. Олениной д'Альгейм

Темная, бледно-зеленая
Детская комната.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали — три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитятко, преставился...
Закрой глазки, мой мальчик солнечный.
Святой мученик от мученья избавился».

23 ноября 1903

ФАБРИКА

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолtyх окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

* * *

Что с тобой — не знаю и не скрою —
Ты больна прозрачной белизной.
Милый друг, узнаешь, что с тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, в подушках лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рук.
И тогда сойдет к тебе на ложе
Непрерывный, заунывный звук.

Тень лампадки вздрогнет и встревожит,
Кто-то, отделившись от стены,
Подойдет — и медленно положит
Нежный саван снежной белизны.

5 декабря 1903

* * *

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка — птица, чайка — дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903. С.-Петербург

* * *

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.
Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда взывало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там — бессмертною волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

11 декабря 1903

* * *

E. P. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанию.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданию, дыханию.

В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

* * *

Среди гостей ходил я в черном фраке.
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом — очнусь у двери с ручкой медной.
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

18 декабря 1903

ИЗ ГАЗЕТ

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клоняясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звенящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человеч.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкралась сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.

Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.

Мамочеке не больно, розовые детки.
Мамочкика сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочеке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

СТАТУЯ

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос.
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье неслось.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья --
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряжены молчанья
Вечно застывший висел человеч.

28 декабря 1903

* * *

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег.

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя, как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядом,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

* * *

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудёт.

Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжко и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно...
Чудо, ложись в сугробы!

28 декабря 1903

* * *

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.

Солнце небо опояшет,
Вот и вечер — весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.

На балконе, где алеют
Мхи старинных баллюстрад,
Деды дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.

Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж,

Протянув большую руку,
Сладко юным погрозить.
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.

И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягким стеганом халате
Перебраться на кровать...

Скажут: «Поздно, мы устали...»
Разойдутся на заре,
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.

Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...

25 февраля 1904

* * *

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком,
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к царице небесной придешь, —
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почутъян знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста — и вечно жена.

26 марта 1904

МОЛИТВЫ

Наш Арго!

Андрей Белый

1

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У репотки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозовых надежд,
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. УТРЕННЯЯ

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высокό он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре.
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг.
На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. ВЕЧЕРНЯЯ

Солнце сходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающих мерно дыханье.
Впереди — огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри...
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зари.

4. НОЧНАЯ

Они Ее видят!
В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод.

Мой час молитвенный недолог —
Заутра обуяет сон.
Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток
Минут, мелькнувших наяву!
Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно-розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежещет
Суровый маг моей земли!
Тебя — племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая Тень!
Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тишины одень!

5. НОЧНЯЯ

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью внемлю.
Я грушу, как заоблачный воин,
Уронивший панцырь на землю.

Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Всё снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует, — в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты — в тени под мирной оливой.

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... Спи до срока.

Март—апрель 1904

* * *

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.

Были дни — над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат.

Брата брат из дальних келий
Извещал: «Хвала!»
Где-то голуби звенели,
Расплескав крыла.

С золотистых ульев пчелы
Приносили мед.
Наполнял весельем долы
Праздничный народ.

В пестрых бусах, в алых лентах
Девушки цвели...
Кто там скакет в позументах
В голубой пыли?

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых кудрей бьются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый...
Блещут стремена...
На кафтан его парчевый
Пролилась весна.

Пролилась — он стинет в тучах,
Вспыхнет за холмом.
На зеленых встанет кручах
В блеске заревом,

Где-то перьями промашет,
Крикнет: «Берегись!»
На коне селом пропляшет,
К ночи канет ввысь...

Ночью девушкам приснится,
Прилетит из туч
Конь — мгновенная зарница,
Всадник — беглый луч...

И, как луч, пройдет в прохладу
Узкого окна,
И Царевна, гостю рада,
Встанет с ложа сна...

Или, в злыe дни ненастий,
Глянет в сонный пруд,
И его, дрожа от страсти,
Руки заплетут.

И потом обманут — вскинут
Руки к серебру,
Рыбьим плёсом отодвинут
В струйную игру...

И душа, летя на север
Золотой пчелой,
В алый сон, в медовый клевер
Ляжет на покой...

И опять в венках и росах
Запоет мечта,

Засверкает на откосах
Золото щита,

И поднимет щит девица,
И опять вдали
Всадник встанет, конь вздыбится
В голубой пыли...

Будут вёсны в вечной смене
И падений гнет.
Вихрь, исполненный видений, —
Голубиный лёт...

Чтоб мгновенные бессилья?
Время — легкий дым...
Мы опять расплещем крылья,
Снова отлетим!

И опять, в безумной смене
Рассекая твердь,
Встретим новый вихрь видений,
Встретим жизнь и смерть!

22 апреля — 20 мая 1904. С. Шахматово

* * *

В час, когда пьянеют нарциссы,
И театр в закатном огне,
В полуутенъ последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...

Арлекин, забывший о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Ветерок, приносящий с поля
Дуновений легкую дань?

Я, паяц, у блестящей рампы
Возникаю в открытый люк.
Это — бездна смотрит сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паук.

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутясь и звеня...
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Нежный друг с голубым туманом,
Убаюкан качелью снов.
Сиротливо приникший к ранам
Легкоперстный запах цветов.

26 мая 1904. С. Шахматово

* * *

Вот он — ряд гробовых ступеней.
И меж нас — никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог.

18 июня 1904. С. Шахматово

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ
(1897—1903)**

ОТРОЧЕСКИЕ СТИХИ

Πᾶς ποιητὴς γίγνεται
οὐδὲ οὐ Σρωτὸς ἀφεται ἄν. *

I

À la très-chère, à la très-belle...
*Eaudelaure ***

Одной тебе, тебе одной,
Любви и счастия царице,
Тебе прекрасной, молодой
Все жизни лучшие страницы!

Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.

Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница.

Весна 1898

* Всякий, кого коснется Любовь, становится поэтом
(греч.). — Ред.

** Самой дорогой, самой прекрасной... Бодлер (франц.).—
Ред.

II

Пора забыться полным счастья сном,
Довольно нас терзalo сладострастье...
Покой везде. Ты слышишь: за окном
Нам соловей пророчит счастье?

Теперь одной любви полны сердца,
Одной любви и неги сладкой.
Всю ночь хочу я плакать без конца
С тобой вдвоем, от всех украдкой.

О, плачь, мой друг! Слеза туманит взор,
И сумрак ночи движется туманно...
Смотри в окно: уснул безмолвный бор,
Качая ветвями таинственно и странно.

Хочу я плакать... Плач моей души
Твою страстью не прервется...
В безмолвной, сладостной, таинственной тиши
Песнь соловьиная несется...

Весна 1898

III

Пусть рассвет глядит нам в очи,
Соловей поет ночной,
Пусть хоть раз во мраке ночи
Обовью твой стан рукой.

И челнок пойдет, качаясь
В длинных темных камышах,
Ты прильнешь ко мне, ласкаясь,
С жаркой страстью на устах.

Пой любовь, пусть с дивной песней
Голос льется всё сильней,
Ты прекрасней, ты прелестней,
Чем полночный соловей!..

Май 1898

IV

Ловя мгновенья сумрачной печали,
Мы шли неровной, скользкою стезей.
Минуты счастья, радости нас ждали,
Презрели их, отвергли мы с тобой.

Мы разошлись. Свободны жизни наши,
Забыли мы былье времена.
И, думаю, из полной, светлой чаши
Мы счастье пьем, пока не видя дна.

Когда-нибудь, с последней каплей сладкой,
Судьба опять столкнет упрямо нас,
Опять в одну любовь сольет загадкой,
И мы пойдем, ловя печали час.

21 июля 1898

V

Ты, может быть, не хочешь угадать,
Как нежно я люблю Тебя, мой гений?
Никто, никто не может так страдать,
Никто из наших робких поколений.

Моя любовь горит огнем порой,
Порой блестит, как звездочка ночная,
Но вечно пламень вечный и живой
Дрожит в душе, на миг не угасая.

О, страсти нет! Но тайные мечты
Для сердца нежного порой бывают сладки,
Когда хочу я быть везде, где Ты,
И целовать Твоей одежды складки.

Мечтаю я, чтоб ни одна душа
Не видела Твоей души нетленной,
И я лишь, смертный, знал, как хороша
Одна она, во всей, во всей вселенной.

21 сентября 1898

VI

Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина.
Всё уснуло, да мне-то не спится.
Я хотел бы уснуть, да уж очень темна
Эта ночь, — и луна не сребрится.
Думы всё неотвязно тревожат мой сон.
Вспоминаю я прошлые ночи:
Мрак неясный... По лесу разносится звон...
Как сияют прекрасные очи!..
Дальше, дальше... Как холодно! Лед на Неве,
Открываются двери на стужу...
Что такое проснулось в моей голове?
Что за тайна всплывает наружу?..
Нет, не тайна: одна неугасшая страсть...
Но страстям я не стану молиться!
Пред другой на колени готов я упасть!..
Эх, уснул бы... да что-то не спится.

18 ноября 1898

VII

Немало времени прошло уже с тех пор:
Ты взглянешь на меня с безвестной тихой
думой,
Я всё по-прежнему безжизненный актер,
Влачащий муки детские угрюмо.

Ты всё по-прежнему прекрасна и чиста,
Ты всё не видишь, — я сильнее стражду,
О, как мне хочется, чтоб Ты, о, Красота,
Узнала то, чего я страстно жажду!

И как мне хочется поплакать близ Тебя,
Как малому ребенку в колыбели!
Так чисто, так приветливо любя,
Мы слова вымолвить друг другу не успели!..

Да, я измученный, усталый соловей,
Пресеклись звуки, песня оборвалась,

Но с ясною гармонией Твоей
Моя душа больная не рассталась.

Теперь Тебе и говорить и петь,
Я буду слушать, плакать неутешно,
Ты сердце-то ведь можешь пожалеть?
О, оправдай, когда Ты так безгрешна!

Когда и Ты, одна моя мечта,
Не дашь мне выплакать давнишние страданья,
Я буду знать, что в мире красота
Всегда нема и нет в ней состраданья!

Декабрь 1898

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

Стихи, напечатанные в этой книжке, относятся к 1898—1903 годам. Многие из них переделаны впоследствии, так что их нельзя отнести ни к этому раннему, ни к более позднему времени. Потому они не входят в первый том моих «Стихотворений».

Заглавие книжки заимствовано из стихов Фета, которые некогда были для меня путеводной звездой. Вот они:

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

A. B.

Май 1919

* * *

Я ношуся во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькаст
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять — во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет — выйдет, не обманет,
Только солнце встанет — сердце солнце
встретит!..

Июль 1898. Трубицыно

* * *

В ночь, когда уснет тревога,
И город скроется во мгле —
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Чтоб буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Чтоб человеческие слезы,
Когда румянится закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба —
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

Сентябрь (?) 1898

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

13 декабря 1898

НА ВЕЧЕРЕ В ЧЕСТЬ Л. ТОЛСТОГО

В толпе, родной по вдохновенью,
В тумане, наполнявшем зал,
Средь блеска славы, средь волненья
Я роковой минуты ждал...

Но прежним холодом могилы
Дышали мне Твои уста.
Как прежде, гибли жизни силы,
Любовь, надежда и мечта.

И мне хотелось блеском славы
Зажечь любовь в Тебе на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь воздвиг!..

20 декабря 1898

* * *

Над старым мраком мировым,
Исполненным враждой и страстью,
Навстречу кликам боевым
Зареет небо новой властью.

И скоро сумрак туч прорвут
Лучи — зубцы ее короны,
И люди с битвы потекут
К ее сверкающему трону.

Ослепнем в царственных лучах
Мы, знаяшие лишь ночь да бури,
И самый мир сотрется в прах
Под тихим ужасом лазури...

Помедли, ночь! Небесный луч!
Не озаряй тюрьмы лазурной!
Пускай мерцают нам сквозь туч
Лишь звезды — очи ночи бурной!

20 января 1899

ОДНОЧЕСТВО

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.
Из отпылавшего камина
Неясный мрак вечерний плыл.

И он сидел перед камином,
Он отгорел и отстрадал
И взглядом, некогда орлиным,
Остывший пепел наблюдал.
В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней,
Будя старинные печали
Игрой бесплотною теней.
Один, один, забытый миром,
Безвластный, но еще живой,
Из сумрака былым кумирам
Кивал усталой головой...
Друзей бывалых всреница,
Врагов жестокие черты,
Любивших и любимых лица
Плынут из серой темноты...
Все бросили, забыли всюду,
Не надо мучиться и ждать,
Осталось только пепла груду
Потухшим взглядом наблюдать...
Куда неслись его мечтанья?
Пред чем склонялся бедный ум?
Он вспоминал свои метанья,
Будил тревоги прежних дум...
И было сладко быть усталым,
Отрадно так, как никогда,
Что сердце больше не желало
Ни потрясений, ни труда,
Ни лести, ни любви, ни славы,
Ни просветлений, ни утрат...
Воспоминанья величаво,
Как тучи, обняли закат,
Нагромоздили груду башен,
Воздвигли стены, города,
Где небосклон был желт и страшен,
И грозен в юные годы...
Из отпылавшего камина
Неясный сумрак плыл и плыл,
Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.

25 января 1899

* * *

Ночной туман застал меня в дороге.
Сквозь чащу леса глянул лунный лик.
Усталый конь копытом бил в тревоге —
Спокойный днем, он к ночи не привык.
Угрюмый, неподвижный, полусонный
Знакомый лес был страшен для меня,
И я в просвет, луной осеребренный,
Направил шаг храпящего коня.
Туман болотный стелется равниной,
Но церковь серебрится на холме.
Там — за холмом, за рощей, за долиной —
Мой дом родной скрывается во тьме.
Усталый конь быстрее скакет к цели,
В чужом селе мерцают огоньки.
По сторонам дороги заалели
Костры пастушьи, точно маяки.

10 февраля 1899

* * *

Там, за далью бесконечной,
Дышит счастье прошлых дней...
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?

Это — звезды светят вечно
Над землею без теней.
В их сияньи бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

3—8 июня 1899

* * *

Когда же смерть? Я всё перестрадал,
Передо мною — мир надзвездный.
Отсюда — юноше, мне Сириус сверкал,
Дрожал и искрился над бездной.

Прими, стоцветная звезда!
Прими меня в свой мир высокий,
Чтоб я дрожал и искрился всегда
Твоем мощью одинокой!

Дай мне твой свет — пустыню озарить,
Спасти от боли, от юдоли!
Дай сладкий яд мне — стражу отравить!
Дай острый луч мне — двери отворить!

4 июня 1899

ГОЛОС

Чей-то обманчивый голос поет,
Кто пробудился от сна и зовет?

Где-то в далеких знакомых краях
Гаснут и тают лучи в облаках.

Ночь наступает, но кто-то спешит,
К ночи в объятья зовет и манит...

Кто же ты, ночью поешь и не спишь?
Чей же ты, голос, обман мне сулишь?

9 сентября 1899

* * *

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра — нет,
Готов и Смерти покориться
Младой поэт.

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен, —
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять — тревога, опять — стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!

25 декабря 1899

* * *

В те дни, когда душа трепещет
Избыtkом жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, далекая, чертог.

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
К твоим чертогам труден путь.

Оттуда светит луч холодный,
Сияет купол золотой,
Доступный лишь душе свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослепишь сверканьем
Отвыкший от видений взгляд,
И уязвленная страданьем
Душа воротится назад

И будет жить, и будет видеть
Тебя, сквозящую вдали,
Чтоб только злее ненавидеть
Пути постылые земли.

7 февраля 1900

* * *

О, не тебя люблю глубоко,
Не о тебе — моя тоска!
Мне мнится — вечер недалеко,
Мне кажется, что ночь близка...

Укроет мрачной пеленою
Всё то, что я баготоворил...
О, день, исполненный тобою!
Нет, нет! Я не тебя любил!

9 марта 1900

* * *

Ночь теплая одела острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль светла. Душа моя жива.
И вечная холодная Нева
У ног сурово колыхнулась.

Ты, счаствие! Ты, радость прежних лет!
Весна моей мечты далекой!
За годом год... Всё резче темный след,
И там, где мне сиял когда-то свет,
Всё гуще мрак... Во мраке — одиноко —

Иду — иду — душа опять жива,
Опять весна одела острова.

11 марта 1900

* * *

К ногам презренного кумира
Слагать божественные сны
И прославлять обитель мира
В чаду убийства и войны,

Вперяясь в сумрак ночи хладной,
В нем прозревать огонь и свет, —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью поэт!

Весна 1900

* * *

Напрасно, дева, ты бежала,
Моей пытливости страшась.
Моя мечта дорисовала
Тебя, волнуясь и смеясь.

И я узнал твои приметы
По искрам тайного огня
В твоих глазах, где бродят светы
Жестокого и злого дня.

Ты ныне блещешь красотою,
Ты древним молишься богам,
Но беззаконною тропою
Идешь к несчастным берегам.

6 апреля 1900

* * *

Хожу по камням старых плит,
Душа опять полна терзаний...
Блаженный дом! — Ты не закрыт
Для горечи воспоминаний!

Здесь — бедной розы лепестки
На камне плакали, алея...
Там — зажигала огоньки
В ночь уходящая аллея...

И ветер налетал, крутя
Пушинки легкие снежинок,
А город грохотал, шутя
Над святостью твою, инок...

Где святость та? — У звезд спроси,
Светящих, как тогда светили...
А если звезды изменили —
Один сквозь ночь свой крест неси.

14 апреля 1900

* * *

В фантазии рождаются порою
Немые сны.
Они горят меж солнцем и Тобою
В лучах весны.

О, если б мне владеть их голосами!
Они б могли
И наяву восстать перед сынами
Моей земли!

Но звук один — они свое значение
Утратят вмиг.
И зазвучит в земном воображенье
Земной язык.

22 апреля 1900

* * *

Есть много песен в светлых тайниках
Ее души невинной и приветной.
И грусти признак есть в его чертах,
Старинной грусти и заветной.

Им бог один — прозрачная печаль.
Единый бог — залог слияния.
И, может быть, вдвоем — еще туманней даль
И обаятельней незнанье.

3 мая 1900

* * *

Бежим, бежим, дитя свободы,
К родной стране!
Я верен голосу природы,
Будь верен мне!
Здесь недоступны неба своды
Сквозь дым и праж!
Бежим, бежим, дитя природы,
Простор — в полях!

Бегут... Уж стогны миновали,
Кругом — поля.
По всей необозримой дали
Дрожит земля.
Бегут навстречу солнца, мая,
Свободных дней...
И приняла земля родная
Своих детей...

И приняла, и обласкала,
И обняла,
И в вешних далях им качала
Колокола...

И, помавив их невозможным,
Вновь предала
Дням быстротечным, дням тревожным,
Злым дням — без срока, без числа...

7 мая 1900

* * *

Пусть я покину этот град...
Тоска невольная сжимает
Мне сердце. Я б остаться рад.
Что будет там, душа не знает...
Там — новый натиск бурь и бед,
Моя тоска — тому залогом.
В глубокой мгле грядущих лет
Каким предамся я дорогам?

Здесь — в свете дня, во тьме ночной
Душа боролась, погибала,
Опять воспрянув, свой покой
Вернуть не в силах, упадала
В тревоги жизни городской
И, дна достигнув, поднимала
Свой нежный цвет над черной мглой —
Так — без конца, так — без начала...

Или бушующая кровь
Рождала новую любовь?

Иль в муке и тревоге тайной
И в сочетаньях строгих числ
Таился тот — необычайный,
Тот радостный, великий смысл?

Да, да! Моеей исконной мукой
Клянусь, пожар иной любви
Горел, горит в моей крови!
Моя тоска — тому порукой!

16 мая 1900

* * *

Уже бледнеет день прощальный.
Ты эту ночь мне подари.
Услышишь мой рассказ печальный,
Внимай ему и жди зари.

Заря в твои заглянет очи.
И ты поймешь в ее огне,
Чтоб в эти дни, чтоб в эти ночи
В твоей душе открылось мне.

9 июня 1900

* * *

В ночь молчаливую чудесен
Мне предстоит твой светлый лик.
Очарованья старых песен
Объемлют душу в этот миг.

Своей дорогой голубою
Проходишь медленнее ты,
И отдыхают над тобою
Две неподвижные звезды.

13 июня 1900

* * *

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, господь, успокоенье
И очищенье от забот.

Дыханием живящей бури
Дожни в удущливой глупши,
На вечереющей лазури,
Для вечереющей души.

18 июня 1900

* * *

В часы безмолвия ночных
Тревоги отлетают прочь.
Забудь событъя дня пустого
И погрузись в родную ночь.

Молись, чтоб осень озарила,
Как ту весну, твоя звезда.
Тоскуй свободно над могилой
Весны, прошедшей без следа.

24 июня 1900

* * *

Смеялись бедные невежды,
Похитил я, младой певец,
У безнадежности — надежды,
У бесконечности — конец.

Мне самому и дик и странен
Тот свет, который я зажег,
Я сам своей стрелою ранен,
Сам перед новым изнемог.

Идите мимо — погибаю,
Глумитесь над моей тоской.
Мой мир переживет, я знаю,
Меня и страшный смех людской.

25 июня 1900

* * *

К чему бесцельно охранять
Свои былые вдохновенья?
Уже на всем — годов печать,
Седых времен прикосновенье.

Стихай, заветная печаль,
Проснулся день, дохнул страданьем.
Годов седеющая даль
Покрыта мраком и молчаньем.

И дале в сердце уходи
Ты, безнадежное стремленье,
Не отравляй и не буди
Меня, былое вдохновенье!

4 июля 1900

* * *

Напрасно я боролся с богом.
Он — громоносный чудодей —
Над здешним, над земным чертогом
Воздвиг чертог еще страшней.

И средь кощунственных хулений,
Застигнут ясностью Зари,
Я пал, сраженный, на колени,
Иные славя алтари...

И вопреки хулам и стонам,
Во храме, где свершалось зло,
Над пламенеющим амвоном
Христово сердце расцвело.

4 октября 1900

* * *

Не отравляй души своей
Всегда угрюмым отрицаньем.
Видения былых скорбей
Буди, буди — воспоминаньем!

Придет на смену этих дней
Суровый день и вечер сонный,
И будет легче и светлей,
Воспоминаньем окрыленный.

Когда настанет черный день,
Зови, зови успокоенье,
Буди прошедшей скорби тень, —
Она приносит исцеленье!

5 ноября 1900

ДВЕ ЛЮБВИ

Любви и светлой, и туманной
Равно изведаны пути.
Они равно душе желанны,
Но как согласье в них найти?

Несъединимы, несогласны,
Они равны в добре и зле,
Но первый — безмятежно-ясный,
Второй — в смятеньи и во мгле.

Ты огласи их славой равной,
И равной тайной согласи,
И, раб лукавый, своенравный,
Обоим жертвы приноси!

Но трепещи грядущей кары,
Страхись грозящего перста:
Твои блаженства и пожары —
Всё — прах, всё — тлен, всё — суета!

19 декабря 1900

* * *

Нет ни слезы, ни дерзновенья.
Всё тот же путь — прямей стрелы.
Где ваши гордые стремленья,
Когда-то мощные орлы?

Ужель и сила покидает,
И мудрость гасит светоч свой?
Ужель без песни умирает
Душа, сраженная тоской?

25 декабря 1900

ВАЛКИРИЯ

(На мотив из Вагнера)

Хижина Гундинга

З и г м у н д
(за дверями)

Одинокий, одичалый,
Зверь с косматой головой,
Я стучусь рукой усталой —
Двери хижины открай!
Носят северные волны
От зари и до зари —
Носят вместе наши челны.
Я изранен! Отвори!

З и г е л и н д а

Кто ты, гость, ночной порою
Призывающий в тиши?
Черный Гундинг не со мною...
Голос друга... Клич души!

З и г м у н д

Я в ночном бою с врагами
Меч разбил и бросил щит!

В темном доле, под скалами
Конь измученный лежит.
Я, в ночном бою усталый,
Сбросил щит с могучих плеч!
Черный меч разбил о скалы!
«Вельзэ! Вельзэ! Где твой меч!»

(Светится меч в стволе дерева)

З и г е л и н д а

Вместе с кликами твоими
Загораются огни!
Ты, зовущий Вельзэ имя,
Милый путник, отдохни!

(Отворяет двери)

Декабрь 1900

* * *

Над синевой просторной дали
Сквозили строгие черты.
Лик безмятежный обрамляли
Речные белые цветы.

Навек безмолвна и спокойна,
Она без мысли шла вперед,
И раболепно, и нестройно
Пред ней волнами шел народ.

Я, увлечен толпой народной
На обожанье красоты,
Смотрел, отвека несвободный,
В ее спокойные черты.

30 января 1901

* * *

Мой путь страстями-затемнен,
Но райских снов в полнощном бденьи
Исполнен дух, — и светлый сон
Мне близок каждое мгновенье.

Живите, сны, в душе моей,
В душе безумной и порочной,
Живите, сны, под гнетом дней
И расцветайте в час урочный!

В суровый час, когда вокруг
Другие сны толпою властной
Обстанут вокруг, смыкая круг,
Объемля душу мглою страстной!

Плыvите, райских снов четы,
И силой бога всемогущей
Развейте адские мечты
Души, к погибели идущей.

11 февраля 1901

* * *

Навстречу вешнему расцвету
Зазеленели острова.
Одна лишь песня недопета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремленьи запоздала,
В пареньи смутном замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла...

И вот — в завистливом смущеньи —
Глядит — растаяли снега,
И рек нестройное теченье
Свои находит берега.

25 апреля 1901

* * *

В передзакатные часы
Среди деревьев вековых
Люблю неверные красы
Твоих очей и слов твоих.

Прощай, идет ночная тень,
Ночь коротка, как вешний сон,
Но знаю — завтра новый день,
И новый для тебя закон.

Не бред, не призрак ты лесной,
Но старина не знала фей
С такой неверностью очей,
С душой изменчивой такой!

5 мая 1901

* * *

Когда-то долгие печали
Связали нас.
Тогда мы вместе день встречали
В лазурный час.
И вечер гас. Хладели руки,
Среди огней
Мы шли под меркнущие звуки
Печальных дней.
Теперь — за ту младую муку
Я жизнь отдаю...
О, если б вновь живую руку
Прижать к губам!

Лето 1901

* * *

Мчит меня мертвая сила,
Мчит по стальному пути.
Небо уныньем затмило,
В сердце — твой голос: «Прости».

Да, и в разлуке чиста ты
И непорочно свята.

Вон огневого заката
Ясная гаснет черта.

Нет безнадежного горя!
Сердце — под гнетом труда,
А на небесном просторе —
Ты — золотая звезда.

*6 сентября 1901
Междур Клином и Тверью
Почтовый поезд*

* * *

Грустно и тихо у берега солнного
Лодка плывет — ты дремли.
Я расскажу про мечты, озаренные
Прежнею лаской земли.
Только остались у берега солнного
Утлыя в лодке мечты.
В этих мечтах — навсегда отдаленная,
Ты, лучезарная, ты...

Осень 1901

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОЗ

Смотрел отвека бог лукавый
На эти душные цветы.
Их вековечною травой
Дыши и упивайся ты.

С их страстной, с их истомной ленью
В младые сумерки твои
И пламенной и льстивой тенью
Войдут мечтания мои.

Неотвратимы и могучи,
И без свиданий, и без встреч,
Они тебя из душной тучи
Живою молньей будут жечь.

24 декабря 1901

* * *

Война горит неукротимо,
Но ты задумайся на миг, —
И голубое станет зrimo,
И в голубом — Печальный Лик.

Лишь загляни смиренным оком
В непреходящую лазурь, —
Там — в тихом, в голубом, в широком —
Лазурный дым — не рокот бурь.

Старик-пастух стада покинет,
Лазурный догоняя дым.
Тяжелый щит боец отринет,
Гонясь без устали за ним.

Вот — равные, идут на воле,
На них — одной мечты наряд,
Ведь там, в широком божьем поле,
Нет ни щитов, ни битв, ни стад.

Январь 1902

* * *

Вдали мигнул огонь вечерний —
Там расступились облака.
И вновь, как прежде, между терний
Моя дорога нелегка.

Мы разошлись, вкусили оба
Предчувствий неги и земли.
А сердце празднует до гроба
Зарю, мигнувшую вдали.

Так мимолетно перед нами
Перепорхнула жизнь — и жаль:
Всё мнится — зорь вечерних пламя
В последний раз открыло даль.

Январь 1902

* * *

В пути — глубокий мрак, и страшны высоты.
Миндаль уже цветет, кузнечик тяжелеет,
И каперса осыпались цветы.
Но здешней суеты душа не сожалеет.

Свертай свои круги, о, чадо смертных чад,
Но вечно жди суда у беспощадной двери.
Придет урочный час — и стражи задрожат,
И смолкнут жернова, и смолкнут пенья дщери.

Январь 1902

* * *

Или устал ты до времени,
Просишь забвенья могил,
Сын утомленного племени,
Чуждый воинственных сил?

Ищешь ты кротости, благости,
Где ж молодые огни?
Вот и задумчивой старости
К нам придвигаются дни.

Негде укрыться от времени —
Будет и нам череда...
Бедный из бедного племени!
Ты не любил никогда!

11 февраля 1902

* * *

Ты не пленишь. Не жди меня,
Я не вернусь туда,
Откуда в утро злого дня
Ушла моя звезда.

Я для другой храню лучи
Моих великих сил.
Ты не пленишь меня в ночи.
Тебя я не любил.

Я за звездой — тебе чужой,
Я холоден с тобой.
В земле родной огонь живой
Храню я для другой.

16 марта 1902

* *

Травы спят красивые,
Полные росы.
В небе — тайно лживые
Лунные красы.

Этих трав дыхания
Нам обманный сон.
Я в твои мечтания
Страстно погружен.

Верится и чудится:
Мы — в согласном сне.
Всё, что хочешь, сбудется —
Наклонись ко мне.

Обними — и встретимся,
Спрячемся в траве,
А потом засветимся
В лунной синеве.

22 марта 1902

* * *

Кто-то вздохнул у могилы,
Пламя лампадки плывет.
Слышится голос унылый —
Старый священник идет.
Шепчет он тихие речи,
Всё имена, имена...
Тают и теплятся свечи,
И тишина, тишина...
Кто же вздохнул у могилы,
Чья облегчается грудь?
Скорбную душу помилуй,
Господи! Дай отдохнуть.

Март 1902

* * *

Ловлю дрожащие, хладеющие руки;
Бледнеют в сумраке знакомые черты!..
Моя ты, вся моя — до завтрашней разлуки,
Мне всё равно — со мной до утра ты.
Последние слова, изнемогая,
Ты шепчешь без конца, в неизреченном сне.

Прошли года, и ты — моя, я знаю,
Ловлю блаженный миг, смотрю в твои черты,
И жаркие слова невнятно повторяю...
До завтра ты — моя... со мной до утра ты...

Mapm 1902

八三

В сумерки девушку стройную
В рощу уводит луна.
Смотрит на рощу спокойную,
Бродит, тоскует она.
Стройного юноши пение
В сумерки слышно в лугах.
В звуках — печаль и томление,
Милая — в грустных словах.
В сумерки белый поднимется,
Рощу, луга окружит,
Милая с милым обнимется,
Песня в лугах замолчит.

10 апреля 1902

— 1 —

В чужбину по гудящей стали
Лечу, опомнившись едва,
И, веря обещаньям дали,
Твержу вчерашние слова.

Теперь я знаю: где-то в мире,
За далью каменных дорог,
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу бог.

И нам недолго любоваться
На эти, здешние пиры:
Пред нами тайны обнажаются,
Возблещут новые миры.
Август 1902

* * *

Смолкали и говор, и шутки,
Входили, главы обнажив.
Был воздух туманный и жуткий,
В углу раздавался призыв...

Призыв к неизвестной надежде,
За ним — тишина, тишина...
Там женщина в черной одежде
Читала, крестясь, письмена.

А люди, не зная святыни,
Искали на бледном лице
Тоски об утраченном сыне,
Печали о раннем конце...

Она же, собравшись в дорогу,
Узнала, что жив ее сын,
Что где-то он тянется к богу,
Что где-то он плачет один...

И только последняя тягость
Осталась — сойти в его тьму,
Поведать великую радость,
Чтоб стало полегче ему...

11 сентября 1902

* * *

Как старинной легенды слова,
Твоя тяжкая прелесть чиста.
Побелела, поблекла трава —
Всё жива еще сила листа.

Как трава, изменяя цвета,
Затаилась — а всё не мертва,
Так — сегодня и завтра не та —
Ты меняешь убор — и жива.

Но иная проснется весна,
Напряжется иная струна, —
И уйдешь Ты, умрешь, как трава,
Как старинной легенды слова.

22 сентября 1902

* * *

Мы — чернецы, бредущие во мгле,
Куда ведет нас факел знанья
И старый жрец с морщиной на челе,
Изобличающей страданья.

Молчим, точа незнаемый гранит,
Кругом — лишь каменные звуки.
Он свысока рассеянно глядит
И направляет наши руки.

Мы дрогнем. Прозвенит, упав, кирка —
Взглянуть в глаза не всякий смеет...
Лишь старый жрец — улыбкой свысока
На нас блеснет — и страх рассеет.

24 сентября 1902

СЛУЧАЙНОМУ

Ты мне явился, темнокудрый,
Ты просиял мне и потух.
Всё, что сказал ты, было мудро,
Но ты бедней, чем тот пастух.

Он говорил со мной о счастьи,
На незнакомом языке,
Он пел о буре, о ненастии
И помнил битвы вдалеке.

Его слова казались песней.
Восторг и бури полюбя,
Он показался мне чудесней
И увлекательней тебя.

И я, задумчиво играя
Его богатством у костра,
Сегодня томно забываю
Тебя, сиявшего вчера.

30 сентября 1902

* * *

Всё, что в море покоит волну,
Всколыхнет ее в бурные дни.
Я и ныне дремлю и усну —
До заката меня не мани...

О, я знаю, что солнце падет
За вершину прибрежной скалы!
Всё в единую тайну сольет
Тишина окружающей мглы!

Если знал я твои имена, —
Для меня они в ночь отошли...
Я с Тобой, золотая жена,
Облеченная в сумрак земли.

Сентябрь 1902

* * *

Блаженный, забытый в пустыне,
Ищу небывалых распятий.
Молюсь небывалой богине —
Владыке исчезнувших ратей.

Ищу тишины и безлюдий,
Питаюсь одною отравой.
Истерзанный, с язвой кровавой,
Когда-нибудь выйду к вам, люди!

Октябрь 1902

СФИНКС

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Задрожали слова оскорбленных богинь
И готовы слететь с языка...

Преломилась излучиной гневная бровь,
Зарываются когти в песке...
Я услышу забытое слово Любовь
На забытом, живом языке...

Но готовые врьться в сыпучий песок
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной — только тайный намек —
Нераскрытой мечты торжество.

8 ноября 1902

ЖРЕЦ

Там — в синевах — была звезда.
Я шел на башню — ждать светила.
И в синий мрак, в огнях стыда,
На башню девушка входила.

Внизу белели города
И дол вздыхающего Нила.

И ночь текла — влажней мечты,
Вся убеленная от счастья.
Мы жгли во славу чистоты,
Во славу непорочной страсти
Костры надзвездной красоты
И целомудренные страсти.

И я, недвижно бледнолиц,
Когда заря едва бледнела,
Сносил в покровах багряниц
Ее нетронутое тело.
И древний Нил, слуга цариц,
Свершал таинственное дело.

17 ноября 1902

* * *

На обряд я спешил погребальный,
Ускоряя таинственный бег.
Сбил с дороги не ветер печальный —
Закрутил меня розовый снег.

Притаился я в тихой долине —
Расступилась морозная мгла.
Вот и церковь видна на равнине —
Золотятся ее купола...

Никогда не устану молиться,
Никогда не устану желать, —
Только б к милым годам возвратиться
И младенческий сон увидать!

Декабрь 1902

* * *

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась, наверное, ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Всё равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскаленный блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошел и запел,
И не скроешь — услышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

9 февраля 1903

NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS *

Символ мой знáком отметить,
Счастье мое сохранить...
Только б на пути никого не встретить,
Не обидеть, не говорить...

Не заметить участливого сомнения,
Не услышать повторенную речь,
Чтоб когда-нибудь от сновидения
Свой таинственный факел зажечь!

Миновать не знавших сияния,
Не истратить искры огня...

* Не тронь моих кругов (лат.). — Ред.

Кто не знал моего содрогания,
Отойди от меня!

Дальше, дальше, слепые, странные!
Вас душит любопытство и смех!
Мои думы — веселые, слова несказанные!
Я навек — один! — Я навек — для всех!

19 марта 1903

* * *

Глухая полночь медленный кладет покров.
Зима ревущим снегом гасит фонари.

Вчера высокий, статный, белый подходил к окну,
И ты зажгла лицо, мечтой распалена.

Один, я жду, я жду, я жду — тебя, тебя.
У черных стен — твой профиль, стан и смех.

И я живу, живу, живу — сомненьем о тебе.
Приди, приди, приди — душа истомлена.

Горящий факел к снегу, к небу вознесла
Моя душа, — тобой, тобой, тобой распалена.

Я трижды звал — и трижды подходил к окну
Высокий, статный, белый — и смеялся мне.

Один — я жду, я жду — тебя, тебя — одну.

18 апреля 1903

* * *

Я умер. Я пал от раны.
И друзья накрыли щитом.
Может быть, пройдут караваны.
И вожатый растопчет конем.

Так лежу три дня без движенья.
И взываю к песку: «Задуши!..»
Но тело хранит от истленья
Красноватый уголь души.

На четвертый день я восстану,
Подыму раскаленный щит,
Растрявлю песком свою рану
И приду к Отшельнице в скит.

Из груди, сожженной песками,
Из плаща, в пыли и крови,
Негодуя, вырвется пламя
Безначальной, живой любви.

19 мая 1903

* * *

Ты из шопота слов родилась,
В вечереющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов средь садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

Май 1903

* * *

Неправда, неправда, я в бурю влюблен,
Я люблю тебя, ветер, несущий листы,
И в час мой последний, в час похорон,
Я встану из гроба и буду, как ты!

Я боюсь не тебя, о, дитя, ураган!
Не тебя, мой старый ребенок, зима!
Я боюсь неожиданно колючих ран...
Так может изранить — лишь Она...
лишь Сама...

Сама — и Душой непостижно кротка,
И прекрасным Лицом несравненно бела...
Но она убьет и тебя, старина, —
И никто не узнает, что буря была...

10 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

K. M. C.

Сердито волновались нивы,
Собака выла. Ветер дул.
Ее восторг самолюбивый
Я в этот вечер обманул...

Угрюмо шепчется болото.
Взошла угрюмая луна.
Там в поле бродит, плачет кто-то...
Она! Наверное — она!

Она смутила сон мой странный —
Пусть приютит ее другой:
Надутый, глупый и румяный
Паяц в одежде голубой.

12 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.
Но остались песни и остались дни.
Истина осталась: мы с тобой — одни.

Всё, что миновалось, вот оно — смотри:
Бледная улыбка утренней зари.

Сердце всё открыто, как речная гладь,
Если хочешь видеть, можешь увидать.

Июнь 1903. Bad Nauheim

* * *

Я был невенчан. Премудрость храня,
У Тайны ключами зловеще звенел.

Но Ты полюбила меня.
Ты — нежная жрица Лазурного Дня.

Блуждая глазами, в подземных ходах
Искал — и достался мне камень в удел —
 Тяжелый и черный. Впотьмах
Впился я глазами — и видеть хотел
Все жилы, все ходы и все письмена.

Но властный поток Твоих роз
Восставил меня. И на выси вознес,
Где Ты пробуждалась от зимнего сна,
 Где Весна
Победила мороз.

11 сентября 1903

РАССВЕТ

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плыущий в красной типине.

18 ноября 1903

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни.
Тихо плещется озеро, полное сна.
Сквозь деревья блестят городские огни,
В темном небе роскошная светит луна.
В сердце нашем огонь, в душах наших весна.
Где-то скрипка рыдает в ночной тишине,
Тихо плещется озеро, полное сна,
Отражаются звезды в его глубине.
Дремлет парк одинокий, луной озарен,
Льстится скрипки рыдающий жалобный зов.
Воздух весь ароматом любви напоен,
Ароматом незримых волшебных цветов.
В темной бездне плывет одиноко луна.
Нам с тобой хорошо. Мы с тобою одни.
Тихо плещется озеро, полное сна.
Сквозь деревья блестят городские огни.

31 октября 1897

* * *

Рожь вокруг волновалась... и шелест стеблей
Заглушал упоительный звук их речей...
Ночь спускалась, и отблески дальних зарниц
Зажигали огонь из-под темных ресниц...

И ночной ветерок пробегал среди ржи,
По высоким колосьям и травам межи...

А на высях небес, за туманной горой
Прокатился и замер удар громовой...

И никто не слыхал, как, пред бурей ночной,
Прозвучал поцелуй...

И с пылающих губ
Незабвенное слово слетело...

29 января 1898

* * *

Боже, как жизнь молодая ужасна,
Как упоительно дышит она,
Сколько в ней счастья и горя напрасно
Борются в страшных конвульсиях сна!
Смерти зовешь и бессильной рукою
Тщетно пытаешься жизнь перервать,
Тщетно желаешь покончить с собою,
Смерти искать, желаний искать...
Пусть же скорее мгла темной ночи
Скроет желанья, дела и разврат,
О, как горят прекрасные очи, —
Смерти не рад, жизни не рад.
Страшную жизнь забудем, подруга,
Грудь твою страстно колышет любовь,
О, успокойся в объятиях друга,
Страсть разжигает холодную кровь.
Наши уста в поцелуях сольются,
Буду дышать поцелуем твоим,
Боже, как скоро часы пронесутся...
Боже, какою я страстью томим!..

Февраль — март 1898

* * *

Ты всегда и всюду странно
Очаровываешь взоры.
Я люблю твой взгляд туманный,
Я люблю твои укоры...
Голос твой звучит порывом,
То насмешливо и звонко,
То волшебным переливом,
Будто детский смех ребенка.
А когда опустишь очи,
Близость сердца сердцем чуя,
Я готов во мраке ночи
Умереть от поцелуя...

Февраль—март 1898

ЭТЮД

Прощайте. Дайте руку Вашу...
Не нужно, нет! К чему опять
Переполнять страданьем чашу,
Страданьем сердце растравлять?..
Довольно Вашими лучами
Питались нежные мечты...
Сегодня, разлучаясь с Вами,
Я не скажу Вам больше: «Ты»!
Не плачьте! Видеть не хочу я,
Как Вы рыдаете... О чем
Вам плакать?.. Боже! не могу я,
Моя душа полна огнем!..
Ну, уходите... полно... полно...
Я плачу... Дай к своей груди
Тебя прижму, мой враг безмолвный!!..
Вот так... Прощай!.. Теперь... иди...

Весна 1898

* * *

C. И. Левицкой

Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...
Быть может, жизнь откроет звездный путь...
Простите мне... Под звуки Вашей речи
Я мог душой и сердцем отдохнуть...
Молчанье — всё... К чему слова пустые?
Спросу одно: зачем Вам жизнь дана?
Чтоб вечно мчались песни неземные,
Чтоб в каждом сердце гасла тишина...

Весна 1898

* * *

В жаркой пляске вакханалий
Позабудь свою любовь,
Пусть, не ведая печалей,
В смутном сердце плещет кровь.
Опочий с вакханкой резвой,
Пусть уснет ее тимпан,
И никто не встанет трезвый,
Пусть от страсти каждый пьян!
После удали и пляски
Ты прильнешь к ее груди,
Упоенный сладкой сказкой,
Скажешь утру: «Погоди!»
Пусть луна бросает тени
На ее младую грудь,
Обними ее колени,
Жизнь холодную забудь!
Покрывая жгучей лаской
Стан вакханки молодой,
Ушивайся старой сказкой
О любви, всегда живой!

Весна 1898

ПОЭМА

Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев,
Грустно качал головой у подножья высокой бойницы.
Роза последняя пышно цвела вчера еще утром,
Рыцарь розу сорвал, он сорвал ее не для милой.
Листья ветер разнес и носит их по оврагу,
Лишь остались шипы, и бедные прутья со злобой
В окна бойницы ползут, но тщетно ищут добычи.
Бедный рыцарь! Он плачет горько на башне высокой,
Слезы роняет одну за другой, и катятся крупные
слезы
Вдоль по старой стене на ветви страдающей розы...

Сорван цветок. Она не вернется. Сердце разбито.
Меч заржавел, просится в бой на страшную сечу,
Кончено всё. Счастье в могиле. В тоске безотчетной
Рыцарь плачет, и плачет бедный розовый куст.
Оба страдают. Один потерял свою розу,
Розу, алевшую в ярких лучах холодного утра...
Розу другую другой потерял; эта пышная роза
Ярко алела в лучах любви и безбрежного счастья...

Так, тоскуя, томясь, они время свое проводили,
Ночь ли спускалась, утро ль свежело, день ли
в сверканье
Радостных красок всходил, или вечер бойницу
багрянил.
Замок заснул. Уснули они, в тяжелой дремоте.
Всё было тихо. Лишь изредка камень срывался
С ветхой стены и, гремя, пропадал в глубоком
овраге...

Раз, в прекрасное утро, когда любопытное солнце
Встало и, тихо скользя по стёнам высоким,
В розу ударило, — роза раскрылась: зеленых побегов
Сотни бегут по колючим ветвям всё выше и выше...
Был один засохший цветок, никем не примеченный,
бледный,
Он раскрылся и весь засиял, и яркая роза
Рыцарю в окна дохнула своим ароматным дыханьем...

Рыцарь спал. На бледных ланитах играла улыбка:
Сон он видел чудесный: он слышал: чудные звуки
Стройно носились вокруг, и мрак окутывал землю.
Образ чудный витал во мраке яркой звездою.
Звуки всё расширялись, внезапно из тесного мира
Хлынули в душу ему, и разом в душе отзывались
Струны незримые. Тут мелодия дивная смолкла,
Образ во мраке к нему подлетел, и с горячим
дыханьем
Губы коснулись ланит... и рыцарь проснулся.

Яркое утро вставало. Со свежим его ароматом
Несся другой аромат, и пышная алая роза
Тихо кивала головкой в окно сквозь ржавые прутья
Старой решетки... И бедный, жалкий страдалец
К розе прильнул и раскрытый цветок целовал
в упоеньи,
Полный счастья, надежды, любви и радости нежной...

Весна 1898

* * *

Жизнь, как загадка, темна,
Жизнь, как могила, безмолвна,
Пусть же пробудят от сна
Страсти порывистой волны.

Страсть закипела в груди —
Горе людское забыто,
Нет ничего впереди,
Прошлое дымкой закрыто.

Только тогда тишина
Царствует в сердце холодном;
Жизнь, как загадка, темна,
Жизнь, как пустыня, бесплодна.

Будем же страстью играть,
В ней утешенье от муки.

Полно, глупцы, простираТЬ
К небу безмолвному руки.

Вашим умам не дано
Бога найти в поднебесной,
Вечно блуждать суждено
В сфере пустой и безвестной.

Если же в этой пустой
Жизни и есть наслажденья, —
Это не пошлый покой,
Это любви упоенье.

Будем же страстью играть,
Пусть унесут ее волны...
Вечности вам не понять,
Жизнь, как могила, безмолвна.

22 апреля 1898

* * *

Ты дышишь жизнью! О, как я к тебе влеком...
Меня манит к тебе желанье сладострастья...
Опомнись, милая, ужели не знаком
Тебе холодный свет без ласки и участья?..
В наш век скрывать должно желания любви,
Иначе и тебя, как остальных, осудят...
Опомнись, милая, пока в твоей крови
Огонь и страсть желаний не пробудят!..
Когда-нибудь сойдемся мы с тобой...
Не скоро, может быть... Я жду того мгновенья,
Когда не бросит камня свет пустой
За каждый счастья миг в минуту наслажденья.

Май 1898

三一七

Май 1898

* * *

Печальная блеклая роза
Качала головкой своей,
И сыпались горькие слезы
Из плачущих горьких очей...

О чём же, печальная роза,
Ты плачешь во мраке ночей?
О том ли, что вешние грезы
Умчались с зеленых ветвей?

Не плачь, моя блеклая роза,
Вернется назад соловей!..
Не плачь, отряхни эти слезы
С заплаканных темных очей...

Май 1898

* * *

По темному саду брожу я в тоске,
Следя за вечерней зарею,
И мыслю об ясном моск огоньке,
Что путь озарял мне порою.

Теперь он угас навсегда и во мгле
Туманной, таинственной скрылся,
Оставил лишь память о строгом челе,
Где страсти восторг притаился.
Он, помню я, свéтил в морозной夜里,
Средь шумного города свéтил...
Не знал я, несчастный, что так горячи
Объятья, — и ей не ответил...
Она, распаленная страсти огнем,
Мне сердце расплавить хотела
И жгла меня ночью, светила мне днем,
Любовным желаньем кипела!
Но мыслию холодной я ум полонил,
И, только минутами, жарко
Я верил, я жаждал, — так страстно любил,
И страсть разгоралась так ярко!..

По темному саду брожу я в тоске,
Следя за вечерней зарею,
И мыслию об ясном моем огоньке,
Что путь озарял мне порою...

Июнь 1898. Шахматово

РОЗА И СОЛОВЕИ

Блеклая роза печально дышала,
Солнца багровым закатом любясь,
Двигалось солнце, — она трепетала,
В темном предчувствии страстно волнуясь.
Сумерки быстро на землю спустились,
Мрак непроглядный шел следом за ними,
Трепетно розы листы шевелились,
Страстно следя за тенями ночными.
Роза шептала: «О, милый, найдешь ли
Темною ночью любовь и подругу?
Мраком покрытый, внезапно, придешь ли
К темному, полному свежести лугу?»

Лились неясные грустные звуки,
Розы ли стоны, ручья ли журчанье?
Кто это знает? Исполнена муки,
Роза увяла в своем ожиданье...
Утро роскошно проснулось над лугом,
Милый явился на страстные звуки...
Бедная, нежная сердцем подруга
К небу простерла колючие руки...
Тихо сказала: «Прости», угасая...
Свистнул в ответ соловей беспощадный;
Куст одинокий крылом задевая,
Дальше умчался, поклонников жадный...

Видел потом я, как он, упоенный
Песнью, шептался с другими цветами:
Розы качали головкой склоненной,
С песнью коварной сливаясь мечтами...

Июнь 1898

* * *

Скажи мне, Лигия, в каком краю далеком
Цветешь теперь под небом голубым?
Кто пал к твоим ногам, прельщенный дивным
сконом?
Как пламень от костра, как синеватый дым,
Он тщетно силится прильнуть к устам
пурпурным,
На поцелуй лобзаньем отвечать,
Но вверх летит и в воздухе лазурном
Уста твои не может целовать...
И ты, коварная, надменной, строгой лаской
Закралась в душу мне и там зажгла огни.
Но пламень мой покрыт холодной маской,
Уста мои молчат и холодны они...

Июнь 1898

* * *

Долго искал я во тьме лучезарного бога...
Не было сердцу ответа, душе молодой упованья...
Тщетно вставали из мрака неясные, темные боги...
Вдруг просветлело в душе, вдалеке засверкали алмазы —
Лучшие в темных коронах творений земных и небесных
Яркие три метеора среди безотрадной пустыни:
Яркой звездой показалась природа могучая в мраке,
Меньше, но ярче светило искусство святое;
Третья звезда небольшая загадочный свет
проливала:
Женщиной люди зовут эту звезду на земле...
Этим богам поклоняюсь и верю, как только
возможно
Верить, любить и молиться холодному сердцу...

Июль 1898. Трубицыно

ДУМА

Одиноко плыла по лазури луна,
Освещая тенистую даль,
И душа, непонятной тревогой полна,
Повлекла за любовью печаль.

· · · · · · · · · · · · · · · · · ·

Ароматная роза кивала с окна,
Освещенная полной луной,
И печально, печально смотрела она
В освежающий сумрак ночной...

На востоке проснулся алеющий день,
Но печальный и будто больной...
Одинокая, бледная, робкая тень
Промелькнула и скрылась за мной...

Я прошел под окно и, любовью горя,
Я безумные речи шептал...
Утро двигалось тихо, вставала заря,
Ветерок по деревьям порхал...

Ни призыва, ни звука, ни шопота слов
Не слыхал я в ночной тишине,
Но в тенистом окошке звучала любовь...
Или, может быть, грезилось мне?...

О, безумный! зачем ты под старым окном
Ей, безумной, шептал в тишине,
Если ночь провела она в чувстве одном,
И в твоем опустевшем окне?!

— — — — —

Днем мы холодно встретились... Пламень
живой
Погасил этот пасмурный день...
Я не вспомнил про час одинокий ночной,
Про ее быстрокрылую тень...

27 июля 1898. Боблово

* * *

Странно: мы шли одинокой тропою,
В зелени леса терялись следы,
Шли, освещенные полной луною,
В час, порождающий страсти мечты.

Стана ее не коснулся рукою,
Губок ее поцелуем не сжег...
Всё в ней сияло такой чистотою,
Взор же был темен и дивно глубок.

Лунные искры в нем гасли, мерцали,
Очи, как будто, любовью горя,

Бурною страстью зажечься желали
В час, когда гасла в тумане заря...

Странно: мы шли одинокой тропою,
В зелени леса терялся наш след;
Стана ее не коснулся рукою...
Страсть и любовь не звучали в ответ...

Лето 1898

* * *

Тоску и грусть, страданья, самый ал,
Всё в красоту она преобразила.

Гамлет

Я шел во тьме к заботам и веселью,
Вверху сверкал незримый мир духов.
За думой вслед лилися трель за трелью
На певы звонкие пернатых соловьев.
И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея...
Я шел во тьме, и эхо повторяло:
«Зачем дитя Офелия моя?»

2 августа 1898

ИДЕАЛ И СИРИУС

Я долго странствовал по свету,
Я всё увидел, всё узнал,
Но, мглой туманною одета,
Ты мимо шла, мой идеал.

Я много понял звезд лучистых,
Одна лишь тайный свет лила,
Как лунный отблеск серебристый,
Была печальна и светла.

И долго вещие зеницы
Смотрели в сумрачный туман,
Где ярко-красные зарницы
Мрачили неба океан.

Теперь я понял тайну ночи,
Нашел Тебя, мой Идеал...
Твои лишь ныне блещут очи,
Как вечно Сириус сверкал!..

7 августа 1898. Дедово

* * *

В море одна лишь волна — быстротечная.
В небе одна лишь звезда — бесконечная.
В мире одна лишь душа — вечная.

12 августа 1898

* * *

В моей душе больной и молчаливой
Сложилась песня чудная одна,
Она не блещет музыкой красивой,
Она туманна, сумрачна, бледна.
В ней нет напева, звук ее нестройный
Не может смертный голос передать,
Она полна печали беспокойной...
Ее начало трудно рассказать...
Она одна сложилась изозвучий
Туманной юности и страждущей любви,
Ее напев чарующий, певучий
Зажег огни в бледнеющей крови.
И счастлив и несчастен бесконечно
Тот смертный, чью она волнует кровь,

Он вечно страждёт, радуется вечно,
Как человек, как гений, как любовь!..

*20 августа 1898. Шахматово
Поляна в Прасолове-Эскинском.*

* * *

Цыгане шумною толпой
По Бессарабии кочуют...

Табор шел. Вверху сверкали звезды.
Кончил он тяжелый, трудный путь,
Кончил буйной прихоти наезды
И, усталый, жаждал отдохнуть.
Но в сердцах еще играла дико
Кровь, и темный лес гремел,
Пробужденный звоном, свистом, криком,
На веселье сумрачно глядел.
Так кончали буйные цыгане
Дикой, звонкой прихоти наезд...
В высоте, на темном океане
Меркли, гасли легионы звезд.

22 августа 1898

* * *

Как мучительно думать о счастьи былом,
Невозвратном, но ярком когда-то,
Что туманная вечность холодным крылом
Унесла, унесла без возврата.

Это счастье сулил мне изнеженный Лель,
Это счастье сулило мне лето.
О, обманчивый голос! певучая трель!
Ты поешь и не просишь ответа!

Я любил и люблю, не устану любить.
Я по-прежнему стану молиться.

Ты, прекрасная, можешь поэта забыть
И своей красотой веселиться.

А когда твои песни польются вдали
Беспреклонной, обманчивой клятвой,
Вспомню я, как кричали тогда журавли
Над осенней темнеющей жатвой.

23 сентября 1898. Петербург

* * *

Что будет в сердце, в мыслях и в уме,
Когда, любя таинственно и нежно,
Вампира ты увидишь в полутьме
С глазами, полными, как океан безбрежный?
Я вижу женщину. Она бросала страсть
Глазами чудными и страшными, как пламень.
Казалось, вся земли и неба власть
Таилась в них, — а сердце было камень.
Она смеялась смехом сатаны,
И этот смех отталкивал и жалил.
Глаза сверкали, радости полны,
И каждый в них хоть часть души оставил.
О, если б броситься и жадно обнимать,
И целовать, и выпить страсть вампира,
Потом убить, на части растерзать
И части сердца трепетно слагать
К ногам на миг забытого кумира!

30 сентября 1898

* * *

Душа моя тиха. В натянутых струнах
Звучит один порыв, здоровый и прекрасный,
И льется голос мой задумчиво и страстно.

И звуки гаснут, тонут в небесах...
Один лишь есть аккорд, взлелеянный ненастьем,
Его в душе я смутно берегу
И с грустью думаю: «Ужель я не могу
Делиться с Вами Вашим счастьем?»
Вы не измучены душевною грозой,
Вам не узнать, что в мире есть несчастный,
Который жизнь отдаст за мимолетный вздох,
Которому наскучил этот бог,
И Вы — один лишь бог в мечтаны ночи страстной,
Всесильный, сладостный, безмерный и живой...

19 октября 1898

* * *

Жизнь — как море она — всегда исполнена бури.
Зорко смотри, человек: буря бросает корабль.
Если спустится мрачная ночь — управляй им
тревожно,
Якорь спасенья ищи — якорь спасенья найдешь...

Если же ты, человек, не видишь конца этой ночи,
Если без якоря ты в море блуждаешь глухом,
Ну, без мысли тогда бросайся в холодное море!
Пусть потонет корабль — вынесут волны тебя!

30 октября 1898

* * *

Мне сердце режет каждый звук.
О, если б кончились страданья,
О, если б я от этих мук
Ушел в страну воспоминанья!
Ничто пощады не дает,

Когда страдает дух родимый,
И пролетевший звук замрет
В душе тоскою нестерпимой...

3 ноября 1898

* * *

Без веры в бога, без участья,
В скитанья пошлом гибну я,
О, дай, любовь моя, мне счастья,
Спокойной веры бытия!

Какая боль, какая мука,
Мне в сердце бросили огня!
Подай спасительную руку,
Спаси от пламени меня!

О, нет! Молить Тебя не стану!
Еще, еще огня бросай,
О, растравляй живую рану
И только слез мне не давай!

Зачем нам плакать? Лучше вечно
Страдать и вечный жар любви
Нести в страданья бесконечном,
Но с страстным трепетом в крови!

3 ноября 1898

* * *

Я и без веры живой,
Мне и надежды не надо!
Дух мой тревожный, родной
Жизнь наделила отрадой.

Веры мне жизнь не дала,
Бога везде я искал,

Дума тревожно ждала,
Разум мятежно роптал.

Нет мне надежды нигде,
Горе предвижу и жду:
В чистой зеркальной воде
Чуждого ей не найду.

О, я храню как покой
Лучшую в мире отраду...
Я и без веры живой,
Мне и надежды не надо!

4 ноября 1898

* * *

Чтоб из того, что на груди портрет
Любовницы, давно уже забытой,
Теперь ношу; ведь в сердце мысли нет
О том, что было — и во тьме сокрыто.
И мало ль их, желающих найти
В сердцах чужих любовь и поклоненье,
По скользкому пути дерзающих идти,
Чтоб счастье брежжилось хотя одно мгновенье!
Нет, эта красота меня не привлечет;
При взгляде на нее мне вспомнится другая:
Счастливое дитя, что молодость поет,
Прекрасное дитя, — Любовь моя родная.
И разве, посмотрев на вянущий цветок,
Не вспомнится другой, живой и ароматный,
Украсивший красавицы венок
В весенний день, под небом благодатным?

10 ноября 1898

* * *

Вхожу наверх тропой кремнистой,
Смотрю вперед: там всё молчит,
Лишь далеко источник чистый
О безмятежьи говорит.

Мой дух усталый в даль несется,
Тоска в груди; смотрю назад:
В долинах сквозь каменья рвется
Грозящий белый водопад.

Не знаю, что мой дух смущило
И вниз влечет с безлюдных скал...
«Явись, явись мне, образ милый!» —
В смятенье диком я взывал...

И Ты явилась: тихой властью
В моей затеплилась груди,
И я зову к Тебе со страстью:
«Не покидай! Не уходи!»

26—27 ноября 1898

НАБРОСОК

Надо мной гроза гремела,
Ветер вокруг меня шумел,
Вся душа оледенела,
В сердце холод каменел...

Но внезапно нега счастья
Заменила рокот бурь...
Вместо шумного ненастя —
Надо мной Твоя лазурь.

27 ноября 1898

* * *

Моей красавице-царице
Несу я юные стихи,
И сердца грустные страницы,
И дум неясные штрихи.
Вы — мой Кумир. Стихом и песней
Хочу Вам только передать,
Что для меня Вы всех прелестней,
И в Вас вся сердца благодать.
Как тихий ангел к изголовью,
Склонились Вы к моим мечтам,
Но как я к Вам горю любовью,
Не в силах передать стихам.
Простите мне за гимны эти:
Мне в них поведать суждено,
Что Вас одну люблю на свете,
Что Вам одной молюсь давно.

27 ноября 1893

* * *

Офелия в цветах, в уборе
Из майских роз и нимф речных
В кудрях, с безумием во взоре,
Внимала звукам дум своих.

Я видел: ива молодая
Томилась, в озеро клоняясь,
А девушка, венки сплетая,
Всё пела, плача и смеясь.

Я видел принца над потоком,
В его глазах была печаль.
В оцепенении глубоком
Он наблюдал речную сталь.

А мимо тихо проплывало
Под ветками плакучих ив
Ее девичье покрывало
В сплетеньи майских роз и нимф.

30 ноября 1898

* * *

Когда я вспоминал о прошлом, о забытом,
Меня опять влекло к утраченным годам,
Я чувствовал себя в земле давно зарытым,
В сырых доскáх, где воли нет мечтам.
И правда, что́ мне было в этом мире?
Я жил давно угасшим, прожитым
И, вздохи хладные вверяя хладной лире,
Не мог отдаваться веяньям былым...
Но Ты явилась в жарком блеске лета,
Как вестник бури — дальний листьев шум,
И вновь душа любовию согрета,
И мысли черные оставили мой ум.
И я живу, пою, пока поется,
И сладко мне, как в ясной тишине...
Что́, если сердце бурно оборвется? —
Я не привык к безоблачной весне.

Ноябрь (?) 1898

* * *

В болезни сердца мыслю о Тебе:
Ты близ меня проходишь в сновиденьях,
Но я покорен року и судьбе,
Не смея высказать горячие моленья.

О, неужели утро жизни вешней
Когда-нибудь взойдет в душе моей?

Могу ли думать я о радости нездешней
Щедрот Твоих и благости Твоей?

Надежды нет: вокруг и ветер бурный,
И ночь, и гребни волн, и дым небесных туч
Разгонят все, и образ Твой лазурный
Затмят, как все, как яркий солнца луч...

Но, если туча с молнией и громом
Пройдет, закрыв Тебя от взора моего,
Все буду я страдать и мыслить о знакомом,
Желанном образе полудня Твоего.

11 декабря 1898

ПЕСЕНКА

Смеялась ты... Смеюся я!

(Романс)

Что, красавица, довольно ты царила,
Все цветы срывала на лугу,
Но души моей не победила,
И любить тебя я не могу!
Есть другой прекрасный образ в мире,
Не тебе теперь о нем узнать,
Буду петь, вверяясь грустной лире,
Буду сердцем о Любви рыдать...

Хочешь дружбы, дружбы не приму я,
Хочешь с жизнью вечно враждовать,
Хочешь жить, о счастии тоскуя,
Но любви моей тебе не знать!
Ну страдай, разгадывай загадку,
Ну тоскуй, красавица моя,
Пусть о том воспоминанье сладко,
Чья любовь тогда была твоя!..

12 декабря 1898

* * *

Я думал, что умру сегодня к ночи,
Но, слава богу, нет! Я жив и невредим, —
Недаром надо мной Твои сияли очи,
И крылья простирая стокрылый серафим.
Ты, Щедрая, царила в сердце знойном,
Увы, забывшем сладости весны,
И так задумчиво, задумчиво спокойно
Навсегда безоблачные сны...
Но лучше умереть во мраке без надежды,
Чем мучиться, любя и не любя,
Пусть вечный сон сокнет навеки вежды,
Убив мечты, страданье и Тебя!..

17—18 декабря 1893

* * *

Путник, ропщи,
Бога ищи,
Бога тебе не найти.
Долог твой путь,
Всё позабудь,
Всё у тебя впереди!
Молодость, прочь!
Черная ночь
Молодость скроет от глаз...
Видишь других,
Вечно больных, —
Свет их погас!
Всё впереди,
Смело иди,
Черная двинулась ночь...
Нет, не дойдешь,
Прежде умрешь...
Прочь, безотрадная, прочь!
О, не томи,
Сердце уйми,
Сердца страданья не множь!

Друг, негодуй,
Вечно тоскуй,
Бога в могиле найдешь!..

18 декабря 1898

* * *

Писать ли Вам, что тайный пламень
Горит в душе моей опять,
И сердце, прежде хладный камень,
Способно снова обожать?
К чему слова, слова и звуки,
Безароматные цветы,
Без слез страдания и муки,
Без вдохновения мечты?
Позвольте ж мне, богиня света,
Сказать Вам то, что без конца
Таилось в сердце без ответа,
В душе сгорающей певца.
Восторгов пламенных не нужно,
Без них могу я сохранить
Души и сердца пламень южный
И счастье снова окрылить.

— — — — —
Меня судьба к Тебе приносит,
К Твоим ногам — всю жизни кровь,
И у Тебя одно лишь просит:
Хранить в себе мою любовь...

23 декабря 1898

* * *

Былая жизнь, былые звуки,
Букеты блеклых знойных роз, —
Всё к сердцу простирает руки,
Ища ответа на вопрос.

28 декабря 1898

ПАМЯТИ А. А. ФЕТА

Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии...

Фет

Шепчутся тихие волны,
Шепчется берег с другим,
Месяц колышется полный,
Внемля лобзаньям ночных.

В небе, в траве и в воде
Слышно ночное шептание,
Тихо несется везде:
«Милый, приди на свидание...»

Декабрь (?) 1898

* * *

Над гладью озёрных огней,
Рукою холодной разбитых,
Приветствуя золото дней,
Осенним дыханьем овитых.

В молчанье вечерних небес,
Над далью просторов усталых,
Чернеется никующий лес
В убранстве из листьев увялых.

Повсюду виднеется смерть,
И трауром тихого тленья
Повита бесстрастная твердь...
А в сердце — прозрачность забвенья...

1898

* * *

Усталый ветер в камышах шептал
О приближены зимних снов;

День догорал,

С большой улыбкою внимая
Шуршанью тлеющих листов,
И в их покровах тихо засыпая.
Каким спокойствием простор объят!
Зари холодной свет погас;

Озера спят, —

Их гладь забвеньем в сердце дышит,
И лишь свирели дальний глас
Своей тоской безмолвие колышет...

1898

* * *

Осенний вечер так печален;
Смежает очи тающий закат...
Леса в безмолвии холодном спят
Над тусклым золотом прогалин.

Озер затихших меркнут дали
Среди теней задумчивых часов,
И стынет всё в бесстрастии бледных снов,
В покровах сумрачной печали!

1898

* * *

Синеет день хрустальный;
В холодных зовах высоты
Встает, горя, закат печальный,
И никнут поздние цветы.

Твой взор, Твой взор туманный,
Вернул мне ясность летних встреч...
Но нет! Лесов покров багряный
Спадает тихо, тихо с плеч.

И солнца луч прощальный,
Скользнув сквозь золото ветвей,
Зажег на миг бассейн овальный
Игрою призрачных огней...

1898

* * *

О, не просите скорбных песен!
К чему томиться и вздыхать?..
Взгляните: майский день чудесен,
И в сердце снова благодать.

А вам томиться — тратить время,
Живите, если жизнь дана,
И песни скорби — только бремя, —
Его не выдержит весна!

1898 (?)

* * *

Туда, где небо с океаном
Слилось в неясную черту,
Туда, за дальние туманы,
Несу души моей мечту...

Но знаю, — к той черте неясной
Одной мечтой моей стремлюсь,
С небесной твердью чистой, ясной
Одной душой моей сольюсь...

Ах, если б ты, творец вселенной,
Над нами чудо совершил
И мощью гения нетленной —
Крылами смертных наделил!..

1898 (?)

* * *

Весна несла свои дары,
Душа просилась на свободу,
Под зеленевшие шатры,
Разбив оковы, мчались воды.
Тогда свободный от сует,
Вдали от бездны зла земного,
Больной, изнеженный поэт
Услышал ласковое слово.
И долго в муках естества
Поэт хранил воспоминанье
О райских звуках божества,
Его призвавшего к молчанию.
И гордо песни льются вновь,
Полны неведомых созвучий,
И новый бог его — Любовь —
Ему дарует стих могучий.
Но тайна вечно почиет
На звуках песни и сонета
И сила новая живет
В твореньях юного поэта.

18 января 1899

* * *

Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою.
Пусть разрушается тело и страсти земные бушуют...
Дух молодой пролетит над пустыней бесплодных
терзаний,
Всё молодой, ясноокий, — и чуждый печальных
страданий!

15 января 1899

* * *

Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Ночь всё темней и благовонней,
Всё громче свищут соловьи,
Всё бесконечней, многотонней
Журчат незримые струи...

За старой липой покрывало
Мелькнуло, скрылось... Вот опять...
И в лунном свете побежала
Тропою тень ее порхать...

В такую ночь успел узнать я,
При звуках ночи и весны,
Прекрасной женщины объятья
В лучах безжизненной луны.

23 января 1899

* * *

Не презирайте, бога ради,
Меня за мысли и мечты,
Когда найдете их тетради
И пожелтевшие цветы.

Когда умру, прошу вас, дети,
Сложить к безжизненной груди
Останки жизни грустной эти —
И с ними в гроб меня спести.

Когда-нибудь мои потомки,
Сажая вешние цветы,
Найдут в земле костей обломки
И песен желтые листы.

23 января 1899

* * *

Всё настоящее ничтожно,
Серо, как этот серый день,
И сердцу рваться невозможно
Схватить мелькающую тень.

А тени будущего горя
Блуждают вокруг меня, виясь,
И жизнь вокруг кипит, как море,
Из берегов своих стремясь.

Всё настоящее ничтожно,
Сулит мне Зло грядущий день,
И я стремлюсь, когда возможно,
Ловить воспоминаний тень.

Воспоминанья жизни прежней,
Где вся душа моя цвела,
Где всё немее, безнадежней
Встает грядущий призрак Зла!

26 января 1899

* * *

Ты хочешь знать мировоззренье,
Мятежных дней моих порыв?
Играй без тени сожаленья
На струнах лучших и святых!

Тогда любовь моя прорвется
И необузданной волной
В твой дух младенческий прольется,
Где прежде был один покой.

Сорвет в безжалостном стремленьи
Все бледноликие цветы,
Как ты рвала без сожаленья
Моих сердечных струн четы!

28 января 1899

* * *

В минутном взрыве откровений,
В часы Твоей, моей весны,
Узнал я Твой блестящий гений
И дивных мыслей глубины.
Те благодатные порывы
Свободных дум о божестве
Вздыхали чувства переливы
В моем угасшем существе...
Я буду помнить те мгновенья,
Когда душа Твоя с моей
Слились в блаженном упоении
Случайно сплетшихся ветвей...

3 февраля 1899

* * *

Поэт, тебе ли покарать
Пороки мира вековые?
Один — ты осужден страдать,
Тебя осмеивать — другие!

3 февраля 1899

ДЕЛЬВИГУ

Ты, Дельвиг, говоришь: минута —
вдохновенье,
Оно пройдет... А я тебе скажу:
Оно горит всю жизнь — и в упоеньи
Ловлю я день и мрак ночной бужу...

8 февраля 1899

* * *

Междуд страданьями земными
Одна земная благодать:
Живя заботами чужими,
Своих не видеть и не знать.

10 февраля 1899

* * *

Когда мы любим безотчетно
Черты нам милого лица,
Все недостатки мимолетны,
Его красотам нет конца.

10 февраля 1899

* * *

О, презирать я вас не в силах,
Я проклинать и мстить готов!
Сегодня всех, когда-то милых,
Из сердца выброшу богов!

Но день пройдет, и в сердце снова
Ворвутся, не боясь угроз,
Слепые призраки былого,
Толпы вчера прошедших грез!..

21 февраля 1899

ЭСКИЗ

Глаза младенчески открыты,
Душа туманна и чиста,
Но сколько ран, глубоко скрытых,
Наносят юные уста!

Услышишь звук, — не чуешь раны
И до разлуки усыплен...
А разлучишься, — из тумана
К тебе ползут со всех сторон!..

21 февраля 1899

* * *

Всю ночь дышала злобой вьюга,
Сметая радость сердца прочь;
Моя желанная подруга,
Я чуял, гибла в эту ночь!
В тяжелом вихре сновидений
Ее душа сказала мне:
«Твой ясный дух, твой добрый гений
В далекой гибнет стороне!»
Я полетел на крыльях Рока...
В тоскливом мраке ветер выл,
Но путь к красавице далекой
Огонь сердечный озарил...
Я спас ее от злобной вьюги,
Крылами мощными укрыл,
Но близ покинутой подруги
Остался я, лишенный крыл...
С тех пор, бессильно пламенея,
Ночью вьюгой изнурен,
Слагаю гимны вместе с нею,
Одной Любовью вдохновлен!..

22 февраля 1899

СИРИН И АЛКОНОСТ

Птицы радости и печали

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,

Блаженств нездешних полный взгляд.
И, затаив в груди дыханье,
Перый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Бесны неведомой прилив...
И нега мощного усилия
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распустит крылья
И улетит в снопах лучей!

Другая — вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над ее ветвистым троном
Нависло черное крыло...
Вдали — багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

23—25 февраля 1899

* * *

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

9 марта 1899

* * *

Спите, больные и духом мятежные,
Спите, вам дорог покой!
Ангел навеет рукой белоснежною
Сон золотой!
Каждую ночь над землею туманною
Ангелы веют крылом;
Небо покоит нас негой желанною —
Радостным сном!

Март—апрель 1899

* * *

Счастливая пора, дни юности мятежной!
Умчалась ты, и тихо я грущу;
На новый океан, сердитый и безбрежный,
Усталую ладью души моей спущу...
Ты мило мне, прошедшее родное,
Твоя печаль светла, а грусть твоя бледна...
Печаль и грусть в далекое былое
Ушли, душа усталая одна...
Не знаю, сколько бед сулит мне жизнь иная,
Не знаю, как широк сердитый океан...
Меня гнетет усталость роковая,
Глядится жизнь сквозь пасмурный туман...
И далее туман всё необъятней,
Чем дальше рвусь, тем гуще мрак кругом...
О, наша жизнь, зачем ты непонятна!..
О, наша жизнь, ты вечно будешь сном!..

1 апреля 1899

* * *

Истомленный дыханьем весны,
Вдохновенья не в силах сдержать,
Распахнул я окно — с вышины

Над угасшою тенью рыдать...
Бедный голос средь ночи поет,
Будто прежняя милая тень
Встрепенулась, — и слезы несет,
И встречает угаснувший день!..
Кто-то шепчет под темным окном,
Чей-то образ из мрака восстал
И по воздуху реял крылом,
И певучим рыданьем дрожал...

Я почуял — опять
Суждено мне рыдать!
Для чего воскрешать сновиденья?
Я захлопнул окно...
Мне рыдать суждено
Над угасшою милою тенью!..

10—11 апреля 1899

* * *

Помните день безотрадный и серый,
Лист пожелтевший во мраке заchaх...
Всё мне: Любовь и Надежда и Вера
В Ваших очах!

Помните лунную ночь голубую,
Шли мы, и песня звучала вптьмах...
Я склонил эту песню живую
В Ваших очах!

Помните счастье: давно отлетело
Грустное счастье на быстрых крылах...
Только и жило оно и горело
В Ваших очах!

21 апреля 1899

* * *

Моя душа — страна волшебных дум,
Потух огонь — и думы отлетели,
Огонь горит — и с новой силой ум
Меня ведет к моей далекой цели...

22 апреля 1899

* * *

Порою мне любовь сулят
И нежно в очи мне глядят,

Порой грущу я одинок,
Как вихрем сорванный листок,

Но с прежних дней красавиц власть
Тревожит в бедном сердце страсть!..

24 апреля 1899

* * *

Взлетая к вышинам, орел покинул долы...
Там пажити внизу, и солнце их палит...
До слуха чуткого небесные глаголы
Доносит туч грязда, и он, внемля, парит...

28 апреля 1899

* * *

Усни, пока для новой жизни
Не воскресит тебя любовь,
И на моей печальной тризне
Тогда заплачешь горько вновь!

Твоим рыданиям внимая,
Мне будет сладко умирать...
И к новой жизни улетая,
С тобою буду я рыдать...

3 мая 1899

МОЛОДОСТЬ

Воспоминанье жизни сонной
Меня влечет под сень аллей,
Где ночи сумрак благовонный
Тревожит милый соловей...
Туда, где мы молились жарко,
Где милый профиль, серых глаз
Зарница, вспыхивая ярко,
Мне выдавала всякий раз...
Туда, где мы, в года былые,
Любили песни напевать
И эти песни молодые
Ночному небу поверять...
И нас тогда во мрак манило
Затем, что где-то в небесах
И на земле безмолвной жило
Блаженство в звездах и цветах,
А каждой вспыхнувшей зарнице
Могли про тайны говорить
И эти тайны — небылицы —
Самим подслушать... и любить!

8 мая 1899

* * *

Стоит ли вечно томиться,
Можно ль о прошлом вздыхать,
Только б успеть насладиться,
Только бы страстью пылать!

Вечною юною страстью,
Пламенем жарким кипеть,
Верить мгновенному счастью,
И о былом не жалеть!
Всё, что прошло, то прекрасно,
Снова ль вернется оно,
Нет ли, — не плачьте напрасно, —
Сбудется, что суждено!..

11 мая 1899

* * *

Ты хочешь царствовать поныне,
Поэта дух воспламенять
И зноя полную пустыню
Росистой влагой освежать?
Но знай: всё то, что в сердце было
Свежо, как вешние цветы,
Своей любовью иссушила
Младая дева красоты...
Ее язык — твои призывы,
Ее мечты — твои мечты,
Ее любовь — твои порывы,
И профиль твой — ее черты!..

14 мая 1899

* * *

Темнеет небо. Туч гряда,
Дождем пролившись, отлетела.
Высоко первая звезда
Зажглась, затеплилась, зардела...

Скажи мне, ночь, когда же вновь
Вернутся радостные муки?
Когда душа поймет любовь,
Свиданья счастье, гнет разлуки?

17 мая 1899

* * *

Гроза прошла, и ветка белых роз
В окно мне дышит ароматом...
Еще трава полна прозрачных слез,
И гром вдали гремит раскатом.

20 мая 1899

* * *

Блаженно ты, былое время,
Младые трепетные сны,
Когда слагалось с сердца бремя,
Звучали песни старины...

22 мая 1899

* * *

Милая дева! Когда мы про тайны мирские
Будем слагать песнопенья, то полные звуков
и вздохов
Речи — в любовь перейдут... Прилетит и Амур
легокрылый —
Свяжет уста и зажжет на устах поцелуи.

24 мая 1899

* * *

Musa, mihi causas memora!
*Publius Vergilius Maro **

Я помню вечер. Шли мы розно.
Тебе я сердце поверял,
На жарком небе туча — грозно
На нас дышала; ветер спал.

* Муза, напомни мне причины! *Публий Вергилий Марон*
(лат.). — Ред.

И с первым блеском молнии яркой,
С ударом первым громовым
Ты мне в любви призналась жаркой,
А я... упал к ногам твоим...

24 мая 1899

* * *

Распаленная зноем июльская ночь...
Не смыкайтесь, усталые вежды мои!
Улетайте вы, сны, отлетайте вы прочь!
Наяву я пойму сновиденья любви!

В эту ночь беспредельную, дева моя,
Мое сердце больное тебе передам,
Где кипит без конца молодая струя,
Где порывы любви посвящались богам!

26 мая 1899

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Сирени бледные дождем к земле прибиты...
Замолкла песня соловья;
Немолчно говор слышится сердитый
Разлитого ручья.

Природа ждет лучей обетованных:
Цветы поднимут влажный лик,
И вновь в моих садах благоуханных
Раздастся птичий крик.

1 июня 1899

* * *

Надежды трепетной моей,
Моей гармонии сердечной
Твою страстью не развеяй
По этой дали бесконечной.

Когда я буду тосковать
И без гармонии терзаться,
Не будут звуки прилетать
И песнь надежды раздаваться...

3 июня 1899

ОТРЫВОК

Непонятною тоскою
Дышит ночь. Приди, мой друг!
Вот стезя: ночной порою
Мы войдем в волшебный круг!
Ночь темна и непонятна,
Всё от нас скрыто мглой,
Где чиста и благодатна
Говорит звезда с звездой.
Эти звезды, эти тайны
Не поймем до смерти мы,
К нам доносятся случайно
Звуки горней глубины.
Но волшебной ночью звездной
Мне, поэту, круг открыт,
И, паря над страшной бездной,
Слышу, чтó звезда твердит.

4 июня 1899

* * *

Мерцали звезды. Ночь курилась
Весной, цветами и травой.
Река бесшумная катилась,

Осеребренная луной.
Хотел я с этой ночью слиться,
Хотел в блаженстве без конца
Позволить счастьем насладиться
Душе сгорающей певца...
Но всё, к чему стремился пламень
Моей души, — разбито вновь...
На дне речном я встретил камень
И склонил свою любовь...
• • • • •
Река — девица. Звезды — очи...
Она, как прежде, хороша...
Но лунный блеск холодной ночи —
Ее остывшая душа.

4 июня 1899

ПОЭТУ

Я встретил вновь тебя, поэт.
Твои стихи — живые грезы.
На твой чарующий привет
Несу восторженные слезы.
Кто знает, что в моих слезах?
Одни ль младые небылицы,
Иль запылавшие в потьмах
Ночные дальние зарницы?
Поэт, взгляни: в моих глазах
Зарниц ты видишь отраженье? —
То дух мой празднует в слезах
Твоей природы возрожденье.

8 июня 1899

* * *

Дитя! Твоим прозрачным словом
Я окрылен.
Ко мне летят мечты о новом
Со всех сторон.

Тоской неведомой, но сладкой
Вся грудь полна,
А в душу просится украдкой
Страстей волна.
Но с силой, прежде непонятной,
Гоню я страсть,
И в сердце царствует невнятно
Любови власть.

8 июня 1899

* * *

Я зол и слаб. Земное море
Я перешел своим умом...
Как прежде царствовало горе, —
Теперь царит в душе разгром...

Тоскуя по минувшей страсти,
По молодой весне добра,
Я жду иной, нездешней власти,
Иного, летнего утра...

Я зол и слаб. Ищу напрасно...
В надежде вяну, — злобно рвусь, —
Но рваться трудно... гасну, гасну
И быстро к смерти вниз качусь...

15 июня 1899

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Опять я еду чистым полем,
Всё та же бледная луна,
И грустно вспомнить поневоле
Былые счастья времена.

Как будто я влюблён и молод,
Как будто счастье вновь живёт, —
И летней ночи влажный холод
Моей душе огонь даёт.

Я еду. Звезды смотрят в очи...
Одна упала... пробудив
Многообразье неба ночи,
Угас серебряный извив...

— — — — —
Опять я еду полем чистым,
Всё те же звезды и луна...
Душа полна тоской лучистой,
Былым огнем на миг полна...

16 июня 1899

ДВЕ ДУШИ

...Напомнив призраки былого,
Она дала мне зреть сама
Изгибы сердца молодого,
Изгибы юного ума...

И эти нежные аккорды,
На вид слабее тростника,
Закалены, как сталь, и тверды, —
Сковала их небес рука...

Простря волшебную десницу,
Она сказала: «Раб, живи!»
И бьюсь, как пойманная птица,
В тенетах гения любви...

Мы, вместе далеки и близки,
Стоим, гордясь своей красотой,
Как вековые обелиски,
Осребрённые луной...

Всё та же гордость без примера,
И только разно смотрим вдаль:
Одна душа — живая вера,
Другая — вечная печаль.

17 июня 1899

* * *

Когда я был ребенком, — лес ночной
Внушал мне страх; до боли я боялся
Ночных равнин, болот, одетых белой мглой,
Когда мой конь усталый спотыкался.

Теперь — прошло немного лет с тех пор,
И жизнь сломила дух; я пережил довольно;
Когда опять въезжаю в темный бор
Ночной порой — мне радостно и больно.

18 июня 1899

* * *

Меня бессонница томила, —
Недуг безумный и глухой, —
Блаженство ночи в сад манило,
Где пахло скошенной травой.

23 июня 1899

НАКАНУНЕ ИВАНОВА ДНЯ...

Накануне Иванова дня
Собирал я душистые травы,
И почуял, что нежит меня
Ароматом душевной отравы.

Я собрал полевые цветы
И росистые травы ночные
И на сон навеваю мечты,
И проходят они, голубые...
В тех мечтаньях ночных я узнал
Недалекую с милой разлуку,
И как будто во сне целовал
Я горячую нежную руку...
И катились слезы мои,
Дорогая меня обнимала,
Я проснулся в слезах от любви
И почуял, как сердце стучало...

С этих пор не заманишь меня
Ароматом душевной отравы,
Не сберу я душистые травы
Накануне Иванова дня...

*24 июня 1899
Иванов день*

* * *

Автору «Князя Серебряного»

.
Одиночко боярин подъехал к воде...
«Он-де царскому пиру помеха!..»
В эту ночь голубую русалки в пруде
Заливались серебряным смехом.
Подъезжает к пруду; — под нависшей
листвой,

Над прозрачною тихой водою
Приотилась русалка — манит головой:
«Поиграй-ка, боярин, со мною!»
.

Только утро забрежжило, конь прибежал
И трясет головою сердито,
У боярского терема громко заржал
И колотит в ворота копытом:

«Прибежал я поведать жене молодой,
Чтобы мужа она хоронила,
Что его-де русалка порою ночной
Приласкала и в воду сманила...»
• • • • •

Июнь 1899

* * *

Люблю. Начертаны святые письмена,
И смело льется стих покорный...
В душе весну будит Ее весна,
Но ум сжимает диавол черный.
Люблю, сказало сердце, — ум молчит.
Душа позволит мне молиться,
Но, если ум устал или забыт, —
Любовь заставит ошибиться
И много зла принести моим мечтам...
Вперед, вперед, чтоб ревность
не родилась!
Пока в душе горит огнями храм,
Чтоб сердце богу поклонилось!..

12 июля 1899

* * *

Молодая луна родилась
И плывет по ночному эфиру...
Молодая мечта понеслась
К незабытому светлому миру...

Я парю на крылах неземных,
Пролетаю над солнной рекою,
Пролетаю в туманах седых
И веду разговоры с душою...

12 июля 1899

* * *

И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны.
Идет гроза, блестят вдали зарницы,
Чернеет ночь, — а песни старины,
По-прежнему, — немые небылицы.
Я знаю — лес ночной далёко вокруг меня
Простер задумчиво свои немые своды,
Нигде живой души, ни крова, ни огня, —
Одна безмолвная природа...
И что ж? Моя душа тогда лишь гимн поет;
Мне всё равно — раздвинет ли разбойник
Кустов вблизи угрюмый черный свод,
Иль с кладбища поднимется покойник
Бродить по деревням, нося с собою страх...
Моя душа вся тает в песнях дальних,
И я могу тогда прочесть вочных звездах
Мою судьбу и повесть дней печальных...

14 июля 1899

* * *

Когда кончается тетрадь моих стихов,
И я их перечту, мне грустно. Сердце давит
Печаль прошедших дней, прошедших слез
и слов,
Душа притворствует, лукавит
И говорит: «Вперед! Там счастье! Там покой!»
Но знаю я: ни счастья, ни покоя...
Покой — далек; а счастье — не со мной,
Со мной — лишь дни и холода и зноя;
Порой мне холод душу леденит,
И я молчу; порой же ветер знойный
Мне душу бедную дыханием палит,
И я зову — бессчастный, беспокойный...

15 июля 1899

* * *

Мою гармонию больную
Прими, у сердца склони,
Напомни музыку святую,
Напомни мне былые дни.

О, знай, что я певец былого,
С утра до ночи лишь Тебе
Слагаю гимны из благого
На зло изменчивой судьбе.

Моей гармонией нарушу,
Быть может, строй души твоей,
Но в песни я влагаю душу,
И ты поэта пожалей!

Твоя душа и жизни годы,
Быть может, сломяется скорей,
Мои ж под бурей-непогодой
Взлелеял я: они прочней.

Так дай же мне любить свободно,
Не отвергай и не гони!
Будь мне звездою путеводной
И оживи былые дни!

16 июля 1899

* * *

Готов ли ты на путь далекий,
Добра певец?
Узрел ли ты в звезде высокой
Красот венец?
Готов ли ты с прощальной песней
Покинуть свет,
Лететь к звезде, что всех прелестней,
На склоне лет?

Готовься в путь! Близка могила, —
Спеши, поэт!
Земля мертва, земля уныла, —
Вдали — рассвет.

18 июля 1899

* * *

Моей матери

Я — человек и мало богу равен.
В моих стихах ты мощи не найдешь.
Напев их слаб и жизненно бесславен,
Ты новых мыслей в них не обретешь.

Их не согрел ни гений, ни искусство,
Они туманной, долгой чередой
Ведут меня без мысли и без чувства
К земной могиле, бедной и пустой.

О, если б мог я силой гениальной
Прозреть века, приблизить их к добру!
Я не дал миру мысли идеальной,
Ни чувства доброго покорному перу...

Блажен поэт, добром проникновенный,
Что миру дал незыблемый завет
И мощью вечной, мощью дерзновенной
Увел толпы в пылающий рассвет!

18 июля 1899

* * *

Мне в душу просится былое...
Гоню насмешливый призрак,
Но он напомнил мне благое
И подал сердцу счастья знак...

В уме теснятся сновиденья, —
Далеких дней моих венец,
Ужель вернулось вдохновенье, —
И счастье близко наконец?!..

23 июля 1899

* * *

Прощались мы в аллее дальней,
Лежала вокруг широко тень,
На миг улыбкою прощальной
Осений озарился день,

И вышло солнце. Всё, казалось,
Объято ласкою творца,
Природа мощно наслаждалась
Лучами солнца — без конца,

Но ветер хладный, тучи хмуря,
Сокрыл лучи, нагнал теней,
И нам понятна стала буря —
Последний миг блаженных дней.

24 июля 1899

МЭРИ

«Пир во время чумы»

Ты отключишь ее на пире.
Сидит задумчиво она,
И взор витаёт в ясном мире,
В далеком царстве грез и сна.
Когда вокруг вино струится,
Звенят бокалы, хохот, шум...
Какая в ней мечта таится,
Каких полна незримых дум?..
А если вступит в разговоры
И голос нежный прозвучит,
Смолкают ветреные хоры,

И пир завистливо молчит...
Когда же песню начинает,
Ее напев смущает пир,
И голос грустный отлетает
В далекий, совершенный мир.
Младую Мэри — не впервые
Чумы печалит тяжкий гнет...
Бросает кудри золотые,
Тихонько плачет и поет.

24 июля 1899

* * *

Настал желанный час. Природа,
Из рук Властителя Творца,
Зажгла ночные неба своды
Сверканьем звездным — без конца.
Так прихотливо и прекрасно
Засыпав небо серебром,
Творец поставил светоч ясный
На стражу в блеске мировом,
И выплыл месяц. Нивы, долы,
Равнины, горы и леса
Внимают веющие глаголы
И, молча, славят небеса.
В молчанье гробовом природа,
Но чутко дремлет — до утра...
Вы, усыпленные народы,
Тогда лишь жаждете добра!
Что ж! Пробудилась ваша совесть?
Кто знает, много ль в эту ночь
С тоскою вспомнит жизни повесть
И сновиденья гонит прочь...
Природа ночи дух подъемлет...
Терзают вас творенья зла,
Пока добро спокойно дремлет,
И ночь глубокая светла!
Покойтесь, добрые! Вы, злые,
Всю ночь очей вам не сомкнуть!

Пусть ваши язвы роковые
Вам не дадут на миг вздохнуть!
Тогда лишь снидет мир глубокий
На ваши помыслы и сны,
Когда поймете мир далекий
Блаженной жизненной весны!
Когда такая ночь, как эта,
Пробудит в вас довольно сил
Не бить каменьями поэта,
Который вас добру учил!

25 июля 1899

* * *

Εἴθε γενοίμην οὐρανὸς ὡς πολλοῖς
δύμασιν εἰς σέ βλέπω.*

Сомнни уста. Твой голос полн
Страстей без имени и слова.
Нарушишь гимн воздушных волн,
Стремящих вверх, к стопам Святого.
Пускай в безмолвных небесах,
Как факел, издали сияет
Огонь огней в твоих очах
И звезды ночи вопрошают.
А я, ничтожный смертный прах,
У ног твоих смятенно буду
Искать в глубоких небесах
Христа, учителя Иуды.

26 июля 1899

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Закат горел в последний раз.
Светило дня спустилось в тучи,
И их края в прощальный час
Горели пламенем могучим.

* О, если бы я был небом, чтобы смотреть на тебя многими
очами! (греч.). — Ред.

А там, в неведомой дали,
Где небо мрачно и зловеще,
Немые грозы с вихрем шли,
Блестя порой зеницей вещей.

Земля немела и ждала,
Прошло глухое рокотанье,
И по деревьям пронесла
Гроза невольное дрожанье.

Казалось, мир — добыча гроз,
Зеницы вскрылись огневые,
И ветер ночи к нам донес
Впервые — слезы грозовые.

31 июля 1899

* * *

La virginella e simile alla rosa.*

Она прекрасна — нет сомненья,
Но я не вижу тех огней,
Горевших прежде искушеньем
В глазах красавицы моей.

Безмолвна, холодно-сурова,
Она не может выражать
Живых страстей живое слово —
Порывов жизни благодать.

Но знаю милое притворство:
Когда Амур вернется к ней,
Надменность сменится покорством,
И страсти будут горячей.

1 августа 1899

* Девушка подобна розе (итал.). — Ред.

* * *

Сомненья нет: мои печали,
Моя тоска о прошлых днях
Душе покой глубокий дали,
Отняв крыла широкий взмах.
Моим страстиам, моим забвеньям,
Быть может, близится конец,
Но буду вечно с упоеньем
Ловить счастливых дней венец.
Влачясь по пажитям и долам,
Не в силах смятых крыл поднять,
Внимать божественным глаголам,
Глаголы бога повторять.
И, может быть, придет мгновенье,
Когда крыла широкий взмах
Вернет былое вдохновенье —
Мою тоску о прошлых днях.

1 августа 1899

* * *

Природы вечера могучей
В окно струится аромат;
Я фисгармонии певучей
Докучный стон оставить рад;
Спешу в забытый угол сада,
Где сосен строгая грязда
Склонила ветви за ограду
Над чистым зеркалом пруда;
Предаться милому забвенью,
Призвать мечты прошедших снов...
А там подскажет вдохновенье
Созвучья песен и стихов!..

3 августа 1899

ЧЕРНАЯ ДЕВА

Северное преданье

В дальних северных туманах
Есть угрюмая скала.
На безбрежных океанах
Чудный лик свой вознесла.

Тех утесов очертанье
Бедный северный народ,
По глубокому преданью,
Черной Девою зовет.

В час, когда средь океана
Нет спасенья, всё во мгле, —
Вдруг пловец из-за тумана
Видит Деву на скале...

Он молитву ей возносит...
Если Дева смягчена,
То корабль к земле приносит
Ей послушная волна...

4 августа 1899

* * *

Темна и сумрачна была
Июля ночь. Я ждал свиданья.
Аллея длинная вела
Туда, к ее благоуханью...
Я долго ждал. Уже заря
Покрыла неба половину,
И, ярким пламенем горя,
Проснулись сонные вершины,
И в первых солнечных лучах
Нашел я прах далекой грезы:
Полувущую впотьмах
Благоухающую розу, —
Залог обманутой мечты...

Я сохранил цветок пахучий
И, вспомнив милые черты,
Целую ныне прах летучий...

4 августа 1899

* * *

Тяжелый занавес упал.
Толпа пронзительно кричала,
А я, униженный, молчал —
Затем, что ты рукоплескала.

И этот вычурный актер
Послал тебе привет нежданный,
И бросил дерзкий, жадный взор
К твоим плечам благоуханным!

Но нет! довольно! Боже мой!
Устал я ревностью терзаться!
Накинь личину! Смейся! Пой!
Ты, сердце, можешь разорваться!

9 августа 1899. С. Трубицыно

ЖИЗНЬ

Мы рождены; вдыхаем жадно
Природы мощные дары;
Нам мнится — дышит беспощадно
Жизнь, занесенная в миры.
Чтó наша жизнь? Порыв нежданный?
Случайный плод ее творца?
Дитя миров благоуханных,
Обломок вышнего венца?
О, нет! Горящей жизни меру
Не нам познать и разгадать.

Она достойна лучшей веры,
На нас — творца ее печать.
Уходят годы в бесконечность, —
Дарует новые творец.
Всегда, везде — живая вечность, —
Одно начало и конец.

11 августа 1899

НАКАНУНЕ ХХ ВЕКА

Влачим мы дни свои уныло,
Волнений далеки чужих;
От нас сокрыто, нам не мило,
Что вечно радует других...
Влачим мы дни свои без веры,
Судьба устала нас карать...
И наша жизнь тяжка без меры,
И тяжко будет умирать...
Так век, умчавшись беспощадно,
Встречая новый строй веков,
Бросает им загадкой хладной
Живых, безумных мертвцевов...

11 августа 1899

* * *

Мои печальные порывы,
Мои бесплодные мечты
Тебя настроили тоскливо,
И стала мне враждебна ты.
Что делать! Лучше я не в силах
Тебе, прекрасной, толковать
О преждевременных могилах,
Где тайна — вечная печать.
Но в сердце бедного поэта

Вскипает страстью, горяча,
Прекрасным обликом согрета,
Струя незримого ключа.
Твоя душа ее не чует,
В тебе всё — молодость и свет,
Пока безумствует, тоскует
Тобой непонятый поэт.

12—13 августа 1899

* * *

Как душно мне! Открой окно...
Дитя, ты также нездорова?
Искать обоим суждено
Потоки воздуха ночного!..
Смотри: ты вся изнемогла...
Дитя, мне душно... Что со мною?!

Взгляни: звезда моя пошла
Искать... дышать... как мы с тобою...
Ты плачешь?.. я с тобой... прости!
Дитя, томишься ты бесплодно?..
О, боже!.. ночь бы провести,
Один бы раз вздохнуть свободно!..
О, дай дышать!.. Изнемогла
И ты... Дай руку... жми сильнее...
Смотри: звезда моя ушла!!..
Мне душно, душно!

16 августа 1899

* * *

Отчего я и сам всё грустней
И болезненней день ото дня?..

Романс

Отчего я задумчив хожу,
Отчего по ночам в тишине
Лихорадочно дум не бужу,

Отчего я не плачу во сне?..
Одинокому дорог покой,
Но еще бесконечно милей
Мимолетная ласка порой,
Мимолетная дума о ней...
Всё о ней бы теперь вспоминать,
Одиночные дни украшать,
Бесконечному волю давать
И гадать бы о милой, гадать...
Отчего я задумчив и нем?..
Отчего мои песни больны?..
Отвечай, отвечай мне, зачем
Эти вечно-тоскливые сны?..

19 августа 1899

* * *

Глухая полночь. Цепененье
На душу сонную легло.
Напрасно жажду вдохновенья —
Не бьется мертвое крыло.

Кругом глубокий мрак. Я плачу,
Зову мои родные сны,
Слагаю песни наудачу,
Но песни бледны и больны.

О, в эти тяжкие мгновенья
Я вижу, что мне жизнь сулит,
Что крыл грядущее биение —
Печаль, не песни породит.

20 августа 1899

КОШМАР

Я проснулся внезапно в ночной тишине,
И душа испугалась молчания ночи.
Я увидел на темной стене
Чьи-то скорбные очи.

Без конца на пустой и безмолвной стене
Эти полные скорби и ужаса очи
Всё мерещатся мне в тишине
Леденеющей ночи.

24 августа 1899

* * *

Вы, бедные, нагие несчастливцы.

Лир

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, лют дождем,
И ветер воет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь —
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

24 августа 1899

* * *

*Посв. ****

Я говорил при вас с тоской;
Случайно вам — такой красивой,
Такой изящной и простой —
Открыл души изгиб нелживый.
Но знайте: правду различить
Во мне не вам, душа простая...

Моей души незримой нить
Не вам схватить, перерывая...
И я не слаб. Мгновенье чар —
Одно мгновенье мне лишь надо, —
И сердца вашего пожар
Разрушит крепкую ограду...
Я вас щажу пока, дитя,
Но вижу, близится мгновенье,
Когда падете, не шутя,
К моим ногам — для упоенья...

24 августа 1899. Шахматово

* * *

Плоды неизведанной страсти,
Плоды безотрадных годов
Терзают мне душу на части,
Трепещут желанием слов...
О, эти желанные речи
В душе берегу молодой
До первого друга, до встречи
С какой-то небесной душой.
А может быть, верного друга
Минутная страсть заменит,
Придет дуновение юга, —
В созвучья душа отлетит...
И в этих созвучиях дальних
Услышу я голос былой
Волнений, терзаний печальных
Безумной души молодой...

2 сентября 1899. Петербург

* * *

Молчу и сумрачно гляжу
На берег дальний. Сердцу мнится,
Что, только мысль освобожу, —
Она опять поработится...
Опять откроется окно,

И ночь опять пахнет прохладой...
Былое вновь воскрешено
С его отравой и отрадой...
Как этих тусклых фонарей
Нева удвоила мерцанье, —
Так стон мелодии моей
Несет вдвойне воспоминанья...
Святые песни прежних лет
Аккордом, счастье дарившим,
Тогда лились, — и я, поэт,
Дышал грядущим — не погибшим!..

12 сентября 1899

* * *

И влекла меня жажда безумная
Жажда жизни вперед и вперед...

Некрасов

Мы устали. Довольно. Вперед и вперед
Неустанно влекла нас природа...
Мы вернулись назад: чуть покинув восход,
Мы опять под лучами восхода...
Весь-то жизненный путь мы прошли до конца, —
И концом оказалось начало...
Но покинуло нас иждивенье творца,
Что когда-то наш путь украшало...
Вот он, прежний восход! Но холодным огнем
Он не тронет нам души, как прежде...
Мы устали. Напрасно мы отдыха ждем, —
Не поверим мы больше надежде...

14 сентября 1899

* * *

Смейся, паяц, но плакать не смей!

Я опять на подмостках. Мерцают опять
Одинокие рампы огни.
Мне придется сейчас хохотать...

А на сердце-то стоны одни!
Что же делать! Толпа мне отсюда видна, —
Затаивши дыхание, ждет...
А у рампы она — смущена
И, наверное, бога зовет!
Тише! Дрогнуло что-то... Как сердце стучит!..
О, проклятое сердце, не плачь!..
Чей-то голос над ухом звучит...
Сам себе я судья и палач!..

* * *

Я очнулся. Толпа рукоплещет, зовет...
Я не вижу тревожных огней!
А она мне венок подает
Из лавровых ветвей...

15 сентября 1899

Народилась волна —
Ударяет о берег скалистый.
Всё, чем дышит она, —
Дух прозрачный и чистый.

Ночью бурною вал
Налетел на волну молодую
И нещадно терзал
Ее душу живую...

Оттого так бледна,
И, прозрачного полная горя,
Тихо шепчет волна:
«Унеси меня, темное море...»

18 сентября 1899

* * *

Ты просишь ответа на страшный вопрос:
Живут ли в душе моей речи,
Что жили когда-то, — но ветер разнес

Слова — до неведомой встречи...
О, если ты просишь, короток ответ:
Ты, милая, всё воскресила,
О чём тосковал безнадежно поэт,
Чему его жизнь научила...
Я снова тоскую, безумствую вновь,
И горько мне прежнее горе...
А сердце, в котором сияла любовь,
В холодное брошено море...
О, если ты просишь, короток ответ:
Я в жизни моей не разрушу
Иллюзию милых и легких побед,
Упавших на страстную душу...
Ты просишь ответа на страшный вопрос!
Я жду неизведанной встречи
С далекой и милой, чьи песни унес
Полуночный ветер — далече!..

20 сентября 1899

* * *

Какой-то вышний серафим
Принес мне чудных звуков море.
Когда я был везде гоним, —
Я шел к нему — поведать горе;
А он речам моим внимал,
Моим словам он вторил страстно,
И этим мне познать давал,
Что в мире зло и что прекрасно.
Моя душа жила тогда, —
Тогда я молод был, — а ныне
Годов умчалась череда, —
Повсюду мертвая пустыня...

23 сентября 1899

* * *

Много хотел я с тобой говорить, —
Только уж лучше молчанье хранить.

Если бы только начать мой рассказ, —
Ты бы заплакала, верно, не раз...

Очень уж грустно текли мои дни,
Слишком уж полны безумий они...

Только одно я не в силах скрывать,
Лишь об одном я не стану молчать;

Так это просто и страшно звучит,
Что поневоле душа заболит:

Только и счастья, блаженства и сил
В той, что когда-то я страстно любил...

Если же слово теперь, хоть одно, —
Снова страдать мне навек суждено!..

25 сентября 1899

* * *

Ты не научишь меня проклинать,
Сколько ни трать свои силы!
Сердце по-прежнему будет рыдать
У одинокой могилы...

О, не грусти: бесполезен твой труд.
Сколько ни бейся ревниво:
Сонмы веков поколенья сотрут, —
Сердце останется живо!

Бездна — душа моя; сердце твое
Скроется в этой пустыне...
К вольному миру стремленье мое...
Мир близ тебя лишь, богиня!

1 октября 1899

«ПОГОНЯ ЗА СЧАСТЬЕМ»

(Рош-Гросс)

Отвека люди служат богу,
Тому, кого незримый гнет
К его небесному чертогу
Тягчит земной души полет.
Тому, кто сеет злое семя
Промежду семени добра,
Чей путь — объемлющее время,
Обитель — дальняя гора.
Идут века, — но поколенья
Стремятся к горному хребту
И ловят с криком опьяненья
Его одежды на лету.
Вершины редко достигают
И гибнут, гибнут — каждый миг,
А кто достигнет, — умирает,
Но смерть его — победный клик!

7 октября 1899

* * *

Не презирай воспоминаний, —
Они украсят дней чреду;
Покой от будущих страданий
Я в старой памяти найду.
И я их понял, им поверил,
И часто в сумраке ночном
Я сам с собою лицемерил,

Лелея то, что было сном...
Увы! Душа презреть не в силах
И чует в песнях старины
Страстей минувших, вечно милых
Былые призраки и сны.

13 октября 1899

* * *

Мне странно. Столько долгих лет
Прошло тоскливо и печально;
Казалось, их безумный след
Навек умчит призыв прощальный.
Прошли года, — душа опять
Влечится к юности далекой,
Стремится страстно тосковать
О той поэзии глубокой,
О тех ночах, о тех страстиах,
Где было горе и блаженство,
О тех туманных облаках,
Где я провидел совершенство.

13 октября 1899

* * *

Помню далекое светлое лето:
Ангел ли с неба явился, —
Только с безумством, достойным поэта,
Только со страстью, достойной ответа,
Я обожал и молился...

Ночью безгласной лелеял мечтанья.
Звезды смотрели мне в очи, —
Только я сердцем почуял страданья,
Жаждал, искал, добивался свиданья
В шопоте девственной ночи...

Всё это было безумными снами,
Сказкой мучительно лживой;
Дни миновали, — и с новыми днями
Молча явился и стал между нами
Призрак немой и тосклиwyй...

21 октября 1899

* * *

Мне страшно. Чую приближенье
Минут, когда нельзя мечтать,
Когда желанья и стремлеыя
Душа не может различать.

Когда, поправ законы чести,
Почуяв чей-то робкий гнет,
Душа стремится к жалкой мести,
А ум, сознав, не сознает.

Когда, прельстившись блеском злата,
Питают в сердце смерти страх,
И проклинают всё, что свято,
И поздно каются в слезах.

23 октября 1899

* * *

Ты, вечно юная! О, нет!
Ты не жалсешь о потере...
Когда б ты знать могла: поэт
Опять, как встарь, у этой двери...
Когда б ты знала, сколько грез
Мне воскресили те ступени,
Где после милых, жарких гроз
Перед тобой склонял колени...

О, я опять у тех дверей!
Я жду... Одно прикосновенье
К твоей руке, к груди твоей, —
Вернется счастье, вдохновенье!
Но тьма кругом. Напрасен зов...
Умру, склонившись на ступени,
Где так давно, рыдать готов,
Перед тобой склонял колени!..

24 октября 1899

* * *

Бесцельный путь синеет предо мной,
Далекий путь, потоками изрытый,
А дальше — мрак; и в этом мраке скрытый,
Парит судеб Вершитель роковой.

Октябрь (?) 1899

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Бот они, грустные, полные страсти
Или любви без границ
Письма... Она их писала без счастья...
Капали слезы с ресниц...
Так и дрожат на страницах забытых,
В этих поблекших листах
Слезы немые, — без счастья пролиты, —
Горе я видел в очах...
Бот они, грустные, полные страсти, —
Дней пережитых печать.
Чтб мне былое? Отблески счастья,
Отзвук погибшей неведомой власти?
Разве я стану молчать?

1 ноября 1899

ПЕСНЯ ЗА СТЕНОЙ

О, наконец! Былой тревоге
Отдаться мыслью и душой!
Вздыхать у милой на пороге
И слушать песню за стеной...
Но в этой песне одинокой,
Что звонко плачет за стеной...
Один мучительный, глубокий
Тоскливыи призрак молодой...
О, кто ужасному поверит
И кто услышит стон живой,
Когда душа внимает, верит, —
А песня смолкла за стеной!..

9 ноября 1899

* * *

Когда докучливые стоны
Моей души услышишь ты,
Храни стыдливости законы
В благоуханье красоты.
Не забывай, что беспощадно,
За каждый жалости порыв,
Тебе отплатят местью жадной,
Твое прошедшее забыв...
Ты недостойна оправданья,
Когда за глупую мечту,
За миг короткий состраданья
Приносишь в жертву красоту.

10 ноября 1899

* * *

Ты много жил. Негодованье
В своей душе взлелеял ты.
Теперь отдайся на прощанье
Бессмертью чистой красоты.

Увенчан трепетом любимым,
Отдай источник сил твоих
Иным богам неумолимым
Для новых сеяний живых.

А сам, уверенно бесстрастный,
Направь к могиле верной путь,
И — негодующий напрасно —
Умри, воскресни и забудь.

23 ноября 1899

* * *

Устал я. Смерть близка. К порогу
Ползет и крадется, как зверь,
И растворяет понемногу
Мою незамкнутую дверь.
Она меня настигнет ночью,
Подаст мне пробужденья знак,
И мне представится воочью
Ее бледнеющий призрак.
Тогда расстанусь с этим миром,
А может быть, вернусь опять, —
И в новом теле с духом сирым
Пойду бесцельно трепетать:
Опять испытывать утраты, —
И озлобленья слезы лить
Над всем, что дорого и свято,
И всем, что хочется любить...
К чему? Никто не даст ответа.
Душевный мир — богам кадить...
Но этот мир душа поэта
Не может больше выносить!

29 ноября 1899

* * *

Как всякий год, ночной порою,
Под осень, в блеске красоты,
Моя звезда владеет мною, —
Так ныне мне восходишь Ты.

13 декабря 1899

* * *

Давно мы встретились с тобою, —
То было летом. Ночи зной
Манил в аллеи за собою
И звал любить и жить с тобой...
С тех пор прошли года. Забыты
Мгновенья страсти. Чудный свет,
Где мы цвели, далек, — и смыты
Воспоминанья юных лет.
Теперь зима. Дыханье юга
От нас скрыто хладной мглой,
Но ты, далеких дней подруга,
Манишь, как прежде, за собой...
Возьми меня опять с собою,
Верни утраченное мной
И верь, я буду жить тобою
И умирать с тобой одной!..

19 декабря 1899

* * *

Как сон молитвенно-бесстрастный,
На душу грешную сошла;
И веют чистым и прекрасным
Ее прозрачные крыла.

Но грех, принявший отраженье,
В среде самих прозрачных крыл
Какой-то призрак искушенья
Греховным помыслам открыл.

25 декабря 1899

* * *

Когда с безжалостным страданьем
В окно глядит угрюмый день,
В душе проходит тоскованье
Прошедших дней младая тень.

Душа болит бесплодной думой,
И давит, душит мыслей гнет:
Назавтра новый день угрюмый
Еще безрадостней придет.

26 декабря 1899

* * *

Где ты паришь теперь,
О, девственная тень...
Мне жаль тебя, поверь,
Мой лучезарный день!..

О чем вздыхал тогда,
О чем мечтал я так,
Что лучшие года
Умчались, как призрак?..

О, девственная тень,
Открой свою мне дверь!..
О, лучезарный день,
Мне жаль тебя теперь!..

27 декабря 1899

* * *

Веселые годы,
Счастливые дни,
Как вешии воды,
Умчались они!..

Что было год назад? всё то же:
Всё та же мертвеннсть души;
Но та душа была моложе, —
Я плакать мог в ночной тиши.
Теперь открылся мир тревоги,
И ум трезвой на жизнь взглянул,
Открылись новые дороги,
Но я по старой повернул...
Она одна — мой путь привычный,
Быть может, трудный и больной,
Но я пойду стопой обычной,
А там — и отдых, и покой.

3 января 1900

* * *

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней, —

Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волненья
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

5 января 1900

* * *

О, не смотри в глаза мои с укором,
Не призывай к безмолвию и сну!
Я знаю, друг, за этим темным взором
Таится страсть за прежнюю весну...

Весна была! В небесных сферах дальних
Горели звезды; их затмила ты
Сверканьем глаз веселых и печальных,
Что ярче звезд, превыше красоты...

О, не смотри в глаза мои с укором
И дай вкусить былого торжества!
Ты знаешь, друг, за этим гордым взором —
И жизнь, и смерть, и облик божества!

5 января 1900

* * *

Усталым душам вдруг сдается,
Взглянув на лоно прошлых дней,
Что жизнь приниженно смеется
Над отраженьем их теней;

Посмотрит в те воспоминанья, —
И отшатнется, и замрет,
Почуяв скучное желанье
Отбросить жизни прошлый гнет...

Но те желания — не живы,
И прежней искренности нет
Там, где так глухо, некрасиво
Истлела жизнь, погаснул свет...

6 января 1900

* * *

В часы недавнего паденья
Душа внезапно поняла
Всю невозможность возвращенья
Того, чем ты тогда влекла;

Всю невозможность прежней силы,
Что так давно обоих нас
В одну мечту соединила
И обняла в последний раз...
Увы! притворство невозможно,
И ты, как я, должна понять,
Что всё волненье будет ложно,
И остается — вспоминать...

16 января 1899

* * *

Я умирал. Ты расцветала.
И вдруг, взглянув на смертный лик,
В чертах угасших угадала,
Что эта смерть — бессильный крик...

Смири же позднюю тревогу;
И я под осень дней моих,
Как лист, упавший на дорогу,
Смешаюсь с прахом остальных...

27 января 1900

* * *

Приветный Лель, не жду рассвета,
Но вижу дивный блеск вдали;
Скажи мне, Лель, не солнце ль это
За краем мертвенної земли?
Зачем же, Лель, ты будишь рано
Нас, не готовых в сонный час
Принять богиню, из тумана
Зарю несущую для нас?
Еще не время солнцу верить;
Нам, бедным жителям миров,
Не оценить и не измерить
Его божественных даров.
Оно взойдет, потоком света

Нас, полусонных, ослепит;
И лишь бессмертный дух поэта
К нему в объятья отлетит...

29 января 1900

* * *

Ты не даешься и не исчезаешь...
Так ты неуловим? Так ты доступен
Одним глазам, виденье роковое!?

Нисходит сумрак ночи бледной,
Но сон — тревожен. Мой покой
Какой-то образ, лик победный
Тревожит песнью молодой...
Исchezни, вставши из могилы,
Едва забытый бледный лик!..
Но — нет!.. Он манит... искныи...
милый...

Бросает в ночь призывный клик!..
Он мне протягивает длань,
Он мой!.. К нему спешу, стремлюсь,
Сейчас схвачу одежды ткани,
И с ним в объятьях понесусь...
Манит...

Напрасные усилия!..
Неуловимый, он скользит,
Слабеют разум, сердце, крылья...
• • • • • • • • • • • • • • • • • •
Ночная мгла, как прежде, спит.

31 января 1900

* * *

Прощай. В последний раз жестоко
Я обманул твои мечты...
Мое раскаянье глубоко
Затем, что мне простила ты...

Когда бы ты, как прежде было,
О муках сердца своего
В своем посланьи говорила, —
Я не сказал бы ничего...

Но эти строки пробыты, кратки,
Влекут меня, как всякий раз,
Решить лазурные загадки
Твоих неотразимых глаз...

3 февраля 1900

* * *

Утро брежжит. День грозит ненастьем.
Вечер будет холoden, но ясен.
Будет время надышаться счастьем,
Чуять всё, чем божий мир прекрасен...

Одного не даст душе природа,
И у бога нет довольно власти,
Чтоб душа почуяла свободу
От прошедшей, вечно сущей страсти...

12 марта 1900

* * *

В ночи́, исполненной грозою,
В средине тучи громовой,
Исполнен мрачной красотою,
Витает образ грозовой.

То — ослепленная зарницей,
Внемля раскатам громовым,
Юнона правит колесницей
Перед Юпитером самим.

20 марта 1900

* * *

Мы все уйдем за грань могил,
Но счастье, краткое быть может,
Того, кто больше всех любил,
В земном скитанье потревожит.

Любить и ближних и Христа —
Для бедных смертных — труд суровый.
Любовь понятна и проста
Душе неведомо здоровой.

У нас не хватит здравых сил
К борьбе со злом, повсюду сущим,
И все уйдем за грань могил
Без счастья в прошлом и в грядущем.

1 апреля 1900

* * *

До новых бурь, до новых молний
Раскройся в пышной красоте
Всё безответней, всё безмолвней
В необъяснимой чистоте.

Но в дуновеньи бури новом
Укрась надеждой скучный путь,
Что в этом хаосе громовом
Могу в глаза твои взглянуть.

14 апреля 1900

* * *

Он шел на отдых. Новый день
Развеял утреннее знамя,
Но медленно сходила тень
На потухающее пламя.

Он шел бледнеющей стезей
На смерть, — и новый день
навстречу.

Они сошлись, вступили в бой,
И долго, долго длилась сеча.

Святое пламя унеслось
В отдохновенную обитель,
Победы знамя развилось, —
Но пал со страхом победитель.

Затем печальна и грустна
Восходит новая денница:
В победном сне затаена
Им побежденная десница.

16 апреля 1900

* * *

Мы не торопимся заране
Огни ненужные зажечь,
Уже милее прежних встреч —
В вечернем встретиться тумане.

И пусть докучливая мать
Не будет наших разговоров
Дозором поздним нарушать.
Уйдем от материнских взоров,

И пусть прервется речи нить.
Так сладко в час очарованья
Твои волненья и молчанья
И тайные мечты следить.

29 апреля 1900

* * *

Когда отдамся чувствам страстным,
Меня влечет на знойный юг
Слагать стихи к ногам прекрасным
Твоим, далекий, нежный друг...
Забвенью вечному, быть может,
Ты всё былое предала,
И страстный вздох не потревожит
Давно спокойного чела...
Или грустишь с тоской бывалой
И предаешь наедине
Слезам ответ мой запоздалый
И часто плачешь обо мне?
Ужели в страстных сновиденьях
Ни разу прежний образ мой
Не восставал тебе виденьем
В тиши томительной ночной?

Апрель 1900

* * *

На юге Франции далекой,
Встречая пышную весну,
Лелей мой образ одинокий,
Тебя лелеющий — одну.

Апрель (?) 1900

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Под величавые раскаты
Далеких, медленных громов
Встает трава, грозой примята,
И стебли гибкие цветов.

Последний ветер в содроганье
Приводит влажные листы,
Под ярким солнечным сияньем
Блестят зеленые кусты.

Всеохранительная сила
В своем неведомом пути
Природу чудно вдохновила
Вернуться к жизни и цветсти.

3 июня 1900

* * *

Облит последними лучами,
Чудесно вечереет день.
Идет с вечерними тенями
На душу пламенная тень.

Кто вознесет ее из тени,
Пока огонь горит в крови,
В твои тоскующие сени,
На чистый жертвенник любви?

17 июня 1900

* * *

Была пора — в твоих глазах
Огни безумные сверкали:
Ты обрела в моих словах
Свои заветные печали.

Теперь их смысл тобой забыт.
Слова воскреснут в час победный,
Затем, что тайный яд разлит
В их колыбели заповедной.

20 июня 1900

* * *

Пророк земли — венец творенья,
Подобный молњам и громам,
Свои земные откровенья
Грядущим отдавал векам.

Толпы последних поколений,
Быть может, знать обречены,
О чём не ведал старый гений
Суровой Английской страны.

Но мы, — их предки и потомки, —
Сиянья их ничтожный след,
Земли ненужные обломки
На тайной грани лучших лет.

21 июня 1900

* * *

Они расстались без печали,
Забыты были счастья дни;
Но неутешно тосковали
И снова встретились они.

Над ними плакал призрак юный
Уже увядшей красоты;
И эти жалобные струны
Будили старые мечты.

Но были новые свиданья
Так безмятежно холодны;
Их не согрел огонь желанья,
Ни говор плачущей струны.

Меж ними тайны не лежали,
Всё было пусто и мертвое;
Они в скитанья угасали
И хоронили божество.

10 июля 1900

* * *

Новый блеск излило небо
На небесные поля.
Мраком древнего Эреба
Преисполнена земля.

Вознесясь стезею бледной
В золотое *без конца*,
Стану, сын покорно-бедный,
В осиянности творца.

Если тайный грешный помысл
В душу скорбную слетит,
Лучезарный бога промысл
Утолит и осенит.

Вознесусь душой нетленной
На неведомых крылах.
Сердцем чистые блаженны —
Узрят бога в небесах.

25 июля 1900

* * *

Порою вновь к твоим ногам
Меня влечет души смиренье.
Я с благодарностью отdam
Избыток властного презренья.

Не доверяйся страстным снам:
Пройдет короткое мгновенье —
Я с новой силою воздам
И власть и должное презренье.

18 августа 1900

В Дельфийском храме новый бог
Над камнем Пифии священной
Возвысил голос, — и не мог
Развеять пламень сокровенный.
Великих тени без числа
Могилы вскрыли на дороге,
И мудрость древняя легла
На незапятнанном пороге.
Великим тénям пробил час,
И храма рухнула святыня,
Но древний пламень не погас,
Хранимый мудростью поныне.
Века прошли — и не могла
Повергнуть в прах чужая сила
Того, что мудрость создала
И сединами убелила.

21 августа 1900

* * *

Revertitur in terram suam
unde erat,
Et spiritus reddit ad Deum,
qui dedit illum.
Amen. **

В седую древность я ушел, мудрец.
Эллада холодна. Езмоляет певец.
Эллада умерла, стяжав златой венец
И мудрости, и силы, и свободы.

Ту мудрость я передаю уму.
Ту силу я провижу и пойму.
Но жизнь души свободной не уйму —
Затем, что я — певец природы.

* Мудрость (греч.). — Ред.

** Вернется в землю свою, которою был, и дух страст богу, который даровал его. Аминь (лат.). — Ред.

В холодном мраке эллинских могил
Я ум блуждающий напрасно укрепил.

Но пролил в сердце жар глубокий.
И первый зов души мне будет приговор.
Седеющих веков меня покинет взор,
И в мир вернусь один — для песни одинокой.

27 августа 1900. Шахматово

СМЕРТЬ

Прислушайся к земле в родных полях:
Тебя овеет чуждыми странами,
Но вместе родственный обнимет некий страх:
Ты ощутишь шаги, следящие за нами.

О, друг мой, не беги родной своей земли,
Смотри: я жду таинственной приплисы
И каждый час могу следящую вдали,
Но близкую всегда, принять в мои темницы.

13 сентября 1900

* * *

In nova fert animus mutatas
dicere formas corpora...

Ovidius. *Metamorphoses* *

Вложив безумство вдохновений
В холодный разум мудреца,
Я шел в толпе, бесстрашный гений,
Миря познавший до конца.

Москвой природой вдохновляясь,
Олив и рощи и сады,
Бетвями до полу склоняясь,
Роняли влажные плоды.

* Вдохновение влечет меня воспеть преобразование тел в новые формы. *Овидий. Метаморфозы* (лат.) — Ред.

И вновь рожденный смертным — ныне
Я смутно помню блеск венца
В моей тюрьме, в моей пустыне,
В моем бессильи — до конца.

14 сентября 1900. Петербург

* * *

Под вечер лет с немым вниманьем
В былое смутно погружен,
Я буду жить воспоминаньем,
Лелея жизни прошлой сон.
И вновь мне будет близко времяя,
Когда, в предчувствии беды,
Ума живительное семя
Взrostило смелые плоды.
На молодых весенних грезах
Подстережет меня недуг,
Для опочившего на розах
Замкнется жизни светлый круг.

18 сентября 1900

АМЕТИСТ

K. M. C.

Порою в воздухе, согретом
Воспоминаньем и тобой,
Необычайно хладным светом
Горит прозрачный камень твой.

Гаси, крылатое мгновенье,
Холодный блеск его лучей,
Чтоб он воспринял отраженье
Ее ласкающих очей.

19 сентября 1900

АРТИСТКЕ

Позволь и мне сгорать душою,
Мгновенье жизнь торжествовать
И одинокою мечтою
В твоем бессмертьи ликовать.

Ты несравненна, ты — богиня,
Твои веселье и печаль —
Моя заветная святыня,
Моя пророческая даль.

Позволь же мне сгорать душою
И пламенеть огнем мечты,
Чтоб вечно мыслить пред собою
Твои небесные черты.

15 октября (?) 1900

* * *

Там жили все мои надежды,
Там мне пылал огонь земной,
Но душу осенил покой, —
Смежились дремлющие вежды.

Где грозовые тучи шли,
Слеза последняя иссохла.
Душа смирилась и заглохла
В убогом рубище земли.

А прежде — небом ночи звездной
Она росла, стремилась вдаль,
И та заветная печаль
Плыла, казалось, лунной бездной.

22 ноября 1900

* * *

Была и страсть, но ум холодный
Ее себе поработил,
И, проклинающий бесплодно,
В могильном мраке я бродил.

И час настал. Она далёко.
И в сновиденьях красоты
Меня не трогаешь глубоко,
Меня не посещаешь ты.

О, я стремлюсь к борьбе с собою,
К бесплодной, может быть, борьбе...
Когда-то полная тобою
Душа тоскует — о тебе!

9 декабря 1900

ПОЭМА ФИЛОСОФСКАЯ

Первые три посылки

Ты еси Петр, и на сем камени
созижду церковь мою.

Еванг. Матфея, XVI. 18

Introibo ad altare Dei.
Ad Deum, qui laetificat
juventutem meam.*

Мне сердце светом озарил
Ты, мой задумчивый учитель,
Ты темный разум просветил,
Эллады мощный вдохновитель.
А ты, певец родной зимы,
Меня ведешь из вечной тьмы.

I

Здесь на земле единоцельны
И дух и плоть путем одним
Бегут, в стремленьи нераздельны,
И бог — одно начало им.

* Войду в алтарь бога. К богу, который веселит юность мою (лат.). — Ред.

Он сотворил одно общенье,
И к нам донесся звездный слух,
Что в вечном жизненном теченьи
И с духом плоть, и с плотью дух.

И от рожденья — силой бога
Они, исчислены в одно,
Бегут до смертного порога —
Вселенной тайное звено.

9 декабря 1900

II

Вечный дух — правитель вышний тела —
Божеству подвластен, как оно.
Их союз до смертного предела —
Власти тайное зерно.

Вечен дух — и преходящим телом
Правит, сам подвластный божеству:
Власть в общеньи стала их уделом,
В ней — стремленье к естеству.

Их союз — к природной духа власти,
К подчинению тела — их союз.
И бегут в едино сплоченные части
Силой выших, тайных уз.

10 декабря 1900

III

Дух человеческий властен земное покинуть жилище,
Тело не властно идти против велений души.
Сила души — властелин и могучий даятель закона,
Сила телесная вмиг точно исполнит закон.

Так-то объемлемый дух его же обнявшему телу
Властино законы дает, тело наполнив собой.
Тело же точно и вмиг души исполняет законы,
В жизненной связи с душой, вечно подвластно душе.

10 декабря 1900

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Баратынский

Тебе, поэт, в вечерней тишине
Мои мечты, волненья и досуги.
Близь Музы, ветреной подруги,
Попировать недолго, видно, мне.

Придет пора — она меня покинет,
Настанет час тревожной суеты,
И прихоть легкая задумчивой мечты
В моей груди уяннет и застынет.

16 декабря 1900

ПОСЛЕ БИТВЫ

Я возвращусь стопой тяжелой,
Паду средь храма я в мольбе,
Но обновленный и веселый
Навстречу выйду я к тебе.

Взнеся хвалу к немому своду,
Освобожденный, обновлюсь.
Из покаянья на свободу
К тебе приду и преклонюсь.

И, просветленные духовно,
Полны телесной чистоты,
Постигнем мы союз любовный
Добра, меча и красоты.

16 декабря 1900

* * *

Не нарушай гармонии моей —
В ней всё светло и всё духовно.
Когда и ты душой ответишь ей,
С тобой мы связаны любовно.

Но если ты погасишь свет,
Смутишь на миг затишье моря,
Тогда — прощай. Любви мож пами нет —
Одно сухое, горестное горе.

18 декабря 1900

* * *

Когда я одинок и погружен в молчанье,
Когда чужая речь давно мне не слышна,
Я чувствую в груди немое трепетанье,
И близким прошлым полнится она.

Когда я одинок, и голоса чужие
Не слышны, не нужны, и чужды, и темны,
Я чувствую в себе призвания былье,
И прошлого изгибы мне видны.

Не нужно мне грядущих, настоящих —
Всех пошлых сил, истраченных в «борьбе».
Я полн заветов дней моих давящих,
Подобных прошлой, может быть, судьбе.

3—4 января 1901

* * *

Я никогда не понимал
Искусства музыки священной,
А ныне слух мой различал
В ней чей-то голос сокровенный.

Я полюбил в ней ту мечту
И те души моей волненья,
Что всю былую красоту
Волной приносят из забвенья.

Под звуки прошлое встает
И близким кажется и ясным:
То для меня мечта поет,
То веет таинством прекрасным.

17 января 1901

* * *

Ты — думы вечной, вдохновенной
Суровый блеск в вечерней мгле
С твоей улыбкой сокровенной
На незапятнанном челе!

Ты — откровение и тайна,
В вечерний час тебя мне жаль,
О, подаривший мне случайно
Живую радость и печаль...

Первоначальных лет счастливых
Остывшний жар, потухший свет,
Ты всё еще на темных нивах
Огнистый оставляешь след.

20 января 1901

* * *

Благоуханных дней теченье
Сменяют тяжкие годы,
Но этих прошлых дней значение
Неизгладимо никогда...

Пускай зима снега покоит
На омертвелых лепестках, —
Мечта пророчески откроет
И в зимний день — цветистый прах.

22 января 1901

* * *

Часто в мысли гармония спит
И не льется словесной волною.
И молчанье бесцельно таит
Непонятный упрек над собою.

Только чувствовать, верить, узрев,
Но сказать, — не услышишь ответа...
Точно песня, весь мир облетев,
Возвратилась, ничем не согрета.

23 января 1901

* * *

Я сходил в стремнины горные,
Видел долы и леса.
Над мечтой моей упорною
Загорались небеса.

Ночи шли путями звездными,
Ярким солнцем дни текли

Над горами и над безднами,
Где томился я в пыли.

Где сходил в стремнины горные,
Где в долинах и лесах
Воскрешал мечтой упорною
Давней жизни мертвый прах...

7 февраля 1901

* * *

Я понял смысл твоей печали,
Когда моря из глубины
Светила ночи возвращали
В их неземные вышины.

Когда внезапным отраженьем
Небесных тел в земных морях
Я был повержен в изумленье, —
Я понял твой заветный страх.

Ты опечалена природой —
Общеньем моря и светил,
И, без надежды на свободу,
Устрашена согласьем сил.

11 февраля 1901

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭМЫ

Ты, о, Афина бессмертная
С неумирающим Эросом!
Бог бесконечного творчества

С вечно творящей богинею!
О, золотые родители
Всевдохновенных детей!

Ты, без болезни рожденное,
Ты, вдохновенно-духовное,
Мудро-любовное детище,
Умо-сердечное — ты!

Эроса мудро-блаженного,
Мудрой Афины божественной,
В вечном общеныи недремлющих,
Ты — золотое дитя!

11 февраля 1901

* * *

Так — одинокой, легкой тенью
Перед душою, полной зла,
Свои благие исцеленья
Она однажды пронесла.

7 марта 1901

* * *

Пять изгибов сокровенных
Добрых линий на земле.
К ним причастные во мгле
Пять стенаний вдохновенных.
Вы, рожденные вдали,
Мне, смятенному, причастны
Краем дальним и прекрасным
Переполненной земли.
Пять изгибов вдохновенных,
Семь и десять по краям,
Восемь, девять, средний храм —
Пять стенаний сокровенных,

Но ужасней — средний храм —
Меж десяткой и девяткой,
С черной, выспренней загадкой,
С воскуреньями богам.

10 марта 1901

* * *

Вчера я слышал песни с моря
И плески волн о южный брег,
Душа, в смятеньи песням вторя,
К полудню направляла бег.

Так — невозможного искала,
И лишь далеко ввечеру
Сознаньем поздним разгадала
Волны певучую игру.

Но вновь перед вечерним светом
Она болит из глубины
И чует в сумраке согретом
Загадку песни и волны.

19 марта 1901

* * *

Вечерний свет заутра снова
В сияньи дня прольется мне.
Его пророческое слово
Находит отзвук в старине.

То старый раб в чертогах ясных
Находит признаки теней
Победоносных и прекрасных
Во всем величии царей.

19 марта 1901

* * *

Отзвучала гармония дня —
Замирают последние песни...
Ты, душа, порожденье огня,
В наступающем мраке воскресни.

На границе печалей дневных,
На границе вечерних веселий,
Загорайся огнем новоселий
По краям облаков грозовых.

19 марта (?) 1901

* * *

Он уходил, а там глубоко
Уже вещал ему закат
К земле, оставленной далеко,
Его таинственный возврат.

8 мая 1901

* * *

Завтра рассвета не жди.
Завтра никто не проснется.
Ты и мечты не буди.
Услышишь, как кто-то смеется.
Только с дороги сойди.

Жалобным смехом смеется,
Громко кричит: «Отойди!»
Он — сумасшедший. Не жди
Завтра рассвета. Никто не проснется.
Ты же и в спящей мечте
Разгадку найди.

8 мая 1901

* * *

Ты ли это прозвучала
Над темнеющей рекой?
Или вправду отвечала
Мне на крик береговой?

13 мая 1901

⟨ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ⟩

I

Не часто, не всегда, с мольбой и чутким страхом
Смотрю в твои глаза и чую прошлый день...
Тоскую и молюсь над погребенным прахом,
А всё объемлю лучшей жизни тень...
Не часто, не всегда, но, верь, душа не лживо
Поет твои мечты, к твоим стопам плывет...
И знай — о, знай! — тогда, что трепетно и живо
Она тебя манит, тоскует и зовет...
Ответь единый раз болезненному крику,
Послушай только раз безумный бред ночной,—
И ты поймешь душой, зачем темно и дико
Грядущий день зарю выводит за собой...

13 мая 1901

II

Поверь, и я, далекий света,
Давно мечтавший об ином,
К тебе приближусь до рассвета, —
Мы ночь в объятьи проведем.

В одном объятьи и молчаньи...
Когда заря начнет вставать, —
Исчезнем в смертном содроганьи,
Чтоб дня грядущего не знать.

И будут души неразлучны,
И будут сплочены тела,
Как будто вдруг — светло и звучно
Дышала песнь — и умерла.

13 мая 1901

* * *

И к мидианке на колени
Склоняю праздную главу.

Владимир Соловьев

Через песчаные пустыни,
Лелея долгую мечту,
Я нес в далекие святыни
Мою духовную ленту.
Ни человек, ни зверь, ни птица
Не помешали мне идти.
Одно дитя — отроковица
Мне повстречалась на пути.
И вечно-женственным прикован,
Смущен, — и брошена лепта,
И ослеплен, и очарован,
И власть прияла красота.
Но за блаженными брегами
Еще белеет искый храм.
Туда приду, горя мольбами,
И там явлюсь — в ряду с богами
И сопричисленный богам.

20—21 мая 1901

* * *

Вечереющий день, дорогая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастаю,
Неотступная Тайна моя.

Неужели и страстная дума,
Бесконечно земная волна,
Затерявшись средь здешнего шума,
Не исчёрпает жизни до дна?

Неужели в холодные сферы
С неразгаданной тайной земли
Отошли и печали без меры,
И любовные сны отошли?

Умирают мои угнетенья,
Утоляются горести дня,
Только Ты одинокою тенью
Посети на закате меня.

11 июля 1901

ВИДЕНИЕ

Предтечи вечного сияния,
Неугасимого огня.

Ал. Гиппиус

Розы в лазури. Пора!
Вон пламенеет закат.
«Поздно. До завтра простимся, сестра».—
«Будь же счастлив. До завтра, о, брат».

И разошлись. В вышине
Розы с лазурью слились.
Смотрит он: в темной лесной глубине
Тени недвижно и странно сплелись.

Кто-то вблизи пролетел —
Лес запатался вокруг.
Он крикнул, — и он онемел.
Слышится: «Здравствуй, друг».

«Розы в лазури. Пора!» —
«Сосен краснеют стволы». —
«Кто знает, завтра с утра
Будешь ли жив и далек от хулы?»

Внемлет он. «Ты ли, сестра?»
И зрит — заалело вокруг,
Вздрогнули тихо листы:
«Нет, не сестра, а друг».

И жалкий, жалкий познал
Силу лазурных роз.
Он долго в лесу ликовал,
И призрак в мечтах возрос.

Назавтра: «Здравствуй, сестра». —
«Был ли ты счастлив, брат?»
Розы в лазури. Пора!
Вон пламенеет закат.
И ныне, будто вчера,
Увижу, как розы горят.

*1 августа 1901
Поляна в Прасолове*

* * *

Нас старость грустная настигнет без труда,
Мы немощны теперь, и нет у нас желанья.
С тех пор, как умерла подруга, — никогда
Неолнится душа тревогой ожиданья.
Та жизнь прошла для нас, чудес и бед полна,
Оставив по себе одни воспоминанья.
Печальная, наш мир покинула она,
И в этой пустоте всё памятна весна,
Где каждый вздох хранит ее существованье.

3 августа 1901

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Разверзаются туманы,
Буревестник на волне,
Пролетают ураганы
В бесконечной вышине.

В светлый день Преображенья
Дух безумца поражен:
Из неволи, из смятенья
Голос Твой услышал он.

Ныне скорбный, ныне бедный,
В лоне Вечного Отца,
Близ Тебя, в лазури бледной
Жаждет нового конца...

Лишь одна страна в тумане
(Буревестник на волне) —
Беспокойное желанье
Вместе с богом — в вышине.

6 августа 1901

* * *

Наступает пора небывалая.
В освященные ризы одет,
Вознесу я хвалы запоздалые, —
Не раздастся ли свыше ответ.

Пламя алое в сумраке носится,
Потухают желанья в крови.
Вижу — к вышнему небу возносится
Безначальная дума Любви.

17 августа 1901

* * *

Всё бесконечней, всё хрустальней
Передо мной синела даль.
Я различил за нивой дальней
Мою осеннюю печаль.

Но, как тогда она витала,
В моей душе рождая сны,
Так ныне мирно отдыхала
Вблизи от милой стороны.

И я мечтал, уже свободный
Былой печальной суеты,
В другой душе, с моей сродной,
Смирить печальные мечты.

21 августа 1901

* * *

Синие горы вдали —
Память горячего дня.
В теплой дорожной пыли —
Призрак бегущий коня.

Церковь в лесистой глуши —
Только листы шелестят.
Стоны ли бедной души
Успокоенья хотят?..

*2 сентября 1901
Поляна в Прасолове*

* * *

В немлю голосу свободы,
Гулу утренней земли.
Там — вдали — морские воды
Схоронили корабли.

Но душа не сожалеет,
Все сомненья далеки:
На востоке пламенеют
Новой воли маяки!

Снова жду, надежды полный:
Солнце, светлый лик яви!
Пламенеющие волны
Расступились для любви!

4 сентября 1901

* * *

Глуши родного леса,
Желтые листы.
Яркая завеса
Поздней красоты.

Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи —
Память всё жива.

5 сентября 1901
Шахматово

ОЖИДАНИЕ

Дни текут молчаливо,
Непонятные дни.
Жду речного разлива,
Притаившись в тени.

В отдаленные страны,
В сероватую высь,
Все былые обманы
Без следа унеслись.

Но наутро чудесней
Вновь предстанут они:
Вслед таинственной песне
Светозарные дни.

9 сентября 1901. Петербург

* * *

Смерть и время царят на земле —
Ты владыками их не зови.

Вл. Соловьев

Знаю, бедная, тяжкое бремя
Ты отвека устала нести.
Ропщешь ты на бездушное время, —
Я с открытой душою в пути.

Здесь бушуют неверные бури,
Злые сны пролетают, звения.
Над тобою — всевластность лазури,
Нет в тебе — лучезарного дня.

Но у тайны немого виденья
Расцветешь, обновленьем горя.
Все мечты мимолетного тленья
Молодая развеет заря.

15—16 сентября 1901

ПОСВЯЩЕНИЕ

Встали надежды пророка —
Близки лазурные дни.
Пусть лучезарность востока
Скрыта в неясной тени.

Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет.

Мне — мировая разгадка
Этот безрежный поэт.

Здесь — голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.
Всё голубое — за Вами
И лучезарное — к Вам.

18 сентября 1901

* * *

Ходит месяц по волне,
Ходит солнце в синей зыби,
Но в неведомом изгибе
Оба зrimы не вполне.

Странно бледны лики их,
Отраженья их дробимы.
Ты равно ль с другой палима,
Или пламень твой затих

И неверным отраженьем
На волнах моей мечты
Бродишь мертвым сновиденьем
Отдаленной красоты?

7 октября 1901

АЛЛЕГОРИЯ *

Бежали сны — сиял рассвет,
И пламенеющие росы
В исходе полунощных лет
Покрыли медного колосса.

* См. стих. «Эфиопы и бревно» Вл. Соловьева.

Кумир вставал в лучах зари,
К нему стекались поколенья;
Уже воздвиглись алтари,
Звучали рабские моленья,

Колена всех преклонены...
Один — мудрец — подъемлет очи,
И в них рабы, поражены,
Узрели знак прошедшей ночи...

Он — в исступлении жреца,
И вот, измученный и важный,
Коснулся влажного венца,
И глас послышался протяжный,

И ожил мертвенный колосс.
А над пустыней — без предела —
И страх, и крик, и гомон рос;
И красота небесных роз
Покрыла жертвенное тело.

13 ноября 1901

* * *

Militat omnis amans.
Ovid. Amores *

Любовник, вышедший для брани,
Оставил тирс коснуться в цветах,
Не одолеть прозрачной ткани
С одной небридой на плечах.

Но дрогнул тирс — и песни страстной
Повиты таинством слова,
И у любовницы прекрасной
Уже кружится голова.

* Сражается каждый любовник. Овидий. Песни любви (лат.). — Ред.

И тирсоносцу глянул в очи
Один вакхический экстаз,
Дохнул навстречу шорох ночи,
И дрогнул тирс в последний раз...

С тобою тирса не забуду
И, в брань вступая, не солгу,
Поверив будущему чуду
Еще на этом берегу.

16 ноября 1901

ВОРОЖБА

Я могуч и велик ворожбою,
Но тебя уследить — не могу.
Полечу ли в эфир за тобою —
Ты цветешь на земном берегу.
Опускаюсь в цветущие степи —
Ты уходишь в вечерний закат,
И меня оковавшие цепи
На земле одиноко бренчат.

Но моя ворожба не напрасна:
Пусть печально и страшно «вчера»,
Но сегодня — и тайно и страстно
Заалело полнеба с утра.
Я провижу у дальнего края
Разгоревшейся тучи — тебя.
Ты глядишь, улыбаясь и зная,
Ты придешь, трепеща и любя.

5 декабря 1901

* * *

Недосказанной речи тревогу
Хороню до свиданья в очи.
Окна терема — все на дорогу,
Вижу слабое пламя свечи.

Ждать ли поздней условленной встречи?
Знаю — юная сердцем в пути, —
Ароматом неведомой встречи
Сердце хочет дрожать и цвести.

В эту ночь благовонные рόсы,
Словно влажные страсти слова,
Тяжко лягут на мягкие косы —
Утром будет гореть голова...

Но нескáзанной речи тревогу
До свиданья в ночи — не уйму.
Слабый пламень глядит на дорогу,
Яркий пламень дрожит в терему.

6 декабря 1901

* * *

Смотри приветно и легко
В глаза суровые разврата:
В них — бесконечно далеко —
Горит душа и ждет возврата
В жилище прежних благ и бед,
В миры молитвенных созвучий,
Где всем таинственный ответ
Дает Безвестный и Могучий,
Кому покорны мы, жрецы,
И те, кто проще, суеверней:
Те — бедняки — из наших терний
Себе плетущие венцы.

16 декабря 1901

* * *

Черты знакомых лиц,
Знакомые огни
Уходят от меня.
Мне памятны одни

Те, бедные мои,
Задумчивые дни,
Когда ты, притаясь,
Ждала меня в тени,
И путь бежал, виясь,
И были мы одни...

Таков он был тогда —
Мой сумрачный рассвет,
Начало всех блаженств,
Всех небывалых бед.
Когда же мне блеснет
Тот — настоящий свет?
Когда же мне сверкнет
Тот — пламенный рассвет?
Когда ж он пропоет
Тот — радостный ответ?

28 декабря 1901

* * *

Я прокráдусь ночью сонной
К изголовью утомленной
Вечной суетностью дня.

Там незримый, неизбежный
Мертвый голос выюги снежной
Посетит меня.

29 декабря 1901

* * *

Туман скрывает берег отдаленный.
Ладья бежит — заметней и смелей.
Кто на руле — прекрасный и влюбленный —
Тебе поет и гладит шелк кудрей?

Смотрю я вдаль без воли и без плена,
Мой берег пуст, но ясно вижу я —
Поет и блещет розовая пена,
В лучах зари бегущая ладья.

И виятен крик тоскующий и страстный,
И даль нема, и взор еще немей.
И на руле — влюбленный и прекрасный
Тебе поет и гладит шелк кудрей.

12 января 1902

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Из царства сна выходит безнадежность --
Как птица серая — туман.
В явь ото сна умчит меня безбрежность,
Как ураган.

Здесь — все года, все боли, все тревоги,
Как птицы черные в полях.
Там нет предела голубой дороге —
Один размах.

Из царства сна звенящей крикну птицей,
Орлом — в туман.
А вы — за мной, нестройной вереницей,
Туда — в обман!

17 января 1902

II

Озарен таинственной улыбкой
Проводил он дни земли.
Шел на берег — и на глади зыбкой
Льдистый призрак виделся вдали.

Открывались красные ворота
На другом, на другом берегу.
И там — прекрасное что-то,
Казалось, пело в лугу.

Озарен таинственной улыбкой,
Последние проводил он дни —
Не в дневной надежде зыбкой,
Не в ночной приветной тени.

17 января 1902

III

Но прощай, о, прощай, человеческий род!
Ты в тумане свои переходишь моря —
Через Красное море туман поползет,
Я покинул туман, предо мною — Заря!
Я смотрю ей в глаза, о, народ, о, народ,
Думы нет, мысли нет, только льдина плывет,
Голубая, холодная, — прочь от земли!
Озаренная солнцем смеется вдали!

17 января 1902

НА МОГИЛЕ ДРУГА

Удалены от мира на кладбище,
Мы вновь с тобой, негаданный мертвец.
Ты перешел в последнее жилище,
Я всё в пыли, но вижу свой конец.

Там, в синеве, мы встретим наши зори,
Все наши сны продлятся наяву.
Я за тобой, поверь, мой милый, вскоре
За тем же сном в безбрежность уплыву.

22 января 1902

* * *

Целый день — суета у могил.
В синеватом кадильном дыму
Неизвестный уныло бродил,
Но открылся — лишь мне одному.

Не впервые встречаюсь я с ним.
Он — безликий и странный пришлец.
Задрожали бы все перед ним,
Мне же — радостен бледный мертвец.

Мглистый призрак стоял предо мной
В синеватом куреных кадил.
Он владеет моей душой.
Он за мною тогда приходил.

Январь 1902

* * *

На небесах горят Ее престолы,
Их на земле не суетны лучи.
Ее блаженства громовые глаголы
Для слуха чуткого мерещатся в ночи.

Январь 1902

* * *

...И были при последнем издыханье.
Болезнь пришла и заразила всех.
В последний раз в прерывистом дыханье
Боролись жизнь, любовь и смертный грех.
Он, озарен улыбкой всепознанья,
Нашел удушливый голубоватый смех...

Январь 1902

* * *

Неомраченный дух прими для лучшей доли
Тоскующею тенью поутру.

И день иной родится в свете воли.
И легок будет труд в ином миру,

Январь 1902 (?)

* * *

Они говорили о ранней весне,
О белых, синих снегах.

А там — горела звезда в вышине,
Горели две жизни в мечтах,

И смутно помня прошедший день,
Приветствуя солнную мглу,
Они чуяли храм, и холод ступень,
И его золотую иглу.

Но сказкой веяла синяя даль,
За сказкой — утренний свет.
И брежжило утро, и тихо печаль
Обнимала последний ответ.

И день всходил — величав и строг.
Она заглянула в высь...
В суровой мгле холодел порог
И золото мертвых риз.

1 февраля — 28 сентября 1902

У ДВЕРЕЙ

Я один шепчу заклятья,
Двери глухо заперты.
Смутно чуются объятья,
В голове — Твои цветы.

Неизведанные шумы
За дверями чужды мне,
И плениительные думы —
Наяву, а не во сне.

Наяву шепчу заклятья, —
Наяву со мною Ты.
Долгожданные объятья —
Не обманы, не мечты.

Февраль 1902

* * *

Всю зиму мы плакали, бедные.
Весна отворила двери.
Мы вышли — грустные, бледные,
На сердце — боль и потери.

И шли навстречу томлению,
Полны предчувствий нестройных.
И было нам дуновение
Весенних струй беспокойных.

В порыве ветра летучего —
Мечта иль воспоминание
Чего-то смутного, чего-то жгучего:
Не этой весны дыхание.

Февраль 1902

* * *

Боги гасят небосвод.
Жадно молится народ.
Мы же, близки смутной тени,
Призываем юных жриц

На тенистые ступени
Остывающих теплиц.

Вот они — идут рядами
Благовонными садами...

Февраль 1902

* * *

Уже бесстрашный и свободный
Стою у вековечных врат.
Здесь — по равнине многоводной
Скользит испытанный мой взгляд.

Февраль — март 1902

* * *

Успокоительны, и чудны,
И странной тайной повиты
Для нашей жизни многотрудной
Его великие мечты.

Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет,
И все суровые загадки
Находят дерзостный ответ —

В одном луче, туман разбившем,
В одной надежде золотой,
В горячем сердце — победившем
И хлад, и сумрак гробовой.

6 марта 1902

* * *

Мы шли заветною тропою
Сегодня ночью в светлом сне,
Ты в покрывало голубое
Закуталась, клоняясь ко мне.

И, наяву не знавший ласки,
Всегда томившийся от ран,
В неизреченной, сонной сказке
Я обнимал твой милый стан.

Как бесконечны были складки
Твоей одежды голубой...
И в сердце больше нет загадки:
Да, Ты и наяву — со мной.

22 марта 1902

* * *

Ты — злая колдунья. Мой вечер в огне —
Багрянец и злато горят.
Ты светишься денно и нощно во мне,
Но твой презираю наряд.

Я царь еще в жизни, — твоих багряниц
Не страшен ни звон мне, ни свет.
Воспряну в отчизне, поверженный ниц,
Исторгну последний ответ!

30 марта 1902

* * *

Душа ждала, но молчаливо
К твоим просилась берегам,
Где высоко и прихотливо
Терялся в небе белый храм.

*31 марта 1902
Каменный остров*

* * *

Тянет ветром от залива,
В теплом ветре — снова ты.
Широко и прихотливо
Покачнулась гладь мечты.

Здесь ли, нет ли — это с моря
Огоньки и голоса...
На темнеющем просторе —
Там — песчаная коса.

Над моими ли мечтами —
Вечереющий обман?
И широкими струями
Колыхается туман...

Март 1902

* * *

Я жалок в глубоком бессильи,
Но Ты всё ясней и прелестней.
Там бьются лазурные крылья,
Трепещет знакомая песня.

В порыве безумном и сладком,
В пустыне горящего гнева,
Доверюсь бездонным загадкам
Очей Твоих, Светлая Дева!

Пускай не избегну неволи,
Пускай безнадежна утрата, —
Ты здесь, в неисходной юдоли,
Безгневно взглянула когда-то!

Март 1902

* * *

Испытанный, стою на грани.
Земных свершений жизни жду.
Они взметнутся в урагане,
В экстазе, в страсти и в бреду.

Испытанный, последних терний
Я жду перед вечерней мглой.
Но засветить огонь вечерний
В моей ли власти молодой?

Март 1902

* * *

Ищи разгадку ожиданий
В снегах зимы, в цветах весны,
В часы разлук, в часы свиданий
Изведай сердца глубины...

В томленьях страстного недуга,
В полях ожесточенных битв,
В тиши некошенного луга
Не забывай своих молитв.

Март 1902

* * *

Есть чудеса за далью синей —
Они взыграют в день весны.
Но плачет сердце над пустыней,
Проявляя привычной тишины.

Той тишины невозмутимой,
Которой пет в ее тени:

В ее душе неумолимой
Горят зловещие огни.

Но час придет — жена устанет
Искать улады в долгом сне,
Недуг осенний в бездну канет,
Зима промчится по земле...

Март 1902

* * *

Проходишь ты в другие дали,
Другие слышишь голоса.
Ты светлой не поймешь печали,
Когда алеют небеса.

Что чуждо мне — тебе открыто,
Но я обманут, как и ты,
И под обманом — ядовиты,
Восходят чахлые цветы.

Ты в бесконечном отдаленьи —
И без недуга и без грез —
Сольешь случайнос моленые
С моим моленем, полным слез.

Март 1902

* * *

Я брошусь в черный день со скал
В морские волны бурные.
Мне первый голос прозвучал,
Второй тоскливо простонал,
А третий — Ты, Лазурная.

Март 1902

* * *

Мы в храме с тобою — одни, смущены,
Взволнованы думой о боге.
Нам чудятся здесь голоса с вышины
И страшная тень на пороге.

Кто может быть тайный, нежданный пришлец?
Тобой ли забытый — из гроба
Он встал — и грозит, одинокий мертвец,—
И мы содрогаемся оба...

Март 1902

* * *

Она была — Заря Востока,
Я был — незыблемый гранит.
Но мощным веденьем пророка
Пылал в жару ее ланит.

Ее глубокие пожары
Точили сердце мертвеца.
Казалось — мощные удары
Разрушат камень до конца.

Но, воспылав Ее зарею,
Я воскресал на новый бой
И возносился головою
До самой тучи грозовой.

И там, бежав людского плена,
Свободный, в гордости веков —
Я чуял розовую песну
С Ее любимых берегов.

Март 1902

* * *

У окна не ветер бродит,
Задувается свеча.
Кто-то близкий тихо входит,
Встал — и дышит у плеча.

Обернусь и испугаюсь...
И смотрю вперед — в окно:
Вот, шатаясь, извиваясь,
Потянулся на гумно...

Не туман — красивый, белый,
Непонятный, как во сне...
Он — таинственное дело
Нашептать пришел ко мне...

Март 1902

* * *

Ты, отчаянье жизни моей,
Без цветов предо мной и без слез!
В полу сумраке дней и ночей
Безответный и страшный вопрос!

Ты, тревога рассветных минут,
Непонятный, торжественный гул,
Где невнятные звуки растут,
Где Незримый Хранитель вздохнул!

Вас лелея, зову я теперь:
Укажите мне, скоро ль рассвет?
Вот уж дрогнула темная дверь,
Набежал исчезающий свет.

1 апреля 1902

* * *

Завтра в сумерки встретимся мы.
Ты протянешь приветливо руки.
Но на памяти — с прежней зимы
Непонятно тоскливы звуки.
Ты, я знаю, запомнила дни
Заблуждений моих и тревог.
И когда мы с тобою одни
И безмолвен соседний порог,
Начинают незримо летать
Одинокие искры твои,
Начинаю тебя узнавать
Под напевами близкой любви,
И на миг ты по-прежнему — ты,
Легкой дрожью даешь вспоминать
О блаженстве протекшей зимы,
Отдаленной, но верной мечты,
Под напевом мороза и тьмы
Начинаешь дрожать и роптать,
И, как прежде, мгновенную речь
Я стараюсь во тьме подстеречь...

13 апреля 1902

* * *

Когда я вышел — были зори,
Белело утро впереди.
Я думал: забелеет вскоре
Забытое в моей груди.
О, час коварный, миг случайный!
Я сердцем слаб во тьме ночной,
И этой исповедью тайной
В слезах излился пред тобой...
И вышел в снах — и в отдалены
Пошла покинутая там,
И я поверил на мгновенье
Встающим в сумраке домам.

Смотрел на ласковые зори,
Мечтал про утро впереди
И думал: забелеет вскоре
Давно забытое в груди...

17 апреля — 28 сентября 1902

* * *

Я тишиною очарован
Здесь — на дорожном полотне.
К тебе я мысленно прикован
В моей певучей тишине.

Там ворон каркает высоко,
И вдруг — в лазури потонул.
Из бледноватого далёка
Железный возникает гул.

Вчера твое я слышал слово,
С тобой расстался лишь вчера,
Но тишина мне шепчет снова:
Не так нам встретиться пора...

Вдали от суетных селений,
Среди зеленої тишины
Обресь утраченные сны
Иных, несбыточных волнений.

*18 апреля 1902
На полотне Финл. жел. дороги*

* * *

Ты — молитва лазурная,
Ты — пустынная тишь,
В это небо безбурное
Молчаливо глядишь.

Здесь — пустыня безграница,
Я замолк, и приник,
И вдыхаю, желанная,
Твой певучий родник.

Мне и мнится и верится
В бездыханной типи:
В этой жизни измерится
Гнев пустынной души.

27 апреля 1902

* * *

Догорай, не узнавая,
В синий вечер, в синий день.
Встретим вместе, умирая,
Однаковую тень.

Но к чему огонь вечерний,
Сожаленье, память, сон?..
Сердцу ль биться суеверней
В час последних похорон?

Иль вздохнула, узнавая,
На исходе поздних лет?..
Встретим вместе, воскресая,
Однаковый рассвет.

Апрель 1902

* * *

Как любовно сплетал я тончайшую сеть!
Но один — на другом берегу —
Жду — в полночной поре незаметно сгореть,
Искру прошлого дня берегу.

В тайный круг замыкали мы злую печаль
И дошли до последней дуги.
С легким звоном распалась блестящая сталь,—
Всё сомкнутые мнились круги...

1 мая 1902

* * *

Проходят сны и женственные тени,
В зеленый пруд смотрю я, не дыша.
Туда сойдут вечерние ступени,
Забытый сон воспразднует душа.

Бездонный сон мгновенней и короче,
Мой сон продлит зеленая вода.
Настанет ночь — и влажно вскроешь очи
И ты на дне заглохшего пруда.

Они проходят, женственные тени —
Безмирные и сладостные сны.
К ним во зведу забытые ступени,
Воспраздную желаний глубины.

*Май 1902
Ботанический сад*

* * *

Всю ночь я слышу вздохи странные,
У изголовья слышу речь.
Я опущусь в окно туманное
И буду с улицы стеречь.

Aх, эти страхи все напрасные,
Моя загадка — здесь — во мне.
Все эти шорохи бесстрастные —
Поверь, величье в тишине.

Я подстерег и успокоился.
И кто другой бы мог придти?
И только мой восторг удвоился —
Всё Ты же на моем пути!

О, это Ты — и вздохи странные,
И сны, и шорохи, и речь...
Ты — безначальная, желанная,
Ты — разрешенье милых встреч!

Май 1902

* * *

Поздно. В окошко закрытое
Горькая мудрость стучит.
Всё ликованье забытое
Перелетело в зенит.

Поздно. Меня не обманешь ты.
Смейся же, светлая тень!
В небе купаться устанешь ты —
Вечером сменится день.

Сменится мертвенною скукой —
Краски поблекнут твои...
Мудрость моя близорукая!
Темные годы мои!

Май 1902

* * *

Сплетались времена, сплетались страны.
Мы из Венеции на север шли,
Мы видели дождливые туманы.
Оторвались, — и к Лидо подошли.

Но берег пуст, и даль оделась в сети
И долгого и тонкого дождя.
Мы подождем. Мы будем только дети,
В живой игре на север уходя.

Так началось времен изображенье.
Игра веков! О, как ты дорога!
Бесчисленные развернулись звенья,
Летели брызги, искры, жемчуга.

Но кто прошел? кто заглянул в туманы?
Игру, мечту — кто видел издали?..
Сплетались времена, сплетались страны,
Мы, не свершив, на север отошли.

2 июня 1902

* * *

Загадай и скройся в ночь,
И следи, одетый мраком:
За ночным росистым злаком
Выйдет северная дочь.

У нее в глазах мечта —
Отдаленное моленье.
Как у матери Христа,
Тайной силы откровенье.

Ризы длинные белей
Херувимских нежных крыльй.
Ах, в объятиях у ней
Сонмы девственные лилий...

Загадай и скройся в ночь,
И следи, одетый мраком:
Выйдет северная дочь
За вечерним гибким злаком...

2 июня 1902

ГОЛОСА

Первый голос

Грустнее не бывали думы.
Последних лет на рубеже
Бесцельно вслушиваюсь в шумы
На доцветающей меже.

Второй голос

Усыплён я земными тревогами,
Всё иное — певучий обман.
В тишине над святыми дорогами
Почивает безбрежный туман.

Первый голос

Не здесь ли верное жилище?
Кузнецик вечен, вечен злак.
Здесь встречаются богач и нищий,
Протянут руки друг и враг.

Второй голос

Но в тумане надежды затеряны,
И поют мои песни вдали.
До конца сочтены и измерены
Эти стоны недужной земли.

Первый голос

Земля зарделась не случайно,
Заря с луною вместе шла.
Передо мной, сгорая тайно,
Жена лазурная плыла.

Второй голос

Нет предела земному познанию,
Гладь земная видна далеко...
Нынче тягостно было свидание,
Завтра — снова светло и легко.

7—8 июня 1902. Шахматово

*Καὶ εἴδον οὐρανὸν καὶ γῆν καὶ γῆν
καίνην ὃ γῆ πρώτος οὐρανὸς καὶ ἡ
πρώτη γῆ παρὴλθε καὶ ἡ θάλασσα
εὐκ εστιν ετι. Καὶ τὴν πόλιν τὴν
ἀγιαν'Ιερουσαλήμ καινήν, εἴδον
καταβαίνουσαν ἐξ τοῦ οὐρανοῦ απὸ
τοῦθεοῦ ἣ τοι μασμένην ὥε
γύμφην κεκοσμήνην τῷ ἀνθρ
άντηζ.*

*'Αποκάλυψις, κα, 1—2**

Мы истомились в безмерности.
Вот мои песни — и дни.
Речи задумчивой верности —
Не сочтены ли они?

Нет. Еще всё не измерено.
Всё еще чую красу.
Знамя блаженства потеряно.
Я отыскал — и несу!

Страшные клятвы победные,
Невероятные сны.
Звуки могучие, медные,
Стоны моей глубины!

Что же? В последнем пылании
Ярче и громче обман!
Если не будет свидания, —
Пусть пролетит ураган!

Облако! Тени придвижнулись!
Вот — бездыханность близка.
Мы над землей опрокинулись,
Нам промечтались века!..

* И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от бога с неба, *приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего.* *Апокалипсис, (гл. 2), 1—2 (греч.). — Ред.*

Дева! Астарта! Невнятное!
Близко — и весело там!
Ах! Стережет необъятное.
Вот он — белеющий храм!..

О, неизбежное, милое...
О, Лучезарная, Ты?
Над незарытой могилою
Как побелели цветы!

Крики умолкли. В смятении
Нам промечтались века...
Смерть ли? О, нет, об успении
Дума уже высока...

Всё отступило из времени.
Сила пределов мертвa.
Память проклятого семени
Смыла Иная Молва.

Где вы, обильные матери
С грудью Сидонских богинь?
Пламень, бушующий в кратере,
Гибель цветущих пустынь?!

Знаменье — риза струящая
Неиссякающий свет.
Это — Жена восходящая —
Поздний, но верный ответ.

21 июня 1902

* * *

Они идут — туманные
С мерцающими в глазах.
На них одежды странные,
Вокруг — печаль и страх.

Несут обетования,
Но шаг их мерно-тих.

Ужасные желания
Когда-то были в них.

Они сердца кровавили,
Их слезы запеклись.
Кровавый ток оставили
И улетели в высь.

Теперь идут туманные,
Одежды их белы.
Но чудные, но странные,
Исполненные мглы.

*23 июня 1902
Канун Иванова дня*

* * *

Я помню тихий мрак и холод с высоты.
Там своды мрачные задумчиво чернели.
Там нити прочные сплетались, как мечты,
Здесь — думы грешные, сплетаясь, пламенели.

Там — лестницы взбегали к куполам,
И образа мерцали странным светом.
Недосыгаемым тогда казалось нам
Предаться пламенеющим обетам...

29 июня 1902

* * *

Ушли в туман мечтания,
Забылись все слова.
Вся в розовом сиянии
Воскресла синева.

Умчались тучи грозные,
И пролились дожди.
Великое, бесслезное!..
Надейся, верь и жди.

30 июня 1902

* * *

Вот снова пошатнулись дали,
Бегут, синеющие, в высь.
Открыли всё, что закрывали,
И, засмеявшись, вновь слились...

Пускай же долго без просвета
Клубятся тяжко облака.
Ты неизбежна, Дева Света,
Душа — предчувствием легка.

Она займется в час вечерний,
В прохладном таинстве струи,
И скроет свой восторг безмерный
В одежды белые Твои.

Июнь 1902

* * *

Хоронил я тебя, и, тоскуя,
Я растил на могиле цветы,
Но в лазури, звения и ликуя,
Трепетала, блаженная, ты.
И к родимой земле я клонился,
И уйти за тобою хотел,
Но, когда я рыдал и молился,
Звонкий смех твой ко мне долетел.
Похоронные слезы напрасны —
Ты трепещешь, смеешься, жива!
И растут на могиле прекрасной
Не цветы — огневые слова!

Июнь 1902

* * *

Когда смыкаешь ты ресницы,
Твоя душа себе берет
Прекрасный образ белой птицы
И в нем взрезает глади вод.

Июнь — июль 1902

* * *

Замерла береговая песня;
В стоне чайки — белоснежный зов.
В тишине — еще, еще чудесней
Дуновенья снежных облаков.

Июнь — июль 1902

* * *

Для меня возможны все желания,
И великие и малые мечты.
Мне понятны бездны, содрогания,
Тишина, и день, и ночь, и ты.

5 июля 1902

* * *

Исчезла, отлетела в высь.
Замолкла в сферах отдаленных.
Стезей лазурной поднимись
На крыльях светлых и влюбленных.

Там подними ее покров.
На стон ответствуй равным стоном.
Страну видений и духов
Могучим пронизай законом.

Лови, лови ее ответ.
Ты лучшие проводишь годы.
Там — впереди — ни звуков нет,
Ни снов, ни страсти, ни свободы.

Проснулся дремлющий орел
И к солнцу обратил зеницы.
И там, тоскующий, нашел
Стезю мятежной голубицы.

11 июля 1902

* * *

В дрожащем эфире
Светила купались чудесно.
Я думал о мире
С тобою, прелестной.

С тоскою о боже,
С тоскою в невольной разлуке —
На этой дороге
Мне слышались чудные звуки.

13 июля 1902

* * *

По узким площадям ловил я тень девицы,
Но камни и тоска, казалось, — заодно.
Я ночью ворожил перед окном светлицы, —
Не отворилось мне дрожащее окно.

Я птицей пролетел, бросая страсти крики,
И страстно верил я белеющим словам.
Я был перед тобой двуликий и безликий,
Я тень твою искал по узким площадям.

13 июля 1902

* * *

Сладко найти нам звезду.
Вот она — в небе видна.
Я осторожно приду —
Будем шептать имена.

К нашей родной стороне
Ты устремись — и не лги.
Вечер мой снова в огне,
День мой свершает круги.

18 июля 1902

* * *

Вечер мой в красном огне.
День мой свершает круги.
О, не вздыхай обо мне,
Юная, сердцем не лги.

Сонная дремлет земля,
Этих огней далека.
Выйдя вочные поля,
Мы углубимся в века.

19 июля 1902

* * *

Не знаю тебя и не встречу.
Больнее, но легче не встретить.
Лишь знак отреченья замечу —
И легче тебя обесцветить.

20 июля 1902

* * *

Ты знаешь ли тайну свободы
И распри недужной земли?
Бежали угрюмые годы,
Мы были от знанья вдали.

21 июля 1902

* * *

Зову тебя в дыму пожара,
В тревоге, в страсти и в пути.
Ты — чудодейственная кара,
К земле грозящая сойти.

Но в этом сумраке бездумном,
В отдохновительные дни —
Я полон мыслью о бесшумном,
И сердце прячется в тени.

О, пробуди на подвиг ратный,
Тревогой бранной напои!
Восторг живой и благодатный —
Бряцанья звонкие твои!

В суровом дуновеньи брани
Воспряну, вскрикну и пойму
Мечты, плывущие в тумане,
Черты, сквозящие в дыму!

26 июля 1902

* * *

Бедная, клонишься ты
В злую дорожную пыль.
Плачут степные цветы,
Плачет летучий ковыль.

Ветер тебя унесет,
Стоны замолкнут в пыли.
Солнце за горы падет —
Ты заиграешь в дали.

26 июля 1902

* * *

Как сон, уходит летний день,
И летний вечер только снится.
За ленью дальних деревень
Моя задумчивость таится.

Дышу и мыслю и терплю.
Кровавый запад так чудесен...
Я этот час, как сон, люблю,
И силы нет страшиться песен.

Я в этот час перед тобой
Во прахе горестной душою.
Мне жутко с песней громовой
Под этой тучей грозовою.

27 июля 1902

* * *

День таит в себе часы
Неизведанной красы.
Душный зной, дневная лень,
Отблеск дальних деревень.

27 июля 1902

* * *

Глухая странность бытия
Уже недолго будет сниться.
Пора в пустынные края,
В беззвездный сумрак погрузиться.

Исчёрпать влажные мечты,
Взломать удущливые своды,
Всползти на Башню Красоты
Под ураганом непогоды.

Вот я низвержен, истомлен,
Глупец, раздавленный любовью,
Как ясновидящий Самсон,
Истерзан и испачкан кровью.

28 июля 1902

* * *

Сегодня образ твой чудесен —
Наряд твой темен, взор твой дик.
Я — не певец веселых песен,
Но вечно плакать не привык.

Июль 1902

* * *

Подраж[ание] Вал. Брюсову

Ты простерла белые руки
И легла в задумчивый гроб.
Я стою и слушаю стуки,
У окошка — снежный сугроб.

Дышу — и думаю радостный:
«В этом теле я видел дрожь».
И трепет объемлет сладостный,
На полу — окровавленный нож.

Июль 1902

* * *

Проходил я холодной равниной,
Слышал громкие крики вдали,
Слышал жалобный зов лебединый,
Видел зарево в красной пыли.

Июль 1902

* * *

Инок шел и нес святые знаки.
На пути, в желтеющих полях,
Разгорелись огненные маки,
Отразились в пасмурных очах.

Он узнал, о чем душа сгорала,
Заглянул в бледнеющую высь.
Там приснилось, ветром нашептало:
«Отрок, в небо поднимись.

Милый, милый, вечные надежды
Мы лелеем посреди небес...»
Он покинул темные одежды,
Загорелся, воспарил, исчез.

А за ним — росли восстаний знаки,
Красной вестью вечного огня
Разгорались дерзостные маки,
Побеждало солнце Дня.

1 августа 1902

БОЕЦ

Я облачился перед битвой
В доспехи черного слуги.
Вам не спасти себя молитвой,
Остервенелые враги!

Клинок мой дьяволом отточен,
Вам на погибель, вам на зло!
Залог побед за мной упрочен
Неотвратимо и светло.

Ты не спасешь себя молитвой —
Дрожи, скрывайся и беги!
Я облачился перед битвой
В доспехи черного слуги.

13 августа 1902

* * *

Гашу огни моих надежд.
Со вздохом закрываю окна.
Бегут мечтой твоих одежд —
Прозрачных облаков волокна.

Но медленный грозит закат, —
Уж легкий пурпур их окрасил.
Я приближенью ночи рад:
Я в ней себя обезопасил.

13 августа 1902

* * *

Священный голос ликовал,
Душа сияла и курилась.
Там купол небо раскрывал,
И богородица молилась.

13 августа 1902

* * *

Скиталец задремал в пути,
И богослов забыл о боге.
Не мне ль погаснуть и уйти
От неизведанной тревоги?

13 (?) августа 1902

* * *

Всё, чем дышал я,
Чем ты жила,
Вчера умчал я
В пустыню зла.

Там насажу я
Мои цветы.
В гробу вздохну я —
Услышишь ты

О темной дали
Великих лет,
Когда мы знали
Вечерний свет.

14 августа 1902

* * *

Тебе, Тебе, с иного света,
Мой Друг, мой Ангел, мой Закон!
Прости безумного поэта,
К тебе не возвратится он.

Я был безумен и печален,
Я искушал свою судьбу,
Я золотистым сном ужален
И чаю таинства в гробу.

Ты просияла мне из ночи,
Из бедной жизни увела,
Ты долу опустила очи,
Мою Ты музу приняла.

В гробу я слышу голос птичий,
Весна близка, земля сыра.
Мне золотой косы девичьей
Понятна томная игра.

14 августа — 1 сентября 1902

* * *

Моя душа в смятеньи страха
На страже смерти заждалась,
Как молодая Андромаха
В печальный пеплум облеклась.

Увы, не встанет Гектор новый,
Сражен Ахиллом у стены,
И долговечные оковы
Жене печальной судьбы.

Вот он ведет ее из брани —
Всесокрушающий Ахилл,
И далеко, в горящем стане,
Сраженья затихает пыл.

15 августа 1902

* * *

Ночи стали тоскливеев,
Безысходнее — дни.
Ты еще молчаливеев
Притаилась в тени.

19—20 августа 1902

* * *

Прости. Я холодность заметил
Равно — в тревоге и в тиши.
О, если бы хоть миг был светел
Бесцельный май твоей души!

О, если б знала ты величье
Неслыханное бытия!
О, если б пало безразличье,
Мы знали б счастье — ты и я!

Но это счастье невозможно,
Как невозможны все мечты,
Которые порою должно
Моей душе внушаешь ты.

26 августа 1902

* * *

Месяц вышел, солнца нет,
Лишь зари вечерний свет.
Отдаленного набата
Голос тягостный плывет,
Но душа цвела когда-то
И теперь еще цветет.

Август 1902

* * *

Подумай о подземном шуме.
Мое ты сердце утиши.
Быть может, и в минутной думе
Скажусь любовью для души.

Август 1902

* * *

Давно хожу я под окнами,
Но видел ее лишь раз.
Я в небе слежу за волокнами
И думаю: день погас.

Давно я думу печальную
Всю отдал за милый сон.
Но песню шепчу прощальную
И думаю: где же он?

Она окно занавесила —
Не смотрит ли милый глаз?
Но сердцу, сердцу не весело:
Я видел ее лишь раз.

Погасло небо осенне
И розовый небосклон.
А я считаю мгновения
И думаю: где же сон?

7 сентября 1902

ГОЛОСА

Предоставьте мертвым по-
гребать мертвецов.

(Евангелье)

Он не властен прийти:
он убит на пути,
Он в могилу зарыт, он мертвец.

(Вальтер Скотт)

Первый голос

Я — свободный глашатай веков.
Я — слуга у моей госпожи.
Укажи мне называнье цветов,
Ей любимых цветов — укажи.

Второй голос

У высоких заброшенных стен,
Где впервые запомнил ты плен,
Там кусты притаились вербен,
Ярко-красных, кровавых вербен.

Первый голос

Кто ж, похитчик, душою не слаб?
Кто, покрытый ночной темнотой?
Будет он господин или раб —
Но не я, а другой?

Второй голос

Да, поутру, веселый, к крыльцу
Подойдет — и у сердца цветы.
Он не раб — господин: по кольцу,
По дрожащей руке, по лицу
Ты узнаешь, по знаку кровавой мечты.

Первый голос

Чтоб мне тайна кровавых цветов!
Чтоб мне лик господина — скажи!
Я — свободный глашатай веков.
Я — слуга у моей госпожи.

8 сентября 1902

* * *

Стремле́нья сердца непомерны,
Но на вершинах — маяки.
Они испытаны и верны,
И бесконечно далеки.
Там стерегут мое паденье
Веселых ангелов четы.
Там лучезарным сновиденьем
В лазури строгой блещешь Ты.
Призвал ли я Тебя из праха,

Иль Ты Сама ко мне сопла,
Но, неизведенного страха,
Душа, вкушивши, замерла...

15—30 сентября 1902

* * *

Передо мной — моя дорога,
Хранитель вьется в высоте:
То — ангел, ропщущий на бога
В неизъяснимой чистоте.

К нему не долетают стоны,
Ему до неба — взмах крыла,
Но тайновиденья законы
Еще земля превозмогла.

Он, белокрылый, звонко бьется,
Я отразил его мятеж:
Высоко песня раздается, —
Здесь — вздохи те же, звуки те же.

И я тянусь, подобный стеблю,
В голубоватый сумрак дня,
И тайно вздохами колеблю
Траву, обнявшую меня.

30 сентября 1902

* * *

Все огни загораются здесь.
Там — туманы и мертвенный дым, —
Безначальная хмурая весь,
С ней роднюся я духом моим.
Но огни еще всё горячи,
Всё томлюсь в огневой полосе...
Только дума рождает ключи,
Холодающий сон о красе...
Ах, и дума уйдет и замрет,

Будет прежняя сила кипеть,
Только милая сердцу вздохнет,
Только бросит мне зов — улететь.
Полетим в беззаконную весь,
В вышине, воздыхая, замрем...
Только ужас рождается здесь.
Там — лишь нежная память о нем.

Сентябрь 1902

* * *

Я ждал под окнами в тени,
Готовый гибнуть и смеяться.
Они ушли туда — одни —
Любить, мечтать и целоваться.

Рука сжимала тонкий нож.
В лохмотьях, нищий, был я жалок.
Мечтал про счастье и про ложь,
Про белых, девственных русалок.

И, дрогнув, пробегала тень,
Спешил рассеянный прохожий.
Там смутно нарождался день,
С прошедшим схожий и несхожий.

И вот они — вдвоем — одни...
Он шепчет, жмет, целует руки...
И замер я в моей тени,
Раздавлен тайной серой скуки.

Сентябрь 1902

* * *

О легендах, о сказках, о мигах:
Я искал до скончания дней
В запыленных, зачитанных книгах
Сокровенную сказку о Ней.

Об отчаянья муки напрасной:
Я стою у последних ворот
И не знаю — в очах у Прекрасной
Сокровенный огонь, или лед.

О последнем, о светлом, о зыбком:
Не открою, и дрогну, и жду:
Верю тихим осенним улыбкам,
Золотистому солнцу на льду.

17 октября 1902

* * *

Они живут под серой тучей.
Я им чужда и не нужна.
Они не вспомнят тех созвучий,
Которым я научена.

Я всё молчу и всё тоскую.
Слова их бледны и темны.
Я вспоминаю голубую
Лазурь родимой стороны.

Как странно им на все вопросы
Встречать молчанье и вопрос!
Но им приятно гладить косы
Моих распущеных волос.

Их удивленье не обидно,
Но в предвечерние часы
Мне иногда бывает стыдно
Моей распущенной косы.

Октябрь 1902

* * *

Мысли мои утопают в бессилии.
Душно, светло, безотрадно и весело.
Ты прозвеневшая в странном обилии,
Душу мою торжеством занавесила.

Нет Тебе имени, Неизреченная,
Ты — моя тайна, до времени скрытая,
Солнце мое, в торжество облеченное,
Чаша блаженная и ядовитая!

Октябрь 1902

7—8 НОЯБРЯ 1902 ГОДА

Осанна! Ты входишь в терем!
Ты — Голос, Ты — Слава Царицы!
Поем, вопием и верим,
Но нас гнетут багряницы!
Мы слепы от слез кровавых,
Оглушенные криками тлений.

Но Ты в небывальных славах
Принесла нам вздохи курений!

7—8 ноября 1902

* * *

Загляжусь ли я в ночь на метелицу,
Загорюсь и погаснуть не в мочь.
Что в очах Твоих, красная девица,
Нашептала мне синяя ночь.

Нашепталась мне сказка косматая,
Нагадал заколдованый луг

Про тебя сновиденья крылатые,
Про тебя, неугаданный друг.

Я завьюсь снеговой паутиною,
Поцелуи, что долгие сны.
Чую сердце твое лебединое,
Слышу жаркое сердце весны.

Нагадала Большая Медведица,
Да колдунья, морозная дочь,
Что в очах твоих, красная девица,
На челе твоем, синяя ночь.

12 ноября 1902

* * *

Ушел я в белую страну,
Минуя берег возмущенный.
Теперь их голос отдаленный
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

Им нет числа. В своих гробах
Они замкнулись неприступно.
Я знаю: больше чем преступно
Будить сомненье в их сердцах.

Я кинул их на берегу.
Они ужасней опьяненных.
И в глубинах невозмущенных
Мой белый светоч берегу.

16 ноября 1902

* * *

Мы проснулись в полном забвении —
в полном забвении.
Не услышали ничего. Не увидели никого.
Больше не было слуха и зрения —
слуха и зрения...

Колыхались, качались прекрасные —
венчались прекрасные
Над зыбью Дня Твоего...
Мы были страстные и бесстрастные —
страстные и бесстрастные.

Увидали в дали несвязанной —
в дали нерассказанной
Пересвет Луча Твоего.
Нам было сказано. И в даль указано.
Всё было сказано. Всё рассказано.

23 ноября 1902

* * *

Золотит моя страстная осень
Твои думы и кудри твои.
Ты одна меж задумчивых сосен —
И поешь о вечерней любви.

Погружаясь в раздумья лесные,
Ты училась меня целовать.
Эти ласки и песни ночные —
Только ночь — загорятся опять.

Я страстнее и дольше пробуду
В упоенных объятьях твоих
И зарей светозарному чуду
Загорюсь на вершинах лесных.

Ноябрь 1902

* * *

Любопытство напрасно глазело
Из щелей развратных притонов.
Окно наверху потемнело —
Не слышно ни вздохов, ни стонов.

Недовольные, сытые люди,
Завидуйте верхнему счастью!
Вы внизу — безвластные судьи,
Без желаний, без слез, без страсти.

Мы прошли желанья и слезы,
Наши страсти открыли тайны.
И мы с высоты, как грозы,
Опалили и вас — случайно...

13 декабря 1902

ОТИШЕДШИМ

Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду
И в этих камышах увижу всё, что мило.
Осиротел мой пруд. Но сердце не остыло.
В нем всё отражено — и возвращений жду.

Качаются и зеленеют травы.
Люблю без слов колеблемый камыш.
Всё, что ты знал, веселый и кудрявый,
Одной мечтой найдешь и возвратишь.

Дождусь ли здесь условленного знака,
Или уйду в ласкающую тень, —
Заря не перейдет, и не погаснет день.

Здесь тихо и светло. В душе не будет мрака.
Она перенесла — и смотрит сквозь листву
В иные времена — к иному торжеству.

22 января 1903

* * *

Днем за нашей стеной молчали, —
Кто-то злой измерял свою совесть.
И к вечеру мы услыхали,
Как раскрылась странная повесть.

Вчера еще были объятья,
Еще там улыбалось и пело.
По крику, по шороху платья
Мы узнали совершенное дело.

Там в книге открылась страница,
И ее пропустить не смели...
А утром узнала столица
То, о чем говорили неделю...

И всё это — здесь за стеною,
Где мы так привыкли к покою!
Какой же нам-то ценою
Досталось счастье с тобою!

29 января 1903

* * *

Никто не умирал. Никто не кончил жить.
Но в звонкой тишине блуждали и сходились.
Вот близятся, плывут... черты определились...
Внезапно отошли — и их не различить.

Они — невдалеке. Одна и та же нить
Связует здесь и там; лишь два пути открылись:
Один — безбурно ждать и юность отравить,
Другой — скорбеть о том, что пламенно молились...

Внимательно следи. Разбей души тайник:
Быть может, там мелькнет твое же повторенье...
Признаешь ли его, скептический двойник?

Там — в темной глубине — такое же томленье
Таких же нищих душ и безобразных тел:
Гармонии безрадостный предел.

12 марта 1903

* * *

Всё тихо на светлом лице.
И росистая полночь тиха.
С немым торжеством на лице
Открываю грани стиха.

Шепчу и звеню, как струна.
То — ночные цветы — не слова.
Их росу убелила луна
У подножья Ее торжества.

19 марта 1903

* * *

Нет, я не отходил. Я только тайны ждал
И был таинственно красив, как ожиданье.

Но Ты не приняла вечернего молчанья,
Когда я на заре Тебя лишь различал.

Ты бурно вознесла Единственную Весть,
Непобедимую Зарницу Откровений...

Ты, в сумрак отойдя, Сама не можешь счастье
Разбросанных лучей Твоих Преображений!

2 апреля 1903

* * *

(ПРИ ПОСЫЛКЕ БЕЛОЙ АЗАЛИИ)

Вот они — белые звуки
Девственны-горных селений...
Девушки бледные руки,
Белые сказки забвений...
Медленно шла от вечерни,
Полная думы вчерашней...
У колокольни вечерней
Таяли белые башни...
Белые башни уплыли,
Небо горит на рассвете.
Песню цветы разбудили —
Песню о белом расцвете...

5 апреля 1903. Пасха

* * *

Кто заметил огненные знаки,
Не уйдет безмолвный прочь.
Ты светла — и в светлом зраке
Отражаешь ночь.

Есть молчанье — тягостное горе,
Вздохи сердца у закрытых врат.
Но в моем молчанье — зори
Тают и горят.

Ты взойдешь в моей немой отчизне
Ярче всех других светил
И — поймешь, какие жизни
Я в Тебе любил.

13 апреля 1903

* * *

Мой остров чудесный
Средь моря лежит.
Там, в чаще древесной,
Повесил я щит.

Пропал я в морях
На неясной черте.
Но остался мой страх
И слова на щите.

Когда моя месть
Распевает в бою,
Можешь, Дева, прочесть
Про душу мою.

Можешь Ты увидать,
Что Тебя лишь страшусь
И, на черную рать
Нападая, молюсь!

Апрель 1903

* * *

Разбушуются бури, прольются дожди,
Разметут и размоют пути.
Нас, разбитых, заменят иные вожди,
Чтоб иными путями вести.

Так уходят года, за годами века, —
То же золото милой косы.
О, изменник, пойми эту прелесть цветка,
Этот сон неизменной красы!

Ты — чужой для меня, и другая весна
Для тебя, мой судья, суждена.
Но пойми, как отрадно из смертного сна
Услыхать про *свои* знамена!

Весна 1903

* * *

Нам довелось еще подняться,
Не раз упав, не раз устав,
Опять дышать и разгораться
Свершенностью забытых трав.

Взойдя на пыл грядущей пашни,
Подкравшись к тающей дали,
Почуял дух простор вчерашний,
Давно утраченный в пыли.

Еще не время ставить терем,
Еще красавица не здесь,
Но мы устроим и измерим
Весной пылающую весь.

В зеленом сумраке готова,
Как зданья нового скелет,
Неколебимая основа
Вчерашних незабытых лет.

На переходах легких лестниц
Горят огни, текут труды.
Здесь только ждут последних вестниц
О восхождении звезды.

*2 мая 1903
Поле за Петербургом*

* * *

Моя сказка никем не разгадана,
И тому, кто приблизится к ней,
Станет душно от синего ладана,
От узорных лампадных теней.

Безответное чуждым не скажется,
Я открою рекущим: аминь.

Только избранным пояс развязется,
Окружающий чресла богинь.

Я открою ушедшим в познание,
Опаленным в горниле огня,
Кто придет на ночное Свидание
На исходе четвертого дня.

8 мая 1903

* * *

Если только она подойдет —
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосвод...
Голубая спокойная гладь.

Кто прикикал моих лебедей?
Кто над озером бродит, смеясь?
Неужели средь этих людей
Незаметно Заря занялась?

Всё равно — буду ждать, буду ждать...
Я один, я в толпе, я — как все...
Окунусь в безмятежную гладь —
И всплыну в лебединой красе.

3 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Очарованный вечер мой долгий,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зеленые нивы Твои.

Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...

Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...

Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.
Всё, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.

Всё, что в сердце, смежило ресницы,
Но, едва я заслыши: «Лети», —
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути...

11 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Мы оба влюблены в один и тот же сон,
Нас вынесла волна — и укатилась с шумом.
Ты ль жарче влюблена, иль я страстией влюблен,
Какое дело нам! Мы не поверим думам!

15 июня 1903

* * *

Я живу в пустыне.
Нынче, как вчера.
Василек мой синий,
Я твоя сестра.

Низкие поклоны
Мне кладут цветы.
На меже зеленой
Князь мой, милый, ты.

Милый мой, не скрою,
Что твоя, твоя...
Не дает покою
Думушка моя.

Друг мой, князь мой милый
Пал в чужом kraю.
Над его могилой
Песни я пою.

24—28 июня 1903

ЗАКЛИНАНИЕ

Луна взошла. На вздох родимый
Отвечу вздохом торжества,
И сердце девушки любимой
Услышит страстные слова.

Слушай! Повесила дева
Щит на высоком дубу,
Полная страстного гнева,
Слушает в далях трубу.

Юноша в белом — высоко
Стал на горе и трубит.
Вспыхнуло синее око,
Звук замирает — летит.

Полная гневной тревоги
Девушка ищет меча...
Ночью на горной дороге
Падает риза с плеча...

Звуки умолкли так близко...
Ближе! Приди! Отзовись!
Ризы упали так низко.
Юноша! ниже склонись!

Луна взошла. На вздох любимой
Отвечу вздохом торжества.
И сердце девы нелюдимой
Услышит страстные слова.

Июнь 1903. Bad Nauheim

* * *

Мои грехи тяжеле бед
Перед Тобой, моя Душа.
Когда был жив мой старый дед,
Я был задумчивей пажа.

Но деды старые ушли,
И я оплакал каждый гроб.
Сегодня жницы принесли,
Как в старину, последний сноп.

И вновь с заржавленным серпом
Старуха стала у крыльца,
Как встарь, когда я был пажом
Без обручального кольца.

Когда я был тоскливой дня,
Когда улыбка мне не шла,
Когда Ты встретила меня
И, безответная, прошла.

Когда все те, кто ныне там,
Печально доживали здесь,
Когда мне был единий храм —
Суровый дол, немая весь.

18 июля 1903

* * *

Один среди вас, но родной, но чужой,
Расцвету я, свободный и сильный душой.
И не знаю, в какую страну полечу,
Но наверное знаю, что вас не хочу!

Июль 1903

* * *

Мне трижды дано воспрянуть
И трижды душой изнемочь.
Но не знаю — скоро ль увянуть,
И быстра ль трехвенечная ночь?

6 августа 1903

* * *

Горит мой день, будя ответы
В сердцах, приявших торжество.
Уже зловещая комета
Смутилась заревом его.

Она бежит стыдливым бегом,
Оставив красную черту,
И гаснет над моим ночлегом
В полуразрушенном скиту.

8 августа 1903

* * *

Я мог бы ярче просиять,
Оставив след на синей влаге.
Но в тихо-сумрачном овраге
Уже струится благодать.

И буду верен всем надеждам.
Приму друзей, когда падут.
Пусть в тихом сне к моим одеждам
Они, избитые, прильнут.

Но эта *Муз*а не выносит
Мечей, пронзающих врага.
Она косою мирной косит
Головку сопнного цветка.

15 сентября 1903

ОТВЕТ

C. M. Соловьеву

Сквозь тонкий пар сомнения
Смотрю в голубоватый сон.
В твоих словах — веления
И заповедь святых времен.
Когда померкнут звонкие
Раздумья трехвенечных снов,
Совыются нити тонкие
Немеркнувших осенних слов.
Твои слова — любимый клик,
Спокойный зов к осенним дням,
Я их люблю — и я привык
Внимать и верить глубинам.
Но сам — задумчивей, чем был,
Пою и сдерживаю речь.
Мой лебедь здесь, мой друг приплыл
Мою задумчивость беречь.

19 сентября 1903

* * *

Неизмеримость гасит луны,
Закон крушится о закон.
Но мы найдем такие струны,
Которым в мире нет имен.

Мы не напрасно вместе, вместе,
И бродим, бродим меж людьми,
Друг другу верны — до свиданья
Перед последними дверьми.

15 октября 1903

* * *

Спустись в подземные ущелья,
Земные токи разбуди,
Спасай, спасай твое веселье,
Спасай ребенка на груди!

Уж поздно. На песке ложбины
Лежит, убита горем, мать.
Холодный ветер будет в спину
Тебе, бегущему, хлестать!

Но ты беги, спасай ребенка,
Прижав к себе, укутав в плащ,
И равномерным бегом звонко
Буди, буди нагорный хрящ!

Успеешь добежать до срока,
Покинув горестную мать,
И на скале, от всех далекой,
Ему — ребенку — имя дать!

21 ноября 1903

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПОРА

И. Д. Менделееву

Ты кормчий — сам, учитель — сам.
Твой путь суров. Что толку в этом?
А я служу Ее зарям,
Моим звездящимся обетам.
Я изменений сон люблю,
Открытый ветру в час блужданий.
Изменник сам — не истреблю
Моих задумчивых гаданий.
Ты также грезишь над рулем,

Но ветх твой челн, старо кормило,
А мы в урочный час придем —
И упадет твое ветрило.
Скажи, когда в лазури вдруг
Заплещут ангелы крылами,
Кто первый выпустит из рук
Свое трепещущее знамя?

2 декабря 1903

* * *

Протянуты поздние нити минут,
Их все сосчитывают и нам отдадут.
«Мы знаем, мы знаем начертанный круг» —
Ты так говорила, мой Ангел, мой Друг.
Судьбой назвала и сказала: «Смотри,
Вот только: от той до последней зари.
Пусть ходит, тревожит, колеблет ночник,
Твой бледный, твой серый, твой жалкий
двойник.

Все нити в Одной Отдаленной Руке,
Все воды в одном голубом роднике,
И ты не поднимешь ни края завес,
Скрывающих ужас последних небес».
Я знаю, я помню, ты так мне велишь,
Но ты и сама эти ночи не спишь,
И вместе дрожим мы с тобой по ночам,
И слушаем сказки, и верим часам...
Мы знаем, мы знаем, подруга, поверь:
Отворится поздняя, древняя дверь,
И Ангел Высокий отворит гробы,
И больше не будет соблазна судьбы.

28 декабря 1903

* * *

Я кую мой меч у порога.
Я опять бесконечно люблю.
Предо мною вьется дорога.
Кто пройдет — того я убью.

Только ты не пройди, мой Глашатай.
Ты вчера промелькнул на горе.
Я боюсь не Тебя, а заката.
Я — слепец на вечерней заре.

Будь Ты ангел — Тебя не узнаю
И смертельной сталью убью:
Я сегодня наверное чаю
Воскресения мертвых в раю.

28 декабря 1903

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГОРАЦИЙ

* * *

Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит,
Мы, Левконы, богов оскорбляем страстью познанья.
Пусть халдеи одни ум изощряют в гаданьи,
Мы же будем довольны нашим нынешним счастьем.
Дева! узнать не стремись, когда перестанет Юпитер
Скалы у брега крошить волнами Тирренского моря.
Будь разумна, вино очищай для верного друга;
Что в напрасных сомненьях жизнь проводить молодую?
Век завистливый быстро умчится среди рассуждений,
Ты же светлое время лови, — от мглы удаляйся.

28 января 1898

LIBER II. CARMEN XX

Не на простых крылах, на мощных я взлечу,
Поэт-пророк, в чистейшие глубины,
Я зависти далек, и больше не хочу
Земного бытия, и городá покину.

Не я, бедняк, рожденный средь утрат,
Исчезну навсегда, и не меня, я знаю,
Кого возлюбленным зовешь ты, Меценат,
Предаст забвенью Стикс, волною покрывая.

Уже бежит, бежит шершавый мой убор
По голеням, и вверх, и тело человечье
Лебяжьим я сменил, и крылья лишь простер,
Весь оперился стан — и руки, и заплечья.

Уж безопасней, чем Икар, Дэдалов сын,
Бросаю звонкий клич над ропщущим Босфором,
Минуя дальний край полунощных равнин,
Гетульские Сирты окидываю взором.

Меня послышит Дак, таящий страх войны
С Марсийским племенем, и дальние Гелоны,
Изучат и узрят Иберии сыны,
Не чуждые стихов, и пьющий воды Роны.

Смолкай, позорный плач! Уйми, о, Меценат,
Все стоны похорон, — печали места нету,
Зане и смерти нет. Пускай же прекратят
Надгробные хвалы, не нужные поэту.

16 октября 1901

МЮССЕ

* * *

Открою ль, дерзновенный,
Названье девы милой?
За власть над всей вселенной
Назвать ее нет силы!

Прославим в песнях страстных,
В веселой шумной пляске
Поток кудрей прекрасных,
Любовь мою, как в сказке!

Причуды все прелестной
Давно мне только в сладость!
Захочет — жизнь небесной
Отдам, — а в сердце радость!

Прекрасная не знает,
Что я люблю так жарко...
Пускай душа сгорает
В ее незнанье ярко!

Любовь моя — порука,
Что имя я лишь знаю!
За имя в смертных муках
Окончить жизнь желаю!

25 ноября 1898

КАРПАНИ

In questa tomba oscura lascia mi riposar... *

В этой мрачной гробнице,
О, дайте мне отдохнуть!
Милая роза — денница,
Приди о милом вздохнуть...

Февраль (?) 1899

* Оставь меня покойиться в этой темной могиле... (итал.).—
Ред.

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И СЦЕНКИ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ РЕЙНА

Рейн — чудесная река,
Хоть не очень широка.
Берега полны вином,
Полон пивом каждый дом,
Замки видны вдалеке,
Немки бродят налегке,
Ждут прекрасных женихов
И гоняют пастухов.
Скалы мрачные висят,
Немцы гадостью дымят,
Лёрлей нежная сидит
И печально так глядит,
Как победная Денкмаль
Кулаком грозит французу
И Термаль пускает в Узу.

6 июня 1897

* * *

Пойдем купить нарядов и подарков,
По улице гуляя городской.
Синеют васильки, алеют розы ярко,
Синеют васильки, люблю тебя, друг мой.

Вчера в мой дом Владычица явилась
В одежде, затканной прекрасно и чуднѣ,
И, указав на складки, где таилось
Мое дитя, сказала: «Здесь оно».
Скорей идти я в город снарядилась
Купить наперсток, нитки, полотно.

Пойдем купить нарядов и подарков,
По улице гуляя городской.

Владычица! Я лентами цветными
Расшила колыбель обещанной Твоей,
Пусть бог дарит звездами золотыми,
А мне дитя всех звезд его милей!
«Чтò делать мне с полотнами большими?» —
«Приданое для дочери моей».

Синеют васильки, алеют розы ярко,
Синеют васильки, люблю тебя, друг мой.

Ей платье и убор приготовляя,
К реке спешите полотно обмыть,
Ее убор богато расшивая,
Хочу его цветами нарядить.
«Ребенка нет! Чтò делать? — Для меня я
Прошу вас полотняный саван сшить».

Пойдем купить нарядов и подарков,
По улице гуляя городской,
Синеют васильки, алеют розы ярко,
Синеют васильки, люблю тебя, друг мой.

22 января 1899

* * *

Плевелы от пшеницы жезл
твердо отбивает,
Розга буйство из сердец
детских прогоняет.

Права русского исторью
Уподоблю я громам,
Что мешают мне на взморье
Уходить по вечерам.

Впереди ж (душа раскисла!)
Ждет меня еще гроза:
Статистические числа,
Злые Кауфмана глаза...

Мая до двадцать второго
Не «исхичу я из тьмы»
Имя третьекурсового
Почитателя Козьмы.

26 апреля 1901

СИНИЙ КРЕСТ

Швейцар, поникнув головою,
Стоял у отпerteых дверей,
Стучал ужасно булавою,
Просил на водку у гостей...

Его жена звалась Татьяна...
Читатель! С именем таким
Конец швейцарова романа
Давно мы с Пушкиным крестим.
Он знал ее еще девицей,
Когда, невинна и чиста,
Она чулки вязала спицей
Вблизи Аничкова моста.

Но мимо! Сей швейцар ненужный
Помехой служит для певца.
Пускай в дверях, главой недужной
Склоняясь, стоит он до конца...

Итак... В гостиной пышной дома
Хозяйка — старая корга —
С законом светским незнакома,
Сидела, словно кочерга...
Вокруг сидели дамы кругом,
Мой взор на первую упал.
Я не хотел бы быть супругом
Ее... Такой я не видал
На всем пути моем недальном...
Но дале... Около стола,
Склоняясь к нему лицом печальным,
Она сидела... и ждала...
Чего? Ждала ли окончанья,
Иль просто чаю, иль... Но вот
Зашевелилось заседанье:
В дверях явился бегемот...

Какого пола или званья —
Никто не мог бы отгадать...
Но на устах всего собранья
Легла уныния печать...

И заседанье долго длилось,
Лакеи чаю принесли,
И всё присутствие напилось
Питьем китайского земли...
К чему ж пришли, читатель спросит.
К чему? Не мне давать ответ.
Девятый вал ладью выносит,
Уста сомкнулись, и поэт
Умолк... По-прежнему швейцара
На грудь ложилась голова...
Его жена в карете парой
С его кузеном убегла.

1901 (?)

ТРАГЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Действующие лица

Местность

Время:

Незадолго до падения Вавилонской башни

Издание 1901 года

Боблово

ЯВЛЕНИЕ I

Он

(Читает газету. Отрываясь, через некоторое время)

Пора сместьть!

Молчание. Снова углубляется. Еще настойчивее:

Пора сместьть!!

Она

(входя)

Кого же?

Он безмолвен.

Она

(настойчивее)

Кого же, милый мой?

Он

Да ну же, не мешай!

(Снова углубляется)

Она

(в сторону)

Уж не министров ли? Но сколько и каких?
Ужели всех? Слыхала я когда-то,
Что некий был мудрец, который всех смешил,
Но заменить не мог, как ни старался.
Текли годы, увяло государство,
Но он по-прежнему их заменить не мог.

О н
(снова разгоряченно)

О! господи! Когда же наконец
Всё это прекратится?

О на
(всё вспоминая)

А еще я помню:
Курсисток толпы в улицах смятенных
Рыдая шли... И пеплом посыпали
Главы свои в неистовстве великому.
Спросила я причину бед, но быстро
Ко мне подкрался полицейский мрачный,
И мнила я — мне казни не избежнуть,
Когда б не Клейтельс!

О н
(быстро отрываясь)

Если б это имя,
Навеки стертое с страниц газетных,
Историком поругано, навеки
Ушло из памяти твоей!

О на
(наивно)

А чём же
Не нравится тебе оно?.. Казалось
Всегда мне, что и в мире нету краше,
А ты его бранишь...

О н
(вставая грохно)

Оставь мечты.

А то смотри, погибнем я и ты.

Уходит.

О на
(растерянно)

О, как сердит он нынче... неспроста.
Должно быть, голова его пуста...

СТИХИ

«Обыкновенная» сегодня в духе:
Она сидит и думает о мухе.
(О чём и думать? — Но таков закон:
Когда у ней нет в мысли Рогачева —
Всё остальное вовсе нездорово.)
Кто ж будет тот, кто назовётся: «он»?
• • • • • • • • • • • *

14 августа 1902

* * *

(*Ante Lucem*) **

Прикорнувши под горою,
Мистик молит о любви
Но влеченье половое
Скептик чувствует в крови.
Как тут быть? Деревня близко,
А усадьба далека.
Грязью здешней одалиски
Не смутишь ты дурака.

Мистик в поле (экий дурень!)
Стосковался и заснул.
Скептик, ловок и мишурен(!),
В деревеньку заглянул.
Видит он — на сеновале
Дева юная храпит,
На узорном одеяле,
Распластавшия, лежит.

• • • • • • •

14 августа 1902

* Сии строки, предполагавшиеся, пропущены недаром.
Хотя они и не были сочинены, но были бы нецензурны. *Censor scepticus*.

** До Света (лат.). — Ред.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ, ИЛИ ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ!

«Политический» памфлет, запрещенный в России

Когда я спал — ко мне
явился дьявол
И говорит: «Я сделал всё, что
мог...»

К. Бальмонт

Посеял я двенадцать маков
На склоне голубой мечты.
Когда я спал — явился Яков
И молча вытащил цветы.
Меж тем, проснувшись, с длинной лейкой
Я вышел поливать цветник.
Хотя б один «листочек клейкий»
Оставил пакостный старик!
Я сел в беседке, роковому
Поступку не придав цены,
Решив, однако, к мировому
Его представить седины.
Бесстыдник чуял, что последствий
Он избежать уже не мог:
Он обронил в поспешном бегстве
Изящный носовой платок —
С своей *неизгладимой* меткой...
Но всё загладить * пожелав,
Преступник встал перед беседкой
С «корнями неизвестных трав». **
Те травы, с моего согласья,
Он предложил мне посадить,
Прибавив: «Дочь мою, Настасью,
Пришлю сегодня же полить».
И я одобрил предложение
Полупрезрительным кивком,
Настасья полила растения,
Старик ушел с своим платком.

* Следует обратить внимание на мастерскую игру слов.

** Из стихотворения Леонида Семенова.

Когда взошла его крапива
(Я так и знал, хотя был строг!),
Старик, взойдя на холм, игриво
Сказал: «Я сделал всё, что мог —
И положил в карман спесиво
Изящно вышитый платок. *

Июнь 1903. Bad Nauheim

⟨АНДРЕЮ БЕЛОМУ⟩

«Опрокинут, канул в бездну»
Зинаидин грозный щит,
Ах! сражаться бесполезно
С той, которая ворчит.

Завтра буду с Соколовым
На извозчике — вдвоем!
Мы Семенова с Смирновым
И с Кондратьевым найдем!

Жду московского ответа
И еще — Вас самого,
Чтоб Вы видели поэта
Прежде гнусного портрета,
Коий будет снят с него.

⟨10 ноября 1903⟩

* Запрещенный смысл этого стихотворения — политика любой державы.

**ШУТОЧНЫЕ СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ ПРИ УЧАСТИИ
А. БЛОКА**

* * *

Если хочешь ты лимону,
Можешь кушать апельсин.
Если любишь Антигону,
То довольствуйся, мой сын,
Этой Фёклой престарелой,
Что в стряпне попаторела.

11 апреля 1898

«ИЗ БОДЛЭРА»

Посмотри на альбатроса,
Закутивши папиросу,
Как он реет над волной...
Повернись к нему спиной,
Чтоб в дыму от папиросы
Не чихали альбатросы.
Вон вдали идут матросы,
Неопрятны и курносы...
Затуши ее скорей,
А не то потухнуть ей
От дыхания матроса...
Не кури же папиросы...

11 апреля 1898

Посвящаю тся

I. Л. В. ХОДСКОМУ

Ты негодуешь справедливо,
Не приглашенный в Комитет!
Зато в Совете узришь живо,
Что эта роль тебе нейдът,
И, покраснев, уйдешь стыдливо
В давно желаемый буфът.

II. Н. И. КАУФМАНУ

... Но в тумане улицы длинной
Негодующий Кауфман идет.
Студент с головою повинной
Пред ним в незнанье встает.
Из школы шитья и кройки
Глядят насмешливо вниз,
И печальны, и слишком бойки,
Опершись на звонкий карниز.
И глядят, глядят в упоеньи,
Как студенты, под гнетом числ,
Растерявшись, в полном смятеньи
Потеряли последний смысл.

* * * * *

III. К. БАЛЬМОНТУ

Он у окна съедал свои котлеты.
Взошла луна,
Когда съедал последние котлеты
Он у окна.
Он у стола, кончая каравай,
Тихонько ныл,
Когда кругом кричали попугай
И сетер выл.

И смех его Грибóвские хоромы
Не озарял,
И их гостям тоскующей истомы
Не прогонял.
Но из окна последние котлеты
Бросая вниз,
Он замарал троттуары и кареты
И весь карнiз...

21 мая 1901

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПРЕДИСЛОВИЕ К «СОБРАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ»

Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы*; из нескольких глав составляется *книга*; каждая книга есть часть *трилогии*; всю трилогию я могу назвать «романом в стихах»: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни.

С.-Петербург.
9 января 1911 г.

II. ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К ПЕРВОЙ КНИГЕ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ» — «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ», ИЗДАНИЕ 2-е

Эта книга, в противоположность двум следующим, написана в одиночестве; здесь деревенское преобладает над городским; все внимание направлено на знаки, которые природа щедро давала слушавшим ее с верой; такая «однострунность» души позволила мне расположить все стихотворения первой книги в строго хронологическом порядке; здесь главы определяются годами, в следующих книгах — понятиями; но эти числа и слова для меня одинаково живые и законченные образы.

Четвертая глава (1901 год) имеет первенствующее значение как для первой книги, так и для всей трилогии; она впервые освещает смутные искания трех вступительных глав; она же есть тот «магический кристалл», сквозь который я различил впервые, хотя и «неясно», всю «даль свободную романа». — Сознательно избегая переделки ранних стихов, я довольствовался редкими внешними поправками, чаще — сокращая или восстановляя первые чтения, стараясь хранить верность духу тех лет. — Точно указано время и место писания под стихотворениями, которые я хочу подчеркнуть.

Книга во втором издании увеличена втрое; напечатанное в ней составляет, однако, меньше половины всего написанного в это время; семьдесят пять стихотворений печатаются впервые; остальные были в сборниках моих стихов и в разных повременных изданиях.

⟨Январь 1911⟩

III. НАБРОСОК ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

Эта книга, вначале обратившая на себя внимание небольшого кружка людей, умевших читать между строк, с течением времени стала, по-видимому, достоянием читателей моих позднейших стихов. Более совершенные по форме и более занимательные по содержанию, они повлекли за собою это бедное дитя моей юности. «Стихи о Прекрасной Даме» дали плохой урок некоторым молодым поэтам, потому что технически книга очень слаба. Они дали повод для критических острот. Потом критика приняла их, истолковав совершенно превратно. До сих пор я встречаюсь иногда с рассуждениями о «превращении» образа Прекрасной Дамы в образы следующих моих книг: Незнакомки, Снежной Маски, России и т. д. Как будто превращение одного образа в другой есть дело простое и естественное! И главное, как будто сущность, обладающая самостоятельным бытием, может превратиться в призрак, в образ, в идею, в мечту!

Каждое новое издание книги давало мне повод перерабатывать ее; при первых переработках я имел в виду как можно шире раскрыть ее содержание; при последующих — я много забо-

тился о стихотворной технике; все эти работы, однако, не удовлетворяли меня. В первом случае я терялся в гуще материала; во втором — я заменял отдельные выражения другими, более ловкими с точки зрения литературной, в ущерб основному смыслу. И я чувствовал себя заблудившимся в лесу собственного прошлого, пока мне не пришло в голову воспользоваться приемом Данте, который он избрал, когда писал «Новую Жизнь».

Испрашивая помощи и тихих советов у Той, о Которой написана эта книга, я хочу, чтобы мне удалось дописать ее такими простыми словами, которые помогли бы понять ее единственно нужное содержание другим.

A. B.

15 августа 1918

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

Тома I—III настоящего издания составляют *полное собрание стихотворных произведений* Александра Блока — как оригинальных (включая шуточные), так и переводных. Хронологические границы этого собрания: годы 1897—1921. Александр Блок писал стихи с детских лет, но начало «серьезного писания» приурочил к осени 1897 года. Стихами, написанными именно в это время, открывается первая из десяти тетрадей беловых автографов, представляющих собой полный (за единичными исключениями) рукописный свод стихотворений А. Блока, составленный им самим.

В разделе «Приложения», находящемся в каждом томе, со средоточены некоторые ценные материалы, имеющие непосредственное отношение к художественным произведениям А. Блока: 1) его предисловия и примечания к «Собранию стихотворений» и к отдельным стихотворным сборникам; 2) планы поэмы «Возмездие», ее первая редакция, наброски продолжения ее второй главы и окончания третьей, разного рода заметки, связанные с замыслом поэмы и с работой над нею; 3) извлечение из так называемой «Записки о поэме „Двадцать“»; 4) переводы стихотворений Г. Гейне, выполненные другими лицами, но радикально переработанные А. Блоком.

В построении томов I—III настоящего издания было признано целесообразным учесть волю автора, выраженную ясно и неоднократно. А. Блок во всех подготовленных им собраниях стихотворений делил свою лирику на три книги, и деление это отнюдь не носило внешнего, механического характера. Каждая

из трех книг, по замыслу поэта, должна была отражать определенный этап его творческого пути и представляет собой целостную художественную структуру, равно как и все три книги вместе (см. предисловие А. Блока к «Собранию стихотворений» 1911—1912 гг. — стр. 559 наст. тома).

К составу и конструкции своих стихотворных сборников А. Блок относился с глубоким вниманием. «Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать. Выбираю и распределяю все так, чтобы как можно яснее (насколько в данное время понимаю) было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться», — заметил он в 1916 году (письмо к А. Я. Гуревич — см. т. VIII наст. издания).

Так, например, в первом издании своего трехтомника (1911—1912) А. Блок напечатал многие, преимущественно ранние, стихи в первоначальных, более пространных, редакциях, а в двух последующих, почти совпадающих по составу и тексту, изданиях (1916 и 1918 гг.) либо вовсе исключил их из книг (добавив, впрочем, некоторые новые), либо решительно сократил их текст. Однако, подготавливая в 1918 году новое издание первой книги, он «после упорной работы увидел, что переделки стихов (главным образом сокращения) были напрасны», и «восстановил многие выкинутые строфы и строки» (заметка в записной книжке — см. т. VII наст. издания). Вместе с тем А. Блок значительно пополнил состав первой книги за счет стихотворений, либо в свое время удаленных из нее, либо вовсе в нее не входивших.

Тем не менее, существенно меняя от издания к изданию состав своего трехтомника, А. Блок не отказывался от положенных в его основу общих *конструктивных принципов*. Менялись последовательность, заглавия и содержание образующих трехтомник разделов и циклов, но сама структура его, продуманная до мельчайших деталей в целях наиболее полного и глубокого выявления внутренней логики творческого развития поэта (как он сам ее понимал), оставалась во всех случаях не поколебленной.

Именно поэтому в основу томов I—III настоящего Собрания сочинений положены три книги «Стихотворений» А. Блока в их последних изданиях, осуществленных по плану автора («Книга первая» в 5-м издании 1922 г.; «Книга вторая» в 4-м издании 1918 г.; «Книга третья» в 3-м издании 1921 г.). Таким образом, структурная целостность разделов и циклов, установленных А. Блоком для собрания его лирики, сохранена и в нашем изда-

нии. К этому каноническому своду лирических произведений А. Блока естественно примыкают не вошедшие в состав трехтомника поэма «Возмездие», поэма «Двенадцать» и тесно связанное с ней стихотворение «Скифы».

В каждом томе к произведениям, составляющим его основной раздел, присоединены стихотворения, относящиеся к тому же периоду времени, но не введенные автором в основное собрание (в его окончательном составе). Внутри этого раздела особо выделены «Стихотворные переводы» и «Шуточные стихи и сценки». Стихи, написанные специально для детей, отдельно не выделены.

Произведения, опубликованные самим А. Блоком, печатаются в окончательных редакциях, по тексту последних публикаций, корректуру которых держал автор, — с проверкой по беловым и черновым рукописям (фонд А. Блока в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР) и разновременным печатным публикациям. В отдельных случаях в текст внесены исправления очевидных опечаток, описок и пунктуационных погрешностей. Произведения, при жизни А. Блока не опубликованные, печатаются по рукописям.

Текст произведений А. Блока воспроизводится в соответствии с ныне принятыми правилами правописания, но с учетом некоторых своеобразных особенностей орфографии и пунктуации автора, на строгом соблюдении которых он настаивал решительно. «Корректоры и издатели, имеющие уважение к слову, — писал А. Блок, — должны знать, что существует *математика слова* (как математика всех других искусств), особенно — *в стихах*. Поэтому менять их по собственному вдохновению, каковы бы они, с их точки зрения, ни были, — по меньшей мере некультурно» (Автобиография, первая редакция 1909 г.). В письме к редактору одного из журналов, пожелавшему было «выправить» его стихи, А. Блок писал: «Всякая моя грамматическая оплошность в стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так „поется“» (письмо к С. К. Маковскому, 1909 г.).

Вот некоторые примеры особенностей орфографии А. Блока. Он неизменно писал «троттуар», сохраняя двойное *m* французского оригинала данного слова и произнося его как двухсложное. Он применял в разных случаях различные начертания одного и того же слова (*мятели* и *метели*, *желтый* и *жолтый*, *решетка* и *решотка*) и требовал неукоснительного соблюдения

такого рода различий, оставив на сей счет прямые указания в рукописях и в корректурных оттисках. Так, например, в девятой тетради беловых автографов имеется запись, датированная 19 августа 1918 года: «Мятели I тома и метели следующих...» (ср. в примечаниях на стр. 599 наст. тома). Заметим кстати, что в данном случае разборчивость А. Блока находит опору в лексикографии (о различном толковании слов «мятель» и «метель» см. хотя бы в словаре Даля или в «Этимологическом словаре русского языка» Преображенского). В других случаях орфографические вариации А. Блока носят мистифицированный, но тем не менее продуманный характер. Так, например, в понятие «жолтый» А. Блок, как видно это из его дневников и писем, вкладывал особый идейно-психологический смысл («жолтый» — как синоним душевной сытости, мещанского самодовольства, всяческого хамства) — в отличие от слова «желтый», служившего просто обозначением цвета. Можно не разделять подобного рода мистифицированные толкования А. Блока, для нас, конечно, не обязательные, но вместе с тем, обеспечивая аутентичность текста его сочинений, нет оснований игнорировать ясно выраженную волю автора.

Из особенностей орфографии А. Блока сохранено в тексте, как правило, то, что так или иначе отражает особенности произношения. Поэтому, скажем, соблюdenы различия в словах «близ» и «близъ», «та ж» и «та жъ» (в рифме с «блажъ»), «погружен» и «погружон» (также в рифмующем стихе), «сгорая» и «сгаrary» и т. п., но не соблюdenо, к примеру, свойственное А. Блоку написание «дышет», — как не имеющее значения произносительного.

Желанием соблюсти волю автора объясняются также и некоторые расхождения пунктуации, сохраненной в текстах А. Блока, с действующими ныне правилами. Для этого есть, конечно, тем больше оснований, что пунктуация в стихах всегда имеет, кроме значения собственно грамматического, также и значение интонационное. А обучать детей правилам пунктуации по сочинениям поэта, подменяя ими школьные учебники, нужно думать, никто не собирается. А. Блок обращал на пунктуацию в тексте своих произведений очень большое внимание. С уверенностью можно сказать, что каждый знак препинания в его стихах продуман и не случаен. Насколько важное значение придавал поэт пунктуации, видно хотя бы из того, что, подготовив к печати свои отроческие стихи, он настаивал на том, чтобы в многоточии

было поставлено не три точки, как обычно, а четыре (см. стр. 633 наст. тома). В статье «Судьба Аполлона Григорьева» (т. V наст. издания), утверждая, что «душевный строй истинного поэта выражается во всем, вплоть до знаков препинания», А. Блок видел в этих «четырех точках», часто встречающихся в ранних стихах А. Григорьева, внешнее выражение особой юношеской порывистости и «мятежности» духа. В нашем издании четыре точки в многоточии, в частности, не соблюдены, поскольку это все же чистая условность, по иное дело, скажем, столь характерные для А. Блока знаки «запятая и тире» или «точка с запятой». Они применялись им систематически и последовательно и, конечно, выявляют интонацию авторского произнесения текста, служат отчетливыми знаками членения стиховой речи.

Стихотворения А. Блока датированы в тексте — согласно указаниям, сделанным автором в рукописях, прижизненных изданиях и составленном им самим общем «Хронологическом указателе» к рукописному своду его лирики. В отдельных случаях даты исправлены или уточнены, сравнительно с указанными А. Блоком, на основании разного рода рукописных и печатных источников. А. Блок, как правило, неоднократно возвращался к своим произведениям. Так, подавляющее большинство юношеских стихотворений были впоследствии переработаны им в большей или меньшей мере, в иных случаях — переписаны, по существу, заново. Даты переработки и окончательного оформления текста указаны в примечаниях. Даты при иноязычных стихотворениях, переведенных А. Блоком, обозначают время, когда стихотворение было переведено. Все исоговоренные примечания под строкой принадлежат А. Блоку.

В настоящем Собрании сочинений Александра Блока, рассчитанном на обращение в широком кругу читателей, не ставится задачи проследить сложную историю текста произведений поэта. Это — задача будущего «Полного собрания сочинений» академического типа. В нашем издании из весьма обширного и богатого фонда текстологических материалов к стихотворным произведениям А. Блока приведено (в примечаниях) лишь важнейшее из первоначальных редакций и вариантов — главным образом отдельные строфы, исключенные из окончательного текста или вовсе не бывшие в печати. Лишь в отдельных случаях приведены более мелкие и дробные варианты и разнотечения, имеющие существенное идеально-смысловое или стилистическое значение. Многоточие в вариантах (пять точек, набранные в разрядку) обоз-

значает пробел в рукописи. В прямые скобки заключено зачеркнутое в рукописи.

Примечания носят справочный характер. Библиографические справки ограничиваются указанием на первую публикацию данного произведения (в отдельных случаях указаны также повторные публикации в периодической печати или в альманахах и сборниках). В библиографических справках при журнальных изданиях указан номер журнала, при газетных — дата газеты, при альманаховых — год издания альманаха (в скобках). Многочисленные посвящения Л. Д. Менделеевой, встречающиеся в рукописях юношеских стихотворений А. Блока, как правило, не отмечены в примечаниях, поскольку почти все стихи, составившие первый том, посвящены ей. Также опущены имеющиеся в рукописях указания на место, где написано стихотворение, — в тех случаях, когда указание это (чаще всего: Петербург) особых значений не имеет.

В угловые скобки заключены дополнения и пояснения редактора.

Цифры, проставленные на полях примечаний, отсылают к соответствующим страницам текста.

Алфавитный указатель стихотворных произведений А. Блока помещен в III томе.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

«За гранью прошлых дней» — Александр Блок. За гранью прошлых дней. Стихотворения. Изд-во З. И. Гржебина, П., 1920.

«Неизданные стихотворения» — А. Блок. Неизданные стихотворения (1897—1919). Изд-во «Жизнь искусства», Л., 1926.

«Нечаянная Радость» — Александр Блок. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов. Изд-во «Скорпион», М., 1907.

Рукопись — беловые автографы стихотворений А. Блока 1897—1921 гг. (с позднейшей правкой), сосредоточенные в десяти тетрадях (фонд А. Блока в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР).

«Собр. соч.» — Александр Блок. Собрание сочинений, тт. I—XII. Изд-во писателей в Ленинграде и «Советский писатель», Л., 1932—1936.

«Собр. стих.» I — Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга первая — Стихи о Прекрасной Даме (1898—1904). Издание второе, исправленное и дополненное. Изд-во «Мусагет», М., 1911. Авторский экземпляр этого издания, с пометами и поправками А. Блока, хранится в его архиве (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР).

«Стихи о Прекрасной Даме» — Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. Изд-во «Гриф», М., 1905.

«Хронологический указатель» — Хронологический указатель стихотворений А. Блока, составленный им самим (рукопись в архиве А. Блока — Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР).

Черновик — черновые автографы стихотворений А. Блока, сосредоточенные по преимуществу в его записных книжках и в особой папке «Черновые стихи» (фонд А. Блока в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР).

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ

ANTE LUCEM

8—7 «Пусть светит месяц — ночь темна...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Ты много жил, я больше пел...» Впервые — «Вершины», 1915, № 17, под заглавием: «Другу», без третьей строфы и с другим текстом заключительной строфы:

Когда устанешь па пути
К стране чужой, туманной, дальний,
Ты отдохнуть ко мне приди,
Мой друг усталый и печальный.

В дальнейшем Блок вернулся к первоначальному тексту. В рукописи — помета 1918 г.: «Зачем-то пробовал переделывать конец (в 1915)». Гун Николай Васильевич — гимназический товарищ Блока, покончивший самоубийством «на романической почве» 20 января 1902 г. в Петербурге. Памяти Н. В. Гуна посвящено стих. «На могиле друга» (стр. 485 наст. тома).

«Полный месяц встал над лугом...» Впервые — «Тропинка», 1908, № 11, под заглавием: «Ночью». Шахматово — усадьба деда Блока, А. Н. Бекетова, в Клинском уезде Московской губернии.

Моей матери. Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Мать Блока — Александра Андреевна (1860—1923), урожденная Бекетова, по первому мужу Блок, по второму Кублицкая-Пиоттух, переводчица и писательница для детей.

«Она молода и прекрасна была...» Впервые — 8—10
«Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — эпиграф из
поэмы Я. П. Полонского «Куклы» (приписанный 5 сентября
1898 г.):

Вот — она, что когда-то сердито
Мне внимала, потупивши глазки,
Для которой бессонные думы
Наряжал я в пестройные сказки.

В «Хронологическом указателе» к этому стихотворению относится помета: «Л. Д. М(енделеевой) (первое?)». Ср. на стр. 649 — прим. к стих. «Дума», написанному 27 июля 1898 г.

«Я стремлюсь к роскошной воле...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — заглавие: «Полож жизни» и дата: «Дедово. 7 авг(уста)» (Дедово — подмосковная усадьба А. Г. Ковалевской, двоюродной бабки Блока; в Дедове проводила летние месяцы семья М. С., О. М. и С. М. Соловьевых, которых навещал Блок). Эпиграф, взятый из стих. В. А. Жуковского «Песня» («Счастлив тот, кому забавы...»), приведен вполне точно.

«Усталый от дневных блужданий...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 22 февраля, под заглавием: «Божье дитя». В рукописи — отброщенное начало:

Давно, давно воспоминанье
И отголоски лучших дней
Тревожат сонное молчанье
В груди страдающей моей.
Все ожиданья сладкой сказки,
Волшебных песен и цветов
И ласки, трепетные ласки
Промчались роем вешних снов.
Усталый от дневных блужданий,
Уйду порой от суеты
И вспоминаю те страданья,
И вновь восходят те мечты, —

и далее — как в окончательном тексте, с незначительными отличиями. К 7-му стиху приведенного текста («И ласки, трепетные ласки») имеется позднейшая помета Блока: «— т. е. мысли о них». Перерабатывалось в октябре 1913 г., окончательный текст — декабрь 1914 г.

11—12 «Есть в дикой роще у оврага...» Впервые — «Северные записки», 1915, № 2 (в составе цикла «Офелия»). Первоначальный текст (с эпиграфами из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и «Гамлета» Шекспира):

«Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил...»

Офелия плела венки и пела.

Королева

Есть в дикой роще, на краю оврага,
Зеленый холм. Его лелеет тень,
И змейкой вокруг живительная влага
Ручья журчащего тревожит рощи лень.
Цветы и травы вечно покрывают
Зеленый холм, а солнце никогда
Сквозь чащу в темный дол не проникает,
И только льется звучная вода.
Сказать тебе, зачем цветы не вянут?
Зачем источник водный не иссяк?
Зачем туда заглядывать не станут
Любовники, когда сгустится мрак?
В могиле той лежат мои страданья,
Моя любовь, души моей мечты.
О, как их жгут порой воспоминанья
От каждого живого прикасанья
Корней цветов! О, сколько в них желанья!
Ведь то Офелии и травы...

Окончательный текст — 24 декабря 1914 г. Среди юношеских стихотворений Блока есть целый ряд вариаций на темы и мотивы трагедии Шекспира «Гамлет». Все они связаны с любительским представлением этой трагедии, состоявшимся 1 августа 1898 г. в усадьбе Менделеевых Боблово. Описание этого шекспировского спектакля, в котором Блок исполнял роль Гамлете, а Л. Д. Менделеева — роль Офелии и который сыграл важную роль в развитии их отношений, см. у М. А. Бекетовой — «Александр Блок», изд. 2-е, Л., 1930, стр. 62—63, и у М. А. Рыбниковой — «Блок — Гамлет», М., 1923, стр. 9—14. Ср. стих. «Я шел во тьме к заботам и веселью...» (стр. 382 и 649 наст. тома).

«Мне снилась смерть любимого созданья...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — еще одно, заключительное, четверостишие:

Когда очнулся я, встревоженный виденьем,
В ночной тиши, средь черной темноты,
Мне сладостным и горьким сновиденьем
Казалась смерть последней красоты.

Кроме эпиграфа из Г. Гейне («Лирическое пантермездо», 55, — ^{13—14} в переводе М. Л. Михайлова), в рукописи — еще один эпиграф: «*Homo sum, humani nil a me alienum puto...*» («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо...»), взятый из комедии римского сатирика Теренция «Самоистязатель».

«Луна проснулась. Город шумный...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи после 8-го стиха («Не так звучал бы голос твой!..») — еще четверостишие:

Зачем мы здесь? Кружится, реет,
Проходит прежнее, как сон,
Но отчего забытым веет
Над нами звездный небосклон?

Там же — помета, относящаяся к 1918 г.: «Кажется, мы в последний раз встретились с К. М. С. (?)» К. М. С. — Ксения Михайловна Садовская (1862—1925), «первая любовь» Блока, в ту пору светская дама, обладавшая музыкальными способностями (училась в Петербургской консерватории по классу пения), подолгу жившая за границей. Блок познакомился с К. М. Садовской летом 1897 г. в Бад Наугейме (Германия), встречался с нею в Петербурге вплоть до конца 1899 г. Кроме ряда стихотворений, обращенных к К. М. Садовской в 1897—1900 и в 1903 гг., с воспоминаниями о ней связан стихотворный цикл «Через двенадцать лет», написанный в 1909—1910 гг., частично в том же Бад Наугейме, а также отдельные стихи, например — «Посещение» (1910). До нас дошло двенадцать писем Блока к К. М. Садовской от 1898—1900 гг. (не опубликованы). Заключительное двустишие — цитата из стих. Я. П. Полонского «Прощай».

«Мне снилась спова ты, в цветах, на шумной сцене...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — еще одно, заключительное, четверостишие:

И все цветы, цветы... и нет конца тем розам,
И самый гроб вдохнул их аромат,
И нет конца любви, моим любовным грезам,
В жилище, где цветы, любовь и смерть царят.

В отдельном автографе — эпиграф из трагедии Шекспира «Гамлет»:

Печаль и грусть, страданья, самый ад —
Всё в красоту она преобразила...

Лаэрт

«О край небес — звезда омсга...» Впервые — «Вершины», 1915, № 20. В рукописи — отброшено началь:

Спускалась ночь. В лесу и в поле
Стояла знайная пора.
Столпы ночной свободы, воли,
На темном царственном престоле
Зажглися звезды до утра.

Окончательный текст — 1913 г. *Омега* — последняя буква греческого алфавита; по астрономической классификации, так обозначаются цветные звезды, к числу которых принадлежат Сириус и Вега.

«Милый друг! Ты Юношу щою...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

Песня Офелии. Впервые — альм. «Корона» (1908). В рукописи, озаглавленной: «Этюды песен Офелии (импровизация)», после второй строфы — еще две:

Друг, ты клялся за морями
Всё любить меня однig...
Шли мне с белыми волнами
Прежних радостей весну...

Друг, люби меня, твою
Королевой буду я...
Горько мне с судьбой мою
Плакать вечно за тебя...

И после третьей строфы — еще три:

Буду плакать над могилой
И умру с тобой...
Тяжко, милый! Душно, милый,
Нам в земле сырой!..

Заключу твой стан в объятья,
Чтоб согреть в моск жару!..
Губы стану целовать я, —
И с тобой умру!..

Я умру с тобой от горя,
Вечным сном усну!
Шли мне, шли мне из-за моря
Радостей весну!

Окончательный текст — 1908 г. Стихотворение представляет собою вольную вариацию на тему песни Офелии в трагедии Шекспира «Гамлет».

«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Эпиграф — из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума».

Гамаюп, птица вешая. Впервые — «Киевские вести», 1908, 27 апреля. В рукописи — помета: «За это — В. П. Острогорский ругал» (см. Автобиографию Блока — т. V наст. издания). Как указал Блок (в прим. в «Собр. стих.» I), стихотворение это было «впущено» ему картиной известного живописца Виктора Михайловича Васнецова (1848—1926), изображающей Гамаюна — по древнерусским поверьям, сказочную райскую птицу-вешунью с человеческим лицом (Третьяковская галерея в Москве). Тогда же Блок написал стих. «Сирип и Алкност», на сюжет другой картины В. М. Васнецова (см. стр. 403 наст. тома). *Trus* — землетрясение.

«Я шел к блаженству. Путь блестел...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи после 8-го стиха («Вечерним пурпуром горели!...») — еще восемь:

Что значит песни той привет?
В часы заката песнь рассвета?
Быть может, юноша-поэт
От юной девы ждет привета?
Никто не слышит песни той,
Она звучит одним порывом
В одной его душе больной
Любви аккордом прихотливым...

«Сама судьба мне завещала...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — посвящение: «Памяти Пушкина» (26 мая 1899 г. отмечалось столетие со дня рождения поэта) и отброшенное начало:

Люблю я вечер. День на тризне, —
И ум работает смелей,
И дух летит от смрадной жизни
В страну подвластных мне теплей.
Там, — только там, — и сердце бьется,
И дух поэзии родной
Во мне живет, — и песня льется,
Неразлученная с душой.

Окончательный текст — 1910 г.

22—29 «Я стар душой. Какой-то жребий черный...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Не проливай горючих слез...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911), с итальянским эпиграфом: «Lascia mi vivere!» («Дай мне жить!»), взятым из либретто оперы «Травиата» (музыка Д. Верди, по драме А. Дюма-сына «Дама с камелиями»).

«Зачем, зачем во мрак небытия...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — заключительное четверостишие:

Свети, свети мне, факел бога дней!
Когда не сгину в бездне прежде, —
Приду к тебе — в заре твоих лучей
Поверить трепетной надежде!

«Дышит утро в оконко твое...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911), без второго двустишья. В рукописи оно зачеркнуто, с пометой, сделанной другом Блока А. В. Гиппиусом: «Фет!» В последнем издании Блок восстановил это двустишие.

«Помнишь ли город тревожный...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911), без заключительного четверостишья. К. М. С. — К. М. Садовская (см. прим. на стр. 575).

«Город спит, окутан мглою...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

Неведомому Богу. Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи после второй строфы — еще одна:

О, верь! Склонюсь к твоим стопам,
Безмерным счастьем упоенный,
И поклонение воздам
Тебе, как Богу, — вдохновленный!

Заглавие взято из евангельской книги «Деяния апостолов» (XVII, 23): «...я нашел и жертвенник, на котором написано: Неведомому Богу» (слова апостола Павла).

«Не легли еще тени вечерние...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи после 4-го стиха («На душе и на сердце — вездे») — еще четверостишие:

Отовсюду желанья невнятные
Начинают неизримо летать.

Так прозрачны они — благодатные,
Так и хочется ими дышать!..

30—35

Окончательный текст — 1910 г. В рукописи к 3-му стиху («Всё туманнее, всё суверннее») — помета А. В. Гиппиуса: «Фет!» Ср. у А. А. Фета: «Речи отрывистей, сердце опять суверней» (в стих. «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...»)

S e r v u s — R e g i n a e. Впервые — «Новое слово», 1909, № 9.

M o e i м a t e r i. Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Пока спокойною стою...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — окончание, отброшенное в 1910 г.:

Но чувство прежнее не ново,
Бетшают мысли, гаснет взор,
И надвигается сурово
Упрямый неба приговор.

Теперь собрать мне надо силы
И их не тратить, а беречь,
Чтоб не угасли до могилы
Поэта дар и сцены речь.

D o l o r a n t e l u c e m. Впервые — «Собр. стих.» I (1911), под заглавием: «Dolor ingens ante lucem» («Великая предрассветная тоска»).

«Медлительной чредой нисходит день осенний...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи объединено со стих. «Как мимолетна тень осенних ранних дней...» (см. стр. 446 наст. тома) под общим заглавием: «Осенняя элегия». Во втором стихе — отзыв А. С. Пушкина: «Там день и ночь кружится желтый лист» («Осеннее утро», 1816).

«Я р к и м с о л н ц е м, с и н е й д а л ъ ю...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — окончание, отброшенное в 1910 г.:

Этим солнечным сияньем
Осветить в туманной дали
Всё, покрытое молчаньем,
Всё, несущее печали...

За печалью бескопечной,
За умершим летним светом
Возвестить о смерти вечной
Умирающим сонетом...

В рукописи — помета: «С „Высшей точки“» (так назывался холм в Боблове).

«Восходишь ты, что строгий день...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Лениво и тяжко плывут облака...» Впервые — «Русское слово», 1916, 10 апреля, под заглавием: «Песня» (в составе цикла «Родные картины»).

«Шли мы стезею лазурною...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1; вторично — «Москва», 1920, № 5. Окончательный текст — 1918 г.

«Разверзлось утреннее окно...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

«Яшел во тьме дождливой почи...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи озаглавлено: «Сон».

«Сегодня в ночь одной тропою...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Окончательный текст — 1915 г.

«Поэт в изгнанье сомненьи...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи озаглавлено: «Этюд для картины».

«Хоть все по-прежнему певеши...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — начальное четверостишие (первые два стиха — также и в «Записках мечтателей»):

Прости, заветная тетрадь,
Храни былья впечатления.
Тебе успел я передать
Толпымятежных настроений...

Обращение к «заветной тетради» объясняется тем, что стихотворение было записано на последнем листе тетради, объединившей стихи 1897 — 1900 гг.

«Т е р я е т б е р е г о ч е р т а п ь я...» Впервые — «Киев-^{44—50}
ская искра», 1908, № 23 (приложение к газете «Киевские вести»,
1908, 5 июня).

«З в е з д а п о л н о ч п а я с к а т и л а с ь...» Впервые —
«Слово», 1908, 28 сентября.

«П р о ш е д ш и х д н е й п е м е р к и п у щ и м с и я-
п ь е м...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. Об этом стихо-
творении Блок упоминает в дневнике 1918 г.: «Первое шахм(а-
товское) ст(ихотворен)ие (Прошедших дней... 28 мая) показы-
вает, что овеяла опять грусть воспоминаний о 1898 году, о том,
что казалось (и действительно было) утрачено». Воспоминания
были связаны с шекспировским спектаклем 1 августа 1898 г. (см.
на стр. 574 — прим. к стих. «Есть в дикой роще у оврага...»).
Выделенные курсивом стихи — цитата из трагедии Шекспира
«Гамлет» (д. III, сп. 1 — монолог Гамлета).

«Н е п р и з ы в а й и н е с у л и...» Впервые — «Киев-
ские вести», 1908, 18 июня.

«В ч а с ы в е ч е р н е г о т у м а п ...» Впервые — «Со-
временник», 1914, № 10. Первоначальный текст, переработанный
в феврале 1914 г.:

В заветный час вечернего тумана
В каком-то призрачном огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвую слетает мне.
И всё в уме исполнено бессилья,
Одна душа воскреснет и летит,
Трепещут вокруг бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

«Н а н е б е з а р е в о . Г л у х а я п о ч ь м е р т в а ...»
Впервые — «Собр. стих.» I (1911). По разъяснению Блока в дневнике 1918 г., в этом стихотворении отразилось одно из его впечатлений: деревья Дубровской березовой рощи (в окрестностях Шахматова) и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему картиной средневекового города (ср. план продолжения второй главы поэмы «Возмездие» — т. III паст. издания). Схожий мотив есть в стих. А. А. Фета «Воздушный город».

«Н е д о в е р я й с в о i х д о р о г ...» Впервые — «День».
1914, 6 апреля.

51—55 «Увижу я, как будет погибать...» Впервые — «Современник», 1914, № 10. Первоначальный текст, переработанный в феврале 1914 г.:

В моих глазах всё будет погибать
Вселенная — одна моя отчизна.
И буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

И одинок, и сир, но радостен мой век.
Пройду в веках немеркнуций, нетленный,
Как ни один великий человек, —
Последней жизнью во вселенной.

«Погибло всё. Палащее светило...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«То от голосок юных дней...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1, без первой строфы. Окончательный текст — 1918 г. Интересно, что, внеся поправку в 8-й стих («Давно мелькнувшие виденья»), Блок в дальнейшем вернулся к первоначальной редакции, пометив в рукописи: «Это в пользу стиха и в ущерб существу. При втором изд(ании) не допускать этого (1910)».

«Последний пурпур догонал...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Не утоленная кровавыми стралями...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 25 января, под заглавием: «Знак». В рукописи вместо второй строфы — две следующие:

Но как в темнице узник заключенный,
Ищу напрасно — воли нет следа,
И самый воздух, кровью зараженный,
Не просветлеет, мчится, никогда.

Так человек, свободный от природы,
На пажитях рабов кровавой чередой
Проходит, не слыхав ни ропота свободы,
В могильный мрак сквозь хаос гробовой.

Дата сокращения и переработки — 13 января 1915 г. В 1918 г. Блок еще раз переделал вторую строфику печатного текста:

Напрасно! Узник заключенный!
Перед тобою — кровь и мрак!

С этой переправкой стихотворение было напечатано в «Ежемесячном журнале», 1918, № 4/6 (под заглавием: «Знак»), но в дальнейшем Блок вернулся к тексту 1915 г.

“А γραφα Δόγματα. Впервые — «Собр. стих.» I (1911), с примечанием: „„Аγραφα Δόγματα“ — „неписанные догматы“ — выражение Аристотеля о Платоне; некоторые разумеют под ним сокровенное учение Платона».

«Твой образ чудится невольно...» Впервые — «Слово», 1908, 6 августа.

«Ночь грозой бушевала, и молний огни...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи — вариант заключительного двустишия, относящийся к концу 1907 г.:

И бессмертье мы вместе со смертью нашли
Далеко — под холмами — у края земли.

Блок однажды заметил, что в этом стихотворении сказалось влияние Эдгара По (см.: Александр Блок. Собрание сочинений. М.—Л., 1929, стр. 295).

«Курятся алтари, дымят паника дила...» Впервые — «Русь», 1907, 30 апреля (Приложение № 18). Окончательный текст — 1910 г. В авторском экземпляре «Собр. стих.» I (1911) зачеркнуто, с вопросительным знаком и пометой: «Кажется, ничего не прибавляет».

«Ты бы ла у окна...» Впервые — «Одесские новости», 1908, 25 декабря. Окончательный текст — 1918 г.

«Поклонник эллинов — я лиру забыва л...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Я зпаю, смерть близка. И ты...» Впервые — «Русская молва», 1913, 14 апреля.

«Пора вернуться к прежней битве...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В дневнике 1918 г. Блок ог-

64—68 метил, что в этом стихотворении отразились «мимолетные страсти... с покаяниями после них». *Дева черноокая* — одна из участниц любительского драматического кружка, который Блок посещал в 1900 г.

«О т р е к и сь от л ю б и мых т в о р е н и й...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911), под латинским заглавием: «Orate, fratres» («Молитесь, братья»). Окончательный текст — 1910 г.

«И з м у ч ен б у р ей в д о х н о в е н ы я...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 6 августа. Перерабатывалось 14 февраля 1916 г.; окончательный текст — 1918 г. Публикация этого стихотворения сперва была запрещена: в корректуре «Биржевых ведомостей» от 17 апреля 1916 г. оно перечеркнуто цензором.

«В т е ц е л о м у д р е н ы е г о д ы...» Впервые — «В мире искусств» (Киев), № 1.

«М о й м о н а с т ы р ь, г д с я т о м л ю с ь б е з б о ж и о...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«И щу спасенья...» Впервые — «Русь», 1907, 30 июля (Приложение № 29). В рукописи вместо второй и третьей строф — три следующие:

Торжественно звучит на небе звездный хор.
И ропщут вокруг людские поколенья,
И ропщут вокруг попранные селенья,
Но всё ясней во мне духовный взор
И ты, — но ты — мое спасенье.
Ищу спасенья.

Горит, звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколенья,
Меня клянут разбитые селенья,
Но всё горят огни на высах гор
И ты, — но ты — одно виденье.
Ищу спасенья.

В молчании исчезнул звездный хор.
Отходит ночь. В оцепененьи,
Раздавлены, молчат пароды и селенья.
И с почью ты — из дальних светлых гор.
В тебе — спасенье!

Окончательный текст — 1907 г. Соловьева Ольга Михайловна ^{69—73} (ум. в 1903 г.) — художница и переводчица, жена М. С. Соловьева (брата Вл. Соловьева, поэта и философа), мать поэта Сергея Соловьева, родственница Блока, высоко оценившая его юношеские стихи и содействовавшая его первому выступлению в печати.

«М е д л е н и о, т я ж к о и в с р и о...» Впервые — «Русь», 1907, 16 апреля (Приложение № 16).

«З а в т р а с п е р в ы м л у ч о м...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 8 февраля. Окончательный текст — 24 января 1915 г.

«В п о л н о ч ь г л у х у ю р о ж д е н и а...» Впервые — альм. «Гриф» (1904) — только первые три строфы. В рукописи после четвертой строфы окончательного текста — еще одна:

В полночь глухую, морозную
Спутнице бледной земли
Стрелы палящие, грозные,
Феб светозарный, пошли!

В рукописи — эпиграф, взятый из трагедии Софокла «Царь Эдин» (в переводе Д. С. Мережковского):

Ты огнем своих весселей
Бога смерти опали!

Об этом стихотворении Блок упоминает в дневнике 1918 г.: «К концу 1900 г. растет новое. Странное стихотворение 24 декабря (В полночь глухую), где признается, что Она победила морозом эллинское солнце во мне (которого не было). Спутник бледный земли — месяц, луна.

«Ты пе обманешь, призрак бледный...» Впервые — «Новое слово», 1909, № 3. Посвящение К. М. С(адовской) (см. о ней выше, стр. 575) было приписано позже.

31 декабря 1900 года. Впервые — «Нива», 1909, № 1, под заглавием: «Прошлый год» (в «Собр. стих.» I (1911) — «Прощание с 1900 годом»).

Вступление. Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи — вариант заглавия: «*Ante Lucem*» («До Света») и другое окончание (после 10-го стиха: «Красное пламя бросает к тебе»):

Ты молчаливо стоишь у окна.
Вся Ты весной залита, зажжена.

Ты ли Царевна богатой мечты,
Где купола для Тебя отлиты?

Где колокольные звонь гудят,
Только поднимешь Ты ласковый взгляд,

Где Ты меня на закатах ждала,
Терем зажгла, ворота отперла?..

(ср. текст, приведенный в книге П. Перцова «Ранний Блок», М., 1922, стр. 72). Окончательный текст — очевидно, июль 1904 г.

В первом томе «Стихотворений», изд. 1916 г., «Стихи о Прекрасной Даме» были разделены не на шесть частей, а на четыре части, каждая из которых имела свое заглавие: I. *Видения* (Весна 1901 года), II. *Ворожба* (Лето 1901 года), III. *Колдовство* (Осень и зима 1901 года), IV. *Свершения* (1902 год).

«Я вышел. Медленно сходили...» Впервые — «Одесские новости», 1907, 25 декабря. В рукописи — помета: «Гулянье по Монетной» (*Монетная* — улица в Петербурге). Ср. в дневнике 1918 г.: «25 января — гулянье на Монетной к вечеру в совершенно особом состоянии».

«Ветер принес издалёка...» Впервые — «Русь», 1907, 2 июля (Приложение № 25). В первоначальной редакции первая строфа читалась иначе:

Ветер принес издалёка
Песни весенней языка,
Где-то светло и глубоко
Небо разверзлось на миг —

и перекликалась с заключительной строфой, впоследствии отброшенной:

Понял я сердцем, подруга,
Песни весенней языка...

Мне ли с желанного юга
Небо разверзлось на миг?

В корректуре «Собр. стих.» I (1911) подчеркнута первая строка («Ветер принес издалёка»), с пометой: «Строка есть у Зора („Вопросы из жизни“, № 6, 1905)», отсылающей к стих. В. Зоргенфрея «Вечерняя песня» (см. сборник «Памяти Блока», изд. 2-е, П., 1923, стр. 88).

«Тихое вечерние тени...» Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 4. К этому стихотворению относится запись в дневнике 1918 г.: «В конце января и начале февраля (еще — синие снега около полковой церкви — тоже к вечеру) явно является Она».

«Душа молчит. В холодном небе...» Впервые — «Слово», 1908, 28 сентября. В корректуре «Собр. стих.» I (1911) — помета к стихам 11—12:

«Незадрожавший трепет ловит
Меж косных глыб.

Вяч. Иванов»

(«Памяти Блока», П., 1923, стр. 89). Блок цитирует стих. Вяч. Иванова «Озимь» из его сборника «Согардес» I, М., 1911, стр. 39.

«Ныне, полный блаженства...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

«Я понял смысл твоих стремлений...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905), — только вторая половина. В рукописи начинается четверостишием:

Над синей далью пламенела
Уже вечерняя заря.
Твоя душа уже болела,
Одним желанием горя.

См. комментарий Блока к этому стихотворению в дневнике 1918 г. (т. VII наст. издания).

«Ты отходишь в сумрак алый...» Впервые — альм. «Гриф» (1904).

88—87 «Сбылось пророчество мое...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — еще одна, средняя, строфа:

Но небывалое свершилось:
В лучах таинственного дня,
Полна весеннего огия,
Младая вера отразилась.

В рукописи — эпиграф-четверостишие «Так — одинокой легкой тенью...», которое Блок впоследствии опубликовал в качестве отдельного стихотворения (см. стр. 468 наст. тома). В авторском экземпляре «Собр. стих.» I (1911) зачеркнуто, с пометой: «Не сказано то, что надо».

Моей матери. Впервые — «Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов С.-Петербургского университета» (1903).

«Я недаром боялся открыть...» Впервые — «Вершины», 1914, № 4.

«Ночью сумрачной и дикой...» Впервые — альб. «Гриф» (1904). Об О. М. Соловьевой см. выше, стр. 585.

«В день холодный, в день осенний...» Впервые — «Бодрое слово», 1909, № 1. В рукописи и в первых публикациях озаглавлено: «Поле за Петербургом». В отдельном автографе, который Блок подарил Л. Д. Менделеевой, к словам прошлый вой сделано примечание: «Выражение рискованное, но оправдывается собственным эпическим характером». В дневнике 1918 г., комментируя данное стихотворение, Блок записал: «К весне началось хождение около островов и в поле за Старой деревней, где произошло то, что я определял как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева, книгу которых подарила мне мама на Пасху этого года». Выражение песня наудачу заимствовано у А. А. Фета («О, не зови! Страстей твоих так звонок...»). Старая Деревня — пригород Петербурга.

«Всё отлетают сны земные...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Эпиграф принадлежит самому Блоку.

«Всё бытие и сущее согласно...» Впервые — 88—93 «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — пометы: «Нитцшеанское» и «Ботанический сад» (парк в Петербурге).

«Кто-то шепчет и смеется...» Впервые — «Новое слово», 1909, № 5. Окончательный текст — 1910 г. Тогда же в рукописи был приписан эпиграф, взятый из трагедии Шекспира «Венецианский купец»: «Мне друг Джессика факелоносцем будет!».

«Блой ночью месяц красный...» Впервые — «Нива», 1907, № 15.

«Небесное умом не измеримо...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Этим стихотворением открывается серия стихотворений, написанных в Шахматове летом 1901 г. и объединенных в рукописи общим заголовком: «Мистическое лето».

«Они звучат, они ликуют...» Впервые — «Современник», 1914, № 7. Первоначальная редакция заключительного четверостишия:

Веселье буйное в природе,
И я, причастный сей во всем,
Вдвойне ликую на свободе,
Неразлученный с бытием.

Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Однокий, к тебе прихожу...» Впервые — альм. «Гриф» (1904).

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. Эпиграф взят из стих. Вл. Соловьева «Зачем слова? В безбрежности лазурной...» Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт и религиозный философ, публицист и литературный критик; воинствующий идеалист и мистик, оказавший глубокое влияние на младшее поколение русских символистов.

«И поздно, и темно. Покину без желания...» Впервые — «Невский альманах» (1915). Перерабатывалось

⁹⁶
₁₀₃ в феврале 1914 г.; в дальнейшем — возвращение к первоначальному тексту.

«И я, неверный, тосковал...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Не сердись и прости. Ты цветешь одиночко...» Впервые — «Киевские вести», 1910, 18 апреля, и «Бессарабская жизнь», 1910, 18 апреля. Эпиграф — из стих. Вл. Соловьева «На палубе „Фритиофа“».

«Молитву тайную твори...» Впервые — «Русская молва», 1913, 14 апреля.

«За туманом, за лесами...» Впервые — альм. «Корона» (1908). В рукописи после первой строфы — еще одна:

Над туманной полосою
Был огонь, — огонь бежит;
Это с родственной душою
Дух блудящий говорит.

Окончательный текст — 1908 г.

«В бездействии младом, вперед рассветной лени...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905), под заглавием: «Historia».

«Какому богу служишь ты...» Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1.

«Сегодня шла Ты одиноко...» Впервые — «Студенческая жизнь», 1910, № 20. В рукописи — еще одна, средняя, строфа:

Ты поражала дальним взором,
Дышала прежней чистотой,
Но шагом ропщущим и скорым
Прошла — и скрылась за горой.

Окончательный текст — 1908 г.

«Она росла за дальними горами...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи озаглав-

лено: «Непосвященным». Соловьев Сергей Михайлович (1885—¹⁰⁴₁₀₇ 1941) — троюродный брат Блока и до 1905 г. один из ближайших его друзей; поэт-символист и критик, убежденнейший и воинствующий «соловьевец» (племянник Вл. Соловьева и редактор посмертных изданий его стихотворений), впоследствии православный священник.

«Я помню час глухой бессонной ночи...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Боблово — усадьба Д. И. Менделеева в Клинском уезде Московской губернии, в восьми верстах от Шахматова.

«Тебя в страны чужие звали...» Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 1/2. Здесь, как и в рукописи, после первой строфы — еще две:

Еще недавно, жарким летом,
С тобою все делили мы.
Мы увлеклись твоим расцветом
И не заметили зимы.

Уж осень с желтыми листами
Несла разлучную печаль,
Нам с вдохновенными мечтами
Всё разлучиться было жаль...

Окончательный текст — 1910 г.

«В немля зову жизни смутной...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1909, 21 апреля; вторично — «Новое слово», 1909, № 4. Первоначальный текст второй строфы:

Неисчисленные тени
Величайших сил мирских
Ждут ответных сновидений...
С ними сердцем я затих,
В ожиданье поклонений
Неизвестных, неземных...

Окончательный текст — 1908 г.

«Прозрачные, певедомые тени...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

^{108 —}
₁₁₅ «Я жду призыва, ищу ответа...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903).

«Нетыль в моих мечтах, певучая, прошла...» Впервые — альм. «Гриф» (1913), вместе со следующим стихотворением («За городом в полях весною воздух дышит...») под общим заголовком: «Поле за Петербургом». В рукописи озаглавлено: «Сонет».

«За городом в полях весною воздух дышит...» Впервые — альм. «Гриф» (1913). В рукописи озаглавлено: «Сонет». См. предыдущее примечание.

«Входите все. Во впурепих покоях...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи после второй строфы — еще одна:

Ах, я и сам, без цели и без дела,
Безумный, мнил покинуть мнимый тлен,
Но так болел умом, душой и телом,
Что, возвратясь, приял навеки плен.

Окончательный текст — 1910 г.

«Ты прошла голубыми путями...» Впервые — «Нива», 1907, № 24.

«Не жди последнего ответа...» Впервые — «Современник», 1914, № 10. В рукописи — съе одна, заключительная, строфа:

Так, в долгом чаяньи свиданья,
Когда душа напряжена,
Уже тантся окончанье
Всевдохновительного сна.

Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Не пой ты мне и сладостно, и пежио...» Впервые — «Собр. стих.» I (1914).

«Не жаль мне дней при радостных, и запойных...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Признак истинного чуда...» Впервые — ¹¹⁶₁₂₂ «Собр.стих.» I (1911). В рукописи — еще две строфы; одна — после первой:

Безудержному стремленью
Сокровеный пробил час,
Но в далеком заточены
Пламень гибнущий погас.

Другая — заключительная:

Я в далеком заточены
Рабским пламенем горю.
Безудержное стремленье
Встретит хладную зарю.

Сокращалось и перерабатывалось дважды — в 1910 и в 1915 гг. В рукописи — пометы: «Вечер на фабрике» и «P_{ost} lussem» («После света», — так Блок помечал стихи, написанные *после* встреч с Л. Д. Менделеевой).

«Ты далека, как прежде, так и ныне...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. Перерабатывалось 13 февраля 1914 г. Окончательный текст — 1918 г.

«Стоя на царственном пути...» Впервые — «Речь», 1908, 25 декабря, под заглавием: «В глухую ночь». Окончательный текст — 1908 г.

«Сумерки, сумерки вешние...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. Эпиграф — из стих. А. А. Фета «Вдали огонек за рекою...»

«Ты горишь над высокой горою...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 9 (в статье А. Белого «Отечествии»).

«Видо, дни золотые пришли...» Впервые — «Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов С.-Петербургского университета» (1903).

«Кругом далекая равнина...» Впервые — «Нива», 1909, Литературное приложение № 2. В рукописи — заглавие: «Знакомое» и первоначальный текст четвертой строфы:

И камни серые уныло,
Как над могилой, по полям.

Увы — под камнем нет могилы
И нет приюта мертвцам.

Окончательный текст — 24 июля 1908 г. В корректуре «Собр. стих.» I (1911) — помета к заключительному двустишию, отсылающая к стихотворению 1905 г. «Осенняя воля» («Памяти Блока», П., 1923, стр. 92).

«Я в с ё га даю на д тоб о ю...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Н ет конца лесным тропинкам...» Впервые — «Новое слово», 1909, № 6. Окончательный текст — 1908 г. *Церковный лес* (или Манулиха) — лес, расположенный между Шахматовым и Бобловым.

«С мотри — я отступаю в тень...» Впервые — «Наша газета», 1909, 22 марта. Ср. с 13-й строкой стих. Вл. Соловьева: «Всё, кружась, исчезает во мгле» («Бедный друг! истомил тебя путь...»).

«Пройдет зима — увидишь ты...» Впервые — «Новое слово», 1911, № 2, под заглавием: «Проездом». В рукописи — позже приписанная помета-эпиграф: «Угрюмством множа красоту». Источник этого эпиграфа не установлен.

«Встану я в утре туманное...» Впервые — «Образование», 1908, № 5. В рукописи — позднейшая помета: «Вариант», отсылающая к стих. 1904 г. «Тяжко нам было под вынуждами...» (т. II наст. издания).

«Ранний час. В пути позрима...» Впервые — «Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов С.-Петербургского университета» (1903), без последней строки, выброшено редактором сборника Б. В. Никольским. Окончательный текст — 1902 или 1903 г.

«Ты уходишь от земной юдоли...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи озаглавлено: «Отчаянье».

«Снова ближе вечерние тепи...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи — помета: «Ante lucem» («До света», — так Блок помечал стихи, написанные перед встречами с Л. Д. Менделеевой).

«Я бремя похитил, как тать...» Впервые — 137
«Вершины», 1914, № 4. В рукописи — помета: «P⟨ost⟩ I⟨исем⟩»
137
«(После света)». Окончательный текст — 1918 г.

«Хранила я среди молодых созвучий...»
Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи — помета:
«a⟨nte⟩ I⟨исем⟩» («до света»). В отдельном автографе это стихо-
творение объединено со следующим («Медленно в двери церков-
ные...») под общим заголовком: «Женственные стихи».

«Медленно в двери церковные...» Впервые —
«Слово», 1908, 18 мая. В рукописи после второй строфы — еще
одна:

И бесконечно глубокие
Мысли растут и желания,
Вижу я небо далекое,
Слышу я божье дыхание.

В рукописи — помета: «P⟨ost⟩ I⟨исем⟩» («После света»). Об этом
стихотворении Блок упоминает в дневнике 1918 г.: «Знаменательна была встреча 17 октября» (в этот день он встретился
с Л. Д. Менделеевой в Казанском соборе). См. предыдущее прим.

«Ловлю я тонкий прах падежды...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. В рукописи — заглавие:
«Декадентское стихотворение» и помета: «p⟨ost⟩ I⟨исем⟩» («после
света»). Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Скрипнула дверь. Задрожала рука...»
Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — помета: «a⟨nte⟩
I⟨исем⟩» («до света»). В авторском экземпляре «Собр. стих.» I
(1911) зачеркнуто, с пометой: «Мама говорит, что это — русская
девушка».

«Зарево белое, желтое, красное...» Впервые —
«Русь», 1907, 20 марта (Приложение № 12).

«Восходя на первые ступени...» Впервые —
«Собр. стих.» I (1911). В рукописи — помета: «p⟨ost⟩ I⟨исем⟩»
«(после света)» и отброшенное заключение:

Отошел, молитвы слыша слово,
Черный дым — к покинутым мирам.

Но душа, пылать и петь готова,
Молят слез таких, как там.

Окончательный текст — 1910 г.

«Один порыв — безвластный и плачущий...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1910, 14 января; вторично — «Новое слово», 1910, № 11.

«Я ли пишу, или ты из могилы...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — эпиграф из С. Я. Надсона («Памяти Н. М. Д—ой»):

Не я пишу — рукой мосю,
Как встарь, владеешь ты, любя...

«Жду я холодного дня...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — помета: «р⟨ost⟩ l⟨исем⟩» («после света»), относящаяся также и к предыдущему стихотворению.

«Ты страстью ждешь. Тебя зовут...» Впервые — «Приазовский край», 1915, 1 января; вторично — «Молва», 1918, 8 июня. Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Будет день — и свершится великое...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Я долго ждал — ты вышла поздно...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. К этому стихотворению относится запись в дневнике 1918 г.: «Л. Д. ⟨Менделеева⟩ ходила на уроки к М. М. Читай ⟨руководительница драматических курсов. — В. О.⟩, я же ждал ее выхода, следил за ней и иногда провожал ее». См. также стих. «Высоко с темнотой сливаются стена...» и «Там — в улице стоял какой-то дом...» (стр. 158 и 192 наст. тома).

«Ночью вьюга спечняя...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — пометы: «а⟨nte⟩ l⟨исем⟩» («до света») и «Лекция Ф. Соколова» (Ф. Ф. Соколов — профессор Петербургского университета, историк и археолог).

«Темно в комнатах и душно...» Впервые — «Слово», 1908, 25 мая. В рукописи озаглавлено: «Летом».

«Ми се битва сердце веселит...» Впервые — ¹⁴⁶₁₅₃
«Столичное утро», 1907, 13 октября. Эпиграф — из сонета Пе-
ттарки (1304—1374) в переводе Д. С. Мережковского.

«Не отвязный стоит на дороге...» Впервые —
«Золотое руно», 1908, № 1.

«Молчи, как в старь, скрываая свет...» Впервые —
«Нива», 1909, Литературное приложение № 6.

«Вечерющий сумрак, поверль...» Впервые —
«Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«Сумрак дня несет печаль...» Впервые — «Русь»,
1907, 23 апреля (Приложение № 17).

«Старый год уносит спы...» Впервые — «Час»,
1908, 1 января.

Двойнику. Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи вместо заглавия — помета: «Стихотворение посвящено моему другому „я“». В черновике (записанном в дневнике под 27 декабря 1901 г.) после второй строфы — еще две:

Я ждал тебя — во мnis лежали тайны,
А ты — вдали, в синеющих полях,
Мой бедный друг, свершитель мой случайный,
Чтó понял ты в причудливых цветах?

Ты совершил, но зпал ли ты, безумный,
Что за тобой следит моя тоска,
И этот сон — и праздничный и шумный —
Тебе — мечта, светла, но далека.

Там же — две записи, комментирующие стихотворение и пам-
чающие развитию задуманного сюжета (см. «Литературное на-
следство», 1937, № 27/28, стр. 308, или т. VII наст. издания).

«Мы, два старца, бредем одинокие...»
Впервые — «Биржевые ведомости», 1910, 3 октября; вторично —
«Новое слово», 1910, № 10. В рукописи и в первых публикациях —
заглавие: «Два старца» и после второй строфы — еще одна:

Мы, два старца, землей искушенные,
Дрожим, как в первые дни,

Когда, пепосвященные,
У жертвы мы жгли огни.

Окончательный текст — очевидно, 1915 г.

Ночь на Новый год. Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 1. В корректуре «Собр. стих.» I (1911) — помета: «Оправдалось» («Памяти Блока», П., 1923, стр. 93). Стихотворение представляет собою вариацию на тему известной баллады В. А. Жуковского «Светлана».

«Я шел — и в след за мною шли...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). К этому стихотворению относится запись в дневнике 1918 г.: «Новогодний визит (к Менделеевым). Гаданье т-те Ленц и восторг (демонический...)» (Л. Д. Ленц — знакомая Менделеевых).

«Бегут неверные дневные тени...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903). В отдельном автографе (датированном 12 января 1902 г.) — интересный вариант первого двустишия заключительной строфы:

Бегут неверные дневные тени,
Колокола зовут своих рабов...

О С. М. Соловьеве см. выше, стр. 591. В первой строке — отзвук А. А. Фета: «...покиная неверные тени» (стих. «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...»).

«Сгущался мрак церковного порога...» Впервые — «Русская молва», 1912, 25 декабря. Первоначальный текст третьей строфы:

Церковный свод будил глухие стоны,
И страшен был недремлющий ответ;
А в глубине церковного амвона
Тогда зловещий загорался свет.

Окончательный текст — декабрь 1911 г.

«Высоко с темнотой сливаются стена...» Впервые — «Нива», 1908, № 10. См. на стр. 596 — прим. к стих. «Я долго ждал — ты вышла поздно...»

«Там, в полу сумраке собора...» Впервые — ¹⁵⁹
«Нива», 1907, Литературное приложение № 3. ¹⁶⁴

«Мы преклонились у завета...» Впервые —
«Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи после первой
строфы — еще одна:

То было смутное паренье, —
Слиянье неба и земли,
И молодое окрыленье
Души, смеющейся вдали.

Окончательный текст — лето 1904 г. Исаакиевский собор — в Пе-
тербурге.

«Я укрыт до времепи в приделе...» Впер-
вые — «Золотое руно», 1908, № 1, без второй и четвертой строф.
Окончательный текст — 1918 г. В рукописи — помета 1910 г.:
«Мятели — здесь необходимо сохранить это написание, в про-
тивоположность Снежной Маске» (в цикле 1907 г. «Снежная
Маска» применена транскрипция: «метели»).

«И нам недолго любоваться...» Впервые —
«Записки мечтателей», 1919, № 1. Это четверостишие Блок ввел
в стих. «В чужбину по гудящей стали...» (см. стр. 358 наст. тома).

«Уходит день. В пыли дорожной...» Впер-
вые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи — помета: «Уни-
верситет. Лекция Соболевского» (А. И. Соболевский — профессор
Петербургского университета, филолог).

«Сны раздумий небывалых...» Впервые — альм,
«Гриф» (1904). Первоначальный текст:

Дни раздумий небывалых
Стерегут в почти.
Вот и светов запоздалых
Бледные лучи...

Им огней моих не надо,
Мне — лучей от них.
Мне — последняя отрада
В тайнах неземных.

Все огни моей свободы
Загорелись там.

Здесь — снега и непогоды
Окружили храм.

Тайны близки и мгновенны,
Там — за гранью — дым.
Но царицей вдохновенной,
Красотой неизреченою,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни раздумий, дни свиданий
Стерегут в тиши.
Ждать ли новых упований
Молодой души?

Или ввысь, навстречу жизни,
Воспарить — гореть, —
Не вздыхая об отчизне
Здешней, — умереть?

О, как мало здешних светов,
Как бледны лучи!
Исполненье всех заветов
Для меня — в ночи.

Окончательный текст — лето 1904 г. В рукописи — две пометы; первая: «Свободно ли от декадентства?» и вторая, судя по почерку, более поздняя (может быть, 1918 г.): «Ідіс с накл(онностью) к просветл(ению). Но — еще смерть личная» (Ідіс — греческая транскрипция имени древнеегипетской богини Изиды; на языке мистической философии и поэзии символистов Изида служила символом чувственного, «греховного» начала).

«На весенний праздник света...» Впервые — «Трудовой путь», 1907, № 3. В первой строфе — перенес Вл. Соловьева (стих. «Наконец она страхнула...»):

Отчего же день расцвата
Для меня печали день?
Отчего на праздник света
Я несусь ночную тень?

«Ты была светла до страшности...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — окончание, отброшенное в 1910 г.:

О, светлей и суеверие
Загорятся наши дни,

Только ты зарей вечернею
Приходи и отдохни.

167 —
170

«Не поймут бесскорбные люди...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В отдельном автографе 1902 г. после второй строфы — еще одна:

А там, одна, одинокая,
Она здешних не видит снов,
Но знаю — чует далекое
В глубинах безвестных веков.

В черновике — помста: «Перед окнами 10 февраля. Маскарад у Боткиных». Имеется в виду следующий случай: Блок и Л. Д. Менделеева посещали богатый дом художника и коллекционера М. П. Боткина (Л. Д. Менделесева дружила с его дочерьми); однажды они были позваны к Боткиным на маскарад, однако Блок на этот раз отказался и, расхаживая под окнами боткинского дома, наблюдал за разряженными гостями, среди которых была и Л. Д. Менделесева (сообщено Л. Д. Менделесовой-Блок).

«Сны без отчетны, ярки краски...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. Эпиграф — слова Купавы из драмы А. Н. Островского «Снегурочка». В 1898 г. Блок в любительском спектакле исполнял в этой пьесе роль Мизгира.

«Мы живем в старинной келье...» Впервые — «Русь», 1907, 13 марта (Приложение № 11). В рукописи и в первых публикациях после первой строфы — еще одна:

И отвека неизменна
Старая степа.
Здесь, бесстрастна и мгновенна,
Шепчет тишина.

Окончательный текст — 1915 г.

«Верю в Солнце завета...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. *Апокалипсис* — «Откровение св. Иоанна», древнейшая из книг «Нового завета», содержащая пророчества о грядущем «конце света».

*171—
177* «Кто-то с богом шепчетсѧ...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1, без второго четверостишия. В рукописи озаглавлено: «В церкви».

«Мы все простим — и не нарушим...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Ты — божий день. Мои мечты...» Впервые — «Русь», 1908, 15 июня. Здесь после первой строфы — еще одна:

Всё бьются мощные крыла,
Не слабнут дерзостные птицы...
Но вот — свистящая стрела —
Огонь карающей зеницы.

В черновике, датированном: «20—21 февраля. Ночь», — набросок четвертой строфы:

О славе светлой красоты,
О стрелах гнева в вихре бури...

Окончательный текст — 1910 г.

«Целый день передо мною...» Впервые — «Одесские новости», 1907, 25 декабря. В рукописи после первой строфы — еще одна:

И до вечера безгрешен,
Светел, ясен и беспечен,
В милом свете бескопечен,
Шел и я, душой утешен.

Окончательный текст — 1907 г.

«Там сумерки невнятно трепетали...» Впервые — «Северные записки», 1913, № 4. Окончательный текст — 1912 г.

«Мы странствовали с Ним по городам...» Впервые — «Северные записки», 1913, № 4. Окончательный текст — 1912 г.

«Гадай и жди. Среди полночи...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«Жизнь медленная шла, как старая га-¹⁷⁸₁₈₄
далка...» Впервые — «Северные записки», 1913, № 4. В рукописи — эпиграф из стих. Я. П. Полонского «Вечерний звон»:

И, как ни громко пой ты, — лиру
Колокола перезонят.

Окончательный текст — 1913 г.

«Мой вечер близок и безволен...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи после первой строфы — еще одна:

Твоим прозреньям не причастен
И полон жизнию иной,
Я в этой жизни многовластен
И родствен с этой глубиной.

Окончательный текст — лето 1904 г.

«На темном пороге тайком...» Впервые — «Речь», 1908, 13 июля, под заглавием: «В храме» и с вариантом в стихах 6—7:

Я слушаю в пламенном сне...
Молчанье... Молитвы любви...

Окончательный текст — 1910 г.

«Я медленно сходил с ума...» Впервые — «Вершины», 1914, № 4. Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Весна в реке ломает льдины...» Впервые — «Русь», 1907, 6 апреля (Приложение № 14). *Mouseev куст.* — По библейскому преданию, Моисей из горевшего и не сгоравшего куста (Неопалимая купина) услышал божественный призыв к освобождению евреев от египетского рабства.

«Кто плачет здесь? На мирные ступени...» Впервые — «Русская молва», 1912, 25 декабря.

«Утомленный, я терял надежды...» Впервые — «Приазовский край», 1913, 14 апреля, под заглавием: «Светлый сон».

**185 —
191** «Страницы и новые ищу на страницах...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. В рукописи озаглавлено: «Провиденье». Блок несколько раз переделывал первый стих: «Новых мерцаний ищу на страницах», «Новых заветов ищу на страницах», «Новых созвучий ищу на страницах». Последняя редакция была принята в «Новом Пути» и в сборнике «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Купина — куст; в библейской мифологии Испалимая купина — куст, который горит и чудесным образом не сгорает (см. на стр. 603 — прим. к стих. «Весна в реке ломает льдины...»).

«Днем вershу я дела суеты...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903). В рукописи озаглавлено: «Из действительности».

«Люблю высокие соборы...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Я знаю день моих проклятий...» Впервые — «Бодрое слово», 1909, № 1. В рукописи после первой строфы — еще одна:

Он исполнительно схож со мною
И молчалив среди людей,
Но, крадучись моей тропою,
В пустынном поле — чародей.

Окончательный текст — очевидно, 1908 г.

«Мы отошли и стали у корнила...» Впервые — альм. «Корона» (1908).

«Я — тварь дрожащая. Я учами...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Здесь после первого четверостишия — еще одно:

Что я могу в Тебе измерить?
Могу постичь одни цветы...
Но то, во что лишь можно верить, —
То — Неизведенная Ты.

Окончательный текст — 1915 г.

«Слыши колокол. В поле весна...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи начиналось строфой, отброшенной летом 1904 г..

Слышу колокол. В поле — весна.
Ухожу в розоватые дали.
Вот — последнее солнце вселенского сна.
Завтра — бледное солнце печали.

192 —
197

«Там — в улице стоял какой-то дом...»
Впервые — альм. «Гриф» (1904). См. на стр. 596 — прим. к стих.
«Я долго ждал — ты вышла поздно...»

«Я и мир — снега, ручьи...» Впервые — «Русь», 1907, 4 сентября (Приложение № 34), под заглавием: «Мир горит» (первый стих здесь читается: «Мир горит! Снега, ручьи»); вторично — «Жизнь», 1918, 4 мая, под заглавием: «Мир в огне» (первый стих здесь: «Мир в огне! Снега, ручьи»). Окончательный текст — 1918 г. В рукописи — помета: «В ужасе — накануне экзамена Соболевского».

«Мы встречались с тобой на закате...»
Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6. Варианты четвертой строфы — в рукописи:

Ни тоски, ни любви, ни обмана:
Всю ты жизнь пеленой обвила.
Очертание бледного стана,
Молчаливая дума весла, —

и в первых публикациях:

Ни тоски, ни любви, ни обмана,
Всё померкло, прошло, отошло...
Очертание белого стана
И твое золотое весло.

(см. также текст, опубликованный в книге П. Перцова «Райский Блок», М., 1922, стр. 19—20).

«Тебя скрывали туманы...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903).

«Когда святого забвения...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«Ты не ушла. Но, может быть...» Впервые — «Русская мысль», 1913, № 4. В рукописи после первой строфы — две следующие.

Еще доступны мне края
Твоей одежды лучезарной,
Но тайнодейственное «я»
Испепелил огонь пожарный.

Ах, чья разлука тяжелей!
Вот — зной и сумрак безответный:
Ты — летний цвет, я — соловей
В темнице злой и многоцветной.

Окончательный текст — декабрь 1911 г. В рукописи дата переработки сопровождается пометой: «№ — важно».

«Б р о ж у в с те н а х м о на с т ы р я...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В черновике — другой текст третьей строфы:

Кругом всё снег — еще белей,
Нетронутый, как риза Девы.
За службой — желтый воск свечей,
И в церкви мирные напевы.

В рукописи — помета: «Первая половина диптиха (см. 1 августа)», отсылающая к стих. «Инок шел и нес святые знаки...» (стр. 513 наст. тома).

«Н а р ж а в ы х п е т л я х от к р ы в а ю с тав н и...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Черновик датирован 13 июня 1902 г.

«З о л о т о к у д р ы й а н г е л д п я...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В черновике начинается строфой:

Я помню всё, чему молюсь, —
Не смолкнут, не устанут воды.
Но тайный плен открыть стыжуясь
И внемлю голосу свободы.

В рукописи после второй строфы окончательного текста — еще одна:

Всё, что ты мыслишь, чем живешь,
Не может перейти границу:
Ты сказки детской не поймешь
И не отвергнешь небылицу.

Окончательный текст — 1910 г.

«Пробивалась певучим потоком...» Впервые — «Речь», 1908, 10 февраля. В черновике — помета: «Дидина смерть и все остальное» (Дидя — дед Блока, А. Н. Бекетов, скончавшийся в Шахматове 1 июля 1902 г.).

На смерть деда. Впервые — «Новое слово», 1910, № 6. Черновик датирован 2 июля 1902 г. Дед Блока (по матери) — Бекетов Андрей Николаевич (1825—1902), видный ученый (ботаник) и либеральный общественный деятель, профессор и ректор (в 1876—1883 гг.) Петербургского университета, инициатор создания Высших женских курсов.

«Не бойся умереть в пути...» Впервые — «Русская молва», 1913, 14 апреля, с еще одной, заключительной, строфой:

В последний день Она сойдет
В лучах небесных озарений;
И воскресением дохнет,
И ты воскреснешь — для видений.

Первоначальный текст этой строфы (в рукописи) такой:

В последний день она сойдет
В неизъяснимости сияний
И воскресением дохнет,
И ты воскреснешь — для свиданий.

Кроме того, стихи 3—4 в рукописи читаются так:

Лишь грани страха перейти —
Достиgnешь непостижной службы.

Время переработки — декабрь 1911 г. Окончательный текст — 1915 г.

«Я, отрок, зажигаю свечи...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. В черновике, датированном 5 июля 1902 г., другое начало третьей строфы:

Я дней давно не замечаю,
Однообразье — мне закон.
Поутру смех ее встречаю...

В рукописи — помета: «Полнолуние».

205 — 207 «Говорили короткие речи...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Первоначальный черновой текст:

Говорили странные речи,
К почти ждали каких-то вестей.
Я вописал — и мне дали свечи
И велели ждать у дверей.

Подходили многие к дому,
Из дома уходили в скит.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнавал
Что-то скучное о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Мне была приятна потеря,
Но страшно ее воскресить.

Так стоял и думал о боже,
Смотрел на горы вдали.
А там — на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

Тут же — помета: «15 июля. (Из Боблова. Не видел)», относящаяся к Л. Д. Менделсовой.

«Сбежал с горы и замер в чащебе...» Впервые — альм. «Гриф» (1904). В рукописи — сиятое посвящение О. М. Соловьевской (см. о ней выше, стр 585)

«Я и молод, и свеж, и влюблён...» Впервые — «Лебедь», 1908, № 1. В первой строке — отзывк стихов Я. П. Полонского: «Снится мне: я свеж и молод, Я влюблен, мечты кипят...» («Качка в бурю»), запомнившихся Блоку еще в раннем детстве, о чем он упомянул в Автобиографии (т. VII наст. издания).

«У ж а с е п х о л о д в с ч е р о в...» Впервые — «Речь», 203 —
1908, 17 августа. Дата (указанный самим Блоком) вызывает со-
мнения, так как черновик помечен: «Ночь на 20 августа».

«З а т е м н о й д а л ъ ю г о р о д с к о й...» Впервые —
«Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«С в е т в о к о ш к е ш а т а л с я...» Впервые — альм.
«Гриф» (1904). В черновике после второй строфы — еще одна:

Только томная пара
Отделилась одна.
За плечами — гитара,
И стоят у окна.

Сообщая это стихотворение З. Н. Гиппиус, Блок писал ей 14 сентября 1902 г.: «Пока что разрежаю мою сгущенную, молниенос-ную атмосферу жестокой арлекинадой, которой стихотворное выражение и посылаю вам» («Литературное наследство», 1937, № 27/28, стр. 352). В корректуре «Собр. стих.» I (1911) четвертая строфа отчеркнута, с пометой, отсылающей к лирической драме «Балаганчик» (см. «Памяти Блока», II., 1923, стр. 98), мотивы которой действительно предвосхищены в данном стихотворении. Ср. ремарку в драме: «Средневековье. Задумчиво склонившись, она следит за его движениями. Он весь в строгих линиях, большой и задумчивый, в картонном шлеме — чертит перед ней на полу круг огромным деревянным мечом» (т. IV наст. издания).

«П ы т а л с я с е р д ц е м о т д о х н у тъ я...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903). В черновике — пометы: «P_{ost} L_{и всем}» («После Света») и «Вернулись из поездки в Боб-лово в шестером. Молчание».

«З о л о т и с т о ю д о л и н о й...» Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 5.

«Б е з М е с и я б т в о и с и ы у л е т а л и...» Впервые —
«Новое слово», 1912, № 8, под заглавием «Голос» и с еще одной,
заключительной, строфой:

Это имя — последнее чудо,
Это имя — лазурная связь.
На земле о тебе не забуду,
Ты воскресешь, ко мне возвратясь.

²¹⁴
₂₁₅ (Первоначальный текст второго двустишия:

Может быть, я уйду и забуду,
Но погибну, к тебе возвратясь.)

В черновике, датированном 30 июля 1902 г., с пометой: «Р⟨ost⟩
L⟨ucem⟩» («После Света»), начиналось строфой:

Ты со мною молилась в пустыне
И черты не достигла едва...
Мы с тобой не родные отныне,
И напрасны святые слова:

В рукописи — первоначальный текст стихов 3—4:

Здесь мы пели с тобой и мечтали —
В наше небо, дитя, возвратись.

Перерабатывалось в феврале 1912 г. Окончательный текст — 1915 г.

«Тебя я встречу где-то в мире...» Впервые — «Собр. соч.», т. I (1922). В черновике — первоначальный текст стихов 3—4:

На неизбежном странном пире
Среди волнений и тревог.

Окончательный текст — февраль 1914 г. Это четверостишие Блок ввел в стих. «В чужбину по гудящей стали...» (стр. 358 наст. тома).

«Я вышел в ночь — узнать, понять...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903). В черновике, озаглавленном: «Влажный холод», другой текст заключительной строфы:

И встали дыбом волоса,
И пел я, простирая длани...
А там — промчались голоса
В сыром серебряном тумане.

В неизданных воспоминаниях о Блоке друга его Е. П. Иванова об этом стихотворении говорится: «На вопрос мой прямо, кто же на пустом седле смеется, он не знал, „как“ определенно ответить, полууточнительно ответил: „Должно быть, антихрист“». Отмечаем близкое сходство этого стихотворения (по теме, образам, словарю и композиции) со стих. Ф. Сологуба «Я ухо приложил

к земле...», датированным 3 декабря 1900 г. (см.: Ф. Сологуб. ²¹⁷₂₂₂ Собрание сочинений, т. V, СПб., 1913, стр. 113 и 233).

«Без радостные всходят семена...» Впервые — «Речь», 1908, 20 января. Окончательный текст — 1910 г.

«В городе колокол бился...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи после второй строфы — еще одна:

Многие шли и манили,
Их поглощали года.
Многие думы остыли,
Или ушли навсегда.

В черновике озаглавлено: «(Снова) В поле за Петербургом» (см. на стр. 588 — прим. к стих. «В день холодный, в день осенний...»). Окончательный текст — очевидно, 1907 г.

«Я просыпался и всходил...» Впервые — альм. «Гриф» (1904).

Экклесиаст. Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3, с эпиграфом из Библии: «Бысть Экклесиаст мудр». Стихотворение представляет собой переложение части (ст. 3—6) XII главы ветхозаветной «Книги Екклесиаста», приписанной в древности царю Соломону. В указанной части «Екклесиаста» речь идет о смерти человека. *Екклесиаст* в переводе с греческого означает: проповедник. Первоначальный вариант этого стихотворения Блок напечатал отдельно (см. «В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...» — стр. 355 наст. тома).

«Онастройна и высока...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903).

«Был вечер поздний и багровый...» Впервые — «Речь», 1907, 25 декабря. В рукописи — несколько последовательных вариантов третьей строфы; приводим из них два:

⟨1⟩

И было знаменье и чудо:
Сквозь детский плач и женский крик
Среди толпы возник Иуда,
Христа предавший ученик.

И было знаменье и чудо:
 В толпе, на взмыленном коне,
 Процесся призрачный Иуда,
 И тонот замер в тишине.

Окончательный текст — очевидно, 1907 г. В рукописи посвящено И. Д. Менделееву (см. о нем ниже, стр. 686). В 1904 г. это стихотворение было вычеркнуто цензором в корректуре июньской книжки журнала «Новый Путь». *Иуда Искариот* — по евангельской легенде, один из апостолов Иисуса Христа, из корысти предавший его в руки врагов. Версия о том, что Иуда был при рождении Иисуса, не находит подтверждения в евангельских источниках и, очевидно, придумана Блоком.

С т а р и к. Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. Посвящено академику Андрею Сергеевичу *Фамицину* (1835—1918) — ботанику и физиологу, близкому знакомому Бекетовых.

«При жолтом свете веселились...» Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1.

«О л e г e n d a x , o с k a z k a x , o t a i n a x ...» Впервые — «Речь», 1908, 21 сентября, под заглавием: «Христос». В рукописи и в первой публикации 2-й стих читается так: «Был один *Непобедный Христос*».

«Он входил простой и скучный...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Я вился он на стройном бале...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. *Коломбина, Арлекин и Пьеро* — традиционные персонажи итальянской народной «комедии масок». В обычных комедийных ситуациях Арлекин — злоязычный насмешник и пройдоха, Пьеро — его незадачливый товарищ, Коломбина — жена Пьера и любовница Арлекина.

«Свобода смотрит в синеву...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Окончательный текст — очевидно, лето 1904 г. В корректуре «Собр. стих.» I (1911) отчеркнута последняя строфа, с пометой: «А. Белый» (см. «Памяти Блока», II, 1923, стр. 103).

«Ушел он, скрылся в ночи...» Впервые — «Солнце России», 1916, № 7. Окончательный текст — 1916 г.

1. «Любила нежные слова...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

2. «Безмолвный призрак в терему...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903).

«Вхожу я в темные храмы...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903).

«Ты свята, но я Тебе не верю...» Впервые — альм. «Северные цветы» (1903). В корректуре «Собр. стих.» I (1911) — помета к последней строке:

«В предсмертный вылив крик
Всю злость, что днес страну в одном напоре сжал»

(«Памяти Блока», П., 1923, стр. 104). Источник цитаты не установлен.

«Будет день, словно миг веселья...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи — помета: «Набрано было в Н(овом) П(ути)». Сохранился корректурный оттиск этого стихотворения, относящийся, по-видимому, к 1918 г.; здесь опущена вторая строфа и дан другой текст заключительной строфы:

Но любовью иной отвечу
И дрожащий лик изменю,
И пойду на ишую встречу,
Твоему сопричастный Дню.

Однако в последнем издании первого тома Блок вернулся к прежнему тексту.

«Его встречали повсюду...» Впервые — «Огонек», 1915, № 51, под заглавием: «Чудак».

«Разгораются тайные знаки...» Впервые — «Северные записки», 1913, № 4.

«Мне страшно с Тобой встречаться...» Впервые — альм. «Гриф» (1904). В рукописи — эпиграф: «На всех явлениях лежит печать», взятый из стих. З. Н. Гиппиус «Швея» (1901).

^{238—}
²⁴³ «Дома растут, как желапья...» Впервые — альм. «Гриф» (1904). В рукописи озаглавлено: «Декадентское». *Орфей* (греч. миф.) — чудесный поэт и певец; спустился в подземное царство за своей умершей женой Эвридикой, которую все же потерял, потому что, выводя ее, оглянулся, вопреки запрету богов.

РАСПУТЬЯ

«Я их хранил в приделе Иоанна...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи — позже приписанное заглавие: «Прекрасная Дама». Написано было сразу после решительного объяснения с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г., когда она согласилась стать женой Блока. Свой дневник 1902 г. Блок закончил следующими словами: «Сегодня 7 ноября 1902 года совершилось то, чего никогда еще не было, чего я ждал четыре года» (т. VII наст. издания). Ср. стих. «7—8 ноября 1902 года» (стр. 523 наст. тома). *Осанна* (в переводе с греческого: «Спаси же!») — молитвенный возглас, славословие.

«Стою у власти, душой одинок...» Впервые — альм. «Проталина» (1907).

«Еще бледные зори на пебе...» Впервые — «Нива», 1907, Литературное приложение № 6, под заглавием: «Иванова ночь». Окончательный текст — 1918 г. В рукописи — вариант заглавия: «Близ Иванова дня». Эпиграф — из стих. А. А. Фета «Еще весна. Как будто неземной...»

«Я надел разноцветные перья...» Впервые — «Образование», 1907, № 4.

Песня Офелии. Впервые — «Новый Путь», 1904, № 11 (без третьей строфы и с вариантами). В рукописи после третьей строфы — еще одна:

Он такой печальный и строгий,
Отчего он такой молчаливый —
такой молчаливый?
Я скажу ему много, много
Про лилии, про песни, про ивы.

Окончательный текст — лето 1904 г. Вариация на тему песни Офелии в трагедии Шекспира «Гамлет». В рукописи связано со стих. «Мы проснулись в полном забвении...» (стр. 525 наст. тома). ^{244 — 251}

«Я, изнуренный и премудрый...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

Голос. Впервые — «В мире искусств», 1907, № 17/18. Окончательный текст — 1918 г.

«Я буду факел мой блести...» Впервые — альм. «Корона» (1908). В авторском экземпляре «Собр. стих.» I (1911) — помета: «? метафора на метафоре».

«Мы всюду. Мы нигде. Идем...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Я смотрел на слепое людское строение...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи зачеркнуто заглавие: «Утро». Андрей Белый — литературный псевдоним Бориса Николаевича Бугаева (1880—1934), поэта, прозаика, критика, виднейшего теоретика символизма, с которым Блок вступил в переписку в январе 1903 г., лично познакомился в январе 1904 г. и с которым в течение всей жизни поддерживал крайне первые отношения (наиболее близкие в 1904—1905 гг.).

«Царица смотрела заставки...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3. Отражение народно-поэтического предания о Глубинной (или Голубиной) книге, упавшей на землю с неба. Книга эта, одно из популярных произведений духовной литературы, явилась средоточием церковной мудрости русского средневековья. Глубинной книгу называли от глубины премудрости, в ней заключенной, а голубиной — по известному символу «святого духа». У Блока это предание переосмыслено в плане противопоставления искушенной книжной «глубинности» и истинно мудрой «голубиной кротости».

«Вот она — в налетевшей волне...» Впервые — «Слово», 1909, 30 мая, под заглавием: «Дева-Обида» (образ, заимствованный из «Слова о полку Игореве»).

«В се кричали у круглых столов...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Об этом стихотворении Блок дважды упоминает в письмах к Л. Д. Менделеевой: «Написал хорошие стихи... Они совсем другого типа — из Достоевского» (26 декабря 1902 г.); «Что Ты скажешь про это? Это — не декадентство? Это не бесформенно. Это просто и бывает в жизни, на тех ее окраинах, когда Ставрогины кусают генералов за ухо. Но это „скорпионисто“ и надо будет отдать Брюсову. Здесь не поправится. А м(ожет) б(ыть), это чепуха» (28 декабря 1902 г.). *Ставрогин* — один из героев романа Ф. М. Достоевского «Бессы», человек необычайно страшных поступков (эпизод с кусанием губернатора за ухо — см. ч. I, глава 2). *Скорпионисто* — намек на издательство московских символистов «Скорпион», выпускавшее альманахи «Северные цветы»; во главе издательства стоял В. Я. Брюсов. Здесь — в редакции «религиозно-философского» журнала «Новый Путь», руководящую роль в котором играли Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

«Покрасели и гаснут ступени...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«Я искал голубую дорогу...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«Мы отошли — и тяжко поднимали...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Она ждала и билась в смертной муке...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Запевающий сон, зацветающий цвет...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Первоначальный набросок, датированный 11 сентября 1902 г.:

Запевающий голос, поблекнувший цвет,
Улетающий день, погасающий свет.

Нагибаясь в окно, услыхал я сирень.
Это было весной, в улетающий день.

Это было весной — и на томный карниз
Передвинулись тени ликующих риз,

И не знал я, откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгорая, вошла на крыльцо.

258 —
263

Ах, дремота взяла угасающий день,
Ранней весной услыхал я сирень.

«Целый год не дрожало окно...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6, с эпиграфом: «В день, когда ангелов к солищу поднимутся трубы», взятым из стих. В. Я. Брюсова «Камни». Об *Андрее Белом* см. выше, стр. 615.

«Здесь ночь мертвa. Слова мои дики...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи озаглавлено: «Страх».

«Я к людям не выйду на встречу...» Впервые — «Новый Путь», 1903, № 3.

«В посланьях к земным владыкам...» Впервые — «Новое вино», 1912, № 1. Окончательный текст — 1918 г.

«Здесь память волны святой...» Впервые — альм. «Корона» (1908). В авторском экземпляре «Собр. стих.» I (1911) — помета ко второй и третьей строфам: «Неправда. И не надо?».

«Потемнели, поблекли залы...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Старуха гадала у входа...» Впервые — «Русь», 1908, 1 января.

«Погружался я в море клевера...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Зимний ветер играет терновником...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 11 (без третьей строфы).

«Снова иду я над этой пустынной равниной...» Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. В рукописи озаглавлено: «Безумец».

^{269 —}
²⁷⁵ «— Всё ли спокойно в народе?..» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В рукописи посвящено И. Д. Менделееву (см. о нем ниже, стр. 686). Во всех дореволюционных изданиях слово император (во 2-м стихе) было заменено, из цензурных соображений, на полководец. Погох железный — образ, заимствованный из Апокалипсиса (II, 27 и XIX, 15).

«Дела совершились...» Впервые — «Слово», 1908, 22 июня.

«Мне снились веселые думы...» Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 5.

«Отворяются двери — там мерцанья...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«Я вырезал посох из дуба...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«У забытых могил пробивалась трава...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6. О Сергее Соловьеве см. выше, стр. 591.

А. М. Добролюбов. Впервые — альм. «Белые ночи» (1907), под заглавием: «Одному из декадентов». В эпиграфе из А. С. Пушкина («Легенда») буквы *A. M. D.*, совпадающие с инициалами А. М. Добролюбова, означают: «Ave Mater Dei» («Славься, матерь божья» — слова католической молитвы). Добролюбов Александр Михайлович (род. в 1876 г.) — поэт-декадент, в конце 90-х годов от «магизма» и «демонизма» обратившийся к религиозному аскетизму и проповедничеству. Оставив литературу, он стал странником, одно время был послушником в Соловецком монастыре, затем основал секту «свободных христиан» («добролюбовцев»). Отношение Блока к Добролюбову было двойственным: в 1902 г., характеризуя его как крайнего декадента, он назвал его «главой лапососания» (записная книжка — см. т. VII наст. издания), а в феврале 1906 г. писал И. М. Брюсовой: «У меня за последние годы все еще только приготовляется какое-то „отношение“ к Добролюбову. Часто я закрывал глаза на него, иногда мне казалось воистину, что „А. М. Д. своею кровью начертал он на щите“» (см. т. VIII наст. издания).

«У берега зеленого на малой могиле...» 276 —
Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). 281

«Я был весь в пестрых лоскутьях...» Впервые — альм. «Гриф» (1904).

«По городу бегал черный человек...»
Впервые — альм. «Гриф» (1904).

«Проклиняю я — и в поле туманно...»
Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«На Вас было черное закрытое платье...»
Впервые — «Нива», 1908, Литературное приложение № 2. Первоначальный текст заключительной строфи:

Кто Он был — я не знаю, и никогда не узнаю.
Но во мне к Нему ревность и нечеловеческий страх.
Ревную к Божеству, кому песни слагаю,
К Божеству или Демону — на Ваших устах.

Окончательный текст — очевидно, 1907 г.

«Когда я стал дряхлеть и стынуть...»
Впервые — «Наша жизнь», 1906, 11 марта, под заглавием:
«Поэт». В рукописи — три варианта заглавия: «Еще старик»,
«Старик», «Поэт». В черновике после 16-го стиха («И мне смешно,
что я поэт...») идет:

Певец каких-то откровений,
Я, умирающий старик,
Едва сгибающий колени,
Создатель безрассудных книг.
А, между тем, я мучусь ночью,
Я от бессонниц изнемог...
Что, если сбудется воочью,
Чему я верить прежде мог!
Меня грызут мои сомненья
Уже бессильного ума...

Отсюда первые четыре стиха вошли также и в беловую рукопись (пятый стих читался: «Давно уставший верить книгам»). Окончательный текст — очевидно, 1906 г. В примечаниях в «Собр. стих.» I (1911) Блок отметил, что «выражение бессмертная поэзия»

²⁸² — ²⁸⁶ лость припадлежит Тютчеву» (см. его «Чему молилась ты с любовью...»). Стихотворение было вызвано впечатлениями курортного быта в Бад Наугейме (ср. письмо к Л. Д. Менделеевой от 31 мая 1903 г. — т. VIII наст. издания).

«Скрипка стопет под горой...» Впервые — «Нива», 1907, Литературное приложение № 3. В черновике — еще одна, средняя, строфа:

Как бела и как прозрачна,
Точно грезится во сне,
Приближается ко мне,
Как душа моя, безбрачна.

Там же — необработанные наброски:

Тополь поднял к небу ветки,
Задремал и онемел...

Жизнь пройдет в одной улыбке,
Сонно скатится с горы.
Эти призраки не зыбки...

Час вечерний наступал
Яблонь тихо облетала.
Платье белое мелькало.
Я глазами провожал.

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» Впервые — «Слово», 1909, 31 января. В стихотворении биографически достоверно изложены обстоятельства встречи Блока с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г. на вечере курсисток в зале Дворянского собрания, их решительного объяснения и следующей встречи, имевшей место 9 ноября в Казанском соборе. Ср. стих. «Я их хранил в приделе Иоаппа...» и прим. к нему (стр. 239 и 614 наст. тома).

«День был нежно-серый, серый, как то сказ...» Впервые — альм. «Гриф» (1904).

«Пристань безмолвна. Земля близка...» Впервые — «Образование», 1908, № 1. Черновик датирован 22 июля 1903 г.

«Я — меч, заостренный с обеих сторон...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Черновик дати-

рован 25 июля 1903 г. Обоюдоострый меч — образ, заимствованный из Апокалипсиса: «Из уст Его выходил острый с обеих сторон меч...» (I, 16 и II, 12). Стихотворение это было вычеркнуто цензором в корректуре ионьской книжки журнала «Новый Путь» за 1904 г.

Двойник. Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). Первоначальный текст был гораздо обширнее. Вместо первых двух строф было три:

Праздные тешились. Маги дремали.
Кто-то давно вопрошал у дверей.
Многие ждали, — и сны воскрешали
Сдержанний шепот забытых речей.

Шепот надежды, веселий личина,
Или тоски — не узнать, не сказать.
Ах, это сказка моя, Коломбина,
Это — угрюмых созвездий печать.

Было ли прежде — кто спросит, безумный,
Есть ли — никто не поймет ничего.
Ты, проходящий по улице шумной,
Ты не заметишь меня и еgo.

После пятой строфы окончательного текста шли еще четыре:

Ах, мои нежные люди, взгляните!
Если б вы знали, как тяжко в пути!
Сами не зная, вы злобно храните
Всё, чтоб в кровавых слезах изойти!

Бросьте собаке ненужные кости,
Я умоляю. Я страшен. Грожу:
Будут и к вам незнакомые гости,
Мертвых в постели я вам уложу!

Только взгляните! Старик мой — не пищий,
Держит в руках не клюку, не суму...
Люди! Поймите: со мною кладбище, —
Прежде ли, нынче ль, — я сам не пойму!

Или для вас наряжаться пестрее,
Чтобы вы знали, что мы с ним — одно?
Там, где на площади толпы живее,
Там, где на площадь откроют окно,

Дата сокращения и переработки — 24 февраля 1906 г. Коломбина и Арлекин — см. выше, стр. 612.

^{289 —}₂₉₃ «Над этой осенью — во всем...» Впервые — «Юность», 1907, № 2. В черновике — еще одна, заключительная, строфа:

Стою с опущенным забралом
У золотого алтаря.
Забыл о временном и малом
И помню, что близка заря.

Вербная суббота. Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. Первоначальный черновой набросок относится к апрелю 1903 г.

«Мой месяц в царственном зените...»
Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«Возвратилась в полпочь. До утра...»
Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1. В рукописи — приписанное позже и зачеркнутое заглавие: «Страница романа».

«Я бежал и спотыкался...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи — заглавие: «Символы» и ряд опущенных строк. После 20-го стиха («Во мне ли грянула мысль о Ней?..») идет:

О, я увидел! Ты — тот — несмелый,
Ему подобный, ты — дух толпы...
Я думал в страхе — то брат мой Белый?
Но там воздвиглись Ее столпы —
 Столпы, убегающие
 Ее Алтари...
 Во мне воздвигающие
 Всё, что убила заря...

После 24-го стиха («Разостлала кровавый платок...»):

Ты, что думала, веяла, реяла,
Отражала в себе мою кровь,
Что меня с колыбели лелеяла,
Без конца нашептала Любовь...

После 28-го стиха («Угадать Ее Имена...»):

Ах, какие в поле яркие цветочки!
Черный человечек их рвет и поет;
Это я — иду, спотыкаясь о кочки:
В сердце человеческом дождик идет.

Окончательный текст — лето 1904 г. Об Андрее Белом см. выше, стр. 615.

«Си ж у за ширмой. У меня...» Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1, под заглавием: «Испуганный» и с подзаголовком: «Иммануил Кант». Как указал Блок в прим. в «Собр. стих.» I (1911), это стихотворение было внушено ему «Трансцендентальной эстетикой» И. Канта (1724—1804). Самый образ человека, прячущегося за ширмой, заимствован из «Драматической симфонии» А. Белого (М., 1902, стр. 24), где описан «молодой философ», который, прочитав в «Критике чистого разума» Канта о пространстве и времени как априорных формах познания, придумывает — «нельзя ли заставить себя ширмами, спрятавшись и от времени и от пространства». Тема Канта в переплетении с темой «страха» перед временем и пространством возникла в переписке Блока с А. Белым отчасти в связи с приближением столетия со дня смерти немецкого философа (см.: А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 52, 67—68). А. Белый отмечает в своих воспоминаниях о Блоке: «...он пишет о страхе: что страх перед страхом есть самый действительный страх; таким страхом испуганным он считает философа Канта; он все возвращается к Канту, как испугавшемуся на веки веков» («Эпопея», 1922, № 1, стр. 184). Образ «сморщенного Канта, водрузившего свой маленький стульчик на холмике, с которого легко обозревать мир феноменов», присутствует также в статье Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», первоначальный набросок которой относится к 1903 г. (т. V наст. издания).

«...И снова подхожу к окну...» Впервые — «Новый Путь», 1904, № 6.

«Когда я уйду на покой от времен...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«Так. Я знал. И ты задул...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи — эпиграф из стих. А. Белого «Образ вечности» (1903):

Образ Возлюбленной —
Образ Возлюбленной —
Вечности.

Предпоследний стих сперва читался: «Дева-Мать отворит двери». Об Андрее Белом см. выше, стр. 615.

298 — 299 «Ты у камина, склонив седины...» Впервые —
«Новый Путь», 1904, № 6. Первоначальный текст:

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы над тобою — как сны — влюблены —
Нищем узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовой,
Строже подруг наших фей.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Маленьkim эльфам лстить суждено,
Вечно кружиться дано,
Прыгать, шалить — и исчезнуть в окно,
Илакать, стучаться в окно.

Как у людей хорошо и светло —
Старым и юным — тепло!
Мы шаловливо стучимся в стекло,
С завистью бьемся в стекло...

Старые сказки читает она —
Мы присмирили в углу...
Маленький эльф зашуршит у окна,
Мышкой шмыгнет на полу, —

Скажешь ты, тихо подняв седины:
«Что там упало, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

Маленьkim эльфам тоскливо, смешно
Слезка за слезкой течет.
Дочка твоя поглядит на окно —
Скажет: «Там дождик идет».

Эльфы — в германской мифологии духи природы.

«Крыльце Ее, словно паперь...» Впервые —
«Вопросы жизни», 1905, № 6. В рукописи — другой текст второй
strofы:

На лице Ее — тихий румянец,
В очах Ее — утренний свет.
В душе — кружящийся танец,
Каких у нас в мире нет, —

Но таких, как Она, я не знаю
 И не стану больше искать.
 Я с Ней мою жизнь встречаю,
 С Ней буду мою жизнь провожать.

Окончательный текст — очевидно, 1905 г.

«О блака небывалой улады...» Впервые — «Нечаянная Радость» (1907). В черновике, датированном 7 июня 1902 г., вместо первого четверостишия — следующие стихи:

Облака невозможного счастья, —
 Без конца их лазурная лень.
 Тайный сон набегающей страсти,
 Вечереет взыхающий день.
 Незабвенная эта утрата,
 Безнадежный...

В рукописи после 12-го стиха («Рождество голубого ручья...») — еще четверостишие:

Истомит тебя гром водопада,
 Встанут лики чужих городов...
 Но пе надо, о, милый! не надо
 Утомляться войной облаков!

Окончательный текст — очевидно, 1906 г. В авторском экземпляре «Собр. стих.» I (1911) — помета: «Оставить, несмотря на бессмыслицу».

«Темная, бледно-зеленая...» Впервые — альм. «Гриф» (1904). Оленина д'Альгейм Мария Алексеевна (род. в 1869 г.) — камерная певица, популярная в кругу символистов; основательница и руководительница «Дома песни» в Москве, осуществлявшего большую концертную программу. Блок посвятил это стихотворение М. А. Олениной д'Альгейм после того как прослушал в ее исполнении (в концерте 30 ноября 1903 г.) «Детскую» М. П. Мусоргского; этот вокальный цикл произвел на Блока очень сильное впечатление (см. письмо его к С. М. Соловьеву от 1 декабря 1903 г. — т. VIII наст. издания).

Фабрика. Впервые — альм. «Гриф» (1905). В 1904 г. это стихотворение было запрещено цензурой.

*303—
310* «Что с тобой — не знаю и не скрою...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Окончательный текст — 1915 г.

«Мы шли на Лидо в час рассвета...» Впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 6. Окончательный текст — 1910 г. *Лидо* (итал.) — взморье, в тесном смысле — побережье возле Венеции (ср. стих. «Сплетались времена, сплетались страны...» на стр. 500 наст. тома); Блок так называл побережье Балтийского моря в окрестностях Петербурга.

«Мне гадалка с морщинистым лицом...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи — зачеркнутое заглавие: «Символ» и два варианта заключительной строфы:

⟨1⟩

И бессильный, в отчаяньи диком,
Я шептал: «Ты моя. Ты моя.
Ты — гадалка с морщинистым лицом,
Роковая цыганка моя».

⟨2⟩

И, доверясь слепому азарту,
Я, безумный червонный валет,
Я убил мою светлую карту
И развеял пылающий бред.

Окончательный текст — лето 1904 г.

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Иванов Евгений Павлович (1880—1942) — литератор, участник символистских кружков и изданий, самый близкий и задушевный друг Блока.

«Среди гостей ходил я в черном фраке...» Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1.

«Из газет. Впервые — «Журнал для всех», 1904, № 4. Заглавие появилось лишь в «Стихотворениях» (1916). Человек с оловянной бляхой на теплой шапке — городовой.

«Статуя. Впервые — альм. «Гриф» (1905). В прим. в «Собр. стих.» I (1911) Блок пояснил, что это стихотворение

«внушено статуями бар^она Клодта на Аничковом мосту в Пе- ^{311 —}₃₁₆ тербурге».

«По берегу плелся большой человек...»
Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»
Впервые — «Час», 1907, 21 ноября.

«Светлый сон, ты не обманешь...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи — другое расположение строф (I—II, VII—VIII, III—VI) и зачеркнутое окончание:

Мы — задумчивые внуки —
Помним дедовские сны.
Слышим новых песен звуки,
В даль иную влюблены.

Благодарности румянец —
Счастье светлых вечеров.
Мы поем старинный танец
Наших дедов — облаков.

Им ли, сладостным, пе сладко
Погореть в вечерний час
Потухающей загадкой,
На заре пленившей нас...

Обольстившей, покорившей,
Приносящей без конца
Вздохи девушки, пленившей
Наши легкие сердца?..

Светлый сон нас не обманет —
Ляжет в утренней росе,
Пылью розовой заманит
На закатной полосе.

Вечерницы — здесь: вечерние звезды (збрницы).

«Мой любимый, мой князь, мой женится...»
Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи — зачеркнутое заглавие: «Вечно». В 1904 г. это стихотворение было вычеркнуто цензором в корректуре июньской книжки журнала «Новый Путь».

М о л и т в ы :

1. С т о р о ж и м у в х о д а в т е р е м...» Впервые— «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи после третьей строфы — еще две:

Разгорится — разорвется
Черных туч гряда.
Кто нам сверху улыбнется?
Ты? Весна? Звезда?

Просветленной вереницей
Глянем в небеса.
Встретят вёсны, встретят птицы,
Встретят голоса.

Эпиграф — из стих. А. Белого «Золотое руно» (1903), служившего своего рода гимном в кружке молодых московских символистов-«аргонавтов», руководящую роль в котором играл А. Белый.

2. У т р е н и я я. Впервые— «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

3. В е ч е р н я я. Впервые— «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи после второй строфы — еще одна:

Утомилась она, задремала...
Спит, решенной задаче верна.
И вчера мне из тучи кивала
Светозарная Сказка Жена.

С этой строфой связан имеющийся в рукописи эпиграф:

Жизнь была решенная задача,
Смерть пришла, как радость встречи с Ним.

Это — стихи К. Бальмонта («Верьте мне, обманутые люди...»— сборник «Будем как солнце», М., 1903, стр. 233).

4. Н о ч и а я («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...»). Впервые—альм. «Белые ночи» (1907). Стих 16-й относится к В. Я. Брюсову и первоначально читался: «Великий маг моей земли». Стихотворение связано с негласной полемикой, развернувшейся в 1903—1904 гг. между В. Я. Брюсовым, признанным вождем символистской школы, и «младшими» символистами-мистиками (А. Белый, Блок, С. Соловьев, Эллис и др.). В Я. Брюсов возвращал против стремления «младших» сделать поэзию «служанкой»

мистической философии Вл. Соловьева. «Дайте мне быть только слагателем стихов, только художником в узком смысле слова, — все большее довершите вы, молодые», — писал В. Я. Брюсов Блоку в ноябре 1904 г. («Печать и революция», 1928, № 4, стр. 43). Документом этой полемики служит стих. В. Я. Брюсова «Младшим» («Они Ее видят! Они Ее слышат!..»), обращенное к Блоку и А. Белому и снабженное эпиграфом из Блока: «Там жду я Прекрасной Дамы». Ответом на это стихотворение, появившееся в сборнике Брюсова «Urbi et Orbi» (1903), и является «Ночная молитва» Блока, которую он, однако, своевременно не опубликовал. А. Белый в воспоминаниях о Блоке заметил: «Брюсова А. А. *〈Блок〉* называет здесь магом не в риторическом смысле, — в реальном: в то время В. Брюсов особенный интерес проявлял к спиритизму и всевозможным сортам „оккультизмов“» («Эпопея», 1922, № 1, стр. 186). Ср. заметку П. П. Перцова «Брюсовское стихотворение „Младшим“ (Из литературных воспоминаний)» — «30 дней», 1939, № 10/11, стр. 127.

5. Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...»). Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи после второй строфы — еще одна:

Вся тоска моя — ужас вещий.
Бьюсь в пыли над серебряным кладом,
И со мной бунтуют все вещи,
Как вакханты, полные ядом.

В рукописи — эпиграф: «...не можешь быть стражем кедров лиганских», взятый из масонского журнала «Утренний свет», издававшегося Н. И. Новиковым в 1777—1780 гг. (Блок в 1904 г. работал над кандидатским сочинением «Болотов и Новиков»).

«Дали слепы, дни без гневны...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В авторском экземпляре «Собр. стих.» I (1911) — помета: «Бился, бился, не мог исправить». В рукописи вместо первой строфы окончательного текста — следующие пять:

День мой тускл, мой вечер скуден,
В очи смотрит даль.
Сон царевен непробуден,
Греет сны печаль.

Смотрит в очи в час полдневный,
Смотрит синева.

В непробудном сне царевны --
Сном душа жива.

Шепчет въсь тоске уроки,
Даль превозмогла.
Кротко смотрит синеокий
В глубину стекла.

В глубине лазурной дали
Можешь вспыхнуть Ты.
Все мы сумрачно сжимали
Скорбные персты.

Но сомкнувшись дуги
Размыкались вновь...
Снова в голосе Подруги
Плакала любовь.

После девятой строфы окончательного текста в рукописи — еще одна:

Только в лентах, в косах русых
Вспыхнет жар весны,
Всколыхнет на пестрых бусах
Заревые сны...

И после семнадцатой строфы — тоже одна:

Мы опять приключем братий
Счастьем без конца...
И опять к крестам распятий
Пригвоздим сердца!

Много вариантов содержит также и черновик. Приводим связный кусок первоначального наброска, соответствующий третьей—двенадцатой строфам окончательного текста:

Брат — откинь свой сон безгневный,
Распались
В теремах живут царевны, —
Не живут — цветут.

В теремах пылают башни!
Все коньки — в огне!
Сон тоски моей вчерашней
Плещется в окне!

Брату брат — из дальних келий
Бросил крик: «Горю!»
Я встречал иных веселый
Лунную зарю!

Я над синей, синей речкой
 Раскачнул камыш;
 Я нашел на дне колечко —
 Голубеет тиши.

Встань — щепнуло — встань, счастливый,
 В голубой ночи,
 Обрати твой взор тосклиwyй
 В лунные лучи.

Будешь свéтить мне в дороге —
 Выйду и взгляну,
 Как и зверь в своей берлоге
 Славит Тишину, —

Вижу — Девы безначалий
 Кажут чудеса, —
 В праздник девственных Русалий
 Рóсы пьют леса.

Острый рыбий плёс заплещет

 Воды дремлют, звезды блещут,
 В пебе — две луны.

Мы поймаем дивных скатов —
 Чудищ всех глубин.
 Как ты будешь пьян закатом,
 Будешь спать один.

Сонно гляну, пьян от страсти,
 В полноводный пруд.
 И меня, дрожа от власти,
 Руки заплетут.

В рукописи озаглавлено: «Брубелю», а в примечании в «Собр. стих.» 1 (1911) указано, что стихотворение «написано под впечатлением живописи Брубеля». Ближе всего отразилась здесь известная картина М. А. Брубеля (1856—1910) «Царевна Лебедь» (Третьяковская галерея в Москве); репродукция этой картины висела в шахматовской библиотеке Блока. Брубель был одним из любимейших художников Блока; образы его живописи отразились и в других произведениях поэта («Демон», 1910 г.; третья глава поэмы «Возмездие»). В 1910 г. Блок написал статью «Памяти Брубеля» (т. V наст. издания).

«В час, когда пьянеют нарциссы...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). В рукописи посвящено Е. П. Иванову (см. о нем выше, стр. 626).

^{323 —}
³²⁷ «Вот он — ряд гробовых ступеней...» Впервые — «Стихи о Прекрасной Даме» (1905), с вариантом в 12-м стихе: «Угадает во мгле голубой». Приводим первоначальный набросок (с вариантами — под строкой):

Я опять у твоих ступеней, *
Жду и плачу — не помню о чем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Я отпраздновал светлую смерть,
Целовал восковое лицо.
По ночам выходил на крыльцо
Любоваться на звездную твердь.

Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.
Ты покоилась в белом гробу **
И безмолвно звала: «Разбуди». ***

Я с тобой разлучиться не мог
И не мог разбудить
И горел осиянный чертог...

В одном из черновиков — другой текст первой строфы:

Вот я вновь, седовласый поэт,
Вновь грущу — и не знаю, о чем?
Спи ты, нежная спутница лет,
Залитых небывалым лучом.

Этим стихотворением завершается первая книга лирики Блока во всех изданиях.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ОТРОЧЕСКИЕ СТИХИ

Весь цикл впервые — отдельное издание: Александр Блок. Отроческие стихи. «Первина», М., 1923 (сборник был подготовлен к печати самим Блоком 3 марта 1921 г.). В автографе

* Я опять у могилы твоей —
** Улыбалась ты в белом гробу
*** Ты беззвучно звала: «Разбуди».

цикла — особая помета: «В многоточиях важны *четыре* точки, ^{327 —}
а не обычные три. Важно соблюдать Т большое и малое».

Эпиграф к циклу взят из «Пира» Платона (19. Е).

I. «Одной тебе, тебе одной...» *Бодлер* Шарль (1821—1867) — французский поэт, один из предшественников символистской поэзии.

III. «Пусть рассвет глядит нам в очи...» В рукописи, озаглавленной: «Песня», после первой строфы — еще одна:

Как сольются в поцелуе
Наши губы, жар ланит,
Пой любовь, тебя сожгу я,
Сердце к сердцу полетит.

IV. «Ловя мгновенья сумрачной печали...» В рукописи — позднейшая помета, цитата из романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (гл. XXV — стихи Михалевича):

Я сжег всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

Это выражение восходит к словам епископа Ремигия, крестившего (в конце V века) короля салических франков Хлодвига: «...отныне поклоняйся тому, что ты раньше сжигал, и сжигай то, чему поклонялся!» *Опять в одну любовь сольет...* Ср. у А. К. Толстого: «В одну любовь мы все сольемся вскоре» (*Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...*).

VII. «Немало времени прошло уже с тех пор...» В рукописи после третьей строфы — еще две:

О, господи, как слезы-то мои
По-детски хлынули б из недр души убогой,
Когда бы чувства чудные Твои
Мне сердце тронули своей печалью строгой!

О, боже мой, как я Тебя люблю,
И плачу я, и если эти слезы
Мешают говорить, я пламенно внимлю
Твоим словам, моя Любовь и Роза!

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

«Я иошу съ во мраке, в ледяной пустынѣ...» Впервые — «Рабочий мир», 1918, № 14. В рукописи озаглавлено: «Мрак (с подзаголовком: «Аллегория»). К заключительному двустишию, приписанному в мае 1918 г., относится помета в рукописи: «Этот пошлый конец прибавлен, когда я думал о „Пламени“. „Пламя“ с т^р(ех) пор стало лучше (VIII. 1918)». «Пламя» — журнал, выходивший в 1918 г. Окончательный текст — май 1918 г. Трубицыно — подмосковная усадьба С. Г. Карелиной, двоюродной бабки Блока.

«В ночь, когда уснет тревога...» Впервые — «За гранью прошлых дней» (1920), но еще в июне 1919 г. Блок отдал это стихотворение в «Петербургский альманах», который вышел в свет только в 1922 г. Первоначальный текст:

В ночной тиши, когда уснет тревога
 И бурный город скроется во тьме,
 В моей душе гармонии так много,
 Так много мыслей в замкнутом уме!..
 Чтоб буря жизни, если чудной розой
 Ты зацвела, пылая и горя,
 Чтоб море бед и стынущие слезы,
 Когда опять взошла моя заря!..
 Одна любовь, одна, как нега ночи,
 Горячий солнца свет иль старое вино,
 Одни во тьме, как звезды, блещут очи,
 И чувство полное, горячее одно!..
 Тебе, царица мира и вселенной,
 Царица ясная, лазурные мечты
 И гимны дивные, восторгом упоенный,
 Слагаю, удаляясь от бедной суety!..

Перерабатывалось 14 марта 1918 г. Третья строфа в переделке сперва читалась так:

Любовь темна, как сумрак ночи,
 Темна, как старое вино,
 Одни горят, как звезды, очи,
 И вдохновение одно!

Окончательный текст — 2 июня 1919 г.

Летний вечеp. Впервые — альм. «Творчество» II (1917). Первоначальный текст:

Прощаясь с днем, последний луч заката
Бросал свой свет на поле сжатой ржи.
Сбиралась на покой, дремотою объята,
От зноя дня, трава густой межи.
Луна свой красный диск из роши поднимала,
А воздух, все полуднем распален,
Дышал ночной росой, и вместе с ним дышала
Природа — лес и луг, от зноя утомлен.
Ни ветерка, ни крика вещей птицы,
Уснул закат, проснулся диск луны,
Открыв свои спокойные зеницы
Среди волшебной, сонной тишины.
Ты, вечер, тих и можешь успокоить,
Но столько чудного луна в себе таит,
Что хочется любить и сердца боль удвоить,
Всё воскресив, что в сердце мирно спит!

Окончательный текст — июль 1916 г.

На вечере в честь Л. Толстого. Впервые — «Вершины», 1915, № 2. В рукописи после первой строфы — еще одна:

Я ждал лишь взгляда, но, как прежде,
Отдав Судьбе всю жизнь свою,
Как будто сном смыкались вежды,
Губя всю молодость мою.

И после третьей строфы — тоже одна:

Пройдет минута — стихнет пламень,
Но будет поздно — и тогда,
Будь ты хоть лед иль твердый камень,
Меня полюбишь, Красота!!!

Окончательный текст — 1915 г. На вечере в честь Л. Н. Толстого (устроенным в зале немецкого училища св. Петра в Петербурге) Блок был с Л. Д. Менделеевой, к которой и обращено стихотворение.

«Над старым мраком мировым...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1; вторично — «Москва», 1919, № 12. Первоначальный текст:

Над старым мраком мировым
Восходит солнце твердой власти,
Внимает крикам боевым
Борьбы людей с людскою страстью.

И скоро мрак земли прорвут
Лучи от царственной короны,
И люди с битвы потекут
К ее сверкающему трону.

Ослепнут многие в лучах,
Привыкнув к мраку жизни сонной,
И самый мир сожжется в плах,
Людскою страстью иссущенный...

Оставь нам ночь, светило дня!
Не восходи над этой бездной!
Пускай мерцают без огня
Над нами звезды ночи звездной.

Окончательный текст — январь—март 1918 г.

Одиночество. Впервые — «Сирена» (Воронеж), 1918,
№ 1. Первоначальный текст был гораздо короче (и без заглавия):

Река несла по ветру льдины,
Была весна и ветер выл,
Из потухшего камина
Неясный сумрак ночи плыл.
Он был один, забытый миром,
Давно немой, давно один,
И с прежним блещущим кумиром
Прощался он, как блудный сын.
Его отвергли все и всюду,
И в одиночестве своем
Он видел только пепла груду
Над потухающим огнем...
Куда неслись его мечтанья,
Пред чем склонялся бедный ум?
Он вспоминал свои прощанья,
Будя мученье прежних дум...
Из потухшего камина
Неясный сумрак ночи плыл;
Река несла по встречу льдины,
Была весна, и ветер выл...

Дополнено и обработано было 24 мая 1918 г. Дополнения настолько значительны, что, по существу, стихотворение следует отнести к этому времени.

«Ночной туман застал меня в дороге...»
Впервые — альм. «Творчество» I (1917), под заглавием: «Ночью на коне». В рукописи озаглавлено: «Воспоминание». Первоначальный текст стихов 5—8:

Вдали туман, луной осеребренный,
Застял поля и реку скрыл из глаз,
И странен был недвижный, полусонный,
Угрюмый лес в туманный, поздний час...

337 —
338

Окончательный текст — июль 1916 г.

«Там, за далью бесконечной...» Впервые — «Сирена», 1918, № 2/3. В рукописи — еще одна, средняя, строфа:

Посмотри: в ночном тумане
Ярче, выше, горячей
На небесном океане
Звезды искрятся ночей.

Окончательный текст — 1918 г.

«Когда же смерть? Я всё перестрадал...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Здесь дан первоначальный текст:

Когда же смерть? Я всё перестрадал,
Зайдя далеко в мир надзвездный.
Там дальний Сириус божественно сверкал,
Горел и искрился над бездной.
Ты, Сириус, пойми меня, звезда!
Прими меня в свой мир высокий,
Чтоб я горел и искрился всегда
Твою мощью одиночкой!
Приму твой свет, чтоб землю озарить,
Спасу людей от зла земного!
Лучом блесну — и зло устанет жить
Под ярким пламенем благого!

Окончательный текст — апрель 1918 г.

Голос. Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — другое окончание (после 6-го стиха):

Только и жить, уповать и любить —
Темною почью блаженство ловить...
Кто же ты, голос, обман ли сулишь,
Что же ты почью поешь и не спиши?..
И прозвучало мне эхо в ответ:
«С почью сроднился я, вещий поэт!..»
Голос по-прежнему где-то поет, —
Кто-то проснулся от сна и зовет...

Окончательный текст — апрель 1918 г.

339 — *340* «За краткий сон, что нынче снится...» Впервые — «За гранью прошлых дней» (1920), но еще в июне 1919 г. Блок отдал это стихотворение в «Петербургский альманах», который вышел в свет только в 1922 г. Первоначальный текст третьей строфы:

Опять исполнюсь вдохновенья
И вновь готов
Парить на крыльях песнопенья
До новых снов.

В «Хронологическом указателе» к этому стихотворению относится помета 1918 г.: «Интересная мысль». Окончательный текст — 18 января 1919 г. В рукописи дата переработки сопровождается пометой: «Убит К. Либкнехт».

«В те дни, когда душа трепещет...» Впервые — «Москва», 1919, № 3. Первоначальный текст, озаглавленный: «К Музе», был короче; вместо третьей — пятой строф была одна:

Ты ослепишь своим сверканьем,
И, оглянувшись, я пойму:
Бессмертье стало вспоминаньем,
Доступным смертному уму.

Окончательный текст — 21 мая 1918 г.

«О, не тебя люблю глубоко...» Впервые — «Жизнь», 1918, 30 мая. Первоначальный текст:

О, не тебя люблю так пылко, так глубоко,
Не по тебе теперь моя тоска!
Мне кажется, что вечер недалеко,
Об утре дня тоску!.. Ночь близка.

Она придет и мрачной лепелою
Покроет всё, что я баготовил...
О, светлый день, исполненный тобою!
Нет! Не тебя я горестно любил!..

Окончательный текст — 10 апреля 1918 г.

«Ночь теплая одела острова...» Впервые — «Москва», 1919, № 2. Окончательный текст — 12 мая 1918 г.

«К ногам презренного кумира...» Впервые — 341 —
344
«Биржевые ведомости», 1914, 28 декабря. В 1900 г. была написана
только первая строфа; вторая добавлена 24 декабря 1914 г.

«Напрасно, дева, ты бежала...» Впервые —
«Ежемесячный журнал», 1918, № 1. Окончательный текст —
2 января 1916 г.

«Хожу по камню старых плит...» Впервые —
«Биржевые ведомости», 1916, 31 января, под заглавием: «Один».
Окончательный текст — 2 января 1916 г.

«В фантазии рождаются порою...» Впервые —
«Биржевые ведомости», 1915, 19 апреля. В рукописи — эпиграф
из стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!»: «Мысль изреченная есть
ложь». Окончательный текст — 24 января 1915 г.

«Есть много песен в светлых тайниках...» Впервые — «Современник», 1914, № 10. В первоначальном тексте вместо первой строфы — две следующие:

Есть много песен в тайных родниках
Ее души печальной и приветной,
И грусти призрак лег в ее чертах,
Но грусти тайной и заветной.

Ее печаль не всякому ясна.
Лишь той душе возможно с ней сродниться,
Которая в печали с ней равна
И также в даль туманную стремится.

Окончательный текст — февраль 1914 г. В рукописи дата переработки сопровождается пометой: «Рукою мастера».

«Бежим, бежим, дитя свободы...» Впервые —
«Рабочий мир», 1919, № 6. Третья строфа была написана в июне
1916 г. В рукописи — помета: «Пробовал переделать для детей.
VI. 1916». Окончательный текст — 12 мая 1918 г.

«Пусть я покину этот град...» Впервые — «Загранью прошлых дней» (1920), но еще в июне 1919 г. Блок отдал
это стихотворение в «Петербургский альманах», вышедший в
свет только в 1922 г. Первоначальный текст был значительно
короче:

Я покидаю шумный град...
 Тоска невольная сжимает
 Мне сердце. Я б остаться рад, —
 Что будет там — душа не знает...

Но всё грустнее новых бед
 Беды в прошедшем... Их волнений
 В душе почиет вечный след:
 Душа — источник впечатлений.

Здесь — в свете дня, во тьме ночной
 Она боролась, погибала
 И, вновь воспрянув, — свой покой
 Вернуть не в силах, — упадала,
 Как прежде, в хаос городской.

Стихотворение было написано в день отъезда в Шахматово.
 Окончательный текст — 12 мая 1918 г.

«Уже бледнеет день прощальный...» Впервые — «Утро», 1915, 22 марта. Окончательный текст — 24 января 1915 г.

«В ночь молчаливую чудесен...» Впервые — «День», 1914, 6 апреля. Первоначальный текст:

В ночь туманной и росистой
 При свете первых светляков
 Стезей неведомо-лучистой
 Душа летит на первый зов.

Очарованья старых песней
 Объемлют душу в этот миг,
 Еще живей, еще чудесней
 Встает из мрака светлый лик.

Своей дорогой голубою
 Проходишь медленнее ты,
 И отдыхают над тобою
 В небесной выси две звезды.

Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Полна усталого томленья...» Впервые — «День», 1914, 6 апреля; вторично — «Москва», 1918, № 1. Окончательный текст — февраль 1914 г.

«В часы безмолвия ночных...» Впервые — 346 —
348
«Утро», 1914, 25 декабря. В рукописи — еще одна, заключительная, строфа:

Ты знаешь: минет дня невзгода,
И завтра, так же, как вчера,
Раскинет вечная природа
Ночные сени до утра.

Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Смелись бедные невежды...» Впервые —
«Вершины», 1915, № 6. Здесь, как и в рукописи, вместо второй —
третьей строф одна:

Но поражен и отуманен
Ума неведомый изгиб.
Я сам своей стрелою ранен.
Пускай смеются. Я — погиб.

Перерабатывалось в феврале 1914 г. Окончательный текст — 10 апреля 1918 г.

«К чему бесцельно охранять...» Впервые —
«Биржевые ведомости», 1915, 12 июля; вторично — «Ежемесячный журнал», 1918, № 4/6. Окончательный текст — 24 января 1915 г.

«Нарасно я боролся с богом...» Впервые —
«Современник», 1914, № 10. Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

«Не отравляй души своеи...» Впервые — «Вершины», 1915, № 6. Окончательный текст — 13 февраля 1914 г.

Две любви. Впервые — «Ежемесячный журнал», 1917,
№ 2/4. Первоначальный текст третьей строфы:

О, их согласье в силе равной,
Равно таинственны они.
Их славной силе, тайне славной
Молись и жги, душа, огни!

Окончательный текст — 14 февраля 1916 г.

*349—
351* «Нет ни слезы, ни дерзновенья...» Впервые—
«Биржевые ведомости», 1916, 14 февраля.

В а л к и р и я. Впервые — «Слово», 1908, 3 августа, с подзаголовком: «К 1-му акту оперы Вагнера». Окончательный текст — 1908 г. Блок с юности был сильно увлечен музыкально-драматическим творчеством немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813—1883). Впоследствии образы тетралогии «Кольцо Нibelунгов» и других произведений Вагнера не раз находили отражение в поэзии Блока (см., например, пролог поэмы «Возмездие» и стихотворение 1910 г. «Идут часы, и дни, и годы...»). Гундинг, Зигмунд и Зигелинда — персонажи музыкальной драмы Р. Вагнера «Валкирия». Вельзе — один из героев древнегерманского эпоса «Сказание о Нibelунгах», отец Зигмунда.

«Над синей просторной дали...» Впервые—
«Слово», 1908, 1 июня, с другим текстом первой строфы:

Из бездыханной синей дали
Она несла свои черты.
Безмолвной строгостью дышали
Вокруг лика белые цветы.

Первоначальный текст этой строфы был такой:

Из непопятной синей дали
Она несла свои мечты.
Спокойной строгостью дышали
Ее невинные черты.

В «Слове», кроме того, различения в стихах 5-м («Навек светла, навек спокойна») и 10-м («Среди крикливой суety»). Окончательный текст — 16 марта 1918 г.

«Мой путь страстями затемнен...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 6 января, под заглавием «Молитва». Окончательный текст — 3 января 1916 г.

«На встречу венисму расцвету...» Впервые—
«Записки мечтателей», 1919, № 1.

«В п е р е д з а к а т н ы е ч а с ы...» Впервые — «Бирже-³⁵¹
вые ведомости», 1915, 17 мая; вторично — «Москва», 1920,³⁵³
№ 5. В рукописи — эпиграф из поэмы Я. П. Полонского
«Куклы»:

Вот — она, что когда-то сердито
Мне внимала, потупивши глазки,
Для которой бессонные думы
Наряжал я в пестройные сказки.

Окончательный текст — 20 февраля 1915 г.

«К о г д а - т о д о л г и е п е ч а л и...» Впервые — «Еже-
месячный журнал», 1918, № 4/6. Заключительное четверостишие
было приписано в марте 1912 г. (ср. написанное в мае 1912 г.
стих. «Приближается звук...» — т. III наст. издания). Оконча-
тельный текст — февраль 1916 г.

«М ч и т м е п я м е р т в а я с и л а...» Впервые — «Бир-
жевые ведомости», 1915, 3 мая. В рукописи озаглавлено: «На
железной дороге». Окончательный текст первой строфы — 1908 г.,
двух остальных — 20 февраля 1915 г. Поводом для написания
стихотворения послужили следующие обстоятельства: 6 сентября
1901 г., уезжая из Шахматова в Петербург, мать Блока получила
письмо от О. М. Соловьевой (см. о ней выше, стр. 585), которой
Блок посыпал свои стихи на суд и оценку. О. М. Соловьева пи-
сала: «Сашины стихи произвели необыкновенное, трудно-описуе-
мое, удивительное, громадное впечатление на Борю Бугаева
(Андрей Белый), мнением которого мы все очень дорожим и кото-
рого считаем самым понимающим из всех, кого мы знаем... Боря
сейчас же написал по поводу Сашиных стихов стихи, которые
посвятил Сергею Соловьеву». Вот они...» Далее О. М. Соловьева
приводит стих. А. Белого «Пусть па рассвете тумаплю, Зпаю —
желанное близко!..», вошедшее в его сборник «Золото в лазури»
(1904). Под впечатлением полученного известия и стихов А. Бе-
лого Блок и написал в поезде, между Клином и Тверью, свое
стихотворение (см. подробнее: М. А. Бекетова. Ал. Блок
и его мать, Л., 1925, стр. 76—78).

«Г р у с т н о и т и х о у берега солнного...»
Впервые — «Нива», 1909, Литературное приложение № 4; вто-
рично — «Москва», 1918, № 1.

^{353 —}
³⁵⁷ При посылке роз. Впервые — «Эхо», 1918, 21 мая.
В рукописи, озаглавленной: «Розы», другой текст третьей строфы:

Гремящий бог сойдет из тучи
Живыми молниями жечь,
Но средь ликующих созвучий
О чуткой деве будет речь.

Окончательный текст — декабрь 1915 г.

«Война горит не укротимо...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 7 января, под заглавием: «Голубое»; вторично — «Свободный журнал», 1918, № 3/4 (без первой строфы). К 1902 г. относится только вторая половина стихотворения, две первых строфы написаны 25 декабря 1914 г.

«Вдали мигнул огонь вечерний...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1916, № 3. Окончательный текст — 10 января 1916 г.

«В пути — глубокий мрак, и страшны
высоты...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 10 апреля. В рукописи — два варианта заглавия: «Экклезиаст» и «Слова Экклезиаста». Вариант стих. «Экклезиаст» (стр. 220 наст. тома).

«Или устал ты до времени...» Впервые — «Русь», 1907, 9 июля (Приложение № 26); вторично — «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 10. Окончательный текст — 1918 г.

«Ты не пленишь. Не жди меня...» Впервые — «Луч», 1907, № 2.

«Травы спят красивые...» Впервые — «Луч», 1907, № 2.

«Кто-то вздохнул у могилы...» Впервые — «Театр», 1912, 25 декабря.

«Ловлю дрожащие, хладеющие руки...»
Впервые — «Утро России», 1915, 25 декабря; вторично — «Москва», 1919, № 2.

«В сумерки девушку стройную...» Впервые — 358 —
«Ежемесячный журпал», 1916, № 3. Окончательный текст — де-
кабрь 1915 г.

«В чубину по гудящей стали...» Впервые —
альм. «Клич» (1915). Стихотворение составлено из трех отдель-
ных четверостиший, два из которых (второе и третье) были вве-
дены Блоком в последнее издание первой книги лирики в каче-
стве отдельных произведений (см. стр. 162 и 214 наст. тома).
Черновик первой строфы датировал: «В поезде в Москву 22 ав-
густа (1902 г.)»; третья строфа была написана в январе 1902 г.
Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Смолкали и говори шутки...» Впервые —
«Слово», 1908, 25 мая; вторично — альм. «Дракон» (1921). В
«Слове», как и в рукописи, другой текст четвертой строфы:

Она же, собравшись в дорогу,
Запомнила только святых.
Так было ей ближе к богу
И праздничней всех живых.

Пятая строфа была написана в мае 1918 г.; тогда же в рукописи
приписано заглавие: «Дума о сыне». Окончательный текст —
24 мая 1918 г.

«Как старинной легенды слова...» Впервые —
«Биржевые ведомости», 1916, 29 июня; вторично — альм. «По-
лон» (1916). Окончательный текст — декабрь 1915 г.

«Мы — чернечы, бредущие во мгле...» Впер-
вые — «Нива», 1908, Литературное приложение № 8. В рукописи
после второй строфы — еще одна:

А впереди факелоносец даль
Мерцаньем дымным озаряет.
В его очах — великая печаль,
Но, может быть, он больше знает...

Окончательный текст — апрель 1918 г.

Случайному. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915,
21 ноября. В рукописи — другой текст третьей строфы:

Ему слова казались песней,
Он уловил размер мечты

И вторил ей — еще чудесней,
Еще заманчивей, чем ты.

Первоначальное заглавие: «Кому-то». В рукописи — помета, относящаяся к ноябрю 1915 г.: «Сделать так, что *себе самому*. Или — это она говорит мне». Окончательный текст — 13 ноября 1915 г.

«В с ё, ч то в м о р е п о к о и т в о л н у...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 3 июля.

«Б л а ж е н н ы й , з а б y t ы й в п u s t y n e...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 22 марта. Окончательный текст — 20 февраля 1915 г.

С ф и н к с . Впервые — «Речь», 1908, 1 января; вторично — «Реформа», 1908, 3 января; в третий раз — альб. «Дракон» (1921). В «Речи», как и в рукописи, ряд разночтений и другой текст третьей строфы:

И готовые впиться в кровавый песок
Каменеют, недвижны черты...
И остался у берега тайный намек
Нераскрытой вселенской мечты.

Окончательный текст — март—апрель 1918 г.

Ж р е ц . Впервые — «Слово», 1908, 4 мая.

«Н а о б р я д я с p e ш i l п o g r e b a л y n y й...» Впервые — «Слово», 1909, 26 мая.

«Р a z g a d a l я , k a k i e ц v e t y...» Впервые — «Наша газета», 1908, 16 марта. В рукописи озаглавлено: «Тебе».

«N o l i t a n g e г e c i g c u l o s m e o s ». Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1. Окончательный текст — 16 марта 1918 г. Заглавие — известное выражение, приписанное Архимеду; с этими словами Архимед якобы обратился к напавшему на него римскому воину (при взятии Сиракуз римлянами). По евангельской легенде, воскресший Иисус Христос сказал встретившей его Марии Магдалине: «Noli me tangere!..» («Не тронь меня!..»).

«Глухая полночь медленный кладет ^{365 —}
³⁷¹ покров...» Впервые — альм. «Корона» (1908). В рукописи озаглавлено: «Его шаги». Посылая это стихотворение Л. Д. Менделеевой, Блок писал ей 19 апреля 1903 г.: «Оно плохо в литературном отношении, по-моему... Размер — величавость и напряженность Гёте и древних трагедий. Так говорила Троянская Елена».

«Я умер. Я пал от раны...» Впервые — «Слово», 1908, 28 декабря.

«Ты из шопота слов родилась...» Впервые — «Речь», 1909, 1 января. К 1903 г. относится лишь набросок первого четверостишия; все остальное было написано в декабре 1908 г.

«Неправда, неправда, я в бурю влюблена...» Впервые — «Лебедь», 1909, № 1. В черновике — помета: «Это — нет писем» (имеются в виду письма от Л. Д. Менделеевой).

«Сердито волновались нивы...» Впервые — «Слово», 1908, 27 июля. В рукописи озаглавлено: «Фантазия». Было вызвано воспоминаниями о К. М. Садовской (см. о ней выше, стр. 575), но посвящение ей появилось лишь в сборнике «За гранью прошлых дней» (1920).

«Многое замолкло. Многие ушли...» Впервые — альм. «Корона» (1908).

«Я был невенчан. Премудрость храня...» Впервые — альм. «Корона» (1908).

Рассвет. Впервые — «Русь», 1907, 16 августа (Приложение № 31); вторично — «Жизнь», 1918, 16 июня.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни...»,
«Рожь вокруг волновалась... и шелест
стеблей...», «Боже, как жизнь молодая

³⁷² — у жас на...», «Гы вссгда и всюду страино...»,
³⁷⁹ Этюд, «Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...», «В жаркой пляске вакханалий...», Поэма, «Жизнь, как загадка, темна...», «Ты дышишь жизнью! О, как я к тебе влеком...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Пятое из них («Этюд») было сообщено Блоком К. М. Садовской (см. о ней выше, стр. 575) в письме от 16 апреля 1900 г. Шестое («Когда-нибудь, не скоро...») посвящено С. И. Левицкой — певице, жене одного из офицеров л.-гв. Гренадерского полка, сослуживца отчима Блока. К восьмому («Поэма») в «Хронологическом указателе» имеется помета 1918 г.: «Жуковский». К десятому («Ты дышишь жизнью!..») — помета в рукописи: «Кому это? Не помню».

«Муз в убore весны постучалась к поэту...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Первоначальный текст:

Муза, в убore весны молодой, постучалась однажды
В двери поэта и, сумраком ночи стыдливо покрыта,
Жгла вдохновеньем уста и шептала неясные речи.
Струны забытые арфы сливались печальным аккордом
С шопотом падшего бога. Всю почь трепетали от страсти
Струны, слова и цветы, занесенные жалобным ветром
К ложу земного царя и посланницы гордого Неба.
С первой зарницей она отлетела... В созвучиях скорбных
Думы поэта текут, и на темных кудрях человека
Желтая роза Олимпа — останки величия бога.

В апреле 1918 г. Блок, переработав этот текст, присоединил к нему (также в переработанном виде) отдельное четверостишие «Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою...», написанное 15 января 1899 г. (см. стр. 398 наст. тома).

«Печальная блеклая роза...», «По темному саду брожу я в тоске...», Роза и соловей, «Скажи мне, Лигия, в каком краю далеком...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). К последнему в рукописи — помета 1918 г.: «Кажется, после знакомства с Л. Д. М(енделеевой). Потому — ирония». *Лигия* — условное женское имя в римской поэзии.

«Д о л г о и с к а л я в о т ъ м е л у ч e з a r n o g o 380 —
б o г a...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Тру-
бицыно — усадьба двоюродной бабки Блока С. Г. Карелиной
(которую в семье называли «тетя Соня»). В рукописи — помета,
датированная августом 1918 г.: «Пошлый и франтящий молодой
человек приехал с тетей (М. А. Бекетовой.—B. O.) к тете Соне.
Однако, это правда — и до с(их) п(ор)».

Д у м а. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).
К этому стихотворению относятся пометы в «Хронологическом
указателе» и в рукописи: «Уже двоится („любовь“ и „страстная
жизнь“ (1903), «Очень важно», «Л. Д. М(енделеевой) (первое?)»,
«„Тени“ уже скрестились». Боблово — усадьба Менделеевых.
Ср. на стр. 573 — прим. к стих. «Она молода и прекрасна была...»

«С т р а н н о: м y ш л i o д i n o k o й t r o p o p o ю...»
Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В рукописи —
помета: «Втроем с Ваней в Макулиху и назад через Семичево»
(Ваня — И. Д. Менделеев, Макулиха — лес возле Боблова.
Семичево — деревня).

«Я шел во тьме к заботам и веселью...»
Впервые — «Собр. стих.» I (1911); вторично — «Культура театра»,
1921, № 7/8. Первоначальный текст, переработанный в 1910 г.:

ВОСПОМИНАНИЕ О «ГАМЛЕТЕ»

1 августа в Боблово

Шахматово, 2 августа

Посв. [Л. Д. М.]

Тоску и грусть, страданья, самый ад —
Всё в красоту она преобразила...

Офелия

Я шел во тьме к заботам и веселью,
Вверху сверкал незримый мир духов.
За думой вслед лилися трель за трелью
Напевы звонкие пернатых соловьев.
«Зачем дитя Ты?» — мысли повторяли...
«Зачем дитя?» — мне вторил соловей...
Когда в безмолвной, мрачной, темной зале
Предстала тень Офелии моей.

И... бедный Гамлет... я был очарован,
 Я ждал желанный сладостный ответ...
 Ответ немел... и я, в душе взволнован,
 Спросил: «Офелия, честна ты или нет?!?..»
 И вдруг звезда полночная упала,
 И ум опять ужалила змея...
 Я шел во тьме, и эхо повторяло:
 «Зачем дитя Ты, дивная моя?!?..»

О шекспировском спектакле, состоявшемся в Боблове 1 августа 1898 г., см. выше — стр. 574.

Идеал и Сириус, «В море одна лишь волна — быстротечная...», «В моей душе большой и молчаливой...», «Табор шел. Вверху сверкали звезды...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф к последнему стихотворению — из А. С. Пушкина («Цыганы»). К этому же стихотворению — помета в рукописи: «Проба стихов „настоящих“, где „описывается природа и быт“, вообще — „картины“».

Как мучительно думать о счастьи было...» Впервые — «Утро», 1915, 22 марта. Окончательный текст — 1915 г. Лель — божество любви в славянской мифологии.

«Что будет в сердце, в мыслях и в уме...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Душа моя тиха. В натянутых струнах...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Окончательный текст — 1918 г.

«Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...» Впервые — «Красный милиционер», 1920, № 13. В рукописи озаглавлено: «Набросок». Окончательный текст — май 1918 г.

«Мне сердце режет каждый звук...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Без веры в бога, без участья...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Окончательный текст — 1918 г.

«Я и без веры живой...», «Чтоб из того, ^{387 —}
что на груди портрет...» Впервые — «Неизданные
стихотворения» (1926). Во втором стихотворении забытая любов-
ница — согласно помете Блока, К. М. Садовская (см. о ней
выше, стр. 575).

«Вхожу наверх тропой кремнистой...»
Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

Набросок, «Моей красавице-царице...»
Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Ко второму
стихотворению в рукописи — эпиграф:

Nell'età sua più bella e più fiorita...
E viva... e bella al ciel salita...

Petrarca.

(«В самом прекрасном и цветущем возрасте, живая и прекрасная,
она поднялась в небо...» *Петрарка*) и помета 1918 г.: «Кажется,
хотел послать» (Л. Д. Менделеевой).

«Офелия в цветах, в уборе...» Впервые — «Се-
верные записки», 1915, № 2; вторично — «Культура театра»,
1921, № 7/8. Первоначальный текст:

Офелия в цветах, в причудливом уборе
Из майских роз и влажных нимф речных
На золотых кудрях, с безумием во взоре
Внимала звукам темных дум своих.
Ее дыханьем на смерть пораженный,
Припал к устам, как раненый олень,
Прекрасный принц Гамлёт, любовью опьяненный,
Когда пред ним отца явилась тень.
Он вскрикнул и воскрес. Объятья чудной девы
Покинул, бедный, он за мертвый взор отца,
И долго вслед затем лились ее напевы
В безумной голове живого мертвеца...
Я видел берег; ива молодая
Всё плакала, над озером склоняясь,
А девушка, венки свои сплетая,
Всё пела про него, рыдая и смеясь.
Потом я видел: Гамлет над потоком
Смотрел, как струйки с шопотом несли
Угасшую в страдании глубоком
Туда, где нет ни горя, ни земли.

391 — 396 Перерабатывалось дважды — 29 марта 1913 г. и 24 декабря 1914 г. Вариация на темы трагедии Шекспира «Гамлет». *Нимфы* (нимфеи) — кувшинки.

«Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...», «В болезни сердца мыслю о Тебе...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

Песенка. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В «Хронологическом указателе» — помета: «Л. Д. М(енделеева) и К. М. С(адовская)».

«Я думал, что умру сегодня к ночи...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — еще одно, заключительное, четверостишие:

Не надо мне ни райских сновидений,
Ни жизни сил, навеянных Тобой,
Избавь меня от муки сожаленья,
Даря Смерть, Блаженство и Покой!..

«Путник, ропщи...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — заключительное шестистишие:

Ночь-то темна,
В тучах луна,
Свет ее бледен и вял.
Где же найдешь,
Где обрестишь
Свой Идеал?

«Писать ли Вам, что тайный пламень...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В рукописи — помета 1918 г.: «Кажется, важное. Плохо помню (стар!)».

«Былая жизнь, былые звуки...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

Памяти А. А. Фета. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф — из стихотворения А. А. Фета «В лунном сиянии» (приведен не вполне точно).

«Над гладью озёрных огней...», «Усталый ветер в камышах шептал...», «Осений вечер так печален...», «Синеет день хрустальный...» Эти четыре стихотворения были опубликованы в книге: А. Блок.

Неизданные стихи. История одного письма. Тифлис, 1927, — ³⁹⁷₄₀₁ с автографов, нам неизвестных. Вопрос о принадлежности этих стихотворений Блоку выясняется в нашей статье «Литературное наследство Александра Блока» («Литературное наследство», 1937, № 27/28, стр. 567—568).

«О, пе просите скорбных песен!..», «Туда, где небо с океаном...» Впервые — «Юность», 1955, № 6. Эти два стихотворения были опубликованы по автографам из тетради, которую Блок подарил своей тетке С. А. Кублицкой-Пиоттух.

«Весна несла свои дары...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Буду всегда я по-прежнему молод и етленной душою...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). См. выше, стр. 648 — прим. к стих. «Муза в уборе весны поступалась к поэту...»

«Ночь всё темней и благовонней!..», «Не презирайте, бога ради!..», «Всё настояще ничто жно!..», «Ты хочешь знать мировоззрение!..» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф к первому — из стих. Н. Ф. Павлова (1803—1864) «Романс» (1834), на слова которого написана музыка М. И. Глинкой и А. С. Даргомыжским. К последнему стихотворению («Ты хочешь знать мировоззрение!..») — помета в «Хронологическом указателе»: «Очень важно (уже „демонизм“)».

«В минутном взрыве откровений!..» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — опущенное окончание:

Моя, — покорпая, больная, —
Пыталась ветвь Твою сдержать,
Но безнадежно погибая,
Листы иссохшие роняя,
Она склонилась увядать.

Окончательный текст — 1910 г.

«Поэт, тебе ли покарать?..», Дельвигу. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Во втором

⁴⁰²—⁴⁰⁹ стихотворении имеется в виду сонет А. А. Дельвига «Вдохновение»:

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит... и т. д.

«Меж ду страдань ями земны ми...», «Когда мы любим без отчетно...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«О, прези рать я вас не в силах...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 6 декабря; вторично — «Москва», 1918, № 1.

Эскиз, «В сю ночь дышала злобой въюга...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

Сирин и Алконост. Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — подзаголовок: «Картина В. М. Васнецова». См. стих. «Гамаюн, птица вещая» и прим. к нему (стр. 19 и 577 наст. тома).

«Мы были вместе, помню я...» Впервые — «Московский альманах» (1922). Окончательный текст — апрель 1918 г.

«Спите, больные и духом мятежные...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Ср. стихи Беранже в переводе В. С. Курочкина: «Честь безумцу, который навеет Человечеству сон золотой...» («Безумцы»).

«Счастливая пора, дни юности мятежной!..», «Истомленный дыханьем весны...», «Помните день безотрадный и серый...», «Моя душа — страна волшебных дум...», «Порою мне любовь сулят...», «Взлетая к вышинам, орел покинул долы...», «Усни, пока для новой жизни...», Молодость, «Стоит ли вечно томиться...», «Ты хочешь царствовать попыне...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Темнеет небо. Туч грядет...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — эпиграф из известной эпиграммы

Платона «Астеру»: «'Αστέρας ἐισαθρεῖς, 'Αστηρ ἐμός» («Ты смот- ⁴¹⁰₄₁₆ришь на звезды, Звезда моя!»).

«Гроza прошla, и ветка белых роз...» Впервые — альм. «Культура и свобода» (1919). Окончательный текст — 8 октября 1919 г.

«Блаженно ты, былое время...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В рукописи предваряется двумя пометами: «Dies irae» («День гнева») и «Est in arundineis modulatio musica ripis» («Музыка звучит в прибрежных камышах»). Вторая помета — стих Авзония, римского поэта IV в. до н. э.; он поставлен эпиграфом к стих. Ф. И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...», откуда, очевидно, и заимствовал его Блок.

«Милая дева! Когда мы про тайны мирские...», «Я помню вечер. Шли мы розно...», «Распаленная зноем июльская ночь...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Ко второму из них — в рукописи помета: «Ничего такого не было».

После дождя. Впервые — альм. «Творчество» II (1917). Первоначальное заглавие: «Дождь». Окончательный текст — очевидно, 1916 г.

«Надежды трепетной моей...», «Отрывок, Мерцали звезды. Ночь курилась...», «Поэту, Дитя! Твоим прозрачным словом...», «Я зол и слаб. Земное море...», Ещевоспоминание, Дведуши. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). К первому из них — помета в «Хронологическом указателе»: «Важно (отнош_ение) к ис_к(ущству)». К пятому («Дитя! Твоим прозрачным словом...») — помета в рукописи: «Слишком обыкновенно».

«Когда я был ребенком, — лес ночной...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В 1918 г. Блок переработал это стихотворение, однако, отдавая его в печать, вернулся к первоначальному тексту. Приводим вариант 1918 г.:

Я был влюблен. И лес ночной
Внушал мне страх. И я дичился

Болот, одетых белой мглой,
И конь, пугливо, сторонился.

Так мало лет прошло с тех пор,
А в сердце — пусто и бездольно.
Когда въезжаю в темный бор
Ночной порой, — мне только больно.

«Меня бессонница томила...», Накануне Иванова дня..., «Одиноко боярин подъехал к воде...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Ко второму — помета в рукописи: «Кажется, был такой сон». Автор «Князя Серебряного» — Алексей Константипович Толстой (1817—1875), поэт и автор исторического романа «Князь Серебряный» из эпохи Ивана Грозного.

«Люблю. На чертапы святые письмена...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«Молодая луна родилась...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...», «Когда коопчается тетрадь моих стихов...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

«Мою гармонию болезнью...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Готов ли ты на путь далекий...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В авторском экземпляре «Собр. стих.» I зачеркнуто, с пометой: «Наивно».

«Я — человек и мало Богу равен...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — эпиграф из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума» (приписанный позже):

Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни Гением согретого труда...

Окончательный текст — 1918 г.

«Мне в душу просится былое...», «Прощались мы в аллее дальней...», Мэри, «Настал желанный час. Природа...» Впервые — «Неизданные

стихотворения» (1926). «Мэри» — вариация на тему драматических сцен А. С. Пушкина «Пир во время чумы». К последнему — в рукописи эпиграф из трагедии Гёте «Фауст» (в переводе А. А. Фета):

Почиют в глубине сердечной
Все злые помыслы и сны,
Полны любви мы бескапечной.
Любовью к богу мы полны.

В «Хронологическом указателе» к этому стихотворению — помета 1918 г.: «Важно (намек на „человеческое“)».

«Сомнки уста. Твой голос полн...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи — заглавие: «Неведомое», посвящение А. А. Фету, второй эпиграф: «Мгновенье, остановись! Прекрасно ты!» (Гёте. «Фауст») и после 8-го стиха («И звезды ночи вопрошают») — еще одно четверостишие:

О чем... не мне тебя познать.
Будь вдалеке от искушенья;
Приветствуй Неба благодать,
Пылай надеждой искупленья.

Окончательный текст — 1910 г. Греческий эпиграф — из эпиграммы Платона «Астеру» (русский перевод принадлежит Блоку — см. «Собр. стих.» I).

Перед грозой. Впервые — альм. «Культура и свобода» (1919). Окончательный текст — 8 октября 1919 г.

«Она прекрасна, — нет сомненья...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф (источник его не установлен) был приписан позже.

«Сомненья нет; мои печали...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Природы вечера могу чай...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

Черная Дева. Впервые — сборник Блока «Сказки. Стихи для детей» (1913). В рукописи — подзаголовок: «Финская легенда». Окончательный текст — очевидно, 1912 г.

427 — 434 «Темна и сумрачна была...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Тяжелый занавес упал...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Окончательный текст — 1910 г. *Трубицыно* — усадьба С. Г. Карелиной, двоюродной бабки Блока.

Жизнь. Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

Накануне XX века. Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — эпиграф из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума»: «Печально я гляжу на наше поколенье...»

«Мои печальные порывы...», «Как душно мне! Открой окно...», «Отчего я задумчив хожу...», «Глухая полночь. Цепененье...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф к предпоследнему — из Г. Гейне («Лирическое интермеццо», 23) в переводе Л. Мая. В последнем выражение *песни наудачу* заимствовано у А. А. Фета («О, не зови! Страстей твоих так звонок...»).

Кошмар. Впервые — «Собр. стих.» I (1911), с прим.: «Написано под впечатлением повести „Зеркала“ З. Гиппиус». В рукописи — посвящение З. Н. Гиппиус (см. о ней ниже, стр. 690). Окончательный текст — 1910 г.

«О, как безумно за окном...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи посвящено В. П. Далматову (1852—1912), известному драматическому актеру, одной из коронных ролей которого была роль короля Лира в одноименной трагедии Шекспира. Блок в юности был сильно увлечен игрой Далматова и подражал ему даже во внешности (см.: Г. Блок. Герои «Возмездия». — «Русский современник», 1924, № 3, стр. 179). В 1912 г. Блок охарактеризовал Далматова как «очень большого артиста, способного „ударить по сердцам с неведомою силой“» («Памяти К. В. Бравича» — т. V наст. издания).

«Я говорил при вас с тоской...», «Плоды неизведанной страсти», «Молчу и сумрачно гляжу...», «Мы устали. Довольно. Вперед и вперед...», «Я опять на подмостках. Мер-

цают опять...», «Народилась волна...», «Ты ^{435—}₄₄₀ просишь ответа на страшный вопрос...», «Какой-то вышний серафим...», «Много хотел я с тобой говорить...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Посвящение первого раскрыто в рукописи позднейшей припиской: «Е. Е. Х.», то есть Екатерина Евгеньевна Хрусталева, близкая знакомая семьи Бекетовых. Эпиграф из Н. А. Некрасова (к четвертому) взят из стих. «Рыцарь на час». К пятому («Я опять па подмостках...») — помета 1918 г. в «Хронологическом указателе»: «Вероятно, тогда я играл в зале Павловой и пр.». В 1899—1900 гг. Блок состоял в «Петербургском драматическом кружке»; на одном из открытых спектаклей кружка, устроенном в «Зале Павловой», он, под фамилией «Борский», играл выходную роль банкира в пьесе Ж. Онэ «Горнозаводчик»; на этом спектакле присутствовала Л. Д. Менделеева. Эпиграф к этому стихотворению взят из либретто оперы Леонкавалло «Паяцы». К седьмому стихотворению («Ты просишь ответа...») — помета в «Хронологическом указателе»: «Очень важно».

«Ты не научишь меня проклинать...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Погоня за счастьем». Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В «Хронологическом указателе» — помета: «Признаки „богоборчества“». Рошграсс Жорж (1859—1938) — французский живописец, автор картины «Погоня за счастьем» (1898), на которой изображено человечество, стремящееся к горным вершинам. Популярность этой картины отмечена в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: репродукцию ее Клим Самгин получает в подарок от декадентки Нехаевой.

«Не презирай воспоминаний...», «Мне странно. Столько долгих лет...», «Помни далекое светлое лето...», «Мне страшно. Чую приближение...», «Ты, вечно юная! О, нет!..» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Пометы в «Хронологическом указателе» — ко второму: «Хороший конец», к четвертому: «Очень важно. Какая-то грань», к пятому: «К. М. Садовская? Смутно помню».

^{411—}
⁴⁴⁷ «Бесцельный путь синеет предо мною...»
Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

Старые письма, Песня за стеной. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Когда докучливые стоны...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи после 8-го стиха («Твое прошедшее забыв...») — еще одно четверостишие:

Не презирай былые годы
И настоящее храни, —
И, верно, щедрая природа
Украсит будущего дни.

Окончательный текст — 1918 г.

«Ты много жил. Негодовалье...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи приписано заглавие: «Переселение душ».

«Устал я. Смерть близка. К порогу...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В «Хронологическом указателе» — помета: «Важно».

«Как всякий год, ночной порою...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1.

«Давно мы встретились с тобою...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Как сон молитвенно-бесстрастный...»,
«Когда с безжалостным страданием...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911).

«Где ты паришь теперь...», «Что было год назад? всё то же...», «Как мимолетна тень осенних ранних дней...», «О, не смотри в глаза мои с укором...», «Усталым душам вдруг сдается...», «В часы недавнего паденья...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). К второму — помета в «Хронологическом указателе»: «Интересно».

Эпиграф — из стариинного романса; эти же стихи поставлены ^{448—}
⁴⁵¹ эпиграфом к повести И. С. Тургенева «Вешние воды». Третье
стихотворение в рукописи объединено со стих. «Медлительной
чредой нисходит день осенний...» (стр. 34 наст. тома) под общим
заголовком: «Осенняя элегия». К последнему стихотворению —
помета в рукописи: «К. М. С(адовская)?»

«Я умирал. Ты расцвела я...» Впервые — «Собр.
стих.» I (1911). В рукописи — еще одна, средняя, строфа:

Ужасный крик воспоминанья
О тех невыразимых днях,
Которым сердце на прощанье
Вернуло прахом прежний прах...

Окончательный текст — 1910 г. В «Хронологическом указа-
теле» — помета 1918 г.: «Началась настоящая мистика (предчув-
ствие 1901 *(г.)* и осеннего Платона)»; осенью 1901 г. Блок зани-
мался изучением философских сочинений Платона.

«Приветный Лель, не жду рассвета...»
Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Лель — божество
любви в славянской мифологии.

«Нисходит сумрак ночи бледной...», «Прощай. В последний раз жестоко...», «Утро
брежит. День грозит нечастьем...» Впервые —
«Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф к первому — из
трагедии Шекспира «Гамлет».

«В ночный, исполненный грозою...» Впервые —
«Московский альманах» (1922). Окончательный текст — 11 июля
1919 г.

«Мы все уйдем за грань могил...» Впервые —
«Записки мечтателей», 1919, № 1. Первоначальный текст стихов
3—4:

Тому, кто больше всех любил,
Земные силы приумножит.

Окончательный текст — 1918 г.

«До новых бурь, до новых молний...» Впер-
вые — альм. «Корона» (1908).

451 —
456 «Оншел на отдых. Новый день...» Впервые —
«Неизданные стихотворения» (1926).

«Мы не торопимся заране...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1918, № 1. Перерабатывалось 27 января 1916 г. Окончательный текст — 1918 г.

«Когда отдамся чувствам страстным...» Впервые — «Новый мир», 1955, № 11. Это стихотворение было обнаружено в письме Блока от 16 апреля 1900 г. к К. М. Садовской (см. о ней выше, стр. 575), которая в это время находилась в Южной Франции.

«На юге Франции далекой...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Это четверостишие было обнаружено на стр. 194 тома XXIV «Полного собрания сочинений» А. Ф. Писемского, сохранившегося в составе библиотеки Блока. Обращено к К. М. Садовской, что устанавливается по связи с предыдущим стихотворением.

«После грозы. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 28 июня; вторично — альм. «Культура и свобода» (1919). Окончательный текст — 1915 г.

«Облит последними лучами...» Впервые — «Утро», 1914, 25 декабря. Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Была пора — в твоих глазах...» Впервые — «Современник», 1914, № 10.

«Пророк земли — венец творенья...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Неясно, кого имел в виду Блок под *пророком земли*; может быть — Гомера. *Старый гений* — Шекспир.

«Они расстались без печали...» Впервые — «Вершины», 1915, № 6. Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Новый блеск излило небо...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 22 марта. Окончательный текст — 24 ян-

варя 1915 г. *Эреб* — в греческой мифологии подземное царство ⁴⁵⁶ — ₄₆₀
мертвых. Заключительное двустишие — евангельское выражение
(«От Матфея» V, 8).

«П о р о ю в н о в ь к т в о и м н о г а м...» Впервые —
«Утро», 1914, 25 декабря. Окончательный текст — февраль
1914 г.

Σοφια. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).
Дельфийский храм — одно из главных святилищ в древней Греции,
где находилась пророчица Пифия. Он был закрыт императором
Феодосием около 390 г. н. э. *Новый бог* — очевидно, олицетворение новой, христианской веры.

«В с е д у ю д р е в н о с т ь я у ш е л , м у д� е ц...»,
С м е р т ь , «В л о ж и в б e з у м с т в o в д o x н o в e n i y ...»
Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф к первому — из латинской молитвы (первоисточник — Библия). Эпиграф к третьему — первый стих поэмы «Метаморфозы» римского поэта Публия Овидия Навона (43 до н. э. — 17 н. э.).

«П о д в е ч е р л е т с н е м ы м в и м а н ь е м...»
Впервые — «Приазовский край», 1913, 25 декабря; вторично —
«Красный милиционер», 1921, № 2/3. Окончательный текст —
18 ноября 1920 г.

А м е т и с т. Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Заглавие и посвящение *К. М. Садовской* (см. о ней выше, стр. 575) приписаны в 1908 г. В дневнике 1918 г. к этому стихотворению относится следующая запись: «В сентябре 〈1900 г.〉 — опять возвращается воспоминание о К. М. С. (при взгляде на ее аметист 1897 года)».

А р т и с т к е. Впервые — «Сирена» (Воронеж), 1918, № 2/3. Окончательный текст — 27 января 1916 г. В рукописи — первоначальное заглавие: «Марии Гавриловне Савиной (после „Бурелом“)». М. Г. Савина (1854—1915) — известная драматическая актриса. «Бурелом» — пьеса А. М. Федорова, шедшая в Александрийском театре; Блок был, очевидно, на спектакле 13 октября 1900 г.

^{460 —}
⁴⁶⁴ «Там жили все мои надежды...» Впервые —
«Приазовский край», 1913, 25 декабря. Окончательный текст —
1913 г.

«Была и страсть, но ум холодныЙ...» Впервые —
«Слово», 1908, 25 декабря. В рукописи после первой
строфы — еще одна:

О, страсть была! Она горела
В душе неведомым огнем,
И целой жизнью овладела
В борьбе отчаянной с умом!..

Окончательный текст — 1908 г.

Поэма философская. Первая «посылка» впервые — «Новая земля», 1912, № 1, под заглавием: «Дух и плоть»; вторая и третья «посылки» — «Собр. соч.», т. IV (1932). В рукописи — помета: «Не окончено». Второй эпиграф — слова католической мессы. Третий эпиграф принадлежит, нужно думать, самому Блоку. Элады мощный вдохновитель — по-видимому, Платон. Певец родной зимы — вероятно, Вл. Соловьев, в стихах которого часто встречаются мотивы зимы, снега, выюг и пр. См. на стр. 467 паст. тома «Последнюю часть философской поэмы». В этих набросках отразились занятия Блока греческой идеалистической философией, в частности — «Творениями» Платона.

Е. А. Баратынскому. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Эпиграф — из стих. Е. А. Баратынского «Чудный град порой сольется...» Блок однажды назвал в качестве своих «любимых» три стихотворения Баратынского: «Когда взойдет денница золотая...», «В дни безграничных увлечений...» и «Наслаждайтесь: всё проходит...» (см. «Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 117—118).

После битвы. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 18 января. Окончательный текст — 13 января 1915 г.

«Не нарушай гармонии моей...» Впервые —
«Москва», 1918, № 1. Окончательный текст — 1918 г.

«Когда я одинок и погружен в молчанье...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. Окончательный текст — 1918 г.

«Я никогда не понимал...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). На основании пометы в рукописи устанавливается, что написано было под впечатлением оперы Р. Вагнера «Парсифаль» в концертном исполнении композитора С. В. Панченко — близкого знакомого Бекетовых, с которым Блок в юные годы поддерживал тесные отношения и часто переписывался (письма Блока к С. В. Панченко утрачены).

«Ты думы вечной, вдохновение...» Впервые — «Новое слово», 1909, № 8. Окончательный текст — 1908 г.

«Благоуханных дней теченье...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — еще одна, средняя, строфа (в редакции 1908 г.):

Жизнь помирит с тяжелой долей,
Поблекнут ранние цветы,
Но, выходя в родное поле,
Опять их лаской дышишь ты.

Окончательный текст — 1908 г. Комментарий Блока к этому стихотворению см. в дневнике 1918 г. (т. VII наст. издания).

«Часто в мысли гармония спит...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Я сходил в стремнину горы...» Впервые — «Правда жизни», 1909, 19 января. Окончательный текст — 1908 г. Комментарий Блока к этому стихотворению см. в дневнике 1918 г. (т. VII наст. издания).

«Я понял смысл твоей печали...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Комментарий Блока к этому стихотворению см. в дневнике 1918 г. (т. VII наст. издания).

Последняя часть философской поэмы. Впервые — «Красная газета» (веч. выпуск), 1926, 6 августа. Комментарий Блока к этому стихотворению см. в дневнике 1918 г. (т. VII наст. издания). См. «Поэму философскую» и прим. к ней на стр. 461 и 664 наст. тома.

«Так — одинокой, легкой тенью...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи служит эпиграфом к стих. «Сбылось пророчество мое...» (стр. 82 наст. тома).

468—
471 «Пять изгибов сокровенных...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — заглавие на греческом языке, с переводом: «Πυθία περιπατέουσα καὶ πέριπαθέουσσα» («Пифия прогуливающаяся и страждущая»), пометы: «Марта 10, ad vesperum» («к вечеру») и «Ante lucem» («До света») и эпиграф из А. С. Пушкина («Легенда»):

Он имел одно виденье,
Непостижное уму.

Реальный комментарий к этому стихотворению содержится в дневнике 1918 г.: «...я встретил Любовь Дмитриевну (Менделееву) на Васильевском острове... Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на курсы по 6 линии, Среднему проспекту — до 10 линии, я же, не замеченный ею, следовал позади... Отсюда появились „пять изгибов“». Там же — другая запись: «...мне захотелось запечатать мою тайну, вследствие чего я написал шифрованное стихотворение, где пять изгибов линий означали те улицы, по которым она проходила, когда я следил за ней, не замеченный ею (Васильевский остров, 7 линия — Средний проспект — 8—9 линии — Средний проспект — 10 линия). В рукописи имеется схематическое изображение этих пяти уличных «изгибов».

«Вчера я слышал песни с моря...», «Вечерний свет заутра снова...», «Отзвучала гармония дня...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Он уходил, а там глубоко...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). В рукописи объединено со следующим стихотворением.

«Завтра рассвета не жди...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В рукописи объединено с предыдущим стихотворением.

«Ты ли это произвучала...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи служит эпиграфом к двум следующим стихотворениям.

⟨Два стихотворения⟩. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Ч е р е з п е с ч а н ы е п у с ты н и...» Впервые — «Не-⁴⁷²₄₇₅ изданые стихотворения» (1926). Эпиграф — из стих. Вл. Соловьева «Неопалимая купина». Комментарий Блока к этому стихотворению см. в дневнике 1918 г. (т. VII наст. издания).

«В е ч е р е ю щ и й д е н ь, д о г о р а я ...» Впервые — «Приазовский край», 1913, 25 декабря. Окончательный текст — 1913 г.

В и д е н и е, «Н а с с т а р о с т ь г р у с т н а я н а с т и г-
н е т б е з т р у д а ...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Гиппиус Александр Васильевич (ум. в 1942 г.) — один из ближайших друзей молодого Блока, в те годы — студент-юрист и поэт-дилетант. Эпиграф взят из стих. А. В. Гиппиуса «Твой дерзкий взор, твой локон черный...», напечатанного много лет спустя (при содействии Блока) в журнале «Любовь к трем апельсинам», 1915, № 1, под псевдонимом: Александр Надеждин. *Прасолово* — деревня в окрестностях Шахматова.

П р е о б р а ж е н и е. Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. В рукописи после первой строфы — еще одна:

Сон блестательный и тайный
Посещает прежний прах
И наградой не случайной
Будут отклики в сердцах.

В рукописи — помета: «Ante lucem» («До света»). Окончательный текст — февраль 1914 г.

«Н а с т у п а е т п о р а н е б ы в а л а я ...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1914, 25 декабря. В рукописи — еще одна, средняя, строфа:

Все надежды и мысли порочные
Отпадают, как ветхая ткань.
Наступает мгновенье урочное,
Простирается тонкая длань.

Окончательный текст — 1914 г. В рукописи — помета (1914 г.): «Вл. Соловьев! — Поглотило стремленье безбрежное Роковой беззаветной любви» (ср. заключительный стих у Блока).

^{476 —} «Всё бесконечней, всё хрустальней...»
⁴⁷⁸ Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В рукописи — помета: «Что-то неясное очень — бледное, очевидный упадок напряжения — в связи с приездом гостей? (Сережи Соловьева?) IX. 1918.»

«Синие горы вдали...» Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — эпиграф из юношеского стих. М. Ю. Лермонтова «Письмо»: «Но ты не плачь, мы ближе друг от друга, Мой дух всегда готов к тебе летать» и еще одна, заключительная, строфа:

Встали туманы вдали —
Синие горы в тени.
Призраки нам принесли
Новые жаркие дни.

Окончательный текст — 1918 г. *Прасолово* — деревня в окрестностях Шахматова.

«В немлю голосу свободы...» Впервые — «Русь», 1907, 18 июня (Приложение № 23). В рукописи озаглавлено: «На рассвете». Там же — помета: «Подправлял под освободительное движение весною 1907 года». Окончательный текст — весна 1907 г.

«Глуши родного леса...» Впервые — «Нива», 1909, Литературное приложение № 7. В рукописи — еще одна, средняя, строфа:

Глухо долетают
Звуки топора,
Листья облестают,
И пора, пора...

В рукописи — позднейшая помета (или заглавие): «У пруда». Окончательный текст — очевидно, 1909 г.

Ожидание. Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 2 августа. Окончательный текст — 13 января 1915 г.

«Знаю, бедная, тяжкое бремя...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911). Эпиграф — из стих. Вл. Соловьева «Бедный друг! Истомил тебя путь...»

П о с в я щ е п и е. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Было написано на книге стихов Вл. Соловьева, которую Блок собирался подарить Л. Д. Менделеевой.

«Х о д и т м е с я ц п о в о л п е ...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

А л л е г о р и я. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). В рукописи — позднейшая помета к 19-му стиху: «рос — глагол!» Ссылка на стих. Вл. Соловьева «Эфиопы и бревно» приписана позже. Смысл ссылки на эту шуточную басню, представляющую собой пародийный образец «поэтической бессмыслицы», заключается в том, что у Вл. Соловьева рассказано, как эфиопские жрецы создали кумир из бревна:

Бревно лежит бревном. И вот, в восторге диком,
Уж гимн ему поют!
«Могучий кроткий бог! Возлюбленный, желанный!»
Жрецы уж тут как тут:
Уж лют на край бревна слей благоуханный,
Коровьим калом трут...
И скоро весть прошла о новом чудном боже
Окрест по всем странам.
Богослуженья чин установился строгий,
Воздвигнут пышный храм.

«Л ю б о в н и к, в yш eдшиy для бра pи...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). *Tирс* — жезл Бахуса (Вакха, Диописа), бога вина и веселья в греческой мифологии; жезл этот изображался увитым плющом и виноградными листьями. *Небрида* (небрис) — оленья шкура, одеяние Бахуса.

В о р о ж б а. Впервые — «Утро России», 1916, 10 апреля. Окончательный текст — декабрь 1915 г.

«Н е д o с k a z a n n o й р eч i т r e v o g u ...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«С м o t r i p r i v e t n o i l e g k o ...» Впервые — «Новая земля», 1912, № 3/4. В рукописи озаглавлено: «Μετάφυσικά» («Метафизика»), с подзаголовком: «Мысли». Перерабатывалось в декабре 1911 г. Окончательный текст — очевидно, 1918 г.

^{482 —}
⁴⁸⁵ «Черты знакомых лиц...» Впервые — «Москва»,
1920, № 4. Первоначальный текст:

Черты знакомых лиц, знакомые огни
Уходят от меня. Мне памятны одни
Усталые задумчивые дни,
Когда одна мечта мерещится в тени.

Таков мой первый круг, мой сумрачный рассвет—
Начало всех блаженств и небывалых бед.
Божественный огонь мне будет первый свет,
Мой первый, ранний, пламенный ответ.

Перерабатывалось в декабре 1915 г. Окончательный текст —
май 1918 г.

«Я про��аю съ ночью сонной...» Впервые —
«Собр. соч.», т. IV (1932).

«Туман скрывает берег отдаленный...»
Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

Три стихотворения. Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1 (без объединения в цикл).

На могиле друга. Впервые — «Собр. стих.» I (1911),
с примечанием: «Стихотворение посвящено памяти Н. В. Гуна,
скончавшегося 20 января 1902 года в Петербурге». В рукописи,
озаглавленной: «На Волковом кладбище 22 янв[аря] 1902 г.»,
после первой строфы — еще две:

Бесслезный сон предсмертных сновидений
Уж окружил и обуял меня.
Ты близок вновь — в дыму твоих курений
Мне предстоит недвижный образ дня.

Ты встретишь здесь у потаенной двери
Младую жизнь любимая жены.
Земные дни, неверные потери
И для меня отныне сочтены.

Окончательный текст — 1910 г. См. посвященное Н. В. Гуну
стих. 1898 г. «Ты много жил, я больше пел...» и прим. к нему
(стр. 5 и 572 наст. тома).

«Це́лый день — суета у могил...» Впервые — ^{486—}₄₈₉
«Северные записки», 1913, № 4. Окончательный текст — 1913 г.

«На небесах горят Ее престолы...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«...И были при последнем издыханье...»
Впервые — «Записки мечтателей», 1919, № 1. В рукописи — по-
мета: «Крέо́во δέ σοι πῆμ' οὐσέν, αλλ' ἀυτός σὺ σοι» («Креонт тебе не
враг, а враг ты сам себе») — цитата из трагедии Софокла «Царь
Эдип».

«Не омраченный дух прими для лучшей
доли...» Впервые — «Литературное наследство», 1937, № 27/28
(стр. 311). Это четверостишие было поставлено эпиграфом к на-
брюску статьи Блока о новейшей русской поэзии (предисловие к
статье датировано 11 января 1902 г.). Вероятнее всего, оно
принадлежит самому Блоку.

«Они говорили о ранней весне...» Впервые —
«Невский альманах» (1915). Окончательный текст — 1915 г.

У дверей. Впервые — «Утро России», 1916, 10 апреля.
Окончательный текст — 1916 г.

«В сю зиму мы плакали, бедны е...» Впервые —
«Биржевые ведомости», 1916, 21 февраля. Окончательный текст —
январь 1916 г.

«Боги гасят небосвод...» Впервые — «Неиздан-
ные стихотворения» (1926).

«Уже бесстрашный и свободный...» Впервые —
«Собр. соч.», т. IV (1932).

«Успокоительны, и чудны...» Впервые —
в книге М. А. Бекетовой «Ал. Блок и его мать», Л., 1925. Стихо-
творение посвящено памяти Вл. Соловьева и было записано Бло-
ком на обложке книги Вл. Соловьева «Три разговора» (3-е изд. —
1901 г.), которую он (Блок) подарил матери.

490 —
495 «Мы шли заветною тропою...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1915, 5 июля. Окончательный текст — 20 февраля 1915 г.

«Ты — злая колдунья. Мой вечер в огне...»
Впервые — «В мире искусств», 1907, № 22/23.

«Душа ждала, но молчаливо...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). *Каменный остров* — в Петербурге.

«Тянется ветром от залива...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Я жалок в глубоком бессильи...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 4 сентября; вторично — альм. «Полон» (1916). Окончательный текст — 1916 г.

«Испытанный, стою на грани...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 10 апреля.

«Ищи разгадку ожидай...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 27 марта. Окончательный текст — январь 1916 г.

«Есть чудеса за далью синей...», «Проходишь ты в другие дали...», «Я брошу съ в черный день со скал...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Мы в храме с тобою — одни, смушены...»
Впервые — «Красная газета» (веч. выпуск), 1926, 6 августа.

«Она была — Заря Востока...», «У окна не ветер бродит...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Ты, отчаянье жизни моей...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. Окончательный текст — февраль 1914 г. Заключительное двустишие — вариация строк из стих. «Вечерющий сумрак, поверь...», написанного 20 декабря 1901 г. (см. стр. 149 наст. тома).

«Завтра в сумерки встретимся мы...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«Когда я вышел — были зори...» Впервые — «Собр. стих.» I (1911), — с пометой: «Белая ночь». В черновике после 4-го стиха («Забытое в моей груди») идет:

Намек целебный, взор смущенный
Мерцал в груди, будя рассвет.
Я уходил, завороженный
Вспоминаньем лучших лет.
Тебе, чудесной...

«Я тишиню очарована...» Впервые — «Ежемесячный журнал», 1916, № 1. Окончательный текст — декабрь 1915 г. Во второй строфе — отзвук Вл. Соловьева («Там, где семьюй столпились ивы...»):

А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.

«Ты — молитва лазурная...» Впервые — «Одесские новости», 1908, 25 декабря. Окончательный текст — 1908 г.

«Догорай, не узнавая...», «Как любовно сплетал я тончайшую сеть!..», «Проходят сны и женственные тени...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Третье было радикально переработано и дополнено одной строфой; новая редакция была опубликована (по не дошедшему до нас автографу) в книге: А. Блок. Неизданные стихи. История одного письма. Тифлис, 1927. Приводим эту редакцию:

В стальной, глухой воде мерцают тени,
В их глубину смотрю я не дыша,
И кажется — что тó идут ступени
Туда, где свой покой найдет душа.

Вот шаг один... Чтó может быть короче?
И ласково ко мне прильнет вода...
Вот шаг один... И я открою очи
На темпюм дне забытого пруда.

Здесь, наверху, как буря, мчатся годы,
Сменяя день греха на ночь беды,
А там — ни снов, ни страсти, ни свободы,
Лишь шорох струй, лишь легкий всплеск воды.

В стальной глухой воде мерцают тени,
 Как зыбь иной, вневременной волны...
 Мой грустный Друг, я перейду ступени
 От скуки дня до счастья глубины!

Слова «ни снов, ни страсти, ни свободы» перешли отсюда в стих. «Исчезла, отлетела в высь...», написанное 11 июля 1902 г. (стр. 507 наст. тома). Соображения, по которым предпочтение в данном случае должно быть отдано первой редакции, изложены нами в «Литературном наследстве», 1937, № 27/28, стр. 568.

«Всю ночь я слышу вздохи странные...», «Поздно. В окошко закрытое...», «Сплетались времена, сплетались страны...», «Загадай и скройся в ночь...», Голоса, «Мы истомились в безмерности...», «Они идут — туманные...», «Я помню тихий мрак и холод с высоты...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Пятое стихотворение («Голоса») было составлено из двух отдельных черновых набросков. Первый из них соответствует второй, четвертой и шестой строфам окончательного текста («Второй голос») и датирован 7 июня 1902 г., с пометой: «Ante lucem» («До света»). Второй набросок, датированный 8 июня 1902 г., соответствует первой, третьей и пятой строфам окончательного текста («Первый голос»). К шестому стихотворению («Мы истомились...») — помета в рукописи: «Гроза — шахматовское окно было открыто». Астарта — главное божество древних семитских народов, в частности — финикиян (отчасти соответствовала греческой богине любви Афродите). Сидон — древний финикийский город, в котором процветал культив Астарты.

«Ушли в туман мечтания...» — Впервые — «Русь», 1907, 23 апреля (Приложение № 17); вторично — альм. «Культура и свобода» (1919).

«Вот снова пошатнулись дали...» Впервые — «Северные записки», 1913, № 4. Окончательный текст — 1913 г.

«Хоронил я тебя и, тоскуя...» Впервые — «Красный милиционер», 1921, № 2/3. Первоначальный текст:

Хоронил я тебя и, тоскуя,
 Возрастил на могиле цветы.

Но в лазури, звения и ликуя,
Исчезаешь, блаженная, ты.

507 —
511

Похоронные слезы напрасны —
Будто солнца с тобой мы ясны.
Здесь взойдут — на могиле прекрасной —
Не цветы — благовонные сны.

Повторяются сны и молитвы,
Пережитые звуки плывут...
Мы воскресли на странные битвы
Ярко-красных и белых минут.

Окончательный текст — 18 ноября 1920 г.

«Когда смыкаешь ты ресницы...», «Замерла береговая песня...», «Для меня возможны все желания...», «Исчезла, отлетела в выс...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«В дрожащем эфире...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«По узким площадям ловил я тень девицы...», «Сладко найти нам звезду...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Вечер мой в красном огне...» Впервые — «Полное собрание стихотворений», т. II (1946), стр. 517. Первое двустишие взято из предыдущего стихотворения (с незначительным изменением).

«Не знаю тебя — и не встречу...», «Ты знаешь ли тайну свободы...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Зову тебя в дыму пожара...» Впервые — «Образование», 1908, № 6; вторично — «Свободный журнал», 1918, № 3/4. Окончательный текст — 1918 г.

«Бедная, клонишься ты...», «Как сон, уходит летний день...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«День таит в себе часы...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

*512—
514* «Глухая странность бытия...», «Сегодня образ твой чудесен...», «Ты простерла белые руки...», «Проходил я холодной равниной...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Самсон (Самсон) — библейский герой, павший жертвой своей любви к коварной Далиле. Третье стихотворение не является подражанием какому-нибудь определенному произведению В. Я. Брюсова, но его манере вообще.

«Инок шел и нес святые знаки...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. Перепечатано в альм. «Ковчег» (Феодосия, 1920), с многочисленными разночтениями, — очевидно, было кем-то сообщено по памяти. Блоку эта публикация осталась неизвестной. Первоначальные наброски:

Вот знаки дня, когда восстану я:
Холодный ветер остановит тучи.
Их серая и белая семья
Столпится вдруг в одной борьбе могучей.

Знаки дня моих восстаний
Притаились в душной мгле.

Шел пилигрим и нес восстанья знаки.
Седой старик из...

Инок шел и нес восстанья знаки.
Он сгорал...

В другом черновике — вариант заключительной строфы:

И пылали, разгорались маки —
В ярком солнце — жаркие костры.
Чернецы несли восстаний знаки —
На плечах дрожали топоры.

В рукописи — помета: «Вторая половина диптиха (см. 11 июня)», отсылающая к стих. «Брожу в стенах монастыря...» (стр. 198 наст. тома).

Боец. Впервые — «Утро России», 1916, 10 апреля. В рукописи, озаглавленной: «Воин», после первой строфы — еще одна:

Как медленно влекутся дуги!
Как жадно светел их отлив!
На голос царственной подруги
Влекусь, святыни истребив!

Окончательный текст — 24 января 1916 г.

«Гашу огни моих надежд...» Впервые — «Неиз-⁵¹⁴₅₁₅даные стихотворения» (1926).

«Священный голос ликовал...» Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932).

«Скиталец задремал в пути...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Всё, чем дышал я...» Впервые — «Слово», 1908, 25 декабря. В рукописи после второй строфы — еще одна:

Могилу вскрою —
Возьму опять
Тебя с собою
Вспоминать.

Окончательный текст — очевидно, 1908 г.

«Тебе, Тебе, с иного света...» Впервые — «Общедоступный литературно-художественный альманах» (1911), под заглавием: «С иного света». Окончательный текст был составлен в 1908 г. из двух отдельных стихотворений:

⟨1⟩

Тебе, Тебе — с иного света,
Мой друг, мой ангел, мой закон.
Прости безумного поэта —
К тебе не возвратится он.

В гробу я слышу голос птичий,
Весна близка, земля сыра.
Мне золотой косы девичьей
Понятна томная игра.

Ты, мимолетная, из ночи
Дохнула мне и замерла,
Но, долу опуская очи,
Мою Ты музу приняла.

Всё, чем Ты дышишь, вечно свято,
Любовь по-прежнему жива.
Безмолвно приняла когда-то
Мои Ты грубые слова.

14 августа 1902

Я правил бег в крутые горы
 Услышать ветер, встретить фей;
 Но долу опустились взоры
 На цвет лазоревых полей.

Он был неведомо печален
 И провещал мою судьбу:
 Я золотистым сном ужален
 И чаю таинства в гробу.

Но любо слушать голос птичий,
 Весна близка, земля сыра,
 И золотой косы девичьей
 Понятна томная игра.

1 сентября 1902

«Моя душа в смятеньи страха...» Впервые — «Час», 1907, 16 ноября; вторично — «Свободный журнал», 1918, № 3/4. Ахейский герой *Ахилл*, троянский царевич *Гектор* (убитый Ахиллом) и *Андромаха*, жена Гектора, — персонажи homerовского эпоса («Илиада»). *Пеплум* — одеяние древних гречанок. Первая строка напоминает строку из стих. З. Гиппиус «Пыль» (1897): «Моя душа во власти страха...»

«Ночи стали тоскливе...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Прости. Я холодность заметил...» Впервые — «Русская мысль», 1914, № 10. В черновике — еще одна, заключительная, строфа:

Я не могу с тобой проститься,
 И лишь прошу простить меня
 За то, что в таинство излиться
 Уж поздно перед солнцем для!

В рукописи — вариант второй строфы:

О, если б знала ты различье
 Среди земного бытия
 Между личиной и безличьем, —
 Быть может, был бы счастлив я!

Окончательный текст — февраль 1914 г.

«М е с я ц в ы ш е л, с о л н ц а н е т...» Впервые — «Собр. 517 — соч.», т. IV (1932).

«П о д у м а й о п о д з е м н о м ш у м е...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Д а в н о х о ж у я п о д о к н а м и...» Впервые — «Слово», 1908, 17 августа.

Г о л о с а. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).
Первоначальный набросок:

Я живу на долине лесной
Встанет солнце за дальней горой —
У меня еще холод и мрак.

У нее уже свет в терему,
И румянцем ланиты горят.
Я же, тенью одет, никому
Не скажу про наряд.

Я — свободный глашатай зари,
Я — слуга у своей госпожи.
Ночью в небо мое посмотри,
И одну лишь звезду укажи.

Так горела и будет гореть,
Бесконечно ее бытие.
Так же буду в лицо ей смотреть,
Так же вечно служенье мое.

Но когда-нибудь встанет заря
И навеки погаснет звезда.
Но не погибнет...

Второй эпиграф — из баллады Вальтера Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» в переводе В. А. Жуковского (приведен не вполне точно).

«С т р е м л е н ь я с е р д ц а н е п о м е р и ы...» Впервые — «Речь», 1908, 23 марта, с другим заключительным четверостишием:

И я тянусь, подобный стеблю,
В голубоватый сумрак дня,
И тайно вздохами колеблю
Траву, обнявшую меня.

⁶²⁰₅₂₃ — (эти строки вошли в окончательный текст следующего стихотворения). В рукописи — отброшенное окончание:

Я жду чудес. Одним избуду
Свою завистливую тьму.
Но это таинство и чудо
Я не открою никому.
Здесь тайны все мои велики
И все неведомы мечты.
Там — богородичные лики,
Беселье ангелов — и Ты.

Окончательный текст — очевидно, 1908 г.

«Передо мной — моя дорога...» Впервые — в книге П. П. Перцова «Ранний Блок», М., 1922. В рукописи — помета к 9-му стиху («Он, белокрылый, звонко бьется»): «Он — как безразличное, — не мужественное».

«Все огни загораются здесь...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

«Я ждал под окнами в тени...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«О легендах, о сказках, о мигах...» Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. Окончательный текст — 1907 г.

«Они живут под серой тучей...» Впервые — альм. «Грех» (1910). В корректуре «Собр. стих.» I (1911) — зачеркнутое посвящение: З. Г., то есть З. Н. Гиппиус (см. «Памяти Блока», П., 1923, стр. 102). О З. Н. Гиппиус см. ниже, стр. 690.

«Мысли мои утопают в бессилии...» Впервые — «Биржевые ведомости», 1916, 10 апреля.

7—8 ноября 1902 года. Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1. В рукописи — заглавие (или эпиграф?): «Исполним молитву нашу, господеви» (слова православной литургии). В ночь с 7 на 8 ноября 1902 г. состоялось решительное объяснение Блока с Л. Д. Менделеевой. Ср. стих. «Я их хранил в приделе Иоанна...» и прим. к нему (стр. 239 и 614 паст. тома).

«З а г л я ж у с ь л и я в н о ч ъ на м е т е л и ц у...» ⁵²³₅₂₇
Впервые — «Образование», 1908, № 3.

«У ш е л я в б е л у ю с т р а н у...» Впервые — «Русь», 1907, 13 апреля (Приложение № 15), под заглавием: «Лицемеры». Окончательный текст — 1907 г. Есть основания полагать, что Блок в этом стихотворении имел в виду «неохристиан» из круга сотрудников «религиозно-философского» журнала «Новый Путь» во главе с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус.

«Мы п р о с и у л и с ь в п о л н о м з а б в е н и и...»
Впервые — альм. «Корона» (1908). В рукописи служит продолжением стих. «Песня Офелии» (стр. 243 наст. тома). Окончательный текст — 1907 г.

«З о л о т и т м о я с т р а с т н а я о с е п ь...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Л ю б о п ы т с т в о н а п р а с н о г л а з е л о...» Впервые — «В мире искусств», 1909, № 2/3. Окончательный текст — 1908 г.

О т ш е д ш и м. Впервые — «Слово», 1908, 8 июня; вторично — «Киевская искра», 1908, 19 июня. «Стихотворение посвящено памяти М. С. и О. М. Соловьевых, скончавшихся 16 января 1903 года в Москве» (прим. Блока в «Собр. стих.» I). Соловьев Михаил Сергеевич (1862—1903) — педагог и переводчик, брат поэта и философа Вл. Соловьева и редактор посмертного издания его сочинений. О. М. Соловьев (см. о ней выше, стр. 585), как только муж ее умер, тотчас же покончила с собой.

«Д н е м з а н а ш е й с т е н о й м о л ч а л и...» Впервые — «В мире искусств», 1909, № 1; вторично — альм. «Пряник» (1916).

«Н и к т о н е у м и р а л . Н и к т о н е к о н ч и л ж и т ь...» Впервые — альм. «Проталина» (1907). Первоначальный текст:

Никто не умирал. Никто не кончил жить.
 Но в звонкой тишине вставали и сходились.
 Они приблизились — черты определились,
 Внезапно отошли — и их не различить.

Они — невдалеке, и ты в общены с ними.
 Они звенят в ушах, мерещатся глазам
 И, может быть, под масками чужими,
 Как ты, обращены к последним временам.

Внимательно следи! Толпа многообразна.
 Быть может, средь нее мелькнет усопший друг, —
 Узнаешь ли его под маской безобразной?

Там — в гулкой тишине — вертится тот же круг.
 Безмолвная толпа — гробница возвращений —
 Хранилище вечерних озарений.

Окончательный текст — 5 ноября 1904 г. В рукописи — помета:
 «Мистический скептицизм (возврат!)».

«Всё тихо на светлом лице...» Впервые — альм.
 «Белые ночи» (1907). Окончательный текст — 1907 г.

«Нет, я не отходил. Я только тайны
 ждали...» Впервые — «В мире искусств», 1907, № 22/23.

«Вот они — белые звуки...» Впервые — альм.
 «Гриф» (1904).

«Кто заметил огненные знаки...» Впервые —
 «Неизданные стихотворения» (1926).

«Мой остров чудесный...» Впервые — «Час», 1907,
 25 декабря.

«Разбушуются бури, прольются дожди...»,
 «Нам довелось еще подняться...» Впервые —
 «Неизданные стихотворения» (1926). Ко второму — помета в рукописи: «Новая Дер(евня), а еще не Стар(ая)». *Новая и Старая Деревни* — пригороды Петербурга.

«Моя сказка никем не разгадана...» Впервые — «В мире искусств», 1907, № 17/18. Окончательный текст — 1910 г.

«Если только она подойдет...» Впервые — альм. «Белые ночи» (1907).

«Очарованный вечер мой долож...» Впервые — «Межа», 1908, 27 октября. В черновике после четвертой строфы — еще четыре:

Бьется, бьется крыло голубое
И уносит вперед и вперед,
Вот открылось мое «рековое», —
Молодая идет и зовет.

Утомиться желаньем веселый,
Грусти высказать сладкую ложь,
Покидая лазурные кельи,
Запевать и дрожь.

Ах, дрожащих, пронзенных и гибких
Я люблю и молитвенно чту.
Но тебя, Голубая Улыбка,
Чаще всех я ловлю на лету.

Дождик, дождик, деревья согнулись,
Шелохнулись под влагой кусты.
Мы с тобой не напрасно вернулись
К утверждению своей красоты.

Третья из этих строф вошла (заключительной строфой) в беловую рукопись; остальные зачеркнуты, с пометой: «Так пишу, чорт знает к чему?» Окончательный текст — очевидно, 1908 г.

«Мы оба влюблены в один и тот же сон...»,
«Я живу в пустыне...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

Заклинание. Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Первоначальный черновой набросок, датированный 16 июня 1903 г.:

В день золотой, невозмутимый
Мы далеко от всех ушли,
И сердце девушки любимой
Мои созвучья привлекли.

Сосновый лес затеял чары
И принял красные лучи...

В рукописи — еще три отброшенных впоследствии строфы.
После первой:

Впервые ночью, у оврага,
Мелькнут в задумчивой тени
Ее пленительная сага,
Ее алеющие дни.

После четвертой:

Грудь обнажила для встречи
Ночи, поющей вдали...
Юноша бродит далече.
В горы! На выси земли!

После пятой:

Обнял — и пали с разбега
В темной высокой траве...
Шопот, и клятвы, и нега...
Месяц стоит в синеве...

Окончательный текст — 1917 г. Стихотворение было набрано в 1918 г. для нового издания первой книги лирики, куда, однако, не вошло (корректурный оттиск сохранился в бумагах Блока).

«Мои грехи тяжеле бед...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Первоначальный черновой набросок, датированный 17 июля 1903 г. (с пометой: «За мссяц до свадьбы»):

Сегодня, как прежде, входили на двор
Жницы с последним снопом.
Но некому выйти навстречу с тех пор,
Как смерть входила в наш дом.

В наш старый, милый дедовский сад
Теперь входила и Ты.

В ту ночь, как умер мой старый дед,
Мне было легко и светло
И грозы стучались в стекло.

Мои грехи тяжеле бед
Перед Тобой, моя душа.
Когда был жив мой старый дед,
Я был задумчивей пажа.

Служа тебе издалека,
Я вспоминал, что будет там,
Где вечно рска,
Где над рекою белый храм.

И деды старые ушли,
И я оплакал каждый гроб.
Сегодня жницы принесли,
Как в старину, последний сноп.

Ах, было время скорбных дум,
Когда могильные цветы
Мне приносили мирный шум
И мерный шелест Красоты!

Тогда, готовый спрыгнуть вниз —
В могилу к дедам и цветам,
Услышал тихий шорох риз
И вновь вернулся к берегам.

Пойми же Ты, в последний раз,
Что эта смерть, и этот цвет,
И этот пламень, что погас,
Остался нам с Тобой в завет.

Что я с Тобой до склона дней
Готов идти, готов прощать,
И только Ты из всех людей
Должна, должна меня понять.

Среди бумаг Блока имеется еще один, более поздний, черновой набросок, явно относящийся к данному стихотворению. Он датируется июлем 1905 г. и снабжен пометой: «Старое». Вот он:

Промчались годы, словно птицы,
И я оплакал дедов гроб.
Вот принесли сегодня жницы,
Как в старину, последний сноп.

И вновь с серпом, как прежде, ржавым
Старуха встала у крыльца,
Как будто я (был) пажом лукавым
И не носил Ее кольца.

«Один среди вас, по родной, по чужой...»,
«Мне трижды дапо воспрянуть...» Впервые —
«Неизданные стихотворения» (1926). Преобразжение на Фаворе —
церковный праздник.

*536—
538* «Горит мой день, будя ответы...» Впервые — «Голос Москвы», 1907, 21 декабря; вторично — «Юность», 1907, № 3.

«Я мог бы ярче просиять...» Впервые — «Час», 1907, 25 декабря.

О т в е т. Впервые — «В мире искусств», 1909, № 2/3. Черновой набросок относится к августу 1903 г. В рукописи после 8-го стиха («Немеркнувших осенних слов») — еще четверостишие:

Но я живу, скликая птиц,
Поющих мне весенний день,
И знаю слишком много лиц,
Как я, вдыхающих сирень.

Окончательный текст — очевидно, 1908 г. Блок отвечал С. М. Соловьеву (см. о нем выше, стр. 591) на его стихи, написанные по случаю свадьбы Блока (состоявшейся 17 августа 1903 г.), на которой С. М. Соловьев был шафером жениха. Стихи эти в печати не появились, автографы их хранятся в бумагах Блока. Он писал о них автору в письме от 8 октября 1903 г. («Письма Александра Блока», Л., 1925, стр. 56).

«Неизмеримость гасит луны...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926).

«Спустись в подземные ущелья...» Впервые — «В мире искусств», 1909, № 2/3. В рукописи озаглавлено: «Будущему...»

З а к л ю ч е н и е сп о р а. Впервые — альм. «Проталина» (1907). Здесь после 8-го стиха («Моих задумчивых гаданий») — еще четверостишие:

Ты, молча, числишь над рекой
И бороздишь чело залива.
Но Кто-то матовой рукой
Тебя зовет нетерпеливо.

Окончательный текст — 1910 г. Менделеев Иван Дмитриевич (1883—1936) — старший сын Д. И. Менделеева от второго брака, брат Л. Д. Менделеевой-Блок, физик и метролог, автор ряда философских сочинений, выдержанных в идеалистическом духе. Блок дружил с ним в молодые годы и впоследствии поддерживал довольно близкие отношения.

«Протянуты поздние нити минут...» Впервые — «Речь», 1907, 25 декабря. В рукописи после 16-го стиха («И слушаем сказки, и верим часам...») — еще четверостишие:

И бьют они два и четыре часа,
И мы забываем свои голоса,
И так однотонно — одно за другим —
Слова убегают, а мы сторожим.

Окончательный текст — очевидно, 1907 г.

«Я кую мой меч у порога...» Впервые — альм. «Белые ночи» (1907). В рукописи — другое окончание:

Я сегодня наверное знаю,
Что мы слепо полюбим в раю.

Окончательный текст — 1907 г.

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГОРАЦИЙ

«Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит...» Впервые — альм. «Зеленый цветок» (1915). Перевод 11-й оды из I книги од римского поэта Квинта Горация Флакка (65 до н. э. — 8 н. э.).

«Не на простых крылах, на мощных я в зле чу...» Впервые — «Собр. соч.», т. VII (1932). Перевод знаменитой 20-й оды из II книги од Горация. *Меценат* Гай Цильний (род. ок. 70 г. до н. э.) — римский вельможа, покровитель Горация. *Стикс* (миф.) — река в подземном царстве мертвых. *Икар* (миф.) — сын Дедала, упавший в море при перелете через Эгейское море (на восковых крыльях, сооруженных Дедалом). *Гетулы* — народ, живший в северо-западной части Ливии. *Сирты* — песчаные отмели на африканском побережье Средиземного моря. *Даки* — народ фракийского племени, в древнее время населявший Румынию; часть Дакии была завоевана римлянами при Августе. *Марсийское племя* (марсы) — воинственное племя, жившее в Средней Италии; отвага марсов вошла в поговорку. *Гелоны* — римское имя скифов. *Иберия* — Испания. *Пьющий воды Рона* — галл (Рона — река в нынешней Франции).

«О т к р о ю лъ, д е р з н о в е п н и й...» Впервые — «Собр. соч.», т. VII (1932). В рукописи — помета: «Состязание с тетей». Другой перевод этого стихотворения французского поэта Альфреда де *Мюссе* (1810—1857) из его пьесы «Le Chandelier» (акт II, сцена 3), выполненный теткой Блока М. А. Бекетовой, вклеен в тетрадь автографов Блока рядом с его переводом. Французский текст этого стихотворения Мюссе был переписан Блоком в 1897—1898 гг. в особой тетради («Моя декламация...»).

КАРПАНИ

«В э т о й м р а ч н о й г р о б н и ц е...» Впервые — «Неизданные стихотворения» (1926). Вольный перевод первого куплета «Похоронной песни» итальянского поэта Джузеппе *Карпани* (1752—1825). Эта песня, ставшая знаменитой благодаря тому, что на ее слова написал музыку Бетховен, входила в постоянный репертуар певицы М. А. Олениной д'Альгейм (см. о ней выше, стр. 625).

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И СЦЕНКИ

В п е ч а т л е н и я Р е й н а. Впервые — «Нева», 1957, № 8. Было написано во время пребывания в Бад Наугейме (Западная Германия); в это время Блок, очевидно, совершил поездку по близлежащему Рейну. Хотя стихотворение напечатано с автографа (снабженного шуточными рисунками Блока), текст его, по-видимому, испорчен пропуском одного стиха (рифмующегося с 13-м: «Как победная Денкмаль»). *Лёрлей* (Лорелая) — героиня немецкого народного сказания: русалка, обитавшая на одной из скал, возвышающихся над Рейном. *Денкмаль* (по-немецки: памятник) — обычное название статуй, служивших символическим изображением Германии; Блок, очевидно, имел в виду одну из таких статуй, установленную над Рейном, в Нидервальде, в ознаменование победы Германии над Францией в 1871 г. *Уза* — река, на берегах которой расположен Бад Наугейм; *Термаль* — по-видимому, горячий источник в Бад Наугейме.

«Пойдем купить парядов и подарков...» ^{546 —}
Впервые — «Полное собрание стихотворений», т. II (1946).
Ср. шуточное стих. Вл. Соловьева «Читательница и анютины глазки».

«Права русского исторью...» Впервые — в книге М. А. Бекетовой «Ал. Блок и его мать», Л., 1925. В апреле 1901 г. Блок, в ту пору студент юридического факультета Петербургского университета, готовился к экзаменам по курсам истории русского права и статистики. Последний курс читал профессор Илларион Игнатьевич Кауфман. Козьма — Козьма Прутков, коллективный псевдоним А. К. Толстого и братьев А. М. и В. М. Жемчужниковых, вымышленный автор сатирических и пародийных произведений. В прутковском стихотворении «Честолюбие» есть такая строфа:

Для значения иного
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное *Пруткова*,
Имя громкое *Козьмы!*

Эпиграф взят из силлабических стихов («виршей») поэта до-петровской эпохи Симеона Полоцкого (1629—1680) — «Розга».

Синий крест. Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). Датируется условно. «Синий крест» — благотворительное общество, членом которого состояла мать Блока. *Аничков мост* — в Петербурге. *Девятый вал ладью выносит* — перепев А. С. Пушкина («Евгений Онегин»):

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал...

Трагедия в одном действии. Впервые — «Собр. соч.», т. IV (1932). *Боблово* — усадьба Менделеевых. *Клейгельс* Николай Васильевич — генерал-адъютант, в ту пору петербургский градоначальник, весной 1901 г. руководивший подавлением студенческих волнений, которыми, очевидно, и были вызваны шуточные стихи Блока.

*551—
558* Стихи («„Обыкновенная“ сегодня в духе...»), «Прикорнувші под горою...» Впервые — «Собр. соч.», т. XII (1936). Рогачево — большое торговое село неподалеку от Шахматова и Боблова, центр увеселений местной молодежи.

Правдивая история, или Вот что значит жить за границей! Впервые — «Собр. соч.», т. XII (1936). Это стихотворение Блок сообщил Л. Д. Менделеевой в письме из Бад Наугейма от 16 июня 1903 г. Эпиграф взят из поэмы К. Д. Бальмонта «Художник-дьявол». Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт, один из зачинателей русского символизма. Листочек клейкий — выражение из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (кн. 5, гл. 3 — слова Ивана Карамазова). Мировой — мировой судья. Семенов Леонид Дмитриевич (1880—1917) — поэт-символист, товарищ Блока по филологическому факультету Петербургского университета. Блок, очевидно, имел в виду строку Л. Семенова «И зелень ядовитых трав» (из стих. «На перекрестке» — альм. «Северные цветы Ассирийские», М., 1905, стр. 68).

Андрею Белому. Впервые — «Собр. соч.», т. XII (1936). Об обстоятельствах, вызвавших это стихотворение, см. в мемуарах А. Белого (см. о нем выше, стр. 615) — «Эпопея», 1922, № 1, стр. 181, и в книге: А. Блок и А. Белый. Переписка. М., 1940, стр. 59, 63 и 69. Опрокинут, канул в бездну... — измененная цитата из стих. Вл. Соловьева «Три подвига». Зинаида — Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэтесса, беллетрист, критик, одна из центральных фигур символистского литературного движения. Соколов Сергей Алексеевич (род. в 1878 г.) — поэт-символист, писавший под псевдонимом: Сергей Кречетов; владелец издательства «Гриф», в котором в конце 1904 г. вышел первый сборник Блока — «Стихи о Прекрасной Даме». Приезд С. А. Кречетова в Петербург был связан с вербовкой молодых поэтов в издания «Грифа». Семенов — Леонид Дмитриевич (см. о нем предыдущее прим.), Смирнов Александр Александрович и Кондратьев Александр Алексеевич — в ту пору начинающие поэты, товарищи Блока по университету.

«Если хочешь ты лимону...» и «Из Бодлера». Впервые — «Письма Александра Блока к родным», Л., 1927. Оба стихотворения были написаны Блоком сообща с матерью, которая в то время переводила стихотворение французского поэта Шарля Бодлера (1821—1867) — «Альбатрос».

Посвящаю теся. Впервые — «Собр. соч.», т. XII (1936). Были написаны Блоком сообща с матерью. Ходский Леонид Владимирович — экономист, и Кауфман Илларион Игнатьевич — статистик — профессора Петербургского университета, лекции которых слушал Блок в бытность студентом юридического факультета. Ко второму стихотворению в рукописи относится помета Блока: «См. „Северные цветы“ на 1901 г.», отсылающая к «Отрывкам из поэмы» В. Брюсова, где имеется строка: «Но в тумане улицы длинной». Бальмонт — см. выше, стр. 689. Грибоевские хоромы — квартира В. М. Грибовского, профессора юридического факультета Петербургского университета; будучи студентом, В. М. Грибовский готовил Блока в гимназию.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Предисловие к «Собранию стихотворений». В корректуре это предисловие заканчивается вычеркнутой Блоком фразой: «Круг сомкнут» (см. «Памяти Блока», П., 1923, стр. 76).

Из примечаний к первой книге «Собрания стихотворений» — «Стихи о Прекрасной Даме», издание 2-е. В этом издании первой книги все стихи были разделены по годам: 1898, 1899, 1900 и т. д. Во втором абзаце цитируется «Евгений Онегин» А. С. Пушкина:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

В первом издании (1905) сборник «Стихи о Прекрасной Даме» включал 93 стихотворения, во втором (1911) — 300 стихотворе-

560 пий, в то время как за годы 1898—1904 Блоком было написано около 750 стихотворений.

Набросок предисловия к неосуществленному изданию сборника «Стихи о Прекрасной Даме». Впервые — «Русский современник», 1924, № 3. В тот же день, которым датирован этот набросок, Блок отметил в записной книжке: «Я задумал, как некогда Данте, заполнить пробелы между строками «Стихов о Прекрасной Даме» простым объяснением событий. Но к ночи я уже устал. Неужели — эта задача уже непосильна для моего истощенного ума?» (см. т. VII наст. издания). Свои пояснения к стихам Блок (как удостоверила Л. Д. Блок) предполагал дать в прозе и в беллетристической форме, частично использовав и свои письма к Л. Д. Менделеевой за 1902—1903 гг. Замысел этот осуществлен не был, во некоторую подготовительную работу Блок проделал 17 (30) августа и 29 августа (11 сентября) 1918 г., подробно (хотя и не вполне точно) записав по памяти, в дневнике, события своей жизни с весны 1897 по конец 1901 г. и составив своего рода автocomментарий к стихам первой половины 1901 г. (см. т. VII наст. издания). «Новая Жизнь» Данте Алигьери — автобиографическая исповедь поэта; составляющие ее стихи перемежаются прозой, связывающей разрозненные звенья исповеди в последовательный рассказ.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* А. А. Блок. Фотографический снимок работы Д. С. Здобнова (май 1903 г.)
2. *Стр. 4.* Беловой автограф стихотворения «Пусть светит месяц, — ночь темна...» (1898 г.).
3. *Стр. 267.* Беловой автограф стихотворения «Зимний ветер играет терновником...» (1903 г.), с правкой 1904 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	V
В л. Орлов. Александр Блок	VII

СТИХОТВОРЕНИЯ. КНИГА ПЕРВАЯ (1898—1904)

ANTE LUCEM

(1898—1900)

«Пусть светит месяц — ночь темна...»	3	572
«Ты много жил, я больше пел...»	5	572
«Полный месяц встал над лугом...»	6	572
Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...»).	7	572
«Она молода и прекрасна была...»	8	573
«Я стремлюсь к роскошной воле...»	9	573
«Усталый от дневных блужданий...»	10	573
«Есть в дикой роще, у оврага...»	11	574
«Мне снилась смерть любимого созданья...»	12	574
«Луна проснулась. Город шумный...»	13	575
«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...»	14	575
«Окрай небес — звезда омега...»	15	576
«Милый друг! Ты юною душою...»	16	576
Песня Офелии («Разлучаясь с девой милой...»)	17	576

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (*курсивная*) — страницу примечаний.

«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...»	18	577
Гамаюн, птица вещая («На гладях бесконечных вод...»)	19	577
«Я шел к блаженству. Путь блестел...»	20	577
«Сама судьба мне завещала...»	21	577
«Я стар душой. Какой-то жребий черный...»	22	578
«Не проливай горючих слез...»	23	578
«Зачем, зачем во мрак небытия...»	24	578
«Дышит утро в окошко твое...»	25	578
«Помнишь ли город тревожный...»	26	578
«Город спит, окутан мглою...»	27	578
Неведомому богу («Не ты ли душу оживишь?...») . . .	28	578
«Не легли еще тени вечерние...»	29	578
Servus — Reginae («Не призывай. И без призыва...») . .	30	579
Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...»)	31	579
«Пока спокойною стопою...»	32	579
Dolor ante lucem («Каждый вечер, лишь только по- гаснет заря...»)	33	579
«Медлительной чредой нисходит день осенний...» . . .	34	579
«Ярким солнцем, синей далью...»	35	579
«Восходишь ты, что строгий день...»	36	580
«Лениво и тяжко плывут облака...»	37	580
«Шли мы стезею лазурною...»	38	580
«Разверзлось утреннее око...»	39	580
«Я шел во тьме дождливой ночи...»	40	580
«Сегодня в ночь одной тропою...»	41	580
«Поэт в изгнанье и в сомненьи...»	42	580
«Хоть всё по-прежнему пебец...»	43	580
«Теряет берег очертанья...»	44	581
«Звезда полночная скатилась...»	45	581
«Прошедших дней немеркнувшим сияньем...»	46	581
«Не призывай и не сули...»	47	581
«В часы вечернего тумана...»	48	581
«На небе зарево. Глухая ночь мертвла...»	49	581
«Не доверяй своих дорог...»	50	581
«Увижу я, как будет погибать...»	51	582
«Погибло всё. Палящее светило...»	52	582
«То отолосок юных дней...»	53	582
«Последний пурпур догорал...»	54	582
«Не утоленная кровавыми струями...»	55	582
¹ Аграфа Добузата («Я видел мрак дневной и свет поч- ной...»)	56	583

«Твой образ чудится невольно...»	57	583
«Ночь грозой бушевала, и молний огни...»	58	583
«Курятся алтари, дымят паникадила...»	59	583
«Ты была у окна...»	60	583
«Поклонник эллинов — я лиру забывал...»	61	583
«Я знаю, смерть близка. И ты...»	62	583
«Пора вернуться к прежней битве...»	63	583
«Отрекись от любимых творений...»	64	584
«Измучен бурей вдохновенья...»	65	584
«В те целомудренные годы...»	66	584
«Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...»	67	584
«Ищу спасенья...»	68	584
«Медленно, тяжко и верно...»	69	585
«Завтра с первым лучом...»	70	585
«В полночь глухую рожденная...»	71	585
«Ты не обманешь, призрак бледный...»	72	585
31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...»)	73	585

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901—1902)

Вступление («Отдых напрасен. Дорога крутая...»)	74	586
---	----	-----

I

C.-Петербург. Весна 1901 года

«Я вышел. Медленно сходили...»	75	586
«Ветер принес издалёка...»	76	586
«Тихо вечерние тени...»	77	587
«Душа молчит. В холодном небе...»	78	587
«Ныне, полный блаженства...»	79	587
«Я понял смысл твоих стремлений...»	80	587
«Ты отходишь в сумрак алый...»	81	587
«Сбылось пророчество мое...»	82	588
Моей матери («Чем больней душе мятежной...»)	83	588
«Я недаром боялся открыть...»	84	588
«Ночью сумрачной и дикой...»	85	588
«В день холодный, в день осенний...»	86	588
«Всё отлетают сны земные...»	87	588

«Всё бытие и сущее согласно...»	88	589
«Кто-то шепчет и смеется...»	89	589
«Белой ночью месяц красный...»	90	589

II

С. Шахматово. Лето и осень 1901 года

«Небесное умом не измеримо...»	91	589
«Они звучат, они ликуют...»	92	589
«Одинокий, к тебе прихожу...»	93	589
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	94	589
«И поздно, и темно. Покину без желаний...»	95	589
«И я, неверный, тосковал...»	96	590
«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...»	97	590
«Молитву тайную твори...»	98	590
«За туманом, за лесами...»	99	590
«В бездействии младом, в передрассветной лесни...»	100	590
«Какому богу служишь ты?...»	101	590
«Сегодня шла Ты одиноко...»	102	590
«Она росла за дальними горами...»	103	590
«Я помню час глухой, бессонной ночи...»	104	591
«Тебя в страны чужие звали...»	105	591
«Внемля зову жизни смутной...»	106	591
«Прозрачные, неведомые тени...»	107	591
«Я жду призыва, ищу ответа...»	108	592
«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...»	109	592
«За городом в полях весною воздух дышит...»	110	592
«Входите все. Во внутренних покоях...»	111	592
«Ты прошла голубыми путями...»	112	592
«Не жди последнего ответа...»	113	592
«Не пой ты мне и сладостно, и нежно...»	114	592
«Не жаль мне дней ни радостных, ни злых...»	115	592
«Признак истинного чуда...»	116	593
«Ты далека, как прежде, так и ныне...»	117	593
«Стою на царственном пути...»	118	593
«Сумерки, сумерки вечные...»	119	593
«Ты горишь над высокой горою...»	120	593
«Видно, дни золотые пришли...»	121	593
«Кругом далекая равнина...»	122	593
«Я всё гадаю над тобою...»	123	594
«Нет конца лесным тропинкам...»	124	594

III

С.-Петербург. Осень и зима 1901 года

«Смотри — я отступаю в тень...»	125	594
«Пройдет зима — увидишь ты...»	126	594
«Встану я в утро туманное...»	127	594
«Ранний час. В пути незрима...»	128	594
«Ты уходишь от земной юдоли...»	129	594
«Снова ближе вечерние тени...»	130	594
«Я бремя похитил, как тать...»	131	595
«Хранила я среди младых созвучий...»	132	595
«Медленно в двери церковные...»	133	595
«Ловлю я тонкий прах надежды...»	134	595
«Скрипнула дверь. Задрожала рука...»	135	595
«Зарево белое, желтое, красное...»	136	595
«Восходя на первые ступени...»	137	595
«Один порыв — безвластный и плачущий...»	138	596
«Я ли пишу, или ты из могилы...»	139	596
«Жду я холодного дня...»	140	596
«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...»	141	596
«Будет день — и свершится великое...»	142	596
«Я долго ждал — ты вышла поздно...»	143	596
«Ночью выюга снежная...»	144	596
«Тёмно в комнатах и душно...»	145	596
«Мне битва сердце веселит...»	146	597
«Неотвязный стоит на дороге...»	147	597
«Молчи, как в старь, скрывая свет...»	148	597
«Вечереющий сумрак, поверь...»	149	597
«Сумрак дня несет печаль...»	150	597
«Старый год уносит сны...»	151	597
Двойнику («Ты совершил над нею подвиг трудный...»)	152	597
«Мы, два старца, бредем одинокие...»	153	597
Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...»)	154	598

IV

С.-Петербург. Зима и весна 1902 года

«Я шел — и вслед за мною шли...»	155	598
«Бегут неверные дневные тени...»	156	598
«Сгущался мрак церковного порога...»	157	598
«Высоко с темнотой сливаются стена...»	158	598

«Там, в полусумраке собора...»	159	599
«Мы преклонились у завета...»	160	599
«Якрыт до времени в приделе...»	161	599
«И нам недолго любоваться...»	162	599
«Уходит день. В пыли дорожной...»	163	599
«Сны раздумий небывалых...»	164	599
«На весенний праздник света...»	165	600
«Ты была светла до странности...»	166	600
«Не поймут бесскорбные люди...»	167	601
«Сны безотчетны, ярки краски...»	168	601
«Мы живем в старинной келье...»	169	601
«Верю в Солнце Завета...»	170	601
«Кто-то с богом шепчется...»	171	602
«Мы всё простим — и не нарушим...»	172	602
«Ты — божий день. Мои мечты...»	173	602
«Целый день передо мною...»	174	602
«Там сумерки невнятно трепетали...»	175	602
«Мы странствовали с Ним по городам...»	176	602
«Гадай и жди. Среди полночи...»	177	602
«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...»	178	603
«Мой вечер близок и безволен...»	179	603
«На темном пороге тайком...»	180	603
«Я медленно сходил с ума...»	181	603
«Весна в реке ломает льдины...»	182	603
«Кто плачет здесь? На мирные ступени...»	183	603
«Утомленный, я терял надежды...»	184	603
«Странных и новых ищу на страницах...»	185	604
«Днем вершу я дела суэты...»	186	604
«Люблю высокие соборы...»	187	604
«Я знаю день моих проклятий...»	188	604
«Мы отошли и стали у кормила...»	189	604
«Я — тварь дрожащая. Лучами...»	190	604
«Слыши колокол. В поле весна...»	191	604
«Там — в улице стоял какой-то дом...»	192	605
«Я и мир — снега, ручьи...»	193	605
«Мы встречались с тобой на закате...»	194	605
«Тебя скрывали туманы...»	195	605
«Когда святого забвения...»	196	605
«Ты не ушла. Но, может быть...»	197	605

V

С. Шахматово. Лето 1902 года

«Брожу в стенах монастыря...»	198	606
«На ржавых петлях открываю ставни...»	199	606
«Золотокудрый ангел дня...»	200	606
«Пробивалась певучим потоком...»	201	607
На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...»)	202	607
«Не бойся умереть в пути...»	203	607
«Я, отрок, зажигаю свечи...»	204	607
«Говорили короткие речи...»	205	608
«Сбежал с горы и замер в чаще...»	206	608
«Я и молод, и свеж, и влюблён...»	207	608
«Ужасен холод вечеров...»	208	609
«За темпой далью городской...»	209	609
«Свет в окошке шатался...»	210	609
«Пытался сердцем отдохнуть я...»	211	609
«Золотистою долиной...»	212	609
«Без Меня б твои сны улетали...»	213	609
«Тебя я встречу где-то в мире...»	214	610

VI

С.-Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года

«Я вышел в ночь — узнать, попять...»	215	610
«Бездостные всходят семена...»	217	611
«В городе колокол бился...»	218	611
«Я просыпался и всходил...»	219	611
Экклесиаст («Благословляя свет и тень...»)	220	611
«Она стройна и высока...»	221	611
«Был вечер поздний и багровый...»	222	611
Старик («Под старость лет, забыв святое...»)	223	612
«При жолтом свете веселились...»	224	612
«О легендах, о сказках, о тайнах...»	225	612
«Он входил простой и скудный...»	226	612
«Явился он на стройном бале...»	227	612
«Свобода смотрит в синеву...»	228	612
«Ушел он, скрылся в ночи...»	229	612

Religio:

1. «Любил я нежные слова...»
 2. «Безмолвный призрак в терему...»
- 230 613
230 613

«Вхожу я в темные храмы...»	232	613
«Ты свята, но я Тебе не верю...»	233	613
«Будет день, словно миг веселья...»	234	613
«Его встречали повсюду...»	235	613
«Разгораются тайные знаки...»	236	613
«Мне страшно с Тобой встречаться...»	237	613
«Дома растут, как желанья...»	238	614

**РАСПУТЬЯ
(1902—1904)**

«Я их хранил в приделе Иоанна...»	239	614
«Стою у власти, душой одинок...»	240	614
«Еще бледные зори на небе...»	241	614
«Я надел разноцветные перья...»	242	614
Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...»)	243	614
«Я, изнуренный и премудрый...»	244	615
Голос («Жарки зимние туманы...»)	245	615
«Я буду факел мой блести...»	246	615
«Мы всюду. Мы нигде. Идем...»	247	615
«Я смотрел на слепое людское строение...»	248	615
«Царица смотрела заставки...»	249	615
«Вот она — в налетевший волне...»	251	615
«Все кричали у круглых столов...»	252	616
«Покраснели и гаснут ступени...»	253	616
«Я искал голубую дорогу...»	254	616
«Мы отошли — и тяжко поднимали...»	255	616
«Она ждала и билась в смертной муке...»	256	616
«Запекающий сон, зацветающий цвет...»	257	616
«Целый год не дрожало окно...»	258	617
«Здесь почь мертвa. Слова мои дики...»	259	617
«Я к людям не выйду навстречу...»	260	617
«В посланьях к земным владыкам...»	261	617
«Здесь память волны святой...»	262	617
«Потемнели, поблекли залы...»	263	617
«Старуха гадала у входа...»	264	617
«Погружался я в море клевера...»	265	617
«Зимний ветер играет терновником...»	266	617
«Снова иду я над этой пустынной равниной...»	268	617
«— Всё ли спокойно в народе?..»	269	618

«Дела свершились...»	270	618
«Мне снились веселые думы...»	271	618
«Отворяются двери — там мерцанья...»	272	618
«Я вырезал посох из дуба...»	273	618
«У забытых могил пробивалась трава...»	274	618
А. М. Добролюбов («Из городского тумана...»)	275	618
«У берега зеленого на малой могиле...»	276	619
«Я был весь в пестрых лоскутьях...»	277	619
«По городу бегал черный человек...»	278	619
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...»	279	619
«На Вас было черное закрытое платье...»	280	619
«Когда я стал дряхлеть и стынуть...»	281	619
«Скрипка стонет под горой...»	282	620
«Ей было пятнадцать лет. Но по стику...»	283	620
«День был нежно-серый, серый, как тоска...»	284	620
«Пристань безмолвна. Земля близка...»	285	620
«Я — меч, заостренный с обеих сторон...»	286	620
Двойник («Вот моя песня — тебе, Коломбина...»)	287	621
«Над этой осенью — во всем...»	289	622
Вербная суббота («Вечерние люди уходят в дома...»)	290	622
«Мой месяц в царственном зените...»	291	622
«Возвратилась в полночь. До утра...»	292	622
«Я бежал и спотыкался...»	293	622
«Сижу за ширмой. У меня...»	294	623
«И снова подхожу к окну...»	295	623
«Когда я уйду на покой от времен...»	296	623
«Так. Я знал. И ты задул...»	297	623
«Ты у камина, склонив седины...»	298	624
«Крыльце Ее, словно паперть...»	299	624
«Облака небывалой усадьбы...»	300	625
«Темная, бледно-зеленая...»	301	625
Фабрика («В соседнем доме окна желты...»)	302	625
«Что с тобой — не знаю и не скрою...»	303	626
«Мы шли на Лидо в час рассвета...»	304	626
«Мне гадалка с морщинистым лицом...»	305	626
«Плачет ребенок. Под лунным серпом...»	306	626
«Среди гостей ходил я в черном фраке...»	307	626
Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...»)	308	626
Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугунный...»)	310	626
«По берегу плелся больной человек...»	311	627
«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»	312	627

«Светлый сон, ты не обманешь...»	313	627
«Мой любимый, мой князь, мой жених...»	315	627
М о л и т в ы:		
1. «Сторожим у входа в терем...»	316	628
2. Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...»)	317	628
3. Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...»)	317	628
4. Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...»)	317	628
5. Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...»)	318	629
«Дали слепы, дни безгневны...»	319	629
«В час, когда пьянеют нарциссы...»	322	631
«Вот он — ряд гробовых ступеней...»	323	632

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОПЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ
(1897—1903 гг.)**

ОТРОЧЕСКИЕ СТИХИ

I. «Одной тебе, тебе одной...»	327	633
II. «Пора забыться полным счастья сном...»	328	633
III. «Пусть рассвет глядит нам в очи...»	328	633
IV. «Ловя мгновенья сумрачной печали...»	329	633
V. «Ты, может быть, не хочешь угадать...»	329	633
VI. «Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина...»	330	633
VII. «Немало времени прошло уже с тех пор...» . . .	330	633

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

⟨Предисловие⟩	332	
«Я вошусь во мраке, в ледяной пустыне...»	333	634
«В ночь, когда уснет тревога...»	333	634
Летний вечер («Последние лучи заката...»)	334	634
На вечере в честь Л. Толстого («В толпе, родной по вдохновению...»)	334	635
«Над старым мраком мировым...»	335	635
Одиночество («Река несла по ветру льдины...»)	335	636

«Ночной туман застал меня в дороге...»	337	636
«Там, за далью бесконечной...»	337	637
«Когда же смерть? Я всё перестрадал...»	338	637
Голос («Чей-то обманчивый голос поет...»)	338	637
«За краткий сон, что нынче снится...»	339	638
«В те дни, когда душа трепещет...»	339	638
«О, не тебя люблю глубоко...»	340	638
«Ночь теплая одела острова...»	340	638
«К ногам презренного кумира...»	341	639
«Напрасно, дева, ты бежала...»	341	639
«Хожу по камням старых плит...»	341	639
«В фантазии рождаются порою...»	342	639
«Есть много песен в светлых тайниках...»	343	639
«Бежим, бежим, дитя свободы...»	343	639
«Пусть я покину этот град...»	344	639
«Уже бледнеет день прощальный...»	345	640
«В ночь молчаливую чудесен...»	345	640
«Полна усталого томления...»	345	640
«В часы безмолвия ночного...»	346	641
«Смеялись бедные невежды...»	346	641
«К чему бесцельно охранять...»	347	641
«Напрасно я боролся с богом...»	347	641
«Не отравляй души своей...»	348	641
Две любви («Любви и светлой, и туманной...»)	348	641
«Нет ни слезы, ни дерзновенья...»	349	642
Валкирия («Одинокий, одичалый...»)	349	642
«Над синевой просторной дали...»	350	642
«Мой путь страстями затемнен...»	350	642
«Навстречу вешнему расцвету...»	351	642
«В передзакатные часы...»	351	643
«Когда-то долгие печали...»	352	643
«Мчит меня мертвая сила...»	352	643
«Грустно и тихо у берега сонного...»	353	643
При посыпке роз («Смотрел отвека бог лукавый...»)	353	644
«Война горит неукротимо...»	354	644
«Вдали мигнул огонь вечерний...»	354	644
«В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...»	355	644
«Или устал ты до времени...»	355	644
«Ты не плелишь. Не жди меня...»	356	644
«Травы спят красивые...»	356	644
«Кто-то вздохнул у могилы...»	357	644

«Ловлю дрожащие, хладеющие руки...»	357	644
«В сумерки девушку стройную...»	358	645
«В чужбину по гудящей стали...»	358	645
«Смолкали и говор, и шутки...»	359	645
«Как старинной легенды слова...»	359	645
«Мы — чернецы, бредущие во мгле...»	360	645
Случайному («Ты мне явился, темно кудрый...») . . .	360	645
«Всё, что в море покоит волну...»	361	646
«Блаженный, забытый в пустыне...»	362	646
Сфинкс («Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...»)	362	646
Жрец («Гам — в синевах — была звезда...»)	362	646
«На обряд я спешил погребальный...»	363	646
«Разгадал я, какие цветы...»	364	646
Noli tangere circulos meos («Символ мой знáком отмечать...»)	364	646
«Глухая полночь медленный кладет покров...» . . .	365	647
«Я умер. Я пал от раны...»	365	647
«Ты из шопота слов родилась...»	366	647
«Неправда, неправда, я в бурю влюблен...»	366	647
«Сердито волновалась нивы...»	367	647
«Многое замолкло. Многие ушли...»	367	647
«Я был невенчан. Премудрость храя...»	368	647
Рассвет («Я встал и трижды поднял руки...»)	368	647

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни...»	370	647
«Рожь вокруг волновалась... и шелест стеблей...» .	370	647
«Боже, как жизнь молодая ужасна...»	371	647
«Ты всегда и всюду странно...»	372	648
Этюд («Прощайте. Дайте руку вашу...»)	372	648
«Когда-нибудь, не скоро, Вас я встречу...»	373	648
«В жаркой пляске вакханалий...»	373	648
Поэма («Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев...»)	374	648
«Жизнь, как загадка, темна...»	375	648
«Ты дышишь жизнью! О, как я к тебе влеком...» .	376	648
«Музу в уборе весны постучалась к поэту...» . .	377	648
«Печальная блеклая роза...»	377	648
«По темному саду брожу я в тоске...»	377	648

Роза и соловей («Блеклая роза печально дышала...»)	378	648
«Скажи мне, Лигия, в каком краю далеком...»	379	648
«Долго искал я во тьме лучезарного бога...»	380	649
Дума («Одиночко плыла по лазури луна...»)	380	649
«Странно: мы шли одинокой тропою...»	381	649
«Я шел во тьме к заботам и веселью...»	382	649
Идеал и Сириус («Я долго странствовал по свету...»)	382	650
«В море одна лишь волна — быстротечная...»	383	650
«В моей душе больной и молчаливой...»	383	650
«Табор шел. Вверху сверкали звезды...»	384	650
«Как мучительно думать о счастьи былом...»	384	650
«Что будет в сердце, в мыслях и в уме...»	385	650
«Душа моя тиха. В натянутых струнах...»	385	650
«Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...» .	386	650
«Мое сердце режет каждый звук...»	386	650
«Без веры в бога, без участья...»	387	650
«Я и без веры живой...»	387	651
«Что из того, что на груди портрет...»	388	651
«Вхожу наверх тропой кремнистой...»	389	651
Набросок («Надо мной гроза гремела...»)	389	651
«Моей красавице-царице...»	390	651
«Офелия в цветах, в уборе...»	390	651
«Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...»	391	652
«В болезни сердца мыслю о Тебе...»	391	652
Песенка («Чтоб, красавица, довольно ты царила...») .	392	652
«Я думал, что умру сегодня к ночи...»	393	652
«Путник, ропщи...»	393	652
«Писать ли Вам, что тайный пламень...»	394	652
«Былая жизнь, былые звуки...»	394	652
Памяти А. А. Фета («Шепчутся тихие волны...»)	395	652
«Над гладью озёрных огней...»	395	652
«Усталый ветер в камышах шептал...»	396	652
«Осенний вечер так печален...»	396	652
«Синеет день хрустальный...»	396	652
«О, не просите скорбных песен!..»	397	653
«Туда, где небо с океаном...»	397	653
«Весна несла свои дары...»	398	653
«Буду всегда я по-прежнему молод пестленией ду- шою...»	398	653
«Ночь всё темней и благовонней...»	399	653
«Не презирайте, бога ради...»	399	653

«Всё настоящее ничтожно...»	400	653
«Ты хочешь знать мировоззренье...»	400	653
«В минутном взрыве откровений...»	401	653
«Поэт, тебе ли покарать...»	401	653
Дельвигу («Ты, Дельвиг, говоришь: минута — вдохновение...»)	401	653
«Между страданьями земными...»	402	654
«Когда мы любим безотчетно...»	402	654
«О, презирать я вас не в силах...»	402	654
Эскиз («Глаза младенчески открыты...»)	402	654
«Всю ночь дышала любой вынужда...»	403	654
Сирин и Алконост («Густых кудрей откинув волны...»)	403	654
«Мы были вместе, помню я...»	404	654
«Спите, больные и духом мятежные...»	405	654
«Счастливая пора, дни юности мятежной!..»	405	654
«Истомленный дыханьем весны...»	405	654
«Помните день безотрадный и серый...»	406	654
«Моя душа — страна волшебных дум...»	407	654
«Порою мне любовь сулят...»	407	654
«Взлетая к вышинам, орел покинул долы...»	407	654
«Усни, пока для новой жизни...»	407	654
Молодость («Воспоминанье жизни сонной...»)	408	654
«Стоит ли вечно томиться...»	408	654
«Ты хочешь царствовать поныне...»	409	654
«Темнеет небо. Туч гряда...»	409	654
«Гроза прошла, и ветка белых роз...»	410	655
«Блаженно ты, былое время...»	410	655
«Милая дева! Когда мы про тайны мирские...»	410	655
«Я помню вечер. Шли мы розно...»	410	655
«Распаленная зноем июльская ночь...»	411	655
После дождя («Сирени бледные дождем к земле притягены...»)	411	655
«Надежды трепетной моей...»	412	655
Отрывок («Непонятною тоскою...»)	412	655
«Мерцали звезды. Ночь курилась...»	412	655
Поэту («Я встретил вновь тебя, поэт...»)	413	655
«Дитя! Твоим прозрачным словом...»	413	655
«Я зол и слаб. Земное море...»	414	655
Еще воспоминание («Опять я еду чистым полем...»)	414	655
Две души («...Напомнив призраки былого...»)	415	655
«Когда я был ребенком, — лес ночной...»	416	655

«Меня бессонница томила...»	416	656
Накануне Иванова дня («Накануне Иванова дня...»)	416	656
«Одиноко боярин подъехал к воде...»	417	656
«Люблю. Начертаны святые письмена...»	418	656
«Молодая луна родилась...»	418	656
«И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...»	419	656
«Когда кончается тетрадь моих стихов...»	419	656
«Мою гармонию больную...»	420	656
«Готов ли ты на путь далекий...»	420	656
«Я — человек и мало богу равен...»	421	656
«Мне в душу просится бывшее...»	421	656
«Прощались мы в аллее дальней...»	422	656
Мэри («Ты отключишь ее на пире...»)	422	656
«Настал желанный час. Природа...»	423	656
«Сомнки уста. Твой голос полн...»	424	657
Перед грозой («Закат горел в последний раз...»)	424	657
«Она прекрасна, — нет сомненья...»	425	657
«Сомненья нет: мои печали...»	426	657
«Природы вечера могучей...»	426	657
Черная Дева («В дальних северных туманах...»)	427	657
«Темна и сумрачна была...»	427	658
«Тяжелый занавес упал...»	428	658
Жизнь («Мы рождены; вдыхаем жадно...»)	428	658
Накануне XX века («Влачим мы дни свои уныло...»)	429	658
«Мои печальные порывы...»	429	658
«Как душно мне! Открой окно...»	430	658
«Отчего я задумчив хожу...»	430	658
«Глухая полночь. Цепененье...»	431	658
Кошмар («Я проснулся внезапно в ночной тишине...»)	432	658
«О, как безумно за окном...»	432	658
«Я говорил при вас с тоской...»	432	658
«Плоды неизведанной страсти...»	433	658
«Молчу и сумрачно гляжу...»	433	658
«Мы устали. Довольно. Вперед и вперед...»	434	658
«Я опять на подмостках. Мерцают опять...»	434	658
«Народилась волна...»	435	659
«Ты просишь ответа на страшный вопрос...»	435	659
«Какой-то вышний серафим...»	436	659
«Много хотел я с тобой говорить...»	437	659
«Ты не научишь меня проклинать...»	437	659
«Погоня за счастьем» («Отвека люди служат богу...»)	438	659

«Не презирай воспоминаний...»	438	659
«Мне странно. Столько долгих лет...»	439	659
«Помню далекое светлое лето...»	439	659
«Мне страшно. Чую приближенье...»	440	659
«Ты, вечно юная! О, нет!...»	440	659
«Бесцельный путь синеет предо мной...»	441	660
Старые письма («Вот они, грустные, полные страсти...»)	441	660
Песня за стеной («О, наконец! Былой тревоге...»)	442	660
«Когда докучливые стоны...»	442	660
«Ты много жил. Негодованье...»	442	660
«Устал я. Смерть близка. К порогу...»	443	660
«Как всякий год, ночной порою...»	444	660
«Давно мы встретились с тобою...»	444	660
«Как сон молитвенно-бесстрастный...»	444	660
«Когда с безжалостным страданьем...»	445	660
«Где ты паришь теперь...»	445	660
«Что было год назад? всё то же...»	446	660
«Как мимолетна тень осенних ранних дней...»	446	660
«О, не смотри в глаза мои с укором...»	446	660
«Усталым душам вдруг сдается...»	447	660
«В часы недавнего паденья...»	447	660
«Я умирал. Ты расцветала...»	448	661
«Приветный Лель, не жду рассвета...»	448	661
«Нисходит сумрак ночи бледной...»	449	661
«Прощай. В последний раз жестоко...»	449	661
«Утро брежжит. День грозит ненастьем...»	450	661
«В ночи, исполненной грозою...»	450	661
«Мы все уйдем за грань могил...»	451	661
«До новых бурь, до новых молний...»	451	661
«Он шел на отдых. Новый день...»	451	662
«Мы не торопимся заране...»	452	662
«Когда отдамся чувствам страстным...»	453	662
«На юге Франции далкой...»	453	662
После грозы («Под величавые раскаты...»)	453	662
«Облит последними лучами...»	454	662
«Была пора — в твоих глазах...»	454	662
«Пророк земли — всенец троенъя...»	455	662
«Они расстались без печали...»	455	662
«Новый блеск излило небо...»	456	662
«Порою вновь к твоим ногам...»	456	663
София («В Дельфийском храме новый бог...»)	457	663

«В седую древность я ушел, мудрец...»	457	663
Смерть («Прислушайся к земле в родных полях...»)	458	663
«Вложив безумство вдохновений...»	458	663
«Под вечер лет с немым вниманьем...»	459	663
Аметист («Порою в воздухе, согретом...»)	459	663
Артистке («Позволь и мне сгорать душою...»)	460	663
«Там жили все мои надежды...»	460	664
«Была и страсть, но ум холодный...»	461	664
<i>Поэма философская. Первые три послынки:</i>		
I. «Здесь на земле единоцельны...»	461	664
II. «Вечный дух — властитель высший тела...»	462	664
III. «Дух человеческий властен земное покинуть жилище...»	462	664
E. A. Баратынскому («Тебе, поэт, в вечерней тишине...»)	463	664
После битвы («Я возвращусь стопой тяжелой...»)	463	664
«Не нарушай гармонии моей...»	464	664
«Когда я одинок и погружен в молчанье...»	464	664
«Я никогда не понимал...»	465	665
«Ты — думы вечной, вдохновенной...»	465	665
«Благоуханных дней теченье...»	466	665
«Часто в мысли гармония спит...»	466	665
«Я сходил в стремнины горные...»	466	665
«Я понял смысл твоей печали...»	467	665
Последняя часть философской поэмы («Ты, о, Афина бессмертная...»)	467	665
«Так — одинокой, легкой тенью...»	468	665
«Пять изгибов сокровенных...»	468	666
«Вчера я слышал песни с моря...»	469	666
«Вечерний свет заутра снова...»	469	666
«Отзвучала гармония дня...»	470	666
«Он уходил, а там глубоко...»	470	666
«Завтра рассвета пе жди...»	470	666
«Ты ли это прозвучала...»	471	666
<i>⟨Два стихотворения⟩:</i>		
I. «Не часто, не всегда, с мольбой и чутким стра- хом...»	471	666
II. «Поверь, — и я, далекий света...»	471	666
«Через песчаные пустыни...»	472	667
«Вечереющий день, догорая...»	472	667
Видение («Розы в лазури. Пора!..»)	473	667
«Нас старость грустная настигнет без труда...»	474	667

Преображение («Разверзаются туманы...»)	475	667
«Наступает пора небывалая...»	475	667
«Всё бесконечней, всё хрустальней...»	476	668
«Синие горы вдали...»	476	668
«Внемлю голосу свободы...»	476	668
«Глушь родного леса...»	477	668
Ожидание («Дни текут молчаливо...»)	477	668
«Знаю, бедная, тяжкое бремя...»	478	668
Посвящение («Встали надежды пророка...»)	478	669
«Ходит месяц по волне...»	479	669
Аллегория («Бежали сны — сиял рассвет...»)	479	669
«Любовник, вышедший для брани...»	480	669
Ворожба («Я могуч и велик ворожбою...»)	481	669
«Недосказанной речи тревогу...»	481	669
«Смотри приветно и легко...»	482	669
«Черты знакомых лиц...»	482	670
«Я прокрадусь ночью сонной...»	483	670
«Туман скрывает берег отдаленный...»	483	670
Три стихотворения:		
I. «Из царства сна выходит безнадежность...» .	484	670
II. «Озарен таинственной улыбкой...»	484	670
III. «Но прощай, о, прощай, человеческий род!...» .	485	670
На могиле друга («Удалены от мира на кладбище...») .	485	670
«Целый день — суета у могил...»	486	671
«На небесах горят Ее престолы...»	486	671
«...И были при последнем издыханье...»	486	671
«Неомраченный дух прими для лучшей доли...» . .	487	671
«Они говорили о ранней весне...»	487	671
У дверей («Я один шепчу заклятья...»)	487	671
«Всю зиму мы плакали, бедные...»	488	671
«Боги гасят небосвод...»	488	671
«Уже бесстрашный и свободный...»	489	671
«Успокоительны, и чудны...»	489	671
«Мы шли заветною тропою...»	490	672
«Ты — злая колдунья. Мой вечер в огне...» . .	490	672
«Душа ждала, но молчаливо...»	490	672
«Тянет ветром от залива...»	491	672
«Я жалок в глубоком бессильи...»	491	672
«Испытанный, стою на грани...»	492	672
«Ищи разгадку ожиданий...»	492	672
«Есть чудеса за далью синей...»	492	672

«Проходишь ты в другие дали...»	493	672
«Я брошусь в черный день со скал...»	493	672
«Мы в храме с тобою — одни, смущены...»	494	672
«Она была — Заря Востока...»	494	672
«У окна не ветер бродит...»	495	672
«Ты, отчаянье жизни моей...»	495	672
«Завтра в сумерки встретимся мы...»	496	673
«Когда я вышел — были зори...»	496	673
«Я тишиною очарован...»	497	673
«Ты — молитва лазурная...»	497	673
«Догорай, не узнавая...»	498	673
«Как любовно сплетал я тончайшую сеть!...»	498	673
«Проходят сны и женственные тени...»	499	673
«Всю ночь я слышу вздохи странные...»	499	674
«Поздно. В окошко закрытое...»	500	674
«Сплетались времена, сплетались страны...»	500	674
«Загадай и скройся в ночь...»	501	674
Голоса («Грустнее не бывали думы...»)	502	674
«Мы истомились в безмерности...»	503	674
«Они идут — туманные...»	504	674
«Я помню тихий мрак и холод с высоты...»	505	674
«Ушли в туман мечтания...»	505	674
«Вот снова пошатнулись дали...»	506	674
«Хоронил я тебя, и, тоскуя...»	506	674
«Когда смыкаешь ты ресницы...»	507	675
«Замерла береговая песня...»	507	675
«Для меня возможны все желания...»	507	675
«Исчезла, отлетела в высь...»	507	675
«В дрожащем эфире...»	508	675
«По узким площадям ловил я тень девицы...»	508	675
«Сладко найти нам звезду...»	509	675
«Вечер мой в красном огне...»	509	675
«Не знаю тебя — и не встречу...»	509	675
«Ты знаешь ли тайну свободы...»	510	675
«Зову тебя в дыму пожара...»	510	675
«Бедная, клонишься ты...»	510	675
«Как сон, уходит летний день...»	511	675
«День таит в себе часы...»	511	675
«Глухая странность бытия...»	512	676
«Сегодня образ твой чудесен...»	512	676
«Ты простила белые руки...»	512	676

«Проходил я холодной равниной...»	513	676
«Инок шел и нес святые знаки...»	513	676
Боец («Я облачился перед битвой...»)	514	676
«Гашу огни моих надежд...»	514	677
«Священный голос ликовал...»	514	677
«Скиталец задремал в пути...»	515	677
«Всё, чем дышал я...»	515	677
«Тебе, Тебе, с иного света...»	515	677
«Моя душа в смятеньи страха...»	516	678
«Ночи стали тоскливе...»	516	678
«Прости. Я холодность заметил...»	517	678
«Месяц вышел, солнца нет...»	517	679
«Подумай о подземном шуме...»	517	679
«Давно хожу я под окнами...»	518	679
Голоса («Я — свободный глашатай веков...»)	518	679
«Стремленья сердца непомерны...»	519	679
«Передо мной — моя дорога...»	520	680
«Все огни загораются здесь...»	520	680
«Я ждал под окнами в тени...»	521	680
«О легендах, о сказках, о мигах...»	521	680
«Они живут под серой тучей...»	522	680
«Мысли мои утопают в бессилии...»	523	680
7—8 ноября 1902 года («Осанна! Ты входишь в терем!..»)	523	680
«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...»	523	681
«Ушел я в белую страну...»	524	681
«Мы проснулись в полном забвении...»	525	681
«Золотит моя страстная осень...»	525	681
«Любопытство напрасно глазело...»	526	681
Отшедшим («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...»)	526	681
«Днем за нашей стеной молчали...»	527	681
«Никто не умирал. Никто не кончил жить...»	527	681
«Всё тихо на светлом лице...»	528	682
«Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...»	528	682
«Вот они — белые звуки...»	529	682
«Кто заметил огненные знаки...»	529	682
«Мой остров чудесный...»	530	682
«Разбушуются бури, прольются дожди...»	530	682
«Нам довелось еще подняться...»	531	682
«Моя сказка никем не разгадана...»	531	683
«Если только она подойдет...»	532	683
«Очарованный вечер мой долог...»	532	683

«Мы оба влюблены в один и тот же сон...»	533	683
«Я живу в пустыне...»	533	683
Заклинание («Луна взошла. На вздох родимый...») .	534	683
«Мои грехи тяжеле бед...»	535	684
«Один среди вас, но родной, но чужой...»	535	685
«Мне трижды дано воспрянуть...»	536	685
«Горит мой день, будя ответы...»	536	686
«Я мог бы ярче просиять...»	536	686
Ответ («Сквозь тонкий пар сомнения...»)	537	686
«Неизмеримость гасит луны...»	537	686
«Спустиесь в подземные ущелья...»	538	686
Заключение спора («Ты кормчий — сам, учитель — сам...»)	538	686
«Протянуты поздние нити минут...»	539	687
«Я кую мой меч у порога...»	540	687

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГОРАЦИЙ

«Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит...»	541	687
«Не на простых крылах, на мощных я взлечу...» . . .	541	687

МЮССЕ

«Открою ль, дерзновенный...»	543	688
--	-----	-----

КАРПАНИ

«В этой мрачной гробнице...»	544	688
--	-----	-----

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И СЦЕНКИ

Впечатления Рейна («Рейн — чудесная река...») . . .	545	688
«Пойдем купить нарядов и подарков...»	546	689
«Права русского исторью...»	547	689
Синий крест («Швейцар, поникнув головою...»). . . .	547	689
Трагедия в одном действии («Пора сместь! Пора сме- стить!!»).	549	689
Стихи («„Обыкновенная“ сегодня в духе...»).	551	690

«Прикорнувши под горою...»	551	690
Правдивая история, или Вот что значит жить за границей! («Посеял я двенадцать маков...»)	552	690
〈Андрею Белому〉 («Опрокинут, канул в бездну...»)	553	690

***ШУТОЧНЫЕ СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ ПРИ УЧАСТИИ А. БЛОКА***

«Если хочешь ты лимону...»	554	691
«Из Бодлера» («Посмотри на альбатроса...»)	554	691
Посвящаются:		
I. Л.В. Ходскому («Ты негодуешь справедливо...»).	555	691
II. Н. И. Кауфману (...Но в тумане улицы длинной...)	555	691
III. К. Бальмонту («Он у окна съедал свои котлеты...»)	555	691

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Предисловие к «Собранию стихотворений»	559	691
II. Из примечаний к первой книге «Собрания стихотворений» — «Стихи о Прекрасной Даме», издание 2-е	559	691
III. Набросок предисловия к неосуществленному изданию сборника «Стихи о Прекрасной Даме» .	560	692

П р и м е ч а н и я

От редактора	565
Сокращения, принятые в примечаниях	571
Примечания	572
К иллюстрациям	693

Александр Александрович
БЛОК
Собрание сочинений, т. 1

Редактор А. Бихтер
Художественный редактор
Л. Чалова
Технический редактор
Л. Крючкова
Корректор О. Семенова-
Тян-Шанская

Сдано в набор 26/V-1959 г. Под-
писано к печати 17/XI-1959 г.
Бумага 84×108¹/₃₂=24,375 печ. л.=
39,97 усл. печ. л. Уч. изд. л.=
25,632 + 1 вкл. = 25,685 л. Тираж
200.000 экз. Заказ № 1310.
Цена 10 р.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление полигра-
фической промышленности. Типо-
графия № 1 «Печатный Двор»
им. А. М. Горького
Ленинград, Гатчинская, 26

